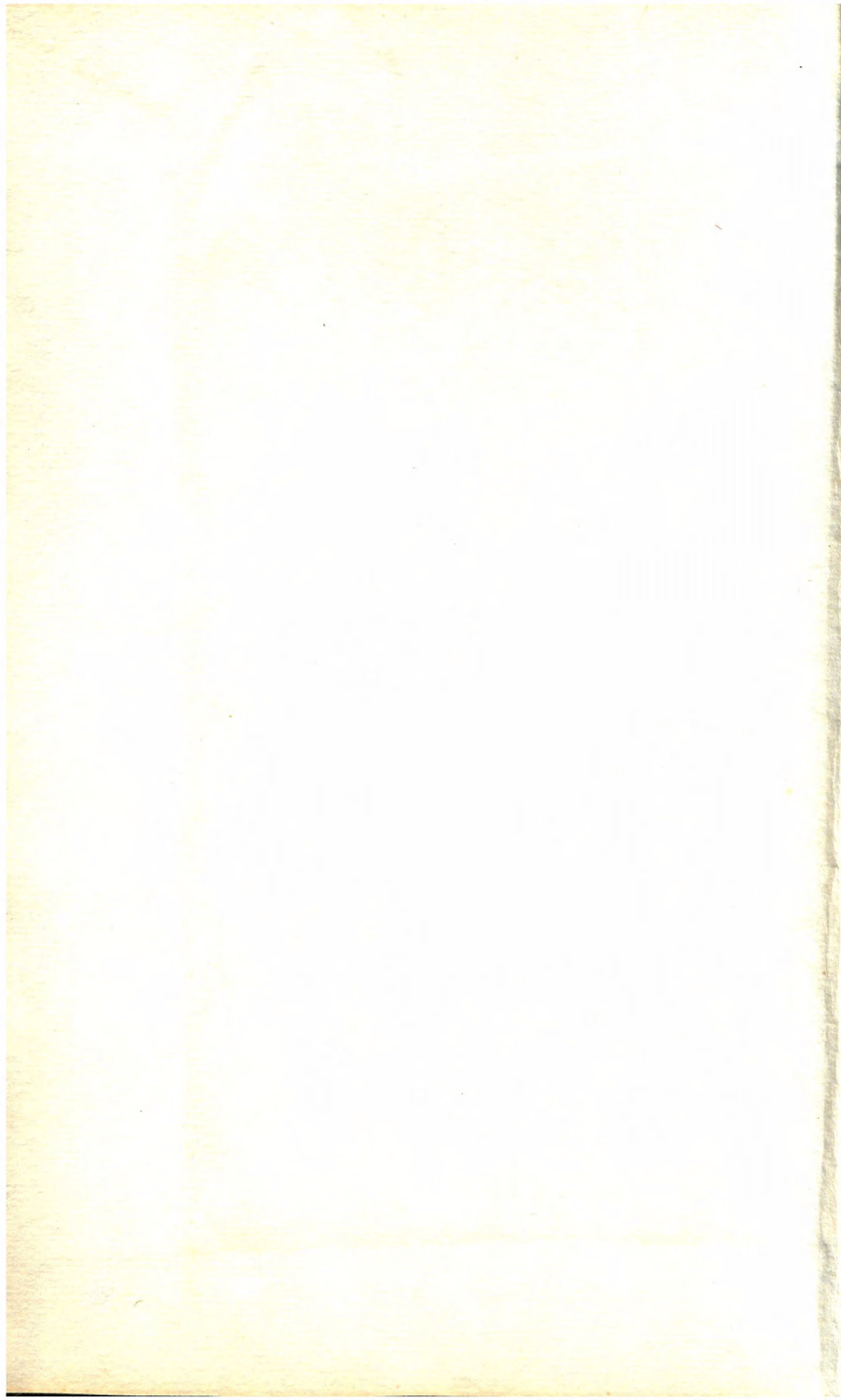

ЛАДИСЛАС ФАРАГО

ИГРА ЛИСИЦ

david mckay company inc.
New York 1971

Ladislav Farago

The Game of the Foxes

Ладислас Фараго

Игра лисиц

Эпизоды агентурной борьбы

Москва "Международные отношения" 1979

ББК 83.37 США
Ф24

Перевод с английского
Ан. ГОРСКОГО

© Предисловие и перевод на русский язык
«Международные отношения», 1979.

Американский публицист Ладислас Фараго известен как автор книг на военно-исторические темы: «Сломанная печать» («The broken Seal». N. Y., 1967), «10-й флот» («The tenth Fleet». N. Y., 1965) и др. В 1965 году сборник очерков Л. Фараго «Дом на Херрен-стрит» был издан в Советском Союзе.

До начала второй мировой войны Фараго много лет был корреспондентом американских газет в Европе, главным образом в Берлине и Лондоне, по «совместительству» выполняя задания американской разведки. В годы второй мировой войны он стал профессиональным разведчиком военно-морского ведомства США. Поэтому понятен интерес Л. Фараго к работе капиталистических разведок и контрразведок, в том числе абвера фашистской Германии.

Автор собрал и суммировал значительный материал по одной из интересных проблем второй мировой войны — о деятельности разведки и контрразведки германского вермахта.

В книге Л. Фараго впервые использованы документы гамбургского и бременского отделений абвера, специализировавшихся на ведении разведки накануне и в годы второй мировой войны в Великобритании, Соединенных Штатах и Франции. Л. Фараго просмотрено более миллиона страниц документов абвера, часть из них впервые введена в научный оборот.

Несомненный интерес представляют главы о деятельности фашистской разведки в США: о роли профсоюзного босса Дж. Льюса и нефтепромышленника Дэвиса — «самого важного в Северной Америке пособника немцев» в осуществлении крупнейшей акции нацистов в США — попытке забаллотировать Рузвельта на выборах в 1940 году, данные о «горячей линии» — трансатлантическом радиотелефоне, которым пользовались Рузвельт и Черчилль, — секреты которой якобы были раскрыты немецкой разведкой.

Большое внимание автор уделяет действиям шпионов с дипломатическими паспортами из германского посольства в Вашингтоне. Это посольство, пишет Л. Фараго,

«превратилось в подлинную цитадель фашизма», как и другие посольства и миссии рейха за рубежом.

Особо важны и интересны документальные материалы Л. Фараго о военной и экономической помощи нефтяных и других монополий, банков США и Англии гитлеровской Германии накануне и в период второй мировой войны. Банкиры и промышленники Вашингтона и Лондона давали миллиардные займы на возрождение германского вермахта, на его вооружение. Значительная часть бомб, позднее сброшенных на Лондон и Ковентри, Страсбург и Дюнкерк с самолетов люфтваффе, заправленных бензином англо-голландского нефтяного треста Генри Детердинга, американских нефтяных компаний «Стандард ойл» и «Тексас компани», была сделана на английские и американские деньги.

Автор приводит данные о попытках сепаратного сговора за спиной своего союзника — СССР политиков Англии и США с гитлеровской Германией.

Читатель найдет и другие сведения о деятельности фашистской разведки в годы второй мировой войны — о загадках операции «Оверлорд» — открытии второго фронта в Европе, о перевербовке немецких шпионов, об операции «Цицерон» — краже документов Тегеранской конференции глав великих держав в 1943 году.

Однако многие важные проблемы не нашли в книге Л. Фараго должного отражения. Так, в ней почти не затрагиваются глобальные проблемы кануна и периода второй мировой войны, не вскрываются ее подлинные причины. Чтобы у читателя сложилось более полное представление о событиях войны в связи с деятельностью фашистского абвера, необходимо предварить книгу кратким предисловием.

1 сентября 1939 года фашистская Германия совершила вероломное нападение на Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Так началась вторая мировая война, которая втянула в свою орбиту 61 государство Европы, Азии, Америки, Африки и Океании с населением 1700 миллионов человек. Вооруженные силы воюющих государств достигли гигантских масштабов — в армии было мобилизовано 110 миллионов человек¹.

Пламя войны уничтожило тысячи городов, погибли неисчислимые материальные ценности, создававшиеся в

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. М., 1965, с. 551.

течение столетий упорным трудом десятков поколений. Но особенно тяжкую дань заплатили народы Молоху войны человеческими жизнями. Если во всех войнах XVIII века было уничтожено 5372 тысячи человек, XIX века — 16 миллионов, то в XX веке в двух войнах, развязанных империалистами, погибло более 60 миллионов человек.

За жертвы второй мировой войны несут ответственность прежде всего руководители фашистской Германии и милитаристской Японии и подлинные хозяева внешней и внутренней политики стран капитала — монополисты, пушечные и стальные короли и банкиры. За развязывание второй мировой войны ответственны также многие из тогдашних политических деятелей западных держав. Империалисты Англии, США и Франции способствовали приходу Гитлера к власти в 1933 году, образованию очага войны в Европе.

Западные державы, прежде всего США и Англия, с помощью «плана Дауэса» и «плана Юнга» вложили миллиарды долларов, фунтов стерлингов в германскую промышленность, помогая возрождению германского военного потенциала. Они способствовали отмене военных ограничений Версальского договора, созданию сухопутной армии, военно-воздушного и военно-морского флота фашистской Германии.

Политика натравливания фашистской Германии на СССР — политика Мюнхена, проводимая правящими кругами Англии, США, Франции, поддерживаемая лидерами правой социал-демократии, в условиях нараставшей агрессии германского, итальянского фашизма и японского милитаризма являлась предательством национальных интересов своих народов.

Правящие круги Англии и Франции отдали на растерзание Гитлеру и Муссолини Австрию, Чехословакию, республиканскую Испанию. Эта политика привела к тому, что единый антифашистский фронт держав, которые смогли бы обуздать фашистских агрессоров, не был создан.

Л. Фараго видит причину второй мировой войны в стремлении Гитлера захватить Данциг (Гданьск) и так называемый «польский коридор». Но это был лишь повод, а не причина возникновения второй мировой войны.

Политика попыток сговора Англии, Франции и США с фашистскими державами, создания антисоветского блока — «объединения Европы без России и против нее» — составляла стержень всей предвоенной дипломатии за-

падных держав. Причем ядром этого объединения должны были стать англо-германский и франко-германский союзы.

Для осуществления основной стратегической линии в политике — достижения соглашения с фашистской Германией и направления германской агрессии против СССР — английские и французские политики вели двойную игру. Свои политические и военные переговоры с СССР они использовали для давления на Берлин и Рим. Цель английских и французских политиков заключалась в том, чтобы изолировать СССР, дать понять Гитлеру, что у Советской страны нет союзников и Германия может безнаказанно напасть на СССР.

Советское правительство искренне стремилось создать фронт коллективной безопасности, в основе которого лежало бы сотрудничество СССР с Англией и Францией против фашистской агрессии. СССР делал все от него зависящее, чтобы добиться успешного завершения англо-франко-советских переговоров. В ходе переговоров с Англией и Францией все более выяснялась невозможность достижения с ними действительного и надежного соглашения.

Более того, как свидетельствуют документы немецких и английских архивов, летом 1939 года английские политики — министр иностранных дел Галифакс, министр внешней торговли Хадсон, советник Чемберлена Вильсон, лейбористский лидер Бакстон вели в Лондоне секретные переговоры с видным гитлеровским чиновником Вольфгангом, с германским послом в Лондоне — известным разведчиком Дирксеном и с советником посольства Кордтом. Во время этих переговоров английские политики предложили фашистской Германии далеко идущие планы раздела мира, создания своего рода англо-германской Антанты, направленной против СССР².

Подобная политика правящих кругов Англии и Франции явилась одним из решающих факторов развязывания второй мировой войны. Она привела к разгрому английских и французских армий летом 1940 года, капитуляции Франции и порабощению народов многих стран Европы.

В книге Л. Фараго отводится большое место деятельности подразделений абвера, который возглавлял адмирал Канарис, одновременно работавший и на английскую,

² См. Документы и материалы кануна второй мировой войны т. II. М., 1948, с. 70—77, 100—104, 114—127, 131—151, 214—218.

и на американскую разведки³. О деятельности разведывательных организаций фашистского рейха — контрразведки Гиммлера (РСХА), службы безопасности (СД) Гейдриха, разведывательного бюро германского МИД во главе с Риббентропом и ряда других — Л. Фараго лишь упоминает.

На рассвете 22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно нарушила договор с СССР о ненападении. Началась Великая Отечественная война советского народа против фашизма.

Вступление СССР в войну с гитлеровской Германией в корне изменило всю международную политическую и военную обстановку. Оно явилось залогом победы демократических сил над фашизмом, поскольку в тех исторических условиях СССР был единственной страной в мире, способной разгромить Германию и ее сателлитов, спасти человечество от порабощения, сыграло решающую роль в превращении второй мировой войны из империалистической, какой она была с обеих сторон до лета 1940 года, в справедливую, освободительную войну⁴.

Германские фашисты надеялись сколотить единый блок капиталистических стран для борьбы с первым в мире государством рабочих и крестьян. Хотя противоречие между капитализмом и социализмом — основное противоречие эпохи, тем не менее грозная опасность для самого существования Англии, США настоятельно диктовала правительствам этих стран необходимость союза с СССР против общего врага.

Создание антифашистской коалиции, объединившей, как отмечал товарищ Л. И. Брежнев, «народы и государства для общей борьбы с фашистскими захватчиками»⁵, явилось итогом энергичных усилий Советского правительства. Антифашистская коалиция готовилась неустанной, последовательной борьбой СССР, трудящихся всего мира за установление тесного сотрудничества всех европейских государств, заинтересованных в поддержании мира. «Эта коалиция родилась, — указывал товарищ Л. И. Брежнев, — не из одних дипломатических со-

³ Л. Фараго в подтверждение этого факта ссылается на книгу И. Колвина «Главный шпион» (см. Colvin I. Master Spy. N. Y., 1958).

⁴ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг., т. I, М., 1961, с. XIX—XXII.

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, М., 1970, с. 124.

глашений великих держав. Ее корни в той борьбе против фашизма, которую еще до войны начали коммунисты, передовые рабочие и представители интеллигенции, лучшие сыны всех народов»⁶. Благодаря правильному и последовательному внешнеполитическому курсу Коммунистической партии и Советского правительства была предотвращена реальная угроза создания единого фронта капиталистических держав против СССР.

Антифашистская коалиция стала политическим и военным союзом государств с различными общественными системами, союзом миллионов людей труда, объединившихся на борьбу против общего врага человечества — фашистских захватчиков.

История межсоюзнических отношений государств антифашистской коалиции является примером их тесного политического, военного и экономического сотрудничества.

Однако антифашистская коалиция была сложным союзом, отражавшим глубокие противоречия между социалистическим государством — Советским Союзом и его партнерами по этой коалиции.

США и Англия затягивали открытие второго фронта в Европе, хотя в коммюнике о результатах переговоров между СССР, Англией и США, опубликованном 12 июня 1942 года, указывалось абсолютно точно, что была «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». Второй фронт не был открыт ни в 1942, ни в 1943 году. Он был открыт лишь 6 июня 1944 года — с опозданием на два года, тогда как точное выполнение союзнических обязательств Англией и США могло бы спасти сотни тысяч человеческих жизней.

Кроме того, в годы второй мировой войны премьер-министр Соединенного королевства У. Черчилль выдвигал план создания «Соединенных Штатов Европы» — антисоветского объединения держав, возрождавшего довоенные проекты враждебного окружения Советского Союза.

Из немецких, английских, американских, французских и других секретных документов известно о переговорах политиков, дипломатов, дельцов, банкиров Англии и США с фашистскими политиками, дипломатами, раз-

⁶ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, с. 124.

ведчиками по поводу заключения сепаратного мира с Германией. Рассмотрим подробнее переговоры между Англией, США, с одной стороны, и фашистской Германией — с другой.

В сентябре 1941 года такие переговоры проходили в Лиссабоне. От имени английского правительства их вел офицер английской армии Эйткен, со стороны фашистской Германии — Густав фон Кевер.

В начале октября 1941 года, в период битвы с фашистскими ордами под Москвой, с германскими предложениями об условиях сепаратного мира в Лондоне побывал один из представителей Международного комитета Красного Креста⁷.

Одним из германских эмиссаров, игравших важную роль в переговорах о сепаратном мире между фашистской Германией и Англией и США, был князь М. Гогенлоэ. На протяжении всей войны Гогенлоэ поддерживал широкие связи с английской и американской разведками и в то же время был близок к правящим кругам гитлеровской Германии. Важную роль в переговорах Германии с Англией и США играл фашистский банкир Я. Шахт.

Переговоры о заключении сепаратного мира между Германией, Англией и США происходили в конце 1942 года. По-видимому, на этот раз инициатива переговоров исходила от руководителя гестапо Гиммлера. В качестве посредника использовался адвокат Карл Лангбен. В декабре 1942 года произошла встреча Лангбена с официальным английским представителем в Цюрихе и с американским разведчиком Хоппером в Стокгольме. При условии смены правительства Гитлера существовала, по заявлению Лангбена, возможность заключения мира⁸. Такой зондаж послужил основой для дальнейших переговоров между представителями США и фашистской Германии.

Тихий, уютный особняк в швейцарском городе Берне, на Херрен-стрит, превратился в центр разведывательной деятельности США.

А. Даллес был связан с «верхушечной оппозицией» Гитлеру (Герделер — Бек — Витцлебен) через Ганса Гизевиуса, германского вице-консула — резидента абвера в

⁷ См. Root B. The Secret History of the War, vol. II. N. Y., p. 642.

⁸ Подробнее см. Волков Ф. СССР—Англия. М., 1964, с. 403.

Цюрихе, а также через Гимmlера. Он вел переговоры в 1943 году о немедленном заключении сепаратного мира между США и Великобританией и германским правительством, которое бы заменило Гитлера после переворота.

С середины января до начала апреля 1943 года в Швейцарии, в Берне, происходили тайные переговоры между А. Даллесом, имевшим особые полномочия Белого дома, и гитлеровским эмиссаром М. Гогенлоэ. Во время переговоров Даллес (псевдоним Балл) и Гогенлоэ (Паульс) ратовали за создание блока держав, направленного против СССР.

Переговоры с Даллесом вели также и уполномоченные начальника главного управления имперской безопасности СС Кальтенбруннера.

Сепаратные переговоры продолжались в 1943, 1944 и 1945 годах.

Ареной тайной дипломатии была и Испания, где осуществлялся зондаж через союзника Гитлера Франсиско Франко. Здесь одновременно с действиями А. Даллеса была предпринята еще одна попытка заключения сепаратного мира. В январе — феврале 1943 года в Мадриде состоялись переговоры между послом Англии Самуэлем Хором — другом Чемберлена, с одной стороны, и Франко и министром иностранных дел Испании Хорданой — с другой⁹.

Встреча Хорданы с Хором 22 февраля 1943 года «завершилась настойчивым призывом Испании, обращенным к Англии, ...не оставлять без внимания ни единой возможности образования общего европейского фронта против большевизма»¹⁰.

В мае 1943 года в Лиссабон, а затем в Мадрид прибыл руководитель «ИГ Фарбениндурии» Шницлер. Он вел переговоры с представителями монополистических кругов Англии и США. Его визиту предшествовало совещание у Круппа, в котором участвовали Шницлер, Шредер и другие германские промышленники и банкиры. На совещании было признано, что война Германией, по-видимому, проиграна и необходимо вступить в переговоры с Англией и США¹¹.

К 1943 году относится план заключения сепаратного мира между союзниками и Германией, без участия СССР,

⁹ См. Документы МИД Германии. Вып. III. М., 1946, с. 151—158.

¹⁰ Документы МИД Германии. Вып. III, с. 161—162.

¹¹ Подробнее см. Волков Ф. Указ. соч., с. 424—425.

выдвинутый бывшим президентом германского рейхсбанка Я. Шахтом. Шахт просил союзников разрешить Германии сохранить вооруженные силы «для защиты Европы от большевизма»¹².

Еще одним важным центром международного шпионажа в период второй мировой войны был Ватикан, проводивший профашистскую политику. В Риме находился американский кардинал Спеллман — лицо, близкое к Даллесам и Уолл-стриту. Он встречался там не только с германским послом Вейцзекером, но и с Риббентропом. Его принимал папа Пий XII.

Пий XII и Спеллман «пришли к соглашению», что Муссолини должен быть низвергнут, но «общая структура существующего режима... должна остаться нерушимой»¹³. Этот план проводился в жизнь политиками США и Англии. Они стремились сохранить фашистскую диктатуру в Италии, пойдя лишь на отстранение Муссолини. 25 июля 1943 года на смену фашистскому режиму Муссолини пришло правительство Бадольо. Но военный и политический крах Италии, вызванный в первую очередь летним наступлением Советской Армии, борьба народных масс страны вынудили правительство Бадольо пойти на разрыв с Германией и начать переговоры о перемирии. Однако Англия и США начали эти переговоры с Италией без участия СССР, о чем упоминается в книге Л. Фараго.

Тайные переговоры были начаты 15 августа 1943 года между английским послом в Испании С. Хором и представителем Бадольо генералом Каstellано в Мадриде. В переговорах участвовали США¹⁴.

Советское правительство настаивало на создании военно-политической комиссии из представителей СССР, США и Великобритании для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от блока с фашистской Германией¹⁵.

В итоге переговоров, которые велись на острове Сицилия, между уполномоченным правительства Бадольо

¹² Там же.

¹³ Манхэттен А. Ватикан. М., 1948, с. 133.

¹⁴ См. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. I. М., 1976, с. 173 (далее: Переписка...).

¹⁵ Там же, с. 178—179.

и представителем штаба генерала Эйзенхауэра 3 сентября 1943 года близ Сиракуз было подписано перемирие с Италией. После настойчивых требований Советского правительства оно было согласовано с СССР. Италия безоговорочно капитулировала и 13 октября объявила войну фашистской Германии.

Англо-американские войска, высадившиеся в Южной Италии, начали медленно продвигаться на север. В планы англо-американской реакции входило удушение широкого партизанского движения в Северной Италии с помощью немецко-фашистских войск, а также превращение Италии в плацдарм для прыжка на Балканы. Черчилль планировал высадку английских агентов и отрядов «коммандос» в Югославии, Албании, Греции¹⁶, с тем чтобы помешать освобождению народов Европы Советской Армией.

Однако решающие победы Советской Армии сорвали «балканскую стратегию» Черчилля, сломали фашистскую ось Берлин — Рим, привели к развалу всего фашистского блока. Вслед за Италией в 1944—1945 годах заключили перемирие с союзниками и объявили войну Германии Финляндия, Румыния, Венгрия и другие вассалы Гитлера.

Крупнейшим центром международного шпионажа был также Ближний и Средний Восток. Здесь скрестили мечи агенты «Интеллидженс сервис» и американского бюро стратегической службы с многочисленными агентами немецкого абвера, разведок Гиммлера, Риббентропа и других шпионских организаций фашизма. Главой немецких шпионов на всем Среднем Востоке был старый дипломат — разведчик фон Папен. Германское посольство превратилось в центр фашистского шпионажа.

Агенты Канариса — посол фон Папен, уполномоченный абвера в Турции Пауль Леверкюн связались с американским военно-морским атташе Дж. Эрлом. Ему нанес визит сам глава абвера — адмирал Канарис. Состоялась длительная беседа. Канарис говорил Эрлу, что возможно заключение сепаратного мира с США и Англией при условии отказа от требования о безоговорочной капитуляции Германии. Канарис и фон Папен предлагали правительству США такой план: отстранить Гитлера от руководства, казнить его, а армию сдать союзникам; не

¹⁶ См. Черчилль У. Вторая мировая война, т. V. М., 1955, с. 65.

допустить, совместными усилиями США, Англии и Германии, вступления советских войск в Центральную Европу¹⁷.

В своей книге Л. Фараго, сообщая об операции «Цицерон», пишет об утечке секретной информации, связанной с решениями Тегеранской конференции «большой тройки» — И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта, состоявшейся 28 ноября — 1 декабря 1943 года. Л. Фараго утверждает, что агент абвера «Цицерон» (Эльяс Базна, камердинер английского посла в Турции Нэтчбулла-Хьюгессена) выкрал копию протокола Тегеранской конференции и передал ее атташе немецкого посольства в Турции, агенту одной из фашистских разведывательных служб Л. Мойзишу. Но если бы Мойзиш имел все протоколы Тегеранской конференции, он бы знал, что операция «Оверлорд» — это план высадки войск союзников в Нормандии. А он сообщает в своей книге, что он не знал, что такое «Оверлорд»¹⁸. Этих протоколов не существовало вообще. В Тегеране были лишь записи заседаний, составленные отдельно представителями делегаций СССР, Великобритании и США. Таким образом, Л. Фараго не критически воспринял необоснованное утверждение немецкого шпиона Л. Мойзиша.

Отсутствие должных мер по предотвращению операции «Оверлорд» — высадки союзных войск в Нормандии — можно объяснить не только тем, что фашистские руководители не верили в подлинность информации своих агентов, в том числе «Цицерона», а считали ее провокацией, делом «английской секретной службы»¹⁹. Дело было не только в дезинформации со стороны секретных служб Англии и США. Германский генеральный штаб не знал об операции «Оверлорд» очень многого. В частности, генштаб считал, что высадка будет производиться не в Нормандии, а в районе Па-де-Кале. Да и сил, чтобы помешать высадке союзников в Нормандии, у гитлеровцев уже не было. Германское верховное командование имело в Северной Франции, Бельгии и Голландии лишь 45 дивизий неполного состава, плохо вооруженных, укомплектованных 17-летними юнцами и солдатами старших возрастов.

¹⁷ Wedemeyer A. Report. N. Y., 1958, p. 4, 417—418.

¹⁸ См. Мойзиш Л. Операция «Цицерон». Базна Э. Я был Цицероном. М., 1978, с. 109, 123—124.

¹⁹ „Die Zeit“, 14 Dez. 1950.

В то же время 1 июня 1944 года на советско-германском фронте было более 180 немецких дивизий²⁰. Советская Армия по-прежнему играла решающую роль во второй мировой войне, громила фашистские армии.

С открытием второго фронта в Европе со стороны западных держав предпринимаются новые попытки сговора с немецкими реакционерами, с тем чтобы спасти фашистскую Германию от полного разгрома, преградить путь Советской Армии в Европу.

Чтобы облегчить заключение сепаратного мира, английские и американские разведки готовили политический переворот в Германии, предусматривавший убийство Гитлера. Как было отмечено выше, в тесной связи с американской и английской разведками в Германии действовала заговорщическая организация, имевшая целью свергнуть или убить Гитлера, сформировать новое правительство во главе с президентом фельдмаршалом Витцлебенем или генерал-полковником Беком. Это был чисто верхушечный заговор. Речь шла не об уничтожении фашизма, а об устранении Гитлера, чтобы добиться заключения сепаратного мира с Англией и США, гарантировать германскому империализму «почетный выход» из войны. Заговорщики установили непосредственную связь с Черчиллем и сообщили о своих планах.

Переворот намечался на 20 июля 1944 года. В этот день было совершено покушение на Гитлера полковником фон Штауффенбергом, положившим портфель с бомбой под стол в помещении, где шло заседание ставки Гитлера. В 12 часов 50 минут раздался взрыв, были убитые и раненые. Но смертельно напуганный Гитлер получил лишь небольшие ранения. Заговор потерпел неудачу. Гитлер жестоко расправился с его участниками²¹.

Правящие круги США и Англии продолжали попытки сговора против СССР. В феврале — марте 1945 года в Берне состоялись переговоры между представителями ставки английского фельдмаршала Александера и американскими генералами Эйри и Лемнитцером, с одной стороны, и германским генералом Карлом Вольфом, командовавшим войсками СС в Италии, — с другой, по

²⁰ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг., т. 6, М., 1965, с. 26.

²¹ Подробнее см. Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Причины и следствия. М., 1965.

вопросу о капитуляции германских войск в Италии²². Представители Англии и США снова вели переговоры без участия советской стороны. Советское правительство, узнав о них, считало «невозможным дать согласие на переговоры британских и американских представителей с представителями германского командующего в Берне»²³.

Нарушая союзнические обязательства по отношению к СССР, Черчилль дал указание в конце войны «тщательно собирать и хранить германское оружие, чтобы легко было снова раздать его немецким солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось»²⁴.

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны показал образец честного и последовательного выполнения союзнического долга. Это был вынужден признать У. Черчилль, писавший в 1943 году главе Советского правительства: «...На основании моего опыта Союз Советских Социалистических Республик никогда не нарушал ни обязательств, ни договоров»²⁵. Этого нельзя было сказать ни о Черчилле, ни о других политических деятелях Англии и США.

Разгром фашистской Германии явился результатом усилий многих народов и стран, однако Советский Союз, Советские Вооруженные Силы сыграли решающую роль во второй мировой войне, сломив становой хребет фашистским армиям.

Советско-германский фронт был основным, решающим фронтом второй мировой войны. Здесь разворачивались главные сражения, определившие победу. На советско-германском фронте до начала 1944 года сражались от 153 до 201 немецкой дивизии, а против союзников — от 2 до 19. Почти три года Советская Армия воевала один на один против немецкой армии!

В течение всей войны Вооруженные Силы СССР разгромили и взяли в плен 507 немецких дивизий из 587 и 100 дивизий сателлитов Германии! Союзники на Западе и в Северной Африке разбили не более 176 дивизий. Общие потери фашистской армии на советско-германском фронте составили 10 миллионов человек — три четверти из ее общих потерь во второй мировой войне в

²² Переписка..., т. I, с. 467, 468.

²³ Там же, с. 467.

²⁴ „News Chronicle“, Nov. 25, 1954.

²⁵ Переписка..., т. I, с. 109.

13 600 тысяч человек²⁶. Германский народ дорого заплатил за кровавую авантюру нацистов.

Советская страна, отмечалось в Постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне», «стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии»²⁷, освободила немецкий народ от ига фашизма.

«Чем дальше в историю отходят от нас годы войны,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— тем полнее и ярче проявляется величие героического подвига советского народа, мужественно отстоявшего в невиданно жестокой борьбе с фашизмом нашу Родину, завоевания социализма»²⁸. Память о бессмертном подвиге советского народа, спасшего нашу страну и все человечество от угрозы фашистского порабощения, всегда будет храниться грядущими поколениями.

*Доктор исторических наук,
профессор Ф. ВОЛКОВ*

²⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг., т. 6, с.28—29.

²⁷ Правда, 1975, 9 февраля.

²⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1, с. 121.

Свыше десяти лет я собирал материалы для книги о немецкой военной разведке — абвере, — возглавлявшейся адмиралом Вильгельмом Канарисом, и не раз приходил к выводу о невозможности воссоздать в полном объеме картину секретной деятельности этой организации, поскольку казалось очевидным, что в конце войны гитлеровцы уничтожили все документы, касающиеся ее работы. Но вот в 1967 году на одном из темных чердаков Национального архивного управления в Вашингтоне я обнаружил металлический ящик, а в нем сотни небольших желтых коробок с микропленками. Судя по слою пыли и нетронутым печатам на коробках, они не открывались с 1945 года, то есть с тех пор, как были найдены в Бремене группой офицеров американской разведки. Просмотрев всего несколько роликов, я понял, что сделал исключительно важное открытие. На многих десятках рулонов микропленки, каждый из которых содержал примерно тысячу кадров, были сфотографированы документы гамбургского и бременского управлений абвера, специализировавшихся на ведении разведки в Великобритании и Соединенных Штатах. Впервые абвер предстал в своем подлинном облике, далеком от того, какой пытались придать ему доброжелатели и те, кто хотел бы приуменьшить его зловещую роль.

На микропленках запечатлено описание как уже известных операций, но в совершенно ином освещении, так и бесчисленных комбинаций с участием некоторых видных американцев и англичан, о второй, тайной жизни которых так бы никто никогда и не узнал. Внезапно, словно в ярком свете, появились фигуры руководителей немецкого шпионажа, подробные биографии и фотоснимки абверовских агентов. Здесь была и объемистая финансовая отчетность, на ведении которой всегда настаивал педантичный и скупой начальник финансового отдела Тоепен.

Никогда еще во всей огромной литературе о шпионаже ни одна разведка ни одной крупной державы не была представлена так полно и аргументированно, на основе таких неоспоримых доказательств, как ее собственные документы.

По совершенно понятным причинам большинство архивов разведывательных служб любой страны скрыто в недоступных хранилищах и, по всей вероятности, навсегда. В одной из старейших разведок — английской «Интеллидженс сервис» — до сих пор засекречены даже некоторые материалы, относящиеся к XVI—XVIII векам. А здесь оказались доступными практически все документы одной из крупнейших разведок мира, позволяющие ознакомиться со всеми сторонами ее оперативной деятельности.

Немецкая разведывательная служба состояла из двух более или менее автономных подразделений. Одно из них занималось Востоком, главным образом Советским Союзом, другое — Западом, в основном Францией, Великобританией и США. В моей книге собраны материалы о наступательном немецком шпионаже против Великобритании и Соединенных Штатов за период с 1920 года, когда в нарушение Версальского договора была восстановлена немецкая военная разведка, до поражения Германии в 1945 году, когда немецкая разведывательная служба была якобы ликвидирована.

Материалы абвера — сравнительно небольшая часть огромного количества обнаруженных документов, представляющих собой практически все, что было выпущено немецкой (т. е. нацистской. — *Ред.*) бюрократией. Эта уникальная коллекция состоит из 17 478 рулонов микроплёнки, на которых заснято около 18 миллионов документов. Для сравнения отметим, что материалы о гражданской войне в США сфотографированы на 2185 рулонах. Все немецкие секретные архивы частично были умышленно переданы союзникам, частично попали к ним случайно, но главным образом потому, что по каким-то причинам, бюрократическим или сентиментальным, педанты-хранители не уничтожили их.

Рассредоточение секретных архивов началось уже в 1943 году по различным тайным хранилищам, вполне надежным, как считали тогда владыки третьего рейха, — в бомбоубежищах в горах Гарца в Тюрингии, в Берхтесгадене и даже на дне Боденского озера. В 1945 году, в последние недели войны, основательно разрушенные немецкие дороги были забиты караванами грузовиков с архивами министерства иностранных дел, верховного командования вермахта, различных организаций Гиммлера и других важных ведомств, тщетно пытавшихся достичь мест назначения. 19 апреля части Первой амери-

канской армии захватили свыше трехсот тонн материалов германского министерства иностранных дел, в том числе бесчисленное множество копий с документов абвера. Вскоре в Баварии были обнаружены полностью сохранившиеся другие материалы МИД, а затем в Тамбахе авангардные подразделения Третьей американской армии захватили колонну грузовиков со всеми бумагами военноморского министерства Германии, включая подлинные сверхсекретные военные дневники и судовые журналы немецких подводных лодок.

Приказ об уничтожении всех секретных документов появился 10 апреля, после чего были сожжены дела штаба оперативного руководства вооруженными силами, возглавлявшегося генералом Йодлем, гестапо и управления абвера в Цоссене. Однако в большинстве случаев приказ либо вообще не выполнялся, либо выполнялся так медленно, что в нацистских тайниках к моменту подхода американских, английских и французских частей оказалась уничтоженной небольшая часть материалов.

Многих важных документов в тайниках не оказалось (очевидно, первые экземпляры были сожжены), однако их удалось восстановить, поскольку в соответствии с обычной бюрократической практикой даже с самых секретных материалов снималось несколько копий. Именно поэтому некоторые документы абвера были найдены в архивах других ведомств. Среди случайно обнаруженных мною в американских архивах материалов наиболее важным является полный архив бременского управления абвера — бесчисленные копии различных документов, исходивших из центрального аппарата абвера в Берлине, его различных подразделений в Германии и резидентур за границей.

В процессе работы над книгой я просмотрел свыше тысячи рулонов микроплёнки, то есть более миллиона страниц документов, изучил 34 нигде не учтенных рулона и почерпнул из них богатейший материал, еще никем не использованный в литературе.

Трудно переоценить значение находки. Обнаруженные материалы доказывают прежде всего то, что ни одна разведка, какой бы разветвленной и эффективной она ни была, не в состоянии предугадать неумолимый ход событий. Абвер располагал сотнями агентов в районе, прилегающем к западной части Средиземного моря, однако не смог предупредить свою клиентуру о времени начала операции «Торч» — высадке союзных войск в

Северной Африке осенью 1942 года. Несмотря на огромные усилия, немецкая разведка так и не сумела своевременно установить и информировать Гитлера, когда и где начнется союзническое вторжение в Европу в 1944 году.

Разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, нежели на историков. За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли разведчики, однако авторы научных хроник — то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости — игнорируют их вклад и редко называют их имена. Даже те политики, дипломаты и генералы, кому секретные агенты оказали неоценимую помощь, как правило, умалчивают об этом в своих мемуарах. В своей книге я делаю попытку исправить это упущение, опираясь на архивные документы, доступ к которым открыла победа союзников во второй мировой войне.

О чем же свидетельствуют документы абвера? О том, что, в отличие от английской, японской, итальянской и французской разведок, он работал кропотливо и целеустремленно, хотя некоторые его операции казались, а часто и были непродуманными и нерешительными.

Как заметил в свое время генерал Джордж Маршалл, «секретная служба должна быть секретной». Даже сотрудникам аппарата секретных служб вместо подлинных фамилий присваиваются псевдонимы, агенты значатся под номерами, встречи с ними проводятся тайно, работа ведется на конспиративных квартирах. Естественно, что, несмотря на обилие документов, сорвать маску с абвера оказалось делом далеко не легким. Так, одна из телеграмм гласила: «Встречаюсь с А-3504 в стране 18». Лишь после тщательной работы удалось выяснить, что А-3504 — это агент-двойник Артур Джордж Оуэнс, а «страна 18» — Португалия, буквально кишевшая во время войны агентами различных разведок. Номера агентов, под которыми скрывались их личности, и закодированные названия операций представляли собой мучительные головоломки. Мне, например, потребовалось два года, чтобы установить личность одного крупного агента, действовавшего в США, и собрать о нем необходимые данные.

В конце концов, из-под покрова тайны показалась не только вся огромная система абвера, но и система и люди секретных служб его противников.

Ладислас Фараго

В 1934 году, за несколько дней до рождества, главнокомандующий немецким военно-морским флотом адмирал Эрик Редер отдал приказ о назначении капитана Вильгельма Франца Канариса, проходившего службу в одном из балтийских портов, на должность начальника абвера начиная с 1 января 1935 года.

Редер терпеть не мог Канариса и возражал против его назначения, но вынужден был уступить под давлением «сверху». (В то время абвер входил в военное министерство Германии в качестве одного из его отделов.)

...Свежий снег покрывал улицы Берлина, когда в 8 часов утра первого дня Нового года Канарис, новоиспеченный руководитель старейшей разведывательной службы Германии, появился в здании, где размещался центральный аппарат абвера. За исключением охраны у входа и нескольких молодых дежурных офицеров, на службе никого не было, ибо никто не предполагал, что он так буквально выполнит приказ и приступит к выполнению своих обязанностей в первый же день Нового года.

— Я капитан Канарис, — представился он изумленному дежурному офицеру. — Пожалуйста, позвоните капитану Патцингу (предыдущий начальник абвера. — *Ред.*) и скажите, что я хотел бы встретиться с ним здесь в удобное для него время.

Капитан Патцинг появился около десяти утра и увидел, что Канарис, словно обычный проситель, ожидает в приемной. Он взял капитана под руку и провел в свой кабинет, готовый немедленно сдать ему дела.

— Честно говоря, — признался он, — я не ожидал вас сегодня, но рад, что вы пришли.

Между бывшим и вновь назначенным руководителем абвера завязалась непринужденная беседа. Патцинг не скрывал радости по поводу перехода на более приятную службу — командиром линкора «Адмирал Шеер». Он с чувством поведал о своих проблемах и неприятностях, вытекающих из ожесточенного конфликта с мощной контрразведывательной службой Генриха Гиммлера (РСХА), развлек рассказом о некоторых неприятных инцидентах, свидетельствующих о замыслах Гиммлера в

отношении абвера, информировал о тонкой, но упорной конкуренции молодого нациста Рейнхарда Гейдриха — начальника СД, службы безопасности, занимающейся политическим шпионажем.

— Мне жаль вас, капитан, — откровенно заявил Патцинг, — видимо, вы не представляете, с какими неприятностями вам предстоит встретиться.

— Не беспокойтесь обо мне, капитан Патцинг, — улыбнулся Канарис. — Я неисправимый оптимист, а что касается этих лиц, мне кажется, я знаю, как наладить отношения с ними.

Патцинг внезапно помрачнел и тихо произнес:

— В таком случае, капитан Канарис, мне остается только с сожалением сказать, что сегодняшний день стал началом вашего конца.

Кто же такой был Канарис? И почему именно ему доверили пост главы абвера как раз в тот момент, когда этой организации предстояло стать одной из наиболее важных составных частей новой военной машины Германии?

При жизни он лишь однажды привлек к себе внимание общественности. В 1928 году социал-демократы одной из следственных комиссий рейхстага обнаружили факты об его участии в подготовке заговоров против Веймарской республики, и пресса упомянула о нем как о «своего рода Макиавелли». Однако после этого мимолетного появления в поле зрения общественности и до конца второй мировой войны я не нашел о Канарисе ни единой строчки, за исключением статьи в одном английском периодическом издании в 1939 году, где он назван главным шпионом третьего рейха.

Канариса, видимо, вполне устраивало такое «инкогнито». В Германии его фамилия лишь однажды появилась в печати: в 1936 году он написал статью в сборник «Вермахт и партия», настолько откровенный панегирик Гитлеру, что даже протеже Канариса и один из его ближайших помощников полковник Ганс Остер, прочитав ее, заметил: «Дурак всегда найдет еще большего дурака, чтобы восхищаться им».

Многое из сказанного и написанного о Канарисе после войны лишь искажает его биографию и явно обеляет деятельность, еще более сгущая таинственность, которой окутана личность Канариса, как личность руководителя любой разведки. В данном же случае таинственность всячески нагнеталась им самим. Редко о ком-либо

высказывалось столько противоречивых мнений, как о Канарисе, причем исходили они от людей, утверждавших, что знали его хорошо. Даже такой проникательный биограф, как Иэн Колвин, в подзаголовке своей книги «Главный шпион» написал: «Потрясающая история адмирала Вильгельма Канариса, который, будучи начальником разведки Гитлера, в то же время являлся секретным союзником англичан».

Сведения о биографии и служебной карьере Канариса имеются в его личном деле и 28 служебных характеристиках. Я нашел их в немецких архивах, захваченных в Берлине, хотя, казалось бы, подобные секретные документы подлежали уничтожению.

Вильгельм Франц Канарис родился 1 января 1887 года в Аплербеке, около города Дортмунда, в семье богатого инженера, директора чугунолитейного завода. Среди приятелей детства и юности он носил прозвище «Kieker», что в переводе может означать подглядыватель, соглядатай, шпиик. После окончания военно-морской академии в Киле Канарис служил на крейсере «Дрезден», принимавшем участие в декабре 1914 года в сражении у Фолклендских островов и позднее потопленном у берегов Чили. Юному лейтенанту Канарису удалось бежать из чилийского лагеря для интернированных. Через Анды он пробрался в Аргентину, в Буэнос-Айрес, затем с чилийскими документами на имя Рида Розаса прибыл на голландском пароходе «Фризия» в Роттердам якобы для получения наследства, оставленного родственниками матери, а оттуда в Гамбург. После недолгого пребывания в этом городе Канарис с тем же паспортом на имя Розаса направляется в Мадрид — на этот раз впервые с чисто шпионскими заданиями.

В феврале 1916 года, когда Канарис возвращался в Германию для прохождения службы в подводном флоте и появился близ границы со Швейцарией, итальянцы заподозрили его в шпионаже и заключили в генуэзскую тюрьму. Заманив в камеру священника, Канарис убил его, в рясе своей жертвы ускользнул из тюрьмы и снова пробрался в Мадрид, где получил под командование подводную лодку. В последний период войны он занимал различные должности в военно-морском флоте.

В ноябре 1918 года Канарис стал одним из первых кадровых офицеров, предложивших свои услуги Веймарской республике. В течение нескольких недель он был адъютантом социал-демократического военного минист-

ра Густава Носке и одновременно принимал самое непосредственное участие в подготовке к свержению тогдашнего правительства. В январе 1919 года Канарис становится закулисным помощником командира зловещей «морской бригады», сборища реакционных офицеров — авантюристов и головорезов, окопавшихся в отеле «Эден», а когда был арестован некий Фогель, офицер этой бригады, один из главных организаторов и соучастников убийства вождей «Спартака» — Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Канарис снабдил его деньгами и фальшивым паспортом и помог бежать в Голландию.

В феврале 1920 года Канарис (он тогда числился старшим офицером крейсера «Бремен», а фактически выполнял обязанности адъютанта командующего военно-морской базой в Киле — одном из опорных пунктов различных реакционных заговоров и секретного вооружения Германии, запрещенного Версальским договором) участвовал в подготовке попытки восстановить Вильгельма II на троне, снабжал заговорщиков оружием и деньгами из запасов и фондов базы. В 1922 году Канарис выступает в роли одного из главных организаторов тайного возрождения германской военной мощи, размещает за границей заказы на суда и торпеды для немецкого военного флота. Все эти годы он много разъезжает под вымышленными фамилиями, оставаясь основным доверенным лицом архиреакционной адмиральской клики и получая от нее одну блестящую служебную характеристику за другой.

Так продолжалось до 1933 года, когда он с энтузиазмом приветствовал приход Гитлера к власти.

Когда Канарис впервые появился в абвере, ему еще не исполнилось и пятидесяти, но низенький, с желтоватобледным морщинистым лицом, он казался старше своих лет и быстро заслужил у подчиненных прозвище Старик. С приходом Канариса абвер, доживавший, казалось, свои последние дни, ожил. Канарис набросился на работу с энергией, которой никто от него не ожидал. Он превратил абвер в организацию, вполне приемлемую для нацистских бонз, и выражал не просто надежду, а твердую решимость, заявляя Патцингу, что знает, как наладить отношения с Гиммлером и Гейдрихом.

Канарис действительно установил близкие и, как казалось, искренне дружеские отношения с Гейдрихом, в котором видел самого опасного потенциального врага.

Гейдриху льстило внимание высокопоставленного военноморского офицера, потому, возможно, что за несколько лет до этого сам он был с позором изгнан из ВМФ за аморальные проступки. Канарис купил дом рядом с домом Гейдриха, в одном из пригородов Берлина, и со временем они стали добрыми соседями. Начальником контрразведывательного отдела абвера, работавшего в тесном контакте с гестапо, он назначил одного из офицеров генерального штаба, постоянно афишировавшего, в отличие от многих сослуживцев, свои симпатии к нацистам и имевшего влиятельные связи в гитлеровской верхушке. Не питая никакой склонности к пирушкам, Канарис стал организовывать «дружеские» вечеринки для Гейдриха и его ближайших помощников. Сборы регулярно происходили в отдельном кабинете ресторана «Дом летчиков» на Принцальбертштрассе, рядом с мрачным зданием гестапо, где находилось ведомство Гейдриха.

В результате проведенной Канарисом реорганизации в абвере было создано три основных оперативных отдела. Прежний *Geheimer Meldedienst* (собственно разведывательный отдел, занимавшийся внедрением и руководством агентурой и сбором разведывательной информации) был значительно расширен и стал называться отделом I. В задачу нового отдела II входила диверсионная работа против потенциальных противников и разложение их тыла путем организации мятежей и ведения «черной пропаганды». В Баварии был создан специальный учебный лагерь для подготовки диверсантов, а в Берлине и в Тегеле организованы лаборатории для разработки необходимого оснащения диверсантов (как и агентов отдела I) всем необходимым, вроде средств тайнописи в виде зубного эликсира и взрывчатки, похожей на муку. Вся контрразведывательная работа была изъята из других подразделений абвера и поручена отделу III.

Для руководства этими тремя подразделениями Канарис назначил разнохарактерное трио: начальником отдела I — богача Ганса Пикенброка; начальником отдела II — набожного Гельмута Гроскурта; начальником особо важного отдела III — пронациста Рудольфа Бамлера.

Абверу предстояло раскинуть свою сеть по всему миру, поэтому Канарис уделял особое внимание созданию надежных каналов связи со своей зарубежной агентурой как через курьеров, так и с помощью технических средств. По поручению Канариса фирма «Телефункен» создала

для его агентов специальный радиоприемник-передатчик, одновременно и очень маленький по габаритам, и достаточно мощный для передач на дальние расстояния. Бесспорно высокие качества этого аппарата, известного под названием «АФУ», заставляли сотрудников абвера не всегда осмотрительно доверяться ему в процессе связи со своей агентурой.

В мае 1935 года, добиваясь дальнейшего улучшения каналов связи и создания надежных оперативных баз за рубежом, Канарис договорился о сотрудничестве с министерством иностранных дел Германии, в результате чего германские дипломатические миссии в различных частях света превратились в региональные центры ведения разведки в странах того или иного региона, а некоторые немецкие дипломаты в них стали резидентами. Одним из первых мероприятий Канариса после достигнутого соглашения была рассылка дипломатической почтой специальных наборов оснащения для агентов и шифров в стальных кассетах. Ключи к кассетам главы миссий получали в отдельных запечатанных конвертах с указанием вскрыть их только в случае возникновения войны или кризисных ситуаций и после получения специальных сигналов. Такими условными сигналами были слова: для Великобритании — «Наутилус», для Канады — «Джимми», для США — «Роберт».

В других запечатанных конвертах Канарис разослал списки агентов абвера, уже действующих на территории соответствующего дипломатического представительства. Каждому главе миссии были посланы чеки на «Барклай банк» в Лондоне с указанием получить по ним местную валюту и держать в личных сейфах для выдачи агентам в случае необходимости.

Такие посылки в США получили прежде всего германский посол в Вашингтоне, генеральные консулы в Новом Орлеане и Сиэтле, а несколько позже — посланник в Мексике, поверенный в делах в Панаме, послы в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Чили, Колумбии, Перу, резиденты абвера в Портленде, Орегоне и в Колоне (зона Панамского канала).

Еще раньше, в апреле 1935 года, Канарис направил в некоторые наиболее важные страны группу своих работников для создания резидентур. Человеком, посланным с таким заданием в Северную и Центральную Америку, был кадровый разведчик Герман Менцел, назначенный позднее начальником отделения военно-морской развед-

ки в отделе I. В Америку он приехал с дипломатическим паспортом на имя Е. Дерпа.

Невероятно, но факт: все это было осуществлено Канарисом уже в течение первых восьми месяцев пребывания в абвере. Внезапно по всему свету контрразведывательные службы различных стран встретились с той или иной формой немецкой подрывной работы. Это говорило о появлении в абвере нового руководства. Немецкая агентура заработала в Австрии, Чехословакии, Югославии, Швейцарии, в Балканских странах, Финляндии, даже в Эфиопии и Японии, однако особую активность она проявляла в Польше, Франции, Голландии, Бельгии и Люксембурге. Но всюду, где бы она ни бралась за дело, ее работа носила следы поспешности, поверхностной подготовки, плохо продуманной системы заброски. В тот начальный период деятельности нового абвера агентам Канариса еще недоставало опыта, и они быстро проваливались. В Бельгии с апреля по декабрь 1935 года было выловлено 10 немецких шпионов; в Англии впервые после первой мировой войны разоблачили крупного немецкого агента; во Франции, буквально наводненной немецкой агентурой, за первые десять месяцев 1935 года провалился 21 агент. Один из них, например, был схвачен в тот момент, когда вынимал из сейфа на военном аэродроме в Броне, около Лиона, планы противовоздушной обороны; другой был пойман, когда фотографировал укрепления в Метце; еще двое — когда рылись в документах военного лагеря; официантка в Страсбурге — когда расспрашивала солдат о некоторых оборонных секретах; двое в Вердене — в момент передачи ночью зашифрованных сообщений с помощью фонарика.

В начале сентября Канарис, к тому времени уже получивший адмиральский чин, встретился в Мюнхене с начальником итальянской военной разведки генералом Марио Роаттой и договорился с ним о самом тесном сотрудничестве против общих потенциальных противников. После возвращения в Берлин Канарис, на все лады расхваливая Роатту и его готовность сотрудничать с немцами, тут же приказал полковнику Пикенброку немедленно создать резидентуру в Риме, укомплектовать ее самыми квалифицированными и опытными разведчиками и приступить к вербовке агентуры, чтобы постоянно держать итальянцев под наблюдением. Соглашение о сотрудничестве абвера с итальянской разведкой было подписано и стало действовать задолго до заключения между Гит-

лером и Муссолини пакта о создании оси «Берлин — Рим».

Еще до возвращения из Мюнхена в Берлин Канарис отправился в Берхтесгаден на самую важную для него за время новой работы встречу. Он поехал докладывать Гитлеру о своих достижениях и испрашивать указаний на дальнейшее.

ОПЕРАЦИЯ «СЕКС»

Гитлер и Канарис были знакомы и раньше, но это была их первая беседа наедине после того, как Канарис возглавил абвер. Гитлер проявлял к нему всяческое расположение, ибо Канарис прекрасно знал, как угодить фюреру: для этого следовало сообщать только то, что тому хотелось слышать, и умело дополнять доклады так называемой «побочной информацией», получаемой секретной службой адмирала. Уже тогда Гитлер предпочитал иностранную информацию Канариса докладам немецких послов как более интересную и интригующую. Послы обычно включали в свои доклады только то, что, по их мнению, не вызывало никаких сомнений и что они готовы были отстаивать. Канарис же не был связан такой традицией и подобными ограничениями, и потому его информация носила более острый характер, изобиловала пикантными сплетнями и подробностями частной жизни тех или иных интересных персонажей, что, конечно, отсутствовало в анализе скучных событий, изложенных высокопарным дипломатическим стилем.

Продолжая лебезить перед Гитлером, Канарис заявил, что он попросил о встрече не только для первого подробного отчета о работе, но главным образом ради того, чтобы услышать от фюрера о его планах и знать, где ему может потребоваться помощь верноподданного абвера.

Гитлер сообщил Канарису о предполагаемом захвате Австрии, и тот поспешил заверить, что его служба активно действует в этом направлении. Один из руководителей австрийской разведки — Эрвин фон Лахоузен — завербован им и выполняет задания, направленные против правительства Австрии. Заговорив о вольном городе Данциге и «польском коридоре», Гитлер назвал их «нетерпи-

мой аномалией». Канарис ответил, что он работает и над этим вопросом, как и над вопросом о Судетской области в Чехословакии. Он уже завербовал в качестве агента абвера вожака судетских немцев Конрада Генлейна.

Как с Советским Союзом? Очень трудный объект, а вот с Польшей и Францией все в порядке.

Англия? «Нет, шпионы в Англии не нужны», — заявил Гитлер. Его политика сближения с Великобританией уже приносит свои плоды: в июне подписано военно-морское соглашение с правительством Болдуина, а в скором времени будет достигнута договоренность и по некоторым другим проблемам.

США? Гитлер пожал плечами. Соединенные Штаты — далеко и мало интересуются европейскими делами. Канарис был доволен, что Гитлер не запретил ведение разведывательной работы в Америке. К этому времени, еще только добиваясь расширения и укрепления агентурной сети во Франции, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурге и Чехословакии, он уже располагал в США сильной резидентурой из двенадцати агентов, в том числе нескольких очень важных. Ими руководил разведчик под кличкой «Секс». Его усилиями Соединенные Штаты со временем превратились в исключительно перспективный объект германского шпионажа, особенно в такой важной области, как авиация.

Немецкие милитаристы еще в 1926 году начали тайно возрождать военную авиацию, создав для этой цели специальное военно-авиационное бюро — Флигерцентрал — во главе с майором Гуго Сперрле, впоследствии фельдмаршалом.

Германская авиационная промышленность, находившаяся в то время в рамках жестких ограничений, не могла обеспечить снабжение своей военной авиации, поэтому за границу были направлены агенты для покупки всего, что можно купить. Соединенные Штаты привлекли особое внимание этой агентуры — там уже появились совершенно новые типы самолетов, гироскопы и автоматические бомбардировочные прицелы, убирающиеся в полете шасси и другие изобретения, вроде авиагоризонтов, четырехлопастных пропеллеров, улучшенного горючего.

Кое-что немцам удалось закупить, но затем выяснилось, что большая часть нужных материалов, особенно выпускаемых для военно-морского флота США, засекречена и не подлежит продаже. В связи с этим абвер, во главе которого тогда стоял полковник Фриц Гемпп, по-

лучил задание приобретать все необходимое нелегальным путем. Ему поручалось направить в Нью-Йорк разведчика с задачей создать агентурную сеть специально для сбора сведений о военной авиации.

Направленный Гемппом агент прибыл в Нью-Йорк 27 марта 1927 года. Прилично, но просто одетый, среднего роста, с ничем не выделяющейся внешностью, он казался обычным во всех отношениях человеком. По немецкому паспорту он значился Вильгельмом Шнейдером, родившимся в 1893 году в Вецларе, женатым, настройщиком пианино по специальности. В Соединенные Штаты приехал, как и тысячи других иммигрантов, якобы в поисках лучшей жизни. После короткой проверки чиновниками иммиграционной службы и таможенниками Шнейдер сошел на берег и затерялся в огромном городе на другом берегу Гудзона.

Подобно пчеле, погибающей после того, как ужалит, «Вильгельм Шнейдер» окончил свое существование, едва покинув инспектора иммиграционной службы, чтобы воскреснуть под более хитроумной маской. Он переменял много фамилий и в течение последующих восьми лет был известен как Вилли Меллер, Уильям Секстон, Билли Лонкис и т. д., но чаще всего подвизался под именем Уильяма Лонковски.

В действительности Лонковски не был ни Шнейдером, ни силезцем по рождению, как значилось в его первом фиктивном паспорте. Квалифицированный конструктор, он во время первой мировой войны служил механиком в военной авиации. После демобилизации он, не подыскав работы в германской авиапромышленности, вернулся в рейхсвер, где его и завербовал абвер.

В 1922 году по заданию этой организации он провел некоторое время во Франции для тщательного ознакомления с состоянием французской авиации. Написанный им по возвращении доклад оказался настолько ценным, что Лонковски тут же перевели в резерв в предвидении какого-нибудь особо важного задания, соответствующего его незаурядным способностям.

Такая возможность появилась в 1926 году, когда Гемпп предложил ему поехать в США, и Лонковски охотно согласился. Перед выездом он получил книжный шифр, кличку «Секс» (первые четыре буквы одной из его многочисленных фиктивных фамилий), а вся его миссия получила название операция «Секс», хотя, разумеется, к сексу она никакого отношения не имела. Лонковски уста-

новили ежемесячное вознаграждение в 500 долларов — в то время сумма немалая, но поразительно мизерная, если иметь в виду характер полученных им от абвера заданий (информация о новом моторе Смита, способном якобы развивать мощность, вдвое превышающую мощность любого из существовавших тогда моторов; о моторе с воздушным охлаждением, проходившем испытания на авиазаводе «Фэйрчайлд» на Лонг-Айленде; о пропеллере Микарта, изобретенном фирмой «Вестингауз электрик» и т. д.). По сути дела, Лонковски получил задание «освещать» всю авиационную промышленность США, что вообще-то не под силу одному человеку.

Но Лонковски это не остановило. К началу 1928 года он уже чувствовал себя настолько уверенно в новом окружении, что решил не ограничиваться «крышей», которой служило для него положение настройщика пианино, и вернулся к своей настоящей специальности авиационного механика. С этой целью Лонковски стал присматривать работу на одном из авиационных заводов на Атлантическом побережье США, где он мог бы приобрести авторитет и связи, необходимые для создания агентурной сети, и остановился на заводе «Айленд эйркрафт корпорейшн» на Лонг-Айленде. Это предприятие он рассматривал как свою первую оперативную базу, которая могла послужить для насаждения агентуры на других заводах.

Начав работать в качестве скромного авиамеханика-конструктора, Лонковски быстро достиг положения, позволявшего ему оказывать значительное влияние на прием и увольнение заводского персонала. Вскоре он уже мог отказаться от «черновой» шпионской работы и всецело сосредоточиться на выполнении обязанностей резидента, как и предусматривалось заданием абвера. Прежде всего он постарался обзавестись еще одной «крышей» — на тот случай, если придется объяснять свой интерес к вопросам, которые никак не могли интересовать настройщика пианино. Он получил назначение на должность корреспондента немецкого авиационного журнала «Люфттрейзе», хотя одновременно продолжал пользоваться визитными карточками, в которых значился настройщиком пианино.

Еще до отъезда из Германии Лонковски подобрал себе двух помощников: Вернера Георга Гуденберга из Гамбурга — молодого чертежника-конструктора, обладающего некоторыми знаниями в области электроники, и 29-летнего Отто Германа Фосса — квалифицированного

авиамеханика. По вызову Лонковски они приехали в США, и осенью 1928 года он устроил их на завод «Айленд эйркрафт корпорейшн», положив тем самым начало проникновению германских агентов не только в американскую авиационную промышленность, но и в другие отрасли военной машины США.

В 1932 году, после того как Фосс и Гуденберг хорошо себя зарекомендовали и уже готовились принять американское гражданство, они по указанию Лонковски перешли работать на более перспективные объекты: Фосс — на завод в Балтиморе, выпускавший пропеллеры для американской военно-морской авиации, а Гуденберг — на предприятие в Бристоле, занимавшееся экспериментами с применением алюминия в производстве самолетных шасси. Вскоре Лонковски смог отправить в Берлин обильную информацию и чертежи, включая материалы о «несгораемом самолете» и о «самом мощном в мире двигателе с воздушным охлаждением», предназначенном для американской армии; прямо из конструкторского бюро фирмы «Кэртис» он добыл чертежи самолета-истребителя, «способного садиться на корабль или на воду».

В 1934 году, когда Гитлер уже второй год находился у власти, а США превратились в один из основных объектов нацистской пропаганды, Лонковски нашел еще одного кандидата в шпионы — некоего Игнаца Теодора Грайбла, врача из Нью-Йорка.

Уроженец Вюрцбурга в Баварии, 1899 года рождения, Грайбл во время первой мировой войны был артиллерийским офицером германской армии. В 1925 году он перебрался в США, окончил здесь медицинский колледж и Фордхэмский университет и купил практику в городе Бангоре, штат Мэн, но в поисках более «космополитической атмосферы» и благоприятных возможностей для приложения своих талантов перебрался в Нью-Йорк, где обосновался в одном из центров немецкой колонии города — в Йорквилле, специализируясь в гинекологии и лечении варикозных вен. Здесь он быстро приобрел популярность, был назначен врачом нескольких германских обществ, принял американское гражданство и стал офицером-резервистом американской армии.

Грайбл был активным нацистским пропагандистом еще до захвата власти Гитлером, а в марте 1934 года направил Геббельсу письмо с предложением своих услуг, сославшись при этом на брата Карла, старого нациста, готового поручиться за него. Грайбл сообщал Геббельсу,

что он не совсем новичок в шпионаже, поскольку еще в 1922 году, будучи студентом, выполнял разведывательные задания абвера во Франции и вернулся оттуда с «интересной и полезной информацией».

Геббельс переслал письмо в гестапо, где оно попало к Паулю Краусу, руководителю так называемого «Морского бюро» в Гамбурге, еще с 1930 года занимавшегося созданием нелегальных нацистских ячеек на морских судах, организацией сети полицейских шпионов, секретных информаторов и моряков-курьеров для связи с закордонной агентурой. К 1934 году Краус уже располагал сотнями действующих или «законсервированных» агентов и потенциальных кандидатов на вербовку. Особенно важное значение придавалось агентам из состава экипажей быстроходных немецких лайнеров, посещавших американские порты: на «Европе» к ним относились инженер, один из офицеров и стюард Карл Шлютер; на «Бремене» — Карл Эйтел и другой стюард; на «Нью-Йорке» — некий Тео Шютц.

Приехав по вызову Крауса в Гамбург, Грайбл охотно согласился работать в США агентом-вербовщиком «Морского бюро» и «культивировать» связи с лицами, которые могли стать полезными агентами. По возвращении в Штаты Грайбл активно включился в деятельность организации «Друзья новой Германии», рассчитывая использовать ее как базу и «крышу» для своих шпионских занятий. Здесь он приобрел таких «друзей», как Аксель Уиллер-Хилл и Оскар Карл Пфаус — со временем им предстояло стать важными винтиками в немецкой шпионской машине, но в 1934 году эти ярые нацисты особой пользы абверу принести не могли.

В поисках более обещающих кандидатов Грайбл вспомнил об одном своем приятеле, работавшем в очень интересном для разведки месте. Этот человек в досье Грайбла в абвере значился под псевдонимом Данеберг (или подагент Ф-2307/др. Г.). Из личного дела Данеберга, обнаруженного мною в архивах абвера, я узнал, что под этим псевдонимом скрывался американский подданный немецкого происхождения, однорукий инженер 51 года, по фамилии Кристиан Ф. Даниелсен, сотрудник бюро по конструированию новых эсминцев для военно-морского флота США на заводе в Бангоре, штат Мэн. По приглашению Грайбла и на его деньги Даниелсен побывал в Нью-Йорке, и встреча друзей оказалась весьма полезной для Грайбла. Даниелсен жил в Штатах уже

почти сорок лет, стал гражданином США, но в Германии, которую он по-прежнему считал своей родиной и где у него имелась земельная собственность, все еще проживали три его дочери. Он без колебаний принял предложение Грайбла и стал одним из наиболее ценных его агентов. После первой же встречи они вместе съездили в Бангор, где Даниелсен передал Грайблу копии чертежей нового военного корабля, над которыми в тот момент работал.

В октябре 1934 года в приемной доктора Грайбла в Йорквилле появился новый пациент.

— Игнац! — обратился он к врачу, как только они остались одни в кабинете. — Неужели ты не помнишь меня? Мы встречались во Франции в 1922 году, когда выполняли задание полковника Гемппа.

— Да, да! — воскликнул Грайбл. — Ты Вилли Лонковски! Черт побери! Что ты делаешь в Америке?

Лонковски рассказал о себе, сообщил, что читал в газетах, как много делает Грайбл во имя новой Германии, и добавил:

— А потом мне стало известно, что ты ищешь людей, занимающихся тем же, что и я.

Лонковски и Грайбл договорились об объединении своих шпионских групп и о дальнейшей совместной работе, за которую «Секс» взялся теперь с удвоенной энергией. К этому времени у него кроме Отто Фосса и Вернера Гуденберга были и другие агенты, а в объединенной агентурной сети Грайбла и Лонковски оказались со временем такие источники информации, как капитан американской армии, поставлявший сведения о новых типах вооружения пехотных частей США, чертежник в фирме, строящий суда для ВМС в Нью-Йорке, артиллерийский конструктор в Монреале, инженер металлургической лаборатории судостроительной фирмы в городе Кэрни, штат Нью-Джерси; немалую пользу Грайбл извлекал из контактов с работниками военно-морских верфей в Бостоне и Ньюпорт-Ньюсе, штат Виргиния, и различных авиационных заводов.

В конце 1934 года в отделение абвера в Вильгельмсхафене, занимавшееся военно-морской разведкой, был назначен кадровый морской офицер, 15 лет находившийся в запасе и ставший за это время бизнесменом и доктором политэкономии. Впоследствии он фигурировал и как «господин доктор», и как «доктор Эрдхофф», и как «Н. Шпильман». В действительности это был Эрик Фей-

фер, получивший при назначении в Вильгельмсхафен чин капитан-лейтенанта и должность начальника агентства этого подразделения абвера. В следующем беспокойном десятилетии доктор Эрик Фейфер стал неуловимым и таинственным организатором немецкого шпионажа в США. Его фамилия встречалась в каждом шпионском деле, которое удавалось раскрыть ФБР, он был неоднократно осужден заочно нью-йоркским судом. В традициях самых знаменитых организаторов шпионажа он оставался безликой, призрачной фигурой, никогда не обнаруживал себя, предпочитая руководить из недостижимого далека.

2 января 1935 года Краус позвонил Фейферу из Гамбурга и спросил, не хочет ли тот встретиться с двумя «друзьями», они приехали из Америки и привезли ему «подарок».

«Друзьями» оказались Карл Эйтел, стюард с лайнера «Бремен», и инженер с лайнера «Европа», а доставленный ими «подарок» привел в восторг даже флегматика и скептика Фейфера. Первая посылка от Грайбла и Лонковски, переданная ему стюардом с «Бремена», содержала: засекреченный справочник по металлам, которые использовались при строительстве военных кораблей, — его раздобыл уже упоминавшийся инженер из Кэрни; донесение Лонковски о некоторых деталях личной жизни главного европейского корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Ф. Бэрчхалла, выступавшего с критикой нацизма; образец теллура — в военно-морском флоте США проводились эксперименты по его использованию для борьбы с коррозией; фотоснимки чертежей нового самолета, созданного фирмой Сикорского.

Эйтел сообщил Фейферу, что на объектах, где добыты присланные материалы, можно получить многое другое и что Грайбл и Лонковски готовы развернуть соответствующую работу и ожидают только указаний абвера. Он передал предложение Лонковски воспользоваться его старыми источниками и приступить к поискам новых в тесном сотрудничестве с Грайблом. Все полученные сведения, документы и т. д. Лонковски намерен фотографировать на 35-миллиметровую пленку и отправлять Фейферу в Вильгельмсхафен с курьерами-связниками на лайнерах «Европа» или «Бремен».

Как отмечал потом Фейфер, прибытие связников с «подарками» совершенно изменило направление деятельности подразделения. Работа против США стала его ос-

новой задачей, причем был осуществлен ряд важных мероприятий для ее дальнейшего расширения. Карл Эйтел получил в списках агентуры абвера номер 2307 и числился теперь главным курьером. Грайблу присвоили псевдоним Илберг и номер А-2339.

5 января Эйтел отплыл на «Бремене» обратно в США с подробными указаниями Грайблу и Лонковски. 12 января 1935 года «Секс» встретился с агентом номер 2307, и операция «Секс», руководимая уже самим Фейфером, вступила в новую многообещающую фазу.

В феврале 1935 года Канарис, посетивший подразделение Фейфера в сопровождении Пикенброка, охарактеризовал США как «один из основных объектов» всей работы абвера. «США должны рассматриваться как решающий фактор в любой будущей войне, — заявил он. — Их промышленная мощь такова, что в состоянии обеспечить победу не только США, но и любой другой страны, их союзницы». По распоряжению Канариса подразделение передислоцировалось в Бремен, поближе к прибывающим из Штатов курьерам. Фейфер организовал в Бремене специальную фотолaborаторию, поскольку большая часть информации из США поступала на фотопленках, создал в Вильгельмсхафене и в Бремерхафене ряд «почтовых ящиков» для нелегальной корреспонденции своей агентуры. Всякий раз после прибытия «Европы» или «Бремена» в Бремерхафен Фейфер встречался с Эйтелом, Шлютером и другими курьерами и лично получал у них материалы.

Операция «Секс» развивалась в точном соответствии с планом и далеко не безуспешно. Шпионам удалось, например, заполучить данные об автоматическом пулеметном прицеле и чертежи нового танка-амфибии, добытые «друзьями» Лонковски. Ценность информации тем более возрастала, что она всегда была самой свежей и доставлялась в Германию со всей возможной быстротой. Так, например, военно-технический отдел новых немецких ВВС 18 июля поручил Фейферу достать подробное описание поплавков для опытного гидросамолета, над которыми работал завод Сикорского на Лонг-Айленде. Отто Фосс, перебравшийся в свое время на это предприятие, немедленно представил необходимые сведения, и 8 августа они уже попали в Берлин.

За время между началом января и концом июля материалы, добытые резидентурой Лонковски, среди других включали: подробное описание всех типов самолетов, вы-

пускаемых заводом Сикорского; чертежи самолетов-истребителей и бомбардировщика-разведчика, выпускаемых фирмой «Ваут эвизэшн» для военно-морского флота США; материалы о новых бомбардировщиках, подготавливаемых к выпуску на заводах фирм «Боинг» и «Дуглас»; секретные военные карты; чертежи эсминцев трех новых типов; чертежи нескольких новых приборов радиофирмы «Лэр рэдио», предназначенных для военного и военно-морского министерств США, и т. д.

По указанию Фейфера Грайбл и Лонковски побывали в Канаде и обследовали канадско-американскую границу, чтобы выяснить возможность переброски агентуры из Канады в США. В Монреале они встретились со своим агентом — инженером одной из канадских фирм, выполнявших заказы военно-морского флота США, и получили от него чертежи нового зенитного орудия с электромагнитным прибором, увеличивающим скорострельность. Чертежи этого орудия Фейфер получил в Бремене раньше, чем американский военно-морской флот.

В сентябре Лонковски добился самого крупного за всю свою шпионскую карьеру успеха. Агент абвера Гуденберг, работавший на авиационном заводе «Кэртис» в Буффало, — красивый 36-летний мужчина, с резко очерченным лицом, женатый на симпатичной американке и, казалось бы, глубоко преданный своей новой родине, в действительности был одним из основных источников снабжения Лонковски секретной информацией. Ранее «Секс» получил от него чертежи нового ночного бомбардировщика и еще одного экспериментального самолета. И вот теперь, в сентябре, Гуденберг передал Лонковски подробную информацию о новом сверхсекретном легком бомбардировщике. Это было высшим достижением Лонковски, но одновременно и его лебединой песней.

25 сентября 1935 года «Европа» готовилась отплыть из США в Бремерхафен, и причал № 86 в нью-йоркском порту заполняли пассажиры, родственники и друзья отъезжающих, таможенники. Среди провожающих был и невысокий худой человек в очках; он держал в руках футляр для скрипки и о чем-то беседовал с одним из стюардов лайнера.

— Что это у вас за скрипка? — поинтересовался подошедший таможенник Моррис Джозефс.

— Обычная, — небрежно ответил человек в очках.

— Я очень интересуюсь скрипками. Вы не разрешите взглянуть?

Заметно нервничая, человек открыл футляр, и Джо-зефс, едва приподняв скрипку, увидел под ней фотоснимки самолетов и чертежей. Он тут же положил скрипку обратно и предложил ее владельцу пройти с ним в помещение таможни. Здесь его обыскали и обнаружили в карманах фото пленку и несколько написанных по-немецки писем.

На фото пленке оказались детали самолетов, а письма за подписью «Секс» содержали такие, например, фразы: «Представляет интерес шасси полностью обтекаемой формы с единственной стойкой» и т. д. Начальник таможни Д. Робертс попытался связаться с майором Грогеном, начальником отделения военной контрразведки, обслуживающего порт, но того не оказалось на месте. На прибывшего вместо него сотрудника контрразведки отнюдь не музыкальное содержимое футляра для скрипки произвело такое впечатление, что он тут же позвонил другому офицеру отделения, майору Дэлтону, и попросил указаний. Обстановка накалялась, задержанный выглядел все более подавленным. И тут Дэлтон, когда офицер доложил ему, что у владельца скрипки найдены фотоснимки и письма, заявил:

— Я не вижу ничего особенного в этих фотографиях. Они могут быть у каждого. Отпустите задержанного, но скажите ему, чтобы он явился завтра для разговора с майором Грогеном. Кстати, как он назвался?

До этого никто даже не подумал спросить у задержанного фамилию.

— Назовите себя,— обратился к нему Робертс.

Человек в очках заколебался. Вероятно, его первым побуждением было назвать какую-нибудь вымышленную фамилию, но затем, рассудив, что его песенка спета, решил быть откровенным:

— Уильям Лонковски, сэр.

— Так вот, мистер Лонковски, — заявил Робертс, — сейчас вы можете идти, но приходите завтра утром, в десять. Нам необходимо кое-что уточнить.

Больше Робертс никогда не видел Лонковски.

Покинув порт, Лонковски позвонил жене, велел взять из банка деньги и доставить в приемную Грайбла. Потом на такси приехал к нему сам, рассказал о случившемся и попросил как можно быстрее вывезти его из США.

Ближайшим убежищем была Канада. По поручению

Грайбла один из его агентов, Ульрих Хаусманн, подвизавшийся в США под «крышей» корреспондента немецких авиационных журналов, привез Лонковски в Канаду и оттуда по телефону попросил у шефа дальнейших указаний. Грайбл тем временем успел по телеграфу связаться с Фейфером и по его совету распорядился доставить Лонковски в порт Ривьер-дю-Лу, где разгружалось германское грузовое судно. Хаусманн так и сделал, а затем спокойно вернулся в Нью-Йорк. 28 сентября Лонковски сел на пароход, который тут же снялся с якоря и взял курс на Бремерхафен, как того требовал полученный капитаном приказ.

На личной карточке Грайбла в абвере весь этот эпизод отражен в следующей короткой записи: «В 1935 году в сложном положении оказал неоценимые услуги по делу „Секса“».

10 октября 1935 года Лонковски прибыл в Бремерхафен, что, однако, вовсе не означало конца операции «Секс».

Припоминая эту историю, бывший заместитель начальника военно-морской разведки США контр-адмирал Захариас в своих мемуарах писал:

«Еще до того как нам стало известно, что Лонковски успел предупредить Грайбла, задержание и последующее освобождение этого агента, казалось, заставит всю группу прекратить деятельность на неопределенное время. Так в действительности и произошло».

Но «в действительности» ничего подобного не произошло. Убедившись в невероятной наивности американской контрразведки, Грайбл и Эйтел не только не прекратили, но еще шире развернули свою деятельность. Происшествие с Лонковски послужило для них своего рода катализатором. Под руководством Фейфера резидентура Грайбла стала орудовать осмотрительнее и целеустремленнее. Для вербовки новых агентов теперь применялись более разнообразные методы, причем особое внимание уделялось немцам по рождению, принявшим американское гражданство. После «акклиматизации» в Соединенных Штатах агенты получали указания добывать «любую возможную информацию», воздерживаться от всякой публичной пронацистской деятельности, по возможности добиваться солидного и уважаемого положения по месту службы и проживания, тщательно маскировать свою шпионскую работу. Передача информации в Центр осуществлялась сравнительно просто. Курьеров снабжали неслож-

ными паролями. Например, если родственники агента проживали в Дрездене, курьер связывался с ним, передавая «привет из Дрездена»; если агент поддерживал хорошие отношения с каким-нибудь Шмидтом в Германии, курьер привозил «привет от Шмидта».

Абвер располагал агентурной сетью не только во всех портах Германии, но и в основных европейских портах — Лиссабоне, Генуе, Роттердаме, Шербуре и т. д., а также условными адресами и «почтовыми ящиками» для шпионской корреспонденции в Голландии, Италии, Шотландии, Бразилии и Китае. Для ускоренной доставки материалов часто использовались «Бремен» и «Европа», а затем и рейсы американских пассажирских самолетов из США в Лиссабон, когда был завербован стюард одного из них.

Агенты обучались микрофотографированию миниатюрной фотокамерой и применению несложных шифров, основанных на использовании различных популярных романов. Позднее, после того как абвер забросил в Штаты три радиостанции, был разработан более сложный шифр для передачи информации по радио.

Возвращавшийся в Европу курьер связывался по предварительной договоренности с одним из так называемых *Umleitungsstelle* (агентов-передатчиков), завербованных среди судовых поставщиков или других лиц, по характеру своей работы часто посещавших порты.

Вознаграждение агентуре выплачивалось различными способами. Иногда деньги переводились из банков в Латинской Америке, Мексике или Голландии на счета агентов в филиалах нью-йоркских банков, но чаще доставлялись в американских долларах курьерами и вручались непосредственно агентам. Вознаграждение было скромным. Так, инженер в Монреале получал по 50 долларов за каждую информацию, а его курьер, после доставки ее в Германию, — 30. В одном случае курьер доставил в Нью-Йорк 400 долларов для расплаты с пятью агентами. Самое крупное вознаграждение, выплаченное агенту в то время, составило полторы тысячи долларов.

К концу 1935 года операция «Секс», переименованная в операцию «Илберг», вступила в новую активную фазу. К ней подключили небольшую группу под кодовым названием «Краун» из лиц, привлеченных к работе на абвер Фейфером. В группу входили Гюнтер Густав Румрих — 37-летний натурализованный американский гражданин, немец по происхождению, демобилизованный сержант американской армии, и его приятель солдат

Эрик Глазер. Обязанности курьеров группы выполняли Карл Шлютер и скромная молодая женщина Иоганна («Дженни») Гофман — парикмахерша с лайнера «Европа».

Особенно важным агентом резидентуры «Илберг» был 34-летний уроженец Мюнхена Густав Гуллич, приехавший в США в 1932 году. Квалифицированный инженер-металлург, он работал в лаборатории верфи Кэрни, штат Нью-Джерси. Одиноким, страдающий приступами депрессии, он ни с кем не дружил, пока не встретил доктора Грайбла. Гуллич принял «руку дружбы», предложенную Грайблом, с готовностью согласился заняться шпионажем, видя в нем возможность отвлечься от разочарований и монотонности повседневной жизни, и вскоре стал одним из самых старательных и ценных агентов резидентуры.

Гуллич передал абверу массу совершенно секретной информации и материалов о военно-морском флоте Соединенных Штатов, в том числе чертежи нескольких строившихся эсминцев, описание снаряда со слезоточивым газом, чертежи самолета «Боинг П-26», характеристики гидролокатора, различных типов морских орудий и снарядов, образцы кабелей и т. д. Наиболее ценной информацией, полученной от него Грайблом, был меморандум на четырех страничках под названием «Эксперименты с высотными ракетами в США», с самым подробным описанием работ профессора Р. Годдарда. В течение года Гуллич представил еще шесть докладов на эту тему и даже побывал в штате Нью-Мексико, где наблюдал за одним из первых запусков ракет. В своем последнем докладе о ракетах от 7 декабря 1936 года Гуллич ответил на вопросы о системе охлаждения зарядной камеры, сообщил даты дальнейших экспериментальных запусков ракет и передал формулу жидкого горючего, которое Годдард использовал в своих ракетах.

Дела развивались настолько успешно, что в июне 1937 года Фейфер вызвал Грайбла «в отпуск» в Германию. В беседе, анализируя деятельность абвера в США, Фейфер заявил:

— Никто, кроме нас с вами, господин доктор, и не представляет, как глубока и всеобъемлюща наша работа в Штатах.

Позднее, после ареста, Грайбл сообщил, что они говорили о создании резидентуры в Монреале для работы в Канаде и Новой Англии, обсуждали деятельность шпи-

онских групп в Ньюпорт-Ньюсе, Бостоне, Буффало, Бристоле, Филадельфии, Сан-Диего, Сиэтле и Бат в штате Мэн. Фейфер рассказывал впоследствии, что, помимо резидентуры «Илберг», у него в Америке работала и другая агентура, включая «двух замечательных парней в зоне Панамского канала». Один из его людей имел свободный допуск во все военные учреждения и на базы американской армии и побывал в Центре военно-химической службы в штате Мэриленд. Другой работал в Вашингтоне в аппарате одного из сенаторов, а еще один — в ближайшем окружении президента Рузвельта. По словам Фейфера, этот агент добыл подробности о секретном совещании в Белом доме, где обсуждались недостатки американских военных кораблей и необходимость существенных изменений в их конструкции. Агент, работавший в лаборатории войск связи в Форт-Монмауте, штат Нью-Джерси, передал чертежи совершенно нового зенитного орудия еще до того, как они попали в Вашингтон.

По словам Фейфера, Грайбл сказал ему:

— В каждом стратегическом пункте Соединенных Штатов у нас есть хотя бы один разведчик. На каждом военном заводе и на каждой верфи в Америке действуют наши агенты, причем некоторые из них занимают ключевые посты. Американцы не могут наметить постройку военного корабля, разработать новый тип самолета или какой-нибудь новый прибор без того, чтобы мы сразу же не узнали об этом.

Тогда, во время разговора с Грайблом, Фейфер, как бы подводя итог беседы, выразил убеждение, что абвер осуществил самое эффективное и безупречно подготовленное разведывательное вторжение в великую державу за всю историю шпионажа. И это не было бахвальством. Способность немцев добывать в американской авиационной промышленности практически все необходимое для развития военной авиации способствовала тому, что уже к 1939 году Германия обладала достаточно мощными люфтваффе. Без помощи агентуры в США на воссоздание немецких ВВС потребовалось бы гораздо больше времени и Гитлер не смог бы начать войну в сентябре 1939 года.

К 1938 году немцы располагали в США десятками шпионов — больше чем в какой-либо другой стране, за исключением Польши и Франции. Немецкие разведчики в Нью-Йорке часто посещали дешевые кафе на Таймсквер, недалеко от причалов порта, через который проходили их секретные каналы связи.

Новый, 1938 год полупьяный Карл Шлютер встречал за столиком в кафе «Максл» вместе со своими приятелями и любовницей Иоганной Гофман — парикмахершей с лайнера «Европа». Наиболее важной фигурой среди собравшихся был мрачный человек лет тридцати, с глубоко посаженными глазами и черной, зачесанной назад шевелюрой. Шлютер неоднократно провозглашал тосты за Новый год, суливший, по его словам, много хорошего, особенно благодаря черноволосому человеку, которого он называл «Тео» и время от времени похлопывал по плечу.

Тео два года назад добровольно предложил свои услуги немецкой разведке способом, описание которого можно найти разве что в бульварных шпионских романах. Просматривая в Нью-Йоркской публичной библиотеке книги о шпионаже, Тео прочитал воспоминания полковника Вальтера Николаи, начальника немецкой военной разведки во время первой мировой войны, и решил, что может заработать состояние, если займется шпионажем в пользу Германии.

В начале января 1936 года через нацистскую ежедневную газету «Фелькишер беобахтер» он отправил письмо Николаи и, назвавшись «высокопоставленным американским военнослужащим», попросил переслать «соответствующим органам». Если там заинтересуются его услугами, писал он, пусть дадут в газете «Нью-Йорк таймс» объявление следующего содержания:

«Теодору Кёрнеру. Письмо получено. Пожалуйста, пошлите ответ и адрес в Гамбург, почтовый ящик 629, Сандерсу».

Этот старомодный способ переписки полностью скомпрометирован и давно не применяется разведками, поскольку неизбежно привлекает внимание органов безопасности. Однако немцы, уверенные в некомпетентности и благодушии американской контрразведки, без колебаний согласились с предложенной процедурой.

6 апреля 1936 года, после неизбежной в таких случаях задержки, текст объявления появился в «Нью-Йорк таймс». Человек, назвавшийся Теодором Кёрнером (имя и фамилия известного немецкого поэта XIX столетия), отправил Сандерсу (а фактически капитану Э. Мюллеру, одному из работников абвера) ответ с описанием своих возможностей. Хотя, писал Тео, он и занимает «важный пост в американской армии, однако хочет быть полезным Германии любыми возможными способами». По его словам, он располагает «отличными контактами», близок, например, с «офицером войск связи в Митчелл-филде, где ведутся работы с секретными кодами». Денежное вознаграждение, писал он, не обязательно, однако ему потребуются некоторые средства «на различные расходы, на взятки и оплату получаемой информации».

На этот раз Тео подписался своей настоящей фамилией — Гюнтер Густав Румрих — и сообщил свой адрес: «Денвер кемикал мэньюфекчюринг компани» на Варик-стрит в Нью-Йорке, хотя в действительности он проживал в Бронксе.

Вымышленный адрес Тео сообщил из опасения, что нацисты с подозрением отнесутся к человеку из района, населенного преимущественно евреями.

Письмо Румриха оказалось у Фейфера, и тот поручил Карлу Шлютеру познакомиться с его автором, составить о нем представление. Встреча состоялась. Шлютер, вернувшись в Бремен, дал Румриху весьма положительную характеристику и настойчиво рекомендовал привлечь его для работы на абвер.

Однако на самом деле Румрих вовсе не был тем идеальным кандидатом, каким представил его Шлютер. Тридцатисемилетний прохвост, пьяница, наркоман, бабник, вор и лжец, он не мог удержаться на работе даже мойщиком посуды в кафетерии, как, впрочем, и в любом другом месте, куда бы ни поступал. Лишь в американской армии его терпели семь лет, более того — произвели в сержанты, несмотря на двукратное дезертирство, растрату денег в столовой и шестимесячное тюремное заключение. Незадолго до того как предложить свои услуги немцам, он дезертировал опять.

Если бы исследователь захотел выяснить, как подобные типы вдруг начинают играть какую-то роль, дело удачливого шпиона Румриха помогло бы ему найти ответ. Этот шарлатан и пройдоха в течение 20 месяцев — между маем 1936 года и февралем 1938 года — был од-

ним из лучших агентов абвера в Америке, руководителем шпионской группы «Краун».

Кое-какую информацию Румрих представлял по своей инициативе, но чаще выполнял — и обычно успешно — задания Фейфера, все более сложные и разносторонние, такие, например, как установление «численности и дислокации частей американской армии на восточном побережье». Он быстро добывал все, что требовалось, — то ли благодаря своей наглости и примитивности своих методов, то ли из-за расхлябанности американской службы безопасности. Легкость, с какой Румрих доставал материалы, лишь разжигала аппетиты Фейфера, ставившего перед своим агентом все новые и новые трудные задачи. Но вожака группы «Краун» ничто, казалось, не могло обескуражить.

В ноябре 1937 года абвер поручил Румриху раздобыть один из наиболее засекреченных документов американской армии — шифр для связи между кораблями военноморского флота и береговыми батареями. Румрих попросту купил этот план за 30 долларов у солдата, с которым подружился во время службы в воинской части, расположенной в зоне Панамского канала. Этот приятель Румриха, уроженец Лейпцига Эрик Глазер уже служил тогда в 18-й рекогносцировочной эскадрилье ВВС в Митчеллфилде. Он принес Румриху в кафе «Гинденбург» действовавший на тот период шифр «Зет», и Румрих тут же скопировал его под звуки оркестра, исполнявшего браурные немецкие марши.

За время своей шпионской деятельности Румрих передал в абвер информацию о дислокации частей береговой артиллерии в зоне Панамского канала, об Атлантическом флоте США, ряд секретных армейских наставлений, уставов и справочников, чертежей орудий зенитной артиллерии, размещенной на территории США, и много других секретных и совершенно секретных документов.

Последнее задание Фейфера было доставлено Шлютером в Нью-Йорк в канун Нового, 1938 года и передано Румриху в кафе. В нем говорилось: «Достаньте копии монтажных чертежей авианосцев «Йорктаун» и «Энтерпрайз», а также информацию из лаборатории войск связи в Форт-Монмауте, штат Нью-Джерси, об опытах по обнаружению приближающихся самолетов».

— Кроме того, — заявил Шлютер, — нам нужны американские паспортные бланки для агентов, забрасываемых в Россию. Вы можете достать ну хотя бы штук пять-

десять? Господин Шпильман (один из псевдонимов Фейфера. — Л. Ф.) установил на них специальную цену. За пачку он готов уплатить тысячу долларов.

Тысяча долларов! Еще ни разу немцы не предлагали Румриху такого крупного разового вознаграждения. А Шлютер добавил:

— Господина Шпильмана интересуют мобилизационные планы воинских частей на восточном побережье. За них вы можете получить еще тысячу долларов.

Румрих решил во что бы то ни стало раздобыть паспортные бланки и мобилизационные планы, однако его шпионская карьера уже подходила к концу.

Когда Риббентропу 27 февраля 1938 года, в начале третьей недели его пребывания на посту министра иностранных дел, доложили об аресте Румриха в Нью-Йорке по обвинению в шпионаже, он возмутился, как это сделал бы и любой другой министр, получив сообщение, к каким грязным методам прибегает его страна в своей внешней политике. Однако его возмущение объяснялось вовсе не этим. Еще ранее он был весьма раздражен, узнав, что Гитлер придерживается невысокого мнения о его ведомстве. Позднее он рассказывал:

— Фюрер имел свои источники информации о Соединенных Штатах и Англии, совершенно мне неизвестные, и он встречался со своими информаторами, не ставя меня в известность ни до, ни после...

Риббентроп быстро установил, что главным поставщиком информации был Канарис, и решил нанести ему удар, использовав для этой цели провал шпионской группы Румриха. По расчетам Риббентропа, этот случай мог послужить убедительным доказательством того, что абвер представляет собой банду болванов, чья деятельность за границей наносит непоправимый ущерб Германии. Так началась склока, которая через шесть лет привела к падению Канариса. Однако в 1938 году Гитлер с пренебрежением отклонил жалобу Риббентропа. Канарис сумел убедить Гитлера, что арестованные в Америке люди (провал Румриха привел к аресту 12 человек) не были связаны с абвером. «Все они, — объяснил он фюреру, — немцы-патриоты и преданные национал-социалисты, единственная цель которых состояла в том, чтобы послужить вам и новой Германии».

Виновницей провала Румриха оказалась шотландка Д. Уоллес Джордан из салона красоты на Кинлок-стрит в городке Данди. Ее участие в шпионаже, возможно, так

бы и осталось незамеченным, если бы не большая почта, которую она получала. В конце 1937 года это вызвало подозрение у местного почтальона. Он обратился к своему начальству, а затем его сообщение оказалось у майора Кука из английской контрразведки МИ-5.

Кук установил наблюдение за Джордан и вскоре узнал, что она вдова немецкого военнослужащего, убитого во время первой мировой войны, что в 1937 году она неоднократно выезжала в Германию без каких-либо резонных причин. Женщина утверждала, что все ее родственники проживают в Великобритании, между тем письма на ее имя поступали из США, Франции, Голландии, Южной Америки, а сама она регулярно отправляла объемистые пакеты по самым далеким адресам. Тайно просматривая переписку Джордан, Кук быстро убедился, что милая вдовушка служит «почтовым ящиком» широко разветвленной немецкой разведывательной сети. Несколько писем, полученных ею из Нью-Йорка за подписью «Краун» и после перлюстрации отправленных по назначению, содержали бесспорные доказательства, что их отправитель — весьма опасный и энергичный шпион.

Все собранные материалы англичане переслали в США, и в январе 1938 года к делу подключилось ФБР.

Тем временем Румрих, окрыленный перспективой получить обещанный Шлютером куш в 2 тысячи долларов, принялся лихорадочно изыскивать возможность добыть мобилизационные планы и паспортные бланки. Уже после войны Фейфер, рассказывая мне о предложениях Румриха, заметил:

— К сожалению, Шлютер, человек вообще-то здраво-мыслящий, надежный агент, оказался под влиянием этого сумасброда. Он был так ослеплен абсурдными замыслами и непродуманными предложениями Румриха — плодом его бредового воображения, — что без нашего ведома согласился участвовать в некоторых операциях, о которых мы, в Центре, ничего не знали.

В действительности же Фейфер знал по меньшей мере об одном из предложений Румриха, но нашел его совершенно неприемлемым. Речь шла о мобилизационных планах. Румрих пронюхал, что к ним имеет доступ командир 62-го зенитного полка береговой обороны полковник Генри Элгин, и придумал фантастический план похищения офицера. Был сфабрикован приказ от имени начальника штаба армии генерал-майора Крейга, в котором полковнику предлагалось явиться в нью-йоркский отель «Ма-

калпин» на «оперативное совещание», причем «приказ» обязывал Элгина «иметь при себе все мобилизационные планы, планы береговой обороны, а также карты и схемы». Дальше события должны были развиваться так: как только Элгин переступает порог номера, взрывается начиненная хлороформом бомба, офицер теряет сознание, агент, которому предназначалась роль съемщика номера в отеле, хватает портфель с документами и передает его ожидающему в вестибюле Румриху. Бомбу с хлороформом должен бросить Шлютер, выступающий под видом мойщика окон.

Когда Румрих изложил свой замысел Шлютеру, тот даже отшатнулся:

— Слишком сложно и рискованно.

Румрих улыбнулся:

— Наш маленький трюк, возможно, поднимет кое-какую пыль, но он совершенно безопасен.

— Я все же думаю, — продолжал Шлютер, — что следует получить разрешение господина Шпильмана.

Шлютер посоветовал Румриху написать письмо Фейферу и послать его в Бремен через «почтовый ящик» в Данди. Это письмо в числе другой перехваченной корреспонденции англичане передали американским органам безопасности. Полковника Элгина ввели в курс дела и проинструктировали, как сыграть роль простака. Сотрудники ФБР и военной контрразведки готовились захлопнуть ловушку, как только Элгин появится в гостинице «Макалпин», однако операция так и не состоялась. Фейфер, получив письмо с деталями плана Румриха (отправленное по назначению английской контрразведкой после того, как с него сняли копию), в ужасе воскликнул: «Он что, сумасшедший?!»

Фейфер немедленно связался со Шлютером в Нью-Йорке, полностью отменил безумную затею и даже приказал Шлютеру вернуться в Бремен «для срочной консультации». Нелепость плана Румриха так насторожила Фейфера, что он решил «законсервировать» агента, пока не станет слишком поздно.

В отсутствие Шлютера Румрих, вечно нуждавшийся в деньгах и одержимый мыслью получить если не две, то хотя бы тысячу долларов, начал комбинацию с целью раздобыть паспортные бланки. Он не подозревал, что его ввели в заблуждение. Дело в том, что Шлютер, очевидно, неправильно передал ему задание Фейфера: тому требовались чистые, незаполненные паспорта, которые до-

стать было трудно, а не паспортные бланки — их мог получить всякий, обращаясь с ходатайством о выдаче паспорта (т. е. бланк заявления, бланк анкеты и т. д.).

Румрих не знал об этом недоразумении. Стремясь добыть бланки любой ценой, он решил обратиться в нью-йоркский отдел консульского управления государственно-го департамента США и уже подошел к зданию, где помещалось это учреждение, но струсил и отправился на Центральный вокзал. Отсюда он позвонил начальнику отдела Хойту, назвал себя заместителем государственного секретаря Эдвардом Уэстоном и властным тоном приказал доставить ему 35 паспортных бланков в гостиницу «Тафт» — он будет ожидать в вестибюле.

Звонок озадачил Хойта. Он никогда не слышал о заместителе государственного секретаря по фамилии Уэстон. Станным казалось и другое: ведь Уэстон имел в виду те бланки, получить которые свободно мог любой желающий. Зачем же звонить именно ему и почему для вручения бланков нужно назначать какую-то встречу?

Хойт поделился своими сомнениями с сотрудниками нью-йоркской полиции и офицером безопасности государственного департамента Фитчем. Под негласным наблюдением Фитча и двух детективов пакет был доставлен в гостиницу, но Румриха там не оказалось. Как выяснилось позже, в голосе Хойта ему «послышалось подозрение», и он решил, что Хойт не повезет бланки сам, а pošлет курьера, тот оставит пакет у дежурного администратора, и за ним можно будет кого-нибудь послать. Румрих позвонил в почтовое отделение на Центральном вокзале и распорядился, чтобы дежурный чиновник отправил посыльного в гостиницу «Тафт» за пакетом.

В почтовое отделение на Центральном вокзале пакет поступил лишь на следующий день. Румрих узнал об этом из телефонного разговора.

— Прекрасно,— сказал он. — Перешлите в ваше отделение на Варик-стрит. Я буду там через полчаса.

Некоторое время Румрих караулил посыльного у почты на Варик-стрит, но тот не пришел. Тогда Румрих позвонил в таверну «Королевский замок» на Гудзон-стрит и попросил ответившую на звонок женщину принять пакет на имя Эдварда Уэстона. Спустя час он обратился по телефону в почтовое отделение на Варик-стрит и, получив справку, что пакет доставлен, распорядился переотправить его в «Королевский замок».

Минут через пятнадцать, когда Румрих уже сидел в

таверне за кружкой пива, появился курьер в форме почтового работника и передал официантке пакет. Румрих тут же вышел на улицу и подозвал игравшего неподалеку мальчугана.

— Послушай, сынок, — обратился он к нему. — Вон в той таверне для меня есть небольшая посылка, но я, видишь ли, задолжал бармену. Вот тебе 2 доллара — сходи получи ее, а сдачу оставь себе.

Румриха арестовали сразу же, как только мальчик вручил ему пакет. Допрос шпиона в полиции ничего не дал. Полицейские задавали Румриху самые шаблонные вопросы и вообще не знали, как с ним быть, поскольку попытка получить 35 незаполненных паспортных бланков не могла рассматриваться как преступление. Казалось, этот удачливый агент абвера сумеет выйти сухим из воды.

Полицейские и чиновники службы безопасности госдепартамента Фитч и Таббс допрашивали Румриха три дня — 16 (в день ареста), 17 и 18 февраля, но безрезультатно.

Те, кто более всего был заинтересован в Румрихе, узнали о его аресте лишь утром 17 февраля из путаной заметки в газете «Дейли ньюс», где говорилось, что арестован какой-то сумасшедший, пытавшийся получить бланки ходатайства о выдаче паспорта. Потребовалось еще два дня, чтобы передать Румриха в ФБР.

19 февраля Румрих капитулировал. Расследование вел специальный агент ФБР Тарроу. Предъявив Румриху копии писем, подписанных «Краун», он крикнул:

— Перестань прикидываться идиотом! Я скажу тебе, кто ты: ты — мистер Краун, чертовски важный немецкий шпион!

Румрих, услышав название своей группы, вздрогнул и вытаращил глаза.

Ну хорошо, мистер Тарроу, — заговорил он. — Вы победили. Позвольте мне встретиться с женой и помочь ей уехать к своим, а потом я все скажу.

В Бремене Фейфер узнал о провале Румриха лишь 27 февраля, то есть после того, как ФБР объявило о его аресте. Однако Фейфер не знал, при каких обстоятельствах это произошло, и в разговоре со мной уже после войны сказал, что Румрих провалился при попытке похитить полковника Элгина.

— У него возникла идиотская мысль, — утверждал Фейфер, — заманить одного из старейших американских

офицеров на свидание и получить у него мобилизационные планы. Офицер пришел на встречу, но в сопровождении сотрудников ФБР.

Тут Фейфер, конечно, ошибался, но был прав, когда добавил:

— Сразу после ареста Румрих назвал фамилии и адреса всех известных ему агентов.

Арест Румриха имел определенные последствия. В ходе расследования стало известно о существовании Уильяма Лонковски, бежавшего за три года до этого; провалились два его основных агента — Отто Фосс и Вернер Гуденберг, была сорвана маска с доктора Грайбла; разоблачение Шлютера и арест Иоганны Гофман, иногда выполнявшей вместо своего любовника обязанности курьера, нанесло серьезный ущерб созданной Фейфером в 1935 году и блестяще действовавшей системе курьерской связи. Суд признал виновными всех арестованных агентов резидентур Румриха и Грайбла, а в отношении Фейфера такой же вердикт был вынесен заочно.

Тем не менее, судя по материалам процесса и по книге о деле Румриха, опубликованной позднее Тарроу, ФБР почти ничего не узнало о центральном аппарате абвера и — что еще более важно — оказалось неспособным вскрыть на том этапе ядро шпионских групп абвера в США. Как впоследствии хвастливо утверждал Фейфер, «его организация в сущности полностью сохранилась». Провал Румриха лишь заставил немцев действовать более осторожно и тонко. Не удивительно, что немецкая агентура продолжала безнаказанно работать еще три года, а в некоторых случаях и дольше.

И все же в деятельности абвера в Соединенных Штатах наступило временное затишье. Немецкая разведка с головой ушла в подготовку к предстоящему захвату Австрии и Судетской области. Большое внимание абвер начал уделять и Франции, полагая, что французы не останутся в стороне, когда Гитлер приступит к расправе с Чехословакией — их главным союзником в Центральной Европе. Затем на горизонте в качестве важного объекта наконец появилась Англия. В 1937 году Гитлер заявил Канарису, что тот может действовать в Британской империи как находит нужным, несмотря на проводимую Чемберленом политику умиротворения.

Начиная с 1933 года несколько нацистских бюро, соперничая с министерством иностранных дел Германии и разведкой, наводнили Лондон своими специальными эмиссарами, основная задача которых состояла якобы в том, чтобы привлечь англичан на сторону Гитлера. Большинство этих лиц открыто подвизалось в роли пропагандистов, но многие одновременно выполняли задания по сбору секретной политической и военной информации.

Сочинитель мифов о нацизме Альфред Розенберг, дилетантски упражняясь в дипломатии с помощью своего внешнеполитического ведомства, в то же время орудовал в Англии через отставного лейтенанта военно-морского флота А. Д. Обермюллера, политического авантюриста барона Роппа и др.

На Британских островах немцам удалось привлечь сотни сторонников, очень часто высокопоставленных лиц, ставших поклонниками нацистов из-за глубокой неприязни к евреям и страха перед коммунизмом. Они были объединены в нескольких внешне респектабельных организациях, таких, например, как общество англо-немецкой дружбы и «Линк», или таких, которые собирались в старинных поместьях, вроде Кливленда, принадлежавшего леди Астор. Растущие, как грибы, фашистские «партии» и «клубы» притягивали не только политических подонков и правых экстремистов, но и таких видных и широкоизвестных особ, как генерал-майор Фуллер, адмирал Домвил, вице-адмиралы Пэрри и Поуэлл, виконтесса Доун, леди Пирсон, бывший крупный чиновник в Индии Глэдвин Джэбб, бригадный генерал Блэки, герцог Бэдфордский. Секретная фашистская агентура старалась использовать этих людей для пронацистской пропаганды и шпионажа. Розенберг кичливо заявлял, что его организация поддерживала связь с такими руководящими фигурами в английских правящих кругах, как Фэйнс — адъютант герцога Коннаутского, полковник Маккоу — секретный консультант военного министерства, некий Бэдлоу, названный «личным секретарем премьер-министра Макдональда».

Прибалтийский немец Розенберг мнил себя специалистом по Англии, а на самом деле всецело зависел от Роппа и его информации, и Ропп хорошо на этом зарабатывал, одинаково часто поставляя своему шефу как достоверные сведения, так и дезинформацию. Он был одним

из наиболее загадочных и влиятельных политических авантюристов той эпохи, когда процветали темные личности подобного типа. Сын разорившегося прибалтийского помещика и русской аристократки, он получил образование в Германии, а в 1910 году поселился в Англии, где одно время был пехотным офицером, а позднее служил в ВВС. С Розенбергом Ропп познакомился через своих старых приятелей в Германии, прежде всего через известного журналиста Арно Шиккеданца, тоже выходца из Прибалтики, фашиста по убеждению, сотрудника «Фелькишер беобахтер», где главным редактором был Розенберг. Начав с этого знакомства, Ропп ухитрился пробраться в самые верхи нацистского руководства.

Ропп и его жена-англичанка переселились в Берлин, сняли уютную квартиру и вскоре стали широко известны своим гостеприимством. Розенберг представил его Гитлеру, тот сразу проникся расположением к хорошо информированному прибалту из Лондона, и между ними установились дружеские отношения. Гитлер использовал Роппа как своего конфиденциального консультанта по Англии и откровенно делился с ним некоторыми планами и намерениями. Ропп отблагодарил фюрера тем, что стал главным ходатаем по делам англо-немецкого сближения. Он выступал как личный представитель Гитлера в беседах с теми влиятельными англичанами, которых главарь нацистов хотел бы сделать своими сторонниками. Как хвастливо заявлял Ропп, он неоднократно привозил в Германию многих своих высокопоставленных друзей из Англии — «нескольких лордов, двух генералов, адмирала, журналистов», а потом уверял Гитлера, что на них произвело огромное впечатление все увиденное в третьем рейхе.

Совсем немного времени потребовалось Роппу, чтобы прочно закрепиться в положении «английского агента» Розенберга с прямым доступом в Уайтхолл и Букингемский дворец, с одной стороны, и к Гитлеру — с другой. Не был ли он агентом-двойником? Единственным человеком, кто в этом подозревал Роппа и даже предупреждал Гитлера, был Путци Ханфштенгел — сумасбродный шеф канцелярии фюрера, занимавшийся иностранной прессой. Розенберг как-то рассказал Роппу о подозрениях Ханфштенгела, но тот лишь отмахнулся и презрительно бросил: «Всем известно, что он псих». Гитлер продолжал по-прежнему доверять своему «другу».

В те годы многие англичане, которым следовало бы

проявлять большую осмотрительность, поддерживали близкие отношения с нацистами, и Ропп без особого труда выуживал у британских друзей и знакомых ценную информацию. Подчас он поражал Гитлера и Розенберга своими связями с весьма именитыми персонами, причем не всегда это было просто бахвальство.

Война не прервала необычных отношений между Гитлером и Роппом, хотя последний к тому времени перебрался в нейтральную Швейцарию. Во время войны Гитлер неоднократно вызывал его в Берлин для «консультаций».

Среди секретных бумаг Альфреда Розенберга я обнаружил некоторые документы, свидетельствующие о его попытках осуществить свой наиболее честолюбивый замысел: без ведома МИД Англии установить тесное сотрудничество между ВВС Великобритании и тайно возрождавшейся немецкой военной авиацией. За реализацию этого плана принялся было Ропп, но задача оказалась ему не по плечу, и тогда руководство операцией взял на себя сам Розенберг.

Лейтенант Обермюллер, с нетерпением поджидавший случая на деле применить свои шпионские способности, выяснил, что штаб немецких ВВС, пока еще закамуфлированный, проявляет особый интерес к секретной информации из Англии. Он поручил Роппу завести связи в соответствующих кругах и приступить к сбору сведений, в которых нуждалась немецкая военная авиация и которые нельзя было получить от других разведывательных служб Германии.

Эрхард Мильх, один из главных организаторов секретного строительства люфтваффе, заинтересовался этим начинанием, и Ропп завязал знакомство с отставным офицером английских ВВС, называемым в материалах «майор У.». Видимо, им был сохранивший кое-какие связи в штабе английских военно-воздушных сил командир эскадрильи Ф. У. Уинтерботем — довольно загадочный завсегдатай фешенебельных клубов Лондона. Во время первой мировой войны его самолет сбили над Германией, и до конца военных действий он просидел в немецком лагере для военнопленных. После войны Уинтерботем получил высшее юридическое образование, однако некоторое время занимался разведением свиней. В 1929 году его взял к себе начальник английской «Secret Intelligence Service» (СИС) адмирал Хью Синклер. Уинтерботем стал начальником отдела службы, занимавшейся сбором информа-

ции о ВВС других стран, и офицером для связи с военноразведывательным управлением штаба военно-воздушных сил Великобритании.

Уинтерботем пошел на сближение с Роппом, надеясь войти в доверие к немцам и как можно больше разузнать о тайнах новых германских ВВС. Такое развитие событий вполне устраивало и Роппа. Уинтерботем усиленно делал вид, что одобряет стремление третьего рейха возродить свою военную авиацию, поскольку это положило бы конец господству в воздухе авиации Франции и Советского Союза.

Создавшееся положение показалось Обермюллеру настолько многообещающим, что он специально побывал в Лондоне для личного знакомства с таким интересным человеком, как друг Роппа. В феврале 1934 года Уинтерботем приехал в Германию в отпуск, и Розенберг с гордостью представил его не только Мильху, нескольким генералам, председателю германской федерации воздушного спорта Бруно Лоерцеру (в действительности «федерация» представляла собой одно из прикрытий для воссоздаваемых ВВС), но также Гессу и даже самому Гитлеру. Как записал Розенберг в своем дневнике, Уинтерботем передал Гитлеру «привет от английских летчиков». Это вовсе не было ложью, ибо министры авиации лорд Лондоерри и лорд Суинтон в течение некоторого времени играли руководящую роль в тех влиятельных политических сферах Великобритании, которые проводили политику умиротворения Германии. Политиканы из авиационных кругов добивались «взаимопонимания» с гитлеровским правительством, исходя из того, что рост немецкой воздушной мощи есть необратимый процесс и потому надо как-то договориться с Гитлером, чтобы эта мощь не обрушилась на Англию.

Уинтерботем вернулся в Лондон вместе с Лоерцером, и тот доложил Розенбергу, что Уинтерботем представил штабу ВВС «блестящий доклад» о новой Германии и познакомил его с одним из руководителей авиационной фирмы «Бристоль» Бартлеттом, который согласился поддерживать негласные деловые отношения с тайно возрождаемыми люфтваффе. В этом не было ничего удивительного. Даже в то время, когда Версальский договор еще полностью сохранял силу, английские военные промышленники открыто предлагали третьему рейху свою продукцию, включая типы вооружения, запрещенные договором.

Ропп продолжал укреплять дружбу с Уинтерботемом,

надеясь «еще глубже проникнуть» в министерство авиации. В своем дневнике, в записи от 11 июля 1934 года, Розенберг отметил, что его человек, Обермюллер, побывал в Лондоне, где был радушно встречен Уинтерботемом и имел «очень результативные беседы» с министром авиации лордом Лондодерри и майором Бойлем из разведывательного управления ВВС.

Обермюллер вернулся с приятными новостями. Он доложил Розенбергу, что прогерманские круги министерства авиации пытаются добиться назначения Уинтерботема военно-воздушным атташе в Берлине взамен занимавшего эту должность полковника авиации Ф. П. Дона, который, по словам Обермюллера, «совершенно не разбирался в немецкой действительности», но посылал штабу английских ВВС «крайне враждебные Германии доклады». Назначение Уинтерботема не состоялось, но он заверил своих немецких друзей, что в Берлин будет послан новый атташе, «свой парень», ему немцы могут доверять и показывать все, взамен чего он, Уинтерботем, устроит «такие же поездки по Англии немецкому военно-воздушному атташе». Через некоторое время полковник Дон был действительно отозван из Берлина.

ВВС Германии, весьма заинтересованные в достижениях «взаимопонимания» с английскими ВВС, согласились с предложением Уинтерботема. Для того чтобы избежать случайностей, способных скомпрометировать столь важный канал связи и информации, и сохранить его в секрете даже от тогдашнего военно-воздушного атташе в Лондоне генерал-майора Веннигера, в немецкое посольство в Великобритании был специально направлен разведчик с паспортом обычного дипломата. Ему вменялось в обязанность поддерживать связь между Уинтерботемом и начальником разведывательного управления штаба ВВС Германии майором Шмидтом.

В сентябре того же года в Берлин приехал представитель дирекции авиационной фирмы «Бристоль» Бартлетт с рекомендательным письмом от Уинтерботема. Он заявил Розенбергу, что командование английской военной авиации «готово оказать всяческую помощь немецким ВВС, причем МИД Великобритании об этом ничего не будет знать». Розенберг передал сообщение заместителю министра авиации генералу Мильху, но тот не только с нескрываемым недоверием отнесся к словам англичанина, но поставил под сомнение правомочия и искренность Уинтерботема. «Я поверю, — сказал он, — когда

готовность ВВС Англии сотрудничать с нами без ведома МИД будет письменно подтверждена на бланке министерства авиации». Такого «подтверждения» Розенберг представить не мог. Так Уинтерботем стал одной из причин распри между бюро Розенберга и группой Мильха.

В декабре Розенберг пожаловался Гитлеру, что «бюрократы из люфтваффе» ставят под угрозу его бесценный секретный канал связи с министерством авиации Великобритании. По указанию Гитлера Геринг занялся расследованием и пришел к выводу, что офицеры Мильха, в отличие от шарлатанов и дилетантов Розенберга, не только не «ставили под угрозу» этот канал, но превратили его в важное средство достижения «взаимопонимания», которого так добивались обе стороны. Стало очевидно, что дальнейшее участие Розенберга и Роппа не требуется, и дело целиком перешло к профессионалам-военным.

В конце 1936 года министерство авиации Великобритании официально предложило люфтваффе — и немцы согласились — обмениваться информацией и визитами. Это беспрецедентное обоюдное соглашательство продолжалось до 1937 года, то есть еще в течение двух лет после того, как в марте 1935 года Гитлер объявил о создании немецких ВВС. Это представляло собой открытое надругательство над ст. 198 Версальского мирного договора, запрещавшей Германии обладать военно-воздушными силами как сухопутного, так и морского базирования.

Между тем Розенберг, отстраненный от участия в укреплении связи с английскими ВВС, вернулся к столь излюбленной им тайной дипломатии, продолжая плести в Англии политические интриги. Ропп наконец проник в самые верхи английского общества и поразил своего шефа Розенберга новым триумфом. Он прислал из Лондона строго секретное донесение о том, что ему удалось получить согласие «политического советника короля Георга V» быть конфиденциальным эмиссаром Гитлера и таким образом организовать, как потом выразился Розенберг, «прямой канал связи с Букингемским дворцом». Этот контакт был настолько секретным, что Ропп не решился сообщить подробности почтой и в феврале 1935 года приехал в Берлин лично доложить Розенбергу, что его новый агент — это не кто иной, как герцог Кентский, младший сын Георга V. У них уже состоялось несколько тайных встреч, причем одна из бесед продолжалась далеко за полночь. Все услышанное от Роппа произвело на

Розенберга такое впечатление, что он тут же помчался к Гитлеру похвалиться своим потрясающим успехом.

Учитывая весьма деликатный характер этой истории, я особенно тщательно пытался проверить ее, однако результаты проверки лишь частично подтверждают утверждения Роппа. Герцог Кентский в самом деле встречался с Роппом по предварительной договоренности и знал, что тот — немецкий агент, но у них состоялось не «несколько встреч», а лишь одна — 23 января 1935 года, причем они действительно проговорили до рассвета. Герцог подтвердил Роппу, что Англия примирилась с решимостью Гитлера вновь вооружить Германию, ну а дальше? Кто такие новые владыки Германии? Неисправимые агрессоры или их еще можно приручить и уговорить действовать в соответствии с общепринятыми политическими и дипломатическими нормами? Каковы истинные цели Гитлера, Гесса, Геринга, Геббельса?

В документах захваченных секретных архивов не говорится, получил ли этот контакт Роппа дальнейшее развитие. Герцог Кентский, довольно ненадежный и безответственный человек, больше интересовался астрологией, френологией и оккультными науками, чем нацизмом. Никакого доступа к «коридорам власти» он не имел и не добивался. Он не был подходящим партнером для такой игры. Пронацистские симпатии, якобы обнаруженные у него гитлеровцами, лишь отражали взгляды его старшего брата — наследного принца, а затем короля Эдуарда VIII. Тот действительно безудержно восхищался Гитлером и его «успехами» в деле возрождения Германии как оплота против большевизма. Однако, насколько можно установить, никакой секретной информации герцог непосредственно агентам Розенберга или Риббентропа не передавал, хотя некоторые из них в своих сообщениях ссылались на него как на источник. В Берлине и после начала войны продолжали считать герцога Кентского пронацистом. После того как он погиб в 1940 году в авиационной катастрофе на пути в Америку, начальник разведывательного бюро МИД Германии Рудольф Ликус в своем некрологе высказал предположение, что «инцидент организован английской разведкой с целью отделаться от него, прежде чем он поставит королевскую семью в еще более неловкое положение своими открытыми симпатиями к делу Германии».

Возможно, герцог Кентский был одним из экспонатов в блестящей коллекции Роппа, однако другие высокопо-

ставленные особы оказались куда услужливее и полезнее. Как увидим ниже, германские разведчики в Берлине и Лондоне получали от них массу политической и некоторую военную информацию в те кризисные дни, когда подобная осведомленность о намерениях и возможностях противников была позарез нужна Гитлеру для осуществления его планов.

Путци Ханфштенгел оказался прав: Ропп обслуживал двух хозяев — был двойником — и отлично справлялся с такой «нагрузкой». Его особенность как двойника состояла в том, что каждой стороне он служил одинаково ревностно и преданно. Непримируемый враг большевизма, он считал, что спасти Европу от советской угрозы может лишь союз Германии и Великобритании. Вплоть до начала военных действий он настойчиво добивался, чтобы Великобритания до поры до времени оставалась нейтральной и берегла силы для неизбежной войны с Россией. Ропп был полезен для обеих сторон как передатчик информации, добываемой на самом высоком уровне, что давало Гитлеру возможность следить за развитием событий в Великобритании, а англичанам хотя бы отчасти проникать в сумасшедшие замыслы и сокровенные мысли Гитлера.

В отличие от довольно поверхностной военной информации, которую немецкая военная разведка получала из Англии, политическая информация оттуда отличалась точностью и достоверностью, что объяснялось главным образом помощью высокопоставленных друзей немецких агентов. Все это принесло Гитлеру фантастические дивиденды.

МИССИЯ В ФОРТ-БЕЛЬВЕДЕР

Стоял март 1936 года. Гитлер виделся с Канарисом чаще, чем когда-либо со времени прихода адмирала в абвер. Из журнала встреч Гитлера известно, что между декабрем 1935 и мартом 1936 года он встречался с Канарисом 17 раз, причем всегда с глазу на глаз.

Столь участвовавшие беседы объяснялись быстрым развитием событий в Европе. Канарис информировал Гитлера о связанных с ними мероприятиях абвера.

1935 год ознаменовался рядом исключительно важных акций. После плебисцита 7 марта Саарская область вновь вошла в состав Германии. В результате англо-германского соглашения от 18 июня Германия получила право на строительство военно-морского флота общим тоннажем в одну треть тоннажа военно-морских сил Великобритании. Давней вражде с Польшей пришел конец после того, как фюрер, поразив весь мир, подписал с Пилсудским договор о дружбе. Гитлер отказался выполнять статьи Версальского договора о разоружении, нарушив тем самым хрупкое равновесие в Европе и вынудив другие страны немедленно принять контрмеры. 2 мая 1935 года Франция и Советский Союз парафировали договор о взаимопомощи. Через две недели такой же договор был подписан между СССР и Чехословакией.

Реакция Гитлера была скорой и бурной. Он решил послать войска в Рейнскую демилитаризованную зону и приказал генералу Бломбергу начать штабную подготовку к вторжению. Согласно ст. 42 и 43 Версальского мирного договора, Германии запрещалось содержать или строить военные укрепления в демилитаризованной зоне, на левом берегу Рейна и в 50-километровой полосе на его правом берегу, а также содержать или сосредоточивать здесь вооруженные силы, проводить военные маневры и т. д. Этот запрет был подтвержден в 1925 году Локарнскими соглашениями, под которыми стоит и подпись Германии.

Группа специально подобранных офицеров, давших обязательство соблюдать строгую секретность, быстро разработала план операции, получившей кодовое наименование «Schulung» («Упражнение»), и 16 июня 1935 года полковник Йодль представил его на рассмотрение Совета обороны. Однако осуществление плана пришлось отложить. Гитлер не хотел идти на риск столь агрессивной акции без какого-нибудь благовидного предлога. К тому же военный министр Бломберг неоднократно докладывал Гитлеру о неуверенности в успехе своих генералов, ссылавшихся на то, что рейхсвер еще слишком слаб и плохо оснащен для авантюры, в которую, как они подозревали, Гитлер намеревался броситься.

26 декабря Канарис доложил Гитлеру, что штабы французской и английской армий начали переговоры о координации своих действий на случай, если в Рейнской области возникнет тревожное положение.

11 февраля 1936 года французский кабинет включил

в повестку работы Национальной ассамблеи вопрос о ратификации ранее парафированного договора с Советским Союзом.

В тот же день Канарис попросил Гитлера о встрече и сообщил ему только что полученную от парижского резидента информацию.

Едва Канарис ушел от Гитлера, как тот вызвал Бломберга и приказал подготовиться к началу операции «Упражнение» в самое ближайшее время. 27 февраля Бломберг доложил, что подготовка закончена, и получил указание приступить к осуществлению намеченного плана 7 марта. За пять дней до этой даты, 2 марта, Бломберг передал приказ фюрера начальнику генерального штаба генералу Беку и главнокомандующему генералу Фритшу. Фритш заявил, что все, чем он располагает для подобной авантюры, — это 35 тыс. солдат и офицеров, из которых можно сформировать только одну боеспособную дивизию. В свою очередь Бек утверждал, что французы могут быстро отмотилизовать 20 прекрасно оснащенных дивизий и разгромить слабые части Фритша. Генералы информировали Гитлера о своих сомнениях, но тот ответил:

— Я знаю, что делаю. У меня есть абсолютно надежные сведения, что французы не двинут против нас ни одного солдата. Но вы убедитесь не только в этом. Освободив Рейнскую область из-под версальского ига, мы поставим мир перед свершившимся фактом, на том дело и кончится.

Сразу вслед за этим началось скрытое продвижение немецких войск к границам Рейнской области. К исходным пунктам одновременно перебрасывалось не больше батальона, с тем чтобы понести минимальные потери, если французы вдруг предпримут контратаку. Командиры передовых частей получили запечатанные пакеты с приказом немедленно отходить, как только встретят хотя бы передовые патрули франко-английских войск.

Между тем дешифровальная служба немецких ВВС, читавшая французский дипломатический шифр, регулярно представляла тексты перехваченных и расшифрованных телеграмм французского посла в Берлине Франсуа Понсэ. Еще с ноября 1935 года Понсэ настойчиво предупреждал Париж, что Гитлер намерен использовать заключение франко-советского договора в качестве предлога для оккупации Рейнской демилитаризованной зоны и лишь выжидает соответствующий момент. 13 февраля

1936 года Понсэ телеграфировал, что Гитлер «готовит почву для похода в Рейнскую область».

Среди обильной информации, поставляемой Канарисом Гитлеру, последнего особенно заинтересовало одно сообщение. По данным высокопоставленного агента абвера во французском МИД, «непременной составной частью французских военных планов является обязательное участие англичан. Главнокомандующий французской армией генерал Гамелен заявил министру иностранных дел Франции Фландену, что он не может (или не хочет) посылать войска в Рейнскую область, если не присоединятся англичане». В то же время тогдашний министр иностранных дел Германии Нейрат твердо заверял Гитлера, что англичане вовсе не намерены оказывать французам помощь, на которой настаивает Гамелен. Эти категорические утверждения весьма осторожного дипломата, каким был Нейрат, основывались на многочисленных телеграммах немецкого посла в Лондоне Леопольда фон Хёша, находившегося в Англии с 1932 года. «Запад не выступит» — таков был основной смысл его донесений.

Прекрасные источники информации позволяли Хёшу правильно оценивать политику Великобритании и ее намерения. Он пользовался исключительной популярностью в высшем английском обществе и расположением МИД Великобритании, где ему полностью доверяли постоянный заместитель министра Ванситарт и заведующий департаментом Центральной Европы Ральф Уигрем. Он был в близких отношениях не только со все растущей пронацистской кликой из фешенебельных кварталов Лондона, но также с Уинстоном Черчиллем, Арчибалдом Синклером и даже Эрнестом Бевином. Особенно тесные связи он поддерживал с королевской семьей. Сама королева называла его «мой любимый иностранец», он часто гостил в ее поместье в Аскоте. Самые приятельские отношения сложились у него с наследным принцем Уэльским. Хёш запросто называл будущего короля «Дэвидом», а тот его «Лео». Хёш обрел в лице принца не только друга и постоянного партнера по теннису и гольфу, но нечто гораздо большее. Он был для него лучшим источником информации, а их дружба сыграла важную роль, когда принц Уэльский стал королем Великобритании под именем Эдуарда VIII. Это произошло 20 января 1936 года, после смерти Георга V. Уже на следующий день Хёш в своем донесении министерству иностранных дел Германии, характеризую нового короля, писал:

«Король Эдуард VIII в одних отношениях напоминает своего отца, в других, однако, очень от него отличается».

Вероятно, важное различие между отцом и сыном состояло, по мнению посла, в их отношении к третьему рейху.

«Георг V критически относился к Германии... король Эдуард питает теплые чувства к ней. Во время частых и продолжительных бесед с ним я убедился, что они достаточно глубоки и сильны для того, чтобы противостоять враждебным влияниям».

Совсем недавно, 15 января, сообщал посол, он получил дополнительное доказательство этого. Будущий король информировал его, что твердо намерен поехать летом в Берлин на Олимпийские игры. Свое донесение Хёш закончил так:

«В любом случае мы можем твердо рассчитывать, что трон Великобритании займет король, вполне понимающий Германию и стремящийся установить хорошие отношения между нею и Великобританией».

Новый английский король в своих симпатиях к гитлеровской Германии заходил еще дальше, чем Хёш сообщал в Берлин. В одном из своих донесений посол докладывал, что 11 апреля 1935 года в беседе с ним наследный принц горячо уверял его в своих симпатиях к рейху и резко критиковал МИД Великобритании за «недостаточное понимание Германии и ее стремлений». Он доверительно сообщил послу, что полностью согласен с введением в Германии обязательной воинской повинности, провозглашенной Гитлером за несколько недель до этого в нарушение Версальского договора. Взгляды принца, по сообщению посла, полностью соответствовали взглядам Гитлера, и, заканчивая беседу, он заверил Хёша, что не только согласен с «возрождением Германии», но и полон решимости «способствовать» этому.

Родственник английской королевской семьи герцог Карл Эдуард Кобургский, часто посещавший Лондон и прозванный «нацистским герцогом» за свою близость к Гитлеру, агентом-двойником которого был, в январе 1936 года, уже после смерти Георга V, по личному поручению фюрера трижды беседовал с Эдуардом VIII. По донесению герцога, как только он поднял вопрос о желательности встречи между Гитлером и тогдашним британским премьер-министром Болдуином для дальнейшего

укрепления англо-германских отношений, король воскликнул: «Я сам хочу поговорить с господином Гитлером и готов сделать это здесь или в Германии! Пожалуйста, так и передайте ему». Несколько позже Эдуард попросил немца держать в секрете их беседу, так как несвоевременное ее разглашение лишь помешало бы ему со всей решимостью добиваться дальнейшего сближения Великобритании и Германии.

В субботу 7 марта 1936 года, почти сразу после того, как Гитлер заявил в рейхстаге, что «у нас нет территориальных требований в Европе», немецкие войска вступили «для мирной гарнизонной службы в западную провинцию рейха». Как Канарис и уверял Гитлера, французская армия без поддержки англичан не сделала и шага к Рейнской демилитаризованной зоне. А Лондон хранил молчание. Лишь в понедельник английский министр иностранных дел Иден побывал в Париже, но только для того, чтобы посоветовать французам не спешить и передать вопрос в Лигу наций.

Еще 21 января 1936 года Хёш, характеризуя нового короля, писал:

«Он глубоко убежден, что в наше время война уже не является средством урегулирования международных споров. Более того, он уверен, что новая европейская война приведет к развалу Европы, ее погружению в большевизм, а следовательно, к гибели цивилизации. Оставаясь приверженцем старинных английских парламентских традиций, Эдуард VIII тем не менее обладает глубоким пониманием путей, по которым следуют другие государства, особенно Германия».

Рассчитывая именно на «глубокое понимание» английским королем пути следования нацистской Германии, немецкий посол вечером 9 марта отправился в Форт-Бельведер на тщательно законспирированную встречу с Эдуардом.

Вернувшись в посольство около девяти часов вечера, Хёш рассказал советнику-посланнику Бисмарку и представителю официального немецкого телеграфного агентства Гессе, что его доводы произвели «самое благоприятное впечатление на человека доброй воли, каким, несомненно, является король», и что ему удалось убедить Эдуарда «ходатайствовать перед Болдуином о мире».

Поздно вечером в посольстве раздался телефонный звонок. Хёш поспешно поднял трубку.

— Алло, — слышался знакомый голос. — Это вы, Лео?

— Да, сэр.

По словам Гессе, Эдуард сказал послу:

— Слушайте внимательно. Я только что виделся с премьер-министром. Войны не будет!

Позднее Гитлер исчерпывающе охарактеризовал роль Эдуарда в событиях тех дней. Отказ англичан воевать за демилитаризованную зону, заявил он, объясняется вмешательством английского короля в тот критический момент.

На следующий день, принимая французского министра иностранных дел Фландена, Болдуин сказал ему:

— Если есть хотя бы один шанс из ста, что результатом вашей ответной акции будет война, я не имею права вовлекать в нее Англию... Англия не готова к войне.

Кризис миновал. Гитлер не только остался в Рейнской демилитаризованной зоне, но и упрочил свое положение.

Ральф Уингрем из министерства иностранных дел Великобритании, провожая уезжавшую ни с чем французскую делегацию, пробормотал: «Теперь война неизбежна, и она будет самой ужасной из всех войн».

БИТВА ТРОЯНСКИХ КОНЕЙ

Каждый, кто, приезжая в Англию или уезжая из нее, проходил проверку у инспекторов британской иммиграционной службы, поймет самочувствие шпиона, прибывшего с секретным заданием. В действительности эти «инспектора» — сотрудники служб безопасности. «Черные книги», которыми они постоянно пользуются, заполнены фамилиями «нежелательных» лиц, по тем или иным причинам представляющих интерес для английской полиции или английской контрразведки МИ-5. «Черные книги» содержат довольно подробные сведения, и потому направляемые в Англию разведчики изощряются в попытках скрыть свое подлинное лицо.

Однако у немца, высадившегося 29 августа 1935 года в Гарвиче, предстоящая проверка не вызывала опасений, он не сомневался, что не значится в списке международ-

ных мошенников. Герман Герц приехал из Гамбурга под своей настоящей фамилией. Все сведения в его паспорте не расходились с тем, что он сообщил о себе инспектору иммиграционной службы, — за исключением цели приезда.

«Я адвокат, специализируюсь по международному праву, еду в Кембридж для изучения английских законов, регулирующих экспорт. Кроме того, у меня есть и другая причина для визита. Я взял годичный отпуск для работы над книгой об одной ганзейской семье, корни которой обнаруживаются как в Германии, так и в Англии». Герц вынул из портфеля рукопись и предъявил инспектору. «Теперь, когда я закончил немецкую часть, английскую, мне кажется, целесообразнее писать здесь, у вас».

Инспектор поставил соответствующую печать в паспорте Герца, и в Англии появился крупный агент, специально посланный немецкой разведкой для выполнения особого — разового — задания.

Герц отправился на берег Альбиона по требованию Геринга и должен был путем личных наблюдений решить, кто прав в споре о характере развития военной авиации Великобритании. В прошлом кадровый военный летчик, он утверждал, что она в основном представляет собой авиацию стратегического назначения и что Великобритания создает мощный бомбардировочный флот, нацеленный на Германию. Разведывательное же управление штаба немецких ВВС доказывало, что англичане развивают авиацию оборонного характера с преобладанием в ней истребителей-бомбардировщиков.

Как только Герц предложил себя для поездки в Англию и сбора информации в подтверждение своего мнения, несколько высших офицеров немецких ВВС попросили Канариса взять его в абвер и организовать ему этот вояж. Канарис согласился тем охотнее, что Герц, как специальный агент, вполне подходил для подобной миссии. Он был хорошо образован и наделен разносторонними способностями. После первой мировой войны (на фронте Герцу часто приходилось допрашивать пленных английских и американских летчиков) он занимался адвокатской практикой в Гамбурге, одновременно представлял в Англии фирму «Сименс» и часто бывал в этой стране. Герц регулярно занимался спортом, хорошо плавал и боксировал, разбирался в музыке, рисовал, писал очерки, рассказы и пьесы, обладал незаурядными математическими и топографическими способностями. В характе-

ристике, хранившейся в личном деле Герца в абвере, отмечалось, что «ему достаточно мимолетного взгляда на карту, чтобы потом совершенно безошибочно ориентироваться на местности».

И все же, несмотря на такой блестящий отзыв, те, кто непосредственно готовил Герца к поездке в Англию, не разделяли энтузиазма Канариса в отношении нового агента. Он был неудачником во всех своих предприятиях, будь то различные деловые начинания или адвокатская практика, женитьба или даже его любимое занятие в свободное время — литературный труд. Желание Герца отправиться в Англию в роли шпиона объяснялось главным образом стремлением избавиться от неприятностей в личной жизни — ему грозили банкротство и разрыв с женой.

Однако Канарис настоял на своем, и 45-летний авантюрист отбыл в Англию. Его деятельность в этой стране продолжалась всего семьдесят один день, причем действительно шпионажем он занимался только сорок.

Герц благополучно прошел проверку иммиграционной службы и направился в местечко Милденхолл в графстве Кент, поскольку оно находилось поблизости от нескольких баз и учреждений английских ВВС. У некоей миссис Джонсон он снял домик под названием «Хэвелок» и 14 сентября переехал в него, «чтобы приступить к работе над своей книгой». Он явился в сопровождении миловидной 19-летней блондинки Марианны Эмиг, увлекавшейся планерным спортом и представленной хозяйке домика как секретарь-машинистка.

Герц и Эмиг приехали на новеньком мотоцикле и уже на следующий день приступили к «исследованиям». Они появились в расположенном неподалеку Менстоне, где Эмиг, начиная свою недолгую карьеру «роковой женщины», завязала знакомство с молодым солдатом Кеннетом Льюисом и принялась флиртовать с ним. Пока Герц старательно зарисовывал аэродром, Эмиг выжимала из Льюиса нужные сведения.

Так они ежедневно посещали различные пункты, где находились базы ВВС. Эмиг или действовала в качестве приманки, или стояла настороже, пока Герц зарисовывал аэродромы, очень довольный, что доступ к нужным ему секретам оказался таким легким, и уверенный, что все идет гладко.

Однако Эмиг, несмотря на молодость и неопытность, инстинктивно чувствовала, что дела обстоят не так бле-

стяще, как полагает ее партнер. Льюиса насторожило чрезмерное любопытство Эмиг, и он доложил начальству о слишком уж любезной чете, с которой так мило болтал за выпивкой в ее уютном домике. Сообщение солдата дошло до полковника Кука из МИ-5, и по его указанию Герц и Эмиг были взяты под тщательное наблюдение. Теперь детективы негласно сопровождали их во всех поездках в Восточной Англии, Норфолке, Суффолке и Линкольншире и установили, что Герц зарисовывает или фотографирует аэродромы.

23 октября, после повторного посещения Менстона, Герц и Эмиг обнаружили слежку. По возвращении в «Хэвелок» нервы Эмиг не выдержали, и она принялась настаивать на немедленном отъезде таким угрожающим тоном, что Герц решил сам отвезти ее в Гамбург. К тому же за сорок дней он собрал столько материала, что считал необходимым лично доложить о нем в абвере.

В Берлине Герца встретили с распростертыми объятиями и осыпали похвалами. И то и другое оказалось преждевременным. Герц и Эмиг вызвали подозрение не только у Льюиса, но и у своей английской квартирной хозяйки, и она заявила на них в полицию. Приехавший в «Хэвелок» Кук вскрыл чемодан Герца и нашел в нем все доказательства шпионских занятий «адвоката»: специальный фотоаппарат, дневник со сведениями об аэродромах, подробные заметки с военной информацией и многочисленные зарисовки различных баз ВВС.

Между тем Герц 8 ноября спокойно вернулся в Англию. Его тут же арестовали и привлекли к ответственности за нарушение закона об охране государственных секретов. Вначале англичане, видимо, не придали серьезного значения этому делу, рассматривая его как неловкую попытку слишком старательного вольнопрактикующегося разведчика, но затем два обстоятельства заставили их изменить мнение. В домике, из которого так поспешно выехал Герц, миссис Джонсон нашла копию его заявления о зачислении в абвер и шифр. А 7 марта, за два дня до окончания судебного процесса, гитлеровская армия в нарушение Версальского мирного договора вступила в Рейнскую область.

Англичане намеревались осудить Герца условно и выслать из страны. Теперь же, когда обнаруженные материалы уличали Герца в принадлежности к абверу, а также под влиянием событий на Рейне суд приговорил его к четырем годам тюремного заключения.

Провал Герца в абвере расценили просто как неудачу мужественного человека, оказавшегося жертвой риска, неизбежного в профессии разведчика. Герц сам помогал возникновению различных небылиц вокруг своего имени. Из тюрьмы он тайком переслал письмо одному другу в Германии, в котором, говоря о мягком приговоре суда, писал: «Я сделал гораздо больше. И англичане знали обо мне тоже много больше того, в чем нашли нужным публично обвинить меня».

Канарис рассматривал неудачу Герца как удар по своему авторитету и принял все меры, чтобы облегчить его судьбу. Из кассы абвера он перевел через семью Герца деньги на адвоката для провалившегося шпиона и назначил ежемесячное пособие не только его жене, но и любовнице. Он ни в чем не винил Герца и не считал его провал заслугой англичан; он почему-то был убежден, что Герца выдал кто-то из абверовцев и что нужно принять решительные меры к укреплению внутренней безопасности в центральном аппарате ведомства.

С этой целью Канарис вызвал к себе своего старого друга и сослуживца, опытного и умного контрразведчика Протце, больше известного среди коллег как «дядя Рихард». Лиса среди лис, непревзойденный циник, он считал человека виновным даже в том случае, когда его невиновность полностью доказана. Протце в то время руководил небольшим контрразведывательным подразделением, носившим условное название «Hauskapelle» («Домашняя капелла»), призванным вести негласное наблюдение за сотрудниками абвера.

Протце заявил своему шефу, что единственно верный способ предотвратить проникновение вражеских агентов в абвер состоит в том, чтобы внедрять своих людей в разведку противника и через них своевременно узнавать о ее попытках в этом направлении. Каждая разведка имеет отдел, в задачу которого входит вербовка агентуры специально во вражеских разведслужбах.

По указанию Канариса Протце создал и возглавил особое, глубоко законспирированное в самом абвере подразделение «Geheime Verbindungen» («Секретные связи»), причем лишь немногим посвященным разрешалось употреблять только начальные буквы его названия — «СС». Функции подразделения никогда и нигде не разглашались.

Специальной директивой Канариса обязанности Протце и руководимой им организации определялись так:

1) вербовать агентуру для использования на специальной работе за границей и для активной обработки подозреваемых в шпионаже, а также резидентур и личного состава вражеских разведок;

2) находить пути и средства проникновения в разведки противников для сбора информации о их методах, планах и намерениях;

3) развивать секретные связи с теми, при чьей помощи можно снабжать разведывательные службы противника дезинформацией.

Внедрение в разведку противника всегда представляет наиболее трудную и опасную часть шпионажа. Но «дядя Рихард» обладал для этого всеми необходимыми талантами. Одному из своих помощников, капитану Адольфу Фельдману, архитектору по образованию, опытному и квалифицированному контрразведчику по специальности, он поручил то, что было тогда весьма сложной задачей: проникновение в английскую разведывательную службу.

Английской разведкой в то время руководил непрочный триумвират из ее начальника адмирала Хью Синклера и двух его заместителей: бывшего крупного чиновника индийской полиции полковника Вивиана и полковника территориальной армии Клода Дэнси, после первой мировой войны избравшего профессию разведчика.

Сам Синклер почти не занимался повседневными делами разведки, передоверив их заместителям, хотя знал, что они терпеть не могут друг друга и заняты склокой, по существу парализовавшей всю работу.

Вспыльчивый, самоуверенный и невероятно нудный, Дэнси пользовался такой репутацией, что даже сегодня, много лет спустя после его смерти, о нем вспоминают с отвращением. Главным объектом нападок Дэнси избрал Вивиана, и со временем отношения между ними настолько испортились, что Синклер вынужден был вмешаться и взять Вивиана под свою защиту. Он отстранил Дэнси от работы и разрешил появляться в стенах учреждения только за тем, чтобы получать почту. Стареющий разведчик понимал, что ему грозит отставка, и принялся настойчиво добиваться какого-нибудь другого места — все в той же СИС, пусть и не в ее центральном аппарате. В конце концов, Синклер уступил просьбам Дэнси послать его в Италию для организации внедрения шпионской агентуры в Германию. Вскоре, однако, Италия оказалась Дэнси неподходящим местом для такой работы,

он перебрался в Швейцарию и в течение года создал там организацию, названную им «Зет».

Так усилиями Дэнси английская разведка в Европе оказалась расчлененной надвое. Часть ее, руководимая в центре Вивианом, не претерпела изменений. Она состояла из ряда резидентур, или станций, закамуфлированных под отделы паспортного контроля посольств и миссий Великобритании в европейских странах. Резидентами руководили кадровые разведчики, обычно выступавшие в роли заведующих отделами и на правах дипломатов пользовавшиеся дипломатическим иммунитетом.

Резидентуры «Зет» функционировали независимо от них; они располагали своей агентурой и связниками, своими шифрами, кодами и каналами связи с Центром. Даже территориально они, как правило, размещались отдельно от резидентур Вивиана, обычно под «крышей» торговых представительств и других учреждений. Добиваясь независимости, Дэнси настолько законспирировал резидентуры «Зет», что даже не все резиденты Вивиана знали о существовании параллельной организации СИС, оперировавшей на одной с ними территории.

К 1935 году Германия практически оказалась в кольце английских резидентур, принадлежавших подразделениям СИС и работавших в Вене, Цюрихе, Брюсселе, Гааге и Копенгагене. Уже вскоре немцы столкнулись с некоторыми проявлениями деятельности резидентур «Зет». В годовом отчете абвера за 1935 год отмечается, что примерно десять процентов иностранных шпионов, разоблаченных в Германии в том году, являлись агентами какой-то новой, таинственной организации, подлинный характер и принадлежность которой даже Протце пока не мог определить.

На третьем году существования «Зет» две из ее резидентур приобрели особую важность. Первая — копенгагенская — руководила двумя крупными подрезидентурами, успешно собиравшими информацию в Германии. Вторая действовала в Гааге. Резидентом Дэнси здесь был кадровый разведчик, отставной капитан английской армии Бест, проживавший в Голландии еще со времени первой мировой войны. Вместе с двумя голландскими партнерами он основал экспортно-импортную фирму, женился на дочери голландского адмирала, был вхож в высшее общество столицы. Его дом был широко известен гостеприимством, отличной кухней и превосходными концертами для гостей.

Бест руководил несколькими агентурными группами, причем ни одна из них не знала о существовании других, а членам группы запрещалось знать друг друга и тем более общаться. В доме Беста находилась главная контора его процветающей фирмы «Континентал трейдинг компани», за фасадом которой скрывался центр активно-го шпионажа.

Другой разведывательный центр располагался в доме № 57, на тихой и уютной улице Ниуеве Парклаан, протянувшейся вдоль одного из каналов. На начищенной до блеска медной пластинке у главного входа значилось, что здесь помещается отдел паспортного контроля английского посольства. Это была резидентура полковника Вивиана со штатом из 11 человек. Ею руководил майор Дальтон, так же как и Бест, кадровый разведчик и ветеран первой мировой войны. Обязанности его заместителя выполнял некий Ян, он же Аугустус де Фремери, он же капитан Хендрикс — довольно темная личность. Резидентура имела радиостанцию, которую обслуживали радисты Инман и Уэлш.

Резидентура Дальтона состояла из большой группы важных агентов, завербованных главным образом двумя его помощниками. Один из них — бывший голландский следователь Вринтен — поддерживал важные контакты во всех необходимых местах. На английскую разведку он работал с 1919 года. Непосвященные знали Вринтена как владельца информационного бюро, занимавшегося частным сыском и проверкой кредитоспособности клиентов различных финансовых учреждений, но это была только «крыша» для его истинных занятий вербовщика резидентуры Дальтона и связника между ним и голландской полицией.

Другим незаменимым помощником Дальтона был 30-летний Джон Хупер, натурализованный британский подданный, голландец по рождению. Он пользовался полным доверием своего шефа, по его поручению вел список агентуры и отвечал за хранение добытых материалов. В его списке значилось 52 главных агента, не считая многочисленных подагентов, работающих преимущественно в Германии. Резидентура поддерживала тесную связь с голландской военной разведкой, начальник которой полковник Оршот являлся агентом Дальтона номер 945. Таким образом, сотрудники Оршота обслуживали одновременно двух хозяев — его самого и Дальтона.

В 1936 году английскую колонию в Гааге потрясла новость: 4 сентября Дальтона нашли мертвым в его доме. Те, кто знал, чем он в действительности занимался, заподозрили убийство, однако прибывшая в Гаагу следственная комиссия СИС быстро установила, что Дальтон покончил с собой, так как растратил две тысячи фунтов из секретных средств резидентуры на любовницу и не смог покрыть недостачу. У сотрудников голландской разведки существовало мнение, что другой причиной самоубийства Дальтона явилось разоблачение его махинаций с английскими паспортами и въездными визами в Палестину, которые он продавал богатым евреям из Германии, бежавшим от преследования нацистов.

Место Дальтона занял некий Чидсон, но вскоре выяснилась его полная непригодность, и уже через несколько месяцев резидентом под «крышей» заведующего отделом паспортного контроля стал майор Ричард Стивенс, занимавшийся до этого примитивной пограничной разведкой в Индии. Стивенс свободно владел немецким, французским и русским языками, но в Европе никогда не работал. «Я согласился поехать в Гаагу, — утверждал он впоследствии, — только после того, как убедился, что моему начальству известно об отсутствии у меня необходимого опыта и подготовки и о том, что я считаю себя совершенно непригодным для такой работы». Стивенсу не только не сообщили о подлинной причине смерти Дальтона, но и не поставили в известность о существовании параллельной резидентуры Беста. Да и ту агентуру, которая поступала теперь под его руководство, ему охарактеризовали в самых общих чертах. Стивенсу объяснили, что его назначение было вызвано необходимостью наладить отношения с резидентом французской разведки в Гааге, испорченные его предшественником.

Стивенс быстро убедился, что его резидентура представляет четко и успешно работающую организацию, постоянно пополняющую свои ряды за счет завербованных Вринтенем в Германии антифашистов.

Те, кто следил за перипетиями тайной борьбы разведок по скупым газетным публикациям, не могли и представить, какие масштабы принял шпионаж в Европе в те годы. По мере углубления кризиса, вызванного захватом Австрии, и в связи с угрозами Гитлера Чехословакии англичане всемерно усиливали вербовку агентуры в Германии. Из шести агентов, казненных в Германии в 1936 году, четверо были английскими; десятки агентов, арес-

тованных немцами и ожидавших решения своей участи, были заброшены англичанами из Голландии и Дании. Допросы схваченных разведчиков позволили Протце и Фельдману составить некоторое представление о загадочной агентурной сети, однако они все еще не могли добраться до ее руководителей. Проблески успеха появились лишь летом 1936 года.

Близ Магдебурга арестовали некоего Густава Гофмана — его застали за фотографированием секретных объектов. На допросе он признался, что является шпионом, что завербовал его голландец и что этот голландец тоже работает на английскую организацию в Гааге. Несколько позже был арестован другой английский агент — немецкий инженер Рихард Ланге, завербованный тем же голландцем из Гааги. Ланге стал английским шпионом из чувства ненависти к фашистам и вскоре зарекомендовал себя как один из лучших агентов резидентуры. Но успехи вскружили ему голову, он превратился в продажного профессионала, и Дальтону приходилось платить ему значительно больше, чем другим. Случилось так, что резидентура задолжала Ланге несколько сот фунтов стерлингов, и тот никак не мог получить деньги, несмотря на неоднократные требования. В конце концов, Вринтен пошел на то, чтобы организовать ему встречу с «самим боссом». Так Ланге стал единственным агентом гаагской резидентуры, который лично знал резидента.

Во время встречи Дальтон уплатил Ланге часть долга и заверил, что остальную сумму он получит уже в Германии. Ланге вернулся в Гамбург с новым заданием англичан, но денег так и не дождался. На допросе он со всеми подробностями рассказал о своей работе на английскую разведку.

Итак, Дальтон стал для немцев вполне реальной личностью. Теперь им можно было заняться вплотную. Но когда Фельдман специально с этой целью приехал в Гаагу, Дальтон был уже мертв. Тем не менее Фельдману удалось собрать немало материалов о гаагской резидентуре СИС и убедить Протце, что решительное наступление на англичан в Голландии имеет бесспорные шансы на успех. Протце, занятый в то время другими перспективными делами, предложил Фельдману самому отправиться в Гаагу и организовать внедрение немецких агентов в английские резидентуры. Однако Канарис решил, что для этой цели больше подходит именно Протце.

...Они — Протце и его давняя секретарша, помощница

и любовница Елена Скродзки (в абвере за ней закрепилось прозвище — тетя Лена), а теперь — фрейлейн Шнайдер, — появились в Гааге осенью 1937 года, сняли виллу в городке Вассенаар, близ столицы, и стали готовиться к схватке с английской разведкой. Но все оказалось не так просто, как предполагал Фельдман. Протце, несмотря на всю его хитрость и решимость, пришлось ждать почти полгода, пока из-за промаха противника перед ним не открылась возможность добиться цели.

Однажды в теплый июльский вечер Протце и тетя Лена, возвращаясь к себе из Гааги, заметили, что вместе с ними из вагона поезда вышел невысокий коренастый юноша. Он сопровождал их до самой виллы, постоял, потом повернулся и быстро скрылся за ближайшим углом. Протце показалось, что юноша следил за ними, но с полной уверенностью утверждать это он не мог. На следующий день тот же юноша появился уже на велосипеде и несколько раз объехал вокруг квартала.

В послевоенное время Протце рассказывал мне:

— Потом он сошел с велосипеда и стал прогуливать по улице, временами посматривая на нашу виллу. Все это юноша проделывал довольно открыто, и я подумал, что он либо сотрудник полиции, у которого мы с Еленой вызвали недоверие, либо подослан кем-то из наших противников. Как бы то ни было, я решил узнать, на кого работает этот «бродяга».

На третий день, еще на рассвете, «бродяга» приехал снова. Протце был уже на ногах и, заметив его, отправился на велосипеде на уединенный пляж. Юноша последовал за ним. Протце остановился и раздраженно спросил, что ему надо от него. Не получив ответа, он пригрозил, что обратится в полицию.

На следующий день «бродяга» как ни в чем не бывало опять появился у виллы. На этот раз Протце и в самом деле вызвал полицейского, а в действительности своего доверенного агента, голландского фашиста Хогевеена, ранее агента гестапо, следившего за немецкими эмигрантами в Голландии.

Мнимый полицейский сделал вид, что собирается арестовать «бродягу», но тут «внезапно» появился Протце.

— Я знаю, кто ты! — заорал он. — Ты шпион, посланный следить за мной!

«Бродяга» мрачно молчал, и Протце все тем же тоном осведомился, сколько ему платят за слежку. Задержанный ответил, что он лишь выполняет свою работу.

— Какую работу? — гневно спросил Протце.

И тут юноша признался, что он действует по поручению отдела паспортного контроля британского посольства в Гааге.

Протце сообразил, что наконец-то перед ним открывается возможность, которую он так долго ждал. Он привел юношу на виллу и предложил работать на него. Молодой человек сообщил, что его фамилия Ван-Коутрик (полное имя — Фолкерт Ари Ван-Коутрик), что он работает в фирме «Мюллер и К°», но время от времени выполняет секретные задания по слежке. На этот раз ему поручили наблюдать за «мистером Робертсом» — так он называл Протце — и записывать номерные знаки машин, на которых к нему приезжают посетители. Ван-Коутрик рассказал, что получает от англичан 200 гульденов в месяц (по нынешнему курсу около 60 руб. — *Ред.*) и возмещение «служебных» расходов, хотя за каждый гульден по этой статье ему приходится чуть ли не драться. Протце предложил юноше те же 200 гульденов ежемесячного вознаграждения с гарантией, что он будет получать их без всяких драк. Ван-Коутрик с готовностью согласился (потому что он «любит немцев») и обещал подробно информировать Протце обо всем, что происходит в отделе паспортного контроля англичан.

Ван-Коутрик попал в поле зрения Вринтена в 1937 году, и тот познакомил его, как перспективного кандидата на вербовку, со своим шефом, тогдашним резидентом СИС в Гааге Чидсоном. 24-летний интеллигентный голландец понравился Чидсону, он завербовал его, намереваясь использовать для ведения слежки и как связника, хотя шел на определенный риск, поскольку жена Ван-Коутрика была немкой.

Для начала Ван-Коутрику, получившему псевдоним Оливер Кендалл, поручили следить за германским дипломатом Путлицем, пытавшимся установить связь с английской разведкой. Путлиц стал первым английским агентом, которого Ван-Коутрик выдал Протце. Тот, не называя никаких фамилий, информировал германского посла в Гааге, что «один из его помощников» подозревается в шпионаже на англичан. Удивленный посол, не зная, о ком идет речь, поделился неприятной новостью с... самим Путлицем, чем и помог ему вовремя сбежать в Лондон.

Именно в процессе развития этих событий Ван-Коутрик и стал агентом-двойником. Продолжая, как и преж-

де, работать на англичан, он затем подробно передавал Протце все, что разузнавал у них.

Между тем Протце, не теряя времени, старался как можно полнее использовать представившуюся возможность. Он вызвал в Гаагу Фельдмана. Они купили одну из тех плоскодонных барж, что лениво плавают по грязным каналам Гааги, принесли на нее кинокамеру и поставили судно ярдах в тридцати от входа в отдел паспортного контроля английского посольства. Все посетители здания попадали на пленку, а затем снимки предъявлялись Ван-Коутрику для опознания.

Прошло немного времени, и у немцев оказался почти полный список не только всех постоянных сотрудников английской резидентуры, но и всех посетителей и даже некоторых агентов.

И все же, несмотря на то что Протце сумел внедрить своих людей в резидентуру СИС в Гааге, первой наиболее пострадала от немцев резидентура Дэнси в Копенгагене.

В ноябре 1938 года датчане, обеспокоенные ростом иностранного шпионажа в Дании, активизировали деятельность своей контрразведки и арестовали двух диверсантов — Вальдемара Пётша и некоего Кнуеффкена. Они считали, что арестованные работали на немцев, но на следствии Кнуеффкен сознался, что выполнял задания англичан. Теперь датчане и рады были бы дать отбой, но сообщение об арестах уже появилось в прессе, и задержанных пришлось судить. Процесс проходил при закрытых дверях, однако немцам удалось раздобыть материалы допросов и признание Кнуеффкена и почерпнуть из них немало ценных сведений о структуре и деятельности английской разведки в Европе. Почти одновременно агент абвера — начальник копенгагенской полиции — сообщил не менее важные данные о работе англичан в Дании и в других Скандинавских странах.

У Протце возникла мысль — во что бы то ни стало выкрасть Пётша из датской тюрьмы и вынудить его на откровенный разговор об английской агентуре в Германии. Даже после того, как датчане узнали о намерениях немцев и разрешили Дэнси тайно вывезти Пётша на торговом пароходе, Протце не охладел к своему замыслу, предложил послать за пароходом торпедный катер, захватить его и привести в какой-нибудь балтийский порт. Затея сорвалась из-за отказа Канариса санкционировать ее, и Пётша благополучно доставили в Бельгию.

Провал в Дании заставил англичан хотя бы временно перенести работу своей разведки против Германии в Гаагу. Но здесь по-прежнему подвизался Протце, и у него теперь был Ван-Коутрик. Всегда настроенный скептически, Протце, особенно вначале, не питал иллюзий в отношении молодого голландца, тем более что тот явно хитрил. Однако обстановка постепенно менялась, а вместе с ней менялся и сам Ван-Коутрик. Он все больше отходил от англичан и сближался с немцами, его отношения с Вринтенем и Стивенсом с каждым днем ухудшались. Стивенс становился все более скупым и придирчивым в денежных расчетах, а Протце все более щедрым. Ван-Коутрик тщательно скрывал свою связь с немецкой разведкой, не давая Стивенсу ни малейших оснований подозревать его в предательстве. И все же он перестал быть английским шпионом, он служил теперь только немцам. Голландец доносил Протце о каждом английском агенте, подготовленном для заброски в Германию, о его задании, пути следования, прикрытии; агент обезвреживался сразу же, как только прибывал к месту назначения. Стивенс не мог не замечать странных осечек своей резидентуры, но мысль о предательстве не приходила ему в голову.

В начале 1939 года Ван-Коутрик вывел Протце на английского агента, разоблачение которого оправдало все — энергию, время и средства, затраченные немцами на противоборство с английской разведкой в Голландии.

В ходе расследования причин самоубийства Дальтона выяснилось, что в растрате секретных средств в равной мере замешан его помощник Джон Хупер. Оказывается, он обнаружил, что Дальтон запускает руку в кассу резидентуры, и пригрозил разоблачить шефа, если тот откажется делиться с ним. Дальтон согласился. На допросе в следственной комиссии Хупер во всем сознался. Дэнси предложил тайком ликвидировать растратчика и шантажиста, но Вивиан не согласился. По понятным соображениям дело Хупера не могло быть передано полиции. Его просто выгнали из разведки в том же, 1936 году.

Некоторое время Хупер торговал в Роттердаме запасными частями к самолетам, не подозревая, что его разыскивают. А разыскивали его двое. Во-первых, полковник Дэнси: он вдруг пришел к выводу, что бывший помощник Дальтона слишком ценный работник, чтобы отказываться от его услуг из-за таких пустяков, как шантаж и растрата. Во-вторых, Протце: этот решил, что английский

разведчик-вор может оказаться ценной находкой для немцев. В конце концов Хупера отыскал в Роттердаме Ван-Коутрик и весной 1939 года познакомил с ним Германа Гискеса, руководившего тогда вместе с Фельдманом немецкой контрразведывательной работой против англичан в Гааге, поскольку Протце приходилось держаться в тени.

Обозленный на своих бывших хозяев из английской разведки, Хупер без колебаний согласился служить немцам и, вдохновляемый щедрым вознаграждением, передал Гискесу немало ценных секретов англичан, хотя уже несколько лет не поддерживал с ними никакой связи. Вскоре, однако, запас информации у Хупера иссяк, и он занялся всевозможными домыслами. Гискес уличил его во лжи и пригрозил прекратить выплату денег. И тогда Хупер решился выдать самого ценного агента, которым тогда располагала в Германии гаагская резидентура СИС.

Еще в 1919 году англичане завербовали в Гамбурге демобилизованного немецкого офицера, назвав его «доктор К.». Бывший военный моряк, он создал в Киле инженерно-консультационную фирму, которая обслуживала главным образом военно-морской флот. Неудивительно, что глава фирмы знал все его секреты, тем более что многие из них представляли собой его реализованные изобретения. Положение «доктора К.» позволяло ему в одиночку снабжать английскую разведку исчерпывающей информацией обо всем, что происходило в ВМФ Германии.

Несмотря на строжайшую конспирацию вокруг всего, что касалось «доктора К.», Хупер знал и о нем, и о методах его работы. В разговоре с Гискесом Хупер поинтересовался, сколько он может получить, если выдаст «доктора К.». Гискес пообещал 10 тысяч гульденов: пять — как только Хупер назовет его имя и фамилию, и остальные пять — как только «доктора» арестуют.

Получив задаток, Хупер сообщил, что «доктор К.» — это Отто Крюгер. Он постоянно проживает в Годесберге, около Бонна, но на встречи с резидентом английской разведки приезжает в Голландию и останавливается в отеле «Амштел», в Амстердаме, или в отеле «Индес», в Гааге.

Когда Гискес доложил обо всем Протце, тот был потрясен. Ведь он знал Крюгера по совместной службе на флоте. Целых двадцать лет его бывший сослуживец вел двойную жизнь! Фирма его процветала, он стал богатым

и солидным дельцом, в 30-х годах его избрали членом совета директоров федерации немецких промышленников, а один из технических институтов Германии присвоил ему звание почетного доктора технических наук. И все это время Крюгер был английским шпионом!

Англичане тщательно камуфлировали свою связь с Крюгером. Способный инженер, он сделал несколько ценных изобретений в области военно-морского дела и продал патенты английским и голландским фирмам. Довольно значительные средства, которые английская разведка выплачивала Крюгеру, переводились на его банковские счета как деньги за продукцию, произведенную по купленным патентам.

Немецкая контрразведка взяла Крюгера под негласное наблюдение: установила микрофоны у него в конторе и дома, систематически подслушивала телефонные разговоры, подвергала перлюстрации переписку, тщательно следила за его частной жизнью. Однако никаких компрометирующих материалов добыть не удалось. Инженер вел совершенно нормальный для человека его положения образ жизни — не пьянствовал, не играл в карты, не имел любовниц, не употреблял наркотики, на его счета в банках никаких необъяснимых вкладов не поступало, скрытых источников доходов он, видимо, не имел.

В конце июня, после посещения работавших на полную мощность верфей фирмы «Блом и Фосс» в Гамбурге и расположенной там же военно-морской базы, Крюгер отправился в обычную деловую поездку в Голландию. Хупер еще раньше рассказал Гискесу, что именно во время этих поездок солидный джентльмен превращается в шпиона. Гискес привел в готовность ранее завербованную агентуру в отелях «Амштел» и «Индес» и установил за Крюгером тайную слежку.

На этот раз Крюгер приехал прямо в Гаагу, получил номер в отеле и некоторое время никуда не выходил. Один из агентов Гискеса, дежурный по этажу, где находился номер Крюгера, донес, что на полу в его комнате разбросаны листы бумаги с напечатанным на машинке текстом. Вообще-то Крюгер хранил в памяти самые сокровенные секреты ВМФ Германии, но, приезжая в Голландию, переносил их на бумагу для вручения своим английским хозяевам.

В тот же вечер Крюгер ужинал с какой-то пожилой четой в фешенебельном ресторане. В половине десятого

ему подали машину, и он отправился на виллу в приморском курортном городке Шевенинген.

Негласный обыск в номере Крюгера никаких улик против него не дал. Пожилой человек, с которым он ужинал, оказался его деловым партнером. Агент, наблюдавший за ними во время ужина, не заметил ничего подозрительного. На вилле в Шевенингене Крюгер пробыл несколько часов и вскоре после полуночи вернулся в отель.

За исключением времени, проведенного на вилле, ничто не вызывало подозрений в поведении Крюгера. Полученные о владельце виллы сведения тоже ни о чем не говорили. Не морочил ли голову Хупер, рассказывая о Крюгере? Гискес уже начал опасаться, что 5 тысяч гульденов выброшены на ветер.

Но как все же с этой непонятной поездкой в Шевенинген? Вилла принадлежала бельгийцу Аугустусу де Фремери, человеку, как видно, обеспеченному, однако, как Гискес ни старался, никаких подробных сведений о нем получить не удалось.

— Имя Аугустуса де Фремери о чем-нибудь говорит тебе? — спросил Протце у Ван-Коутрика на очередной встрече.

— Конечно! — сразу же ответил голландец. — Это Ян, он же капитан Хендрикс.

Хендрикс, как уже говорилось, был заместителем резидента английской разведки, закамouflированной под отдел паспортного контроля.

8 июля Хупер получил остальные 5 тысяч гульденов. А днем раньше, 7 июля, «доктор К.», он же Отто Крюгер, был арестован в Гамбурге и во всем сознался. 4 сентября 1939 года, на следующий день после объявления Англией и Францией войны Германии, Крюгер покончил с собой в тюрьме.

Так завершилась первая фаза операции Протце. Английская разведывательная сеть, созданная Дальтоном, оказалась разгромленной. Все его агенты были либо казнены, либо осуждены и ожидали казни, либо, временно оставаясь на свободе, находились под наблюдением.

«ДЖОННИ» РАДИРУЕТ ИЗ «ГОЛЬФ-КОРТА»

В ночь на 28 августа 1939 года, за несколько суток до начала войны, в специальном радиоцентре абвера, в Вольддорфе, около Гамбурга, дежурила очередная смена тщательно подобранных высококвалифицированных радистов. Центр занимал два бетонированных бомбоубежища с десятками звукоизолированных кабинок. В каждой из них дежурил радист с приемником, настроенным на волну определенной длины. Единственная задача Центра состояла в поддержании радиосвязи с агентами абвера, разбросанными по всей Западной Европе. Абвер уже несколько дней находился на военном положении.

В 4.30 утра 28 августа один из дежурных радистов, Гейнц Валенти, уловил в хаосе атмосферных помех и бесчисленных радиопередач знакомый почерк агента, человека крайне раздражительного и нетерпеливого. Агент настойчиво передавал трехзначные группы — ALB SSD QRV. Это означало, что у него есть весьма срочное сообщение. Затем Валенти поймал и само сообщение. Его текст оказался настолько искаженным радиопомехами, что Валенти удалось расшифровать только обрывки некоторых фраз:

«... как... караван кораблей резерва ВМФ отправляется из Портм... в Гибралтар семь тридцать...»

И все же капитан Риттер из гамбургского подразделения абвера испытывал удовлетворение. Это была первая, пусть и невнятная, информация от его «Джонни», особо важного агента абвера номер А-3504, переданная из «Гольф-корта» (так на жаргоне абверовцев называлась Англия), из затемненного, словно вымершего, дома в пригороде Лондона Кингстоне, неподалеку от парка Ричмонд, хотя этот район, заселенный солидными лондонцами, казался совсем неподходящим местом для подобных «черных» дел.

«Джонни», или Артур Джордж Оуэнс, родился в 1899 году в Уэльсе, жил в Канаде, а в 1933 году вернулся в Англию, где некий Гамильтон, владелец одной из фирм, заинтересовался его изобретением — аккумуляторами нового типа, которые могли бы найти применение в воен-

но-морском флоте. Гамильтон помог Оуэнсу создать собственную фирму для продажи некоторых его изобретений. Доходы от нее позволяли Оуэнсу вполне безбедно жить с женой и ребенком в собственном доме в Хэмстеде, однако тихая семейная жизнь его не устраивала. Обаятельный, живой и в то же время вероломный и продажный, он вечно нуждался в средствах для оплаты своих беспорядочных любовных связей и виски, к которому питал неумеренное пристрастие. Он с удовольствием выполнял роль коммивояжера своей собственной фирмы и постоянно разъезжал, бывал в Голландии, где поддерживал тесные деловые связи с гигантской фирмой «Филиппс», в Бельгии и Германии.

Из деловых поездок Оуэнс возвращался с некоторыми сведениями технического характера и безвозмездно передавал их британскому военно-морскому министерству. В начале 1936 года он решил, что может кое-что подзаработать, если будет получать за свою информацию определенную плату. Видимо, разведывательное управление штаба ВМФ нашло требование Оуэнса резонным и высказалось за его регулярное использование на агентурной работе. Оуэнса представили полковнику Пилу из «Интеллидженс сервис», и тот завербовал его.

Но вскоре Оуэнс начал разочаровываться в своих шефах — отчасти из-за высокомерного отношения к нему Пила, но главным образом из-за недостаточного вознаграждения. Чувство недовольства постепенно разбудило дремавшие в нем валлийский национализм и ненависть к англичанам, а затем и жажду мщения.

Как шпион Оуэнс мог многое предложить немцам. Его фирма заключила несколько контрактов с британским адмиралтейством, он мог бывать там в любое время, регулярно посещал такие важные для немцев объекты, как экспериментальные базы ВВС в Фарнборо и Хендоне, знал некоторые из тщательно охраняемых секретов ВМФ и ВВС Великобритании. Немцы, рассуждал Оуэнс, еще больше заинтересуются им, когда узнают, что у него есть друзья из настроенных так же, как он, уэльских экстремистов, причем некоторые из них занимают важные должности, например, на авиационном заводе «Шорт» в Рочестере и автомобильном заводе «Роллс-ройс» в Ковентри. Он полагал, что может создать из них шпионскую группу, если только удастся, не вызвав подозрений у английской разведки, связаться с немцами.

Для этой цели как нельзя лучше подходил существо-

вавший в те годы в Лондоне клуб для немецких горничных, кухарок и т. д., созданный «Трудовым фронтом Германии». Оуэнс стал навещать это заведение якобы для знакомства с симпатичными немецкими девушками, а на самом деле в надежде, что кто-нибудь свяжет его с немецкой разведкой. И он не ошибся. Директор клуба Фердинанд Брюннер являлся лондонским представителем подразделения абвера в Гамбурге, поддерживал связь с одним из руководителей этого подразделения капитаном Дирксом и занимался использованием немецкой домашней прислуги в домах лондонцев для получения нужной абверу информации.

Оуэнс поделился с Брюннером своими симпатиями к Германии и рассказал о поездках в Гамбург и Кёльн.

— Вы не могли бы, — сказал он, — рекомендовать меня кому-нибудь из ваших друзей, которые согласились бы встречаться со мной в вашей стране? Я чувствую себя чертовски одиноко, когда в длинные скучные вечера торчу в номере гостиницы.

Через некоторое время, когда Оуэнс снова наведался в клуб, Брюннер подошел к нему.

— Вы просили найти для вас друзей в Германии. Так вот, я выполнил вашу просьбу, нашел вам приятеля. Он инженер, как и вы, и много разъезжает. Предупредите меня, когда в следующий раз отправитесь в Брюссель, и я помогу вам встретиться. Его зовут Конрад Пайпер.

Оуэнс не сомневался, что Пайпер — человек абвера. Он быстро устроил себе деловую поездку в Брюссель и, полагая, что каждый шпион, чтобы набить себе цену, должен с самого начала произвести «солидное впечатление», остановился в лучшем брюссельском отеле «Метрополь». Отсюда он позвонил по полученному от Брюннера телефону и выяснил, что Пайпер будет в Брюсселе на следующий день и остановится — по «случайному» совпадению — в том же «Метрополе».

Встреча состоялась, но Пайпер ограничился следующим заявлением:

— Я не уполномочен моей фирмой заключать какие-либо деловые сделки, поэтому рекомендую вам поехать в Гамбург и связаться с моей фирмой. Мы торгуем электротоварами и, я уверен, заинтересуемся вашими аккумуляторами, если они действительно так хороши, как вы утверждаете. В Гамбурге вы будете гостем нашей фирмы. Позвоните сразу же по приезде и спросите господина Мюллера. Он наш специалист по сухим батареям,

а к тому же очень светский человек и позаботится, чтобы вы приятно провели время.

В Гамбурге Оуэнс принял «герр Мюллер» — в действительности капитан Диркс. Собеседники быстро нашли общий язык, так как прекрасно понимали, что нужны друг другу. Оуэнс предложил свои услуги абверу, и Диркс принял их. За первой встречей последовали другие — в Кёльне, Брюсселе, Антверпене, куда Оуэнс приезжал по делам своей фирмы.

И все же Диркс относился к Оуэнсу настороженно, его не оставляла мысль, что новый агент мог быть подослан англичанами. Оуэнс же решил до предела свернуть свою связь с полковником Пилом и добросовестно работать на немцев.

Со временем подозрения Диркса стали рассеиваться, он все лучше узнавал Оуэнса и считал его простым и бесхитростным человеком. Трезвый или пьяный, Оуэнс никогда не скрывал своих многочисленных пороков и немногих достоинств, своей англофобии, и в конце концов Диркс поверил ему даже без особой проверки. Правда, он устроил несколько примитивных ловушек, какие обычно применяются для разоблачения шпионов и подосланных противником агентов, но Оуэнс безукоризненно выдержал испытание.

На встречи с Дирксом Оуэнс приносил кое-какой «улов»: интересные сплетни о высокопоставленных чиновниках адмиралтейства и министерства авиации, немало чисто технической информации. Но это было далеко не все, что требовалось Дирксу. Он занимался в основном военно-морской разведкой, Оуэнс же плохо разбирался во всем, что касалось военно-морского флота Англии, а его связи в адмиралтействе оказались поверхностными.

Зато Оуэнс многое знал об английской авиационной промышленности. Его фирма довольно часто выполняла заказы министерства авиации, он посещал некоторые тщательно охраняемые базы британских ВВС. На одну из встреч Диркс пришел с человеком, которого интересовало именно то, чем Оуэнс располагал в изобилии. Он представил его как «доктора Рантцау» из экспортно-импортной фирмы «Рейнгольд и К^о». Хотя Диркс и Оуэнс давно уже прекрасно понимали друг друга и между ними установились довольно близкие отношения, Диркс все еще носил теперь уже ненужную маску бизнесмена.

Под именем «доктора Рантцау» выступал еще один

офицер немецкой разведки — капитан Н. Риттер. С этого летнего дня 1937 года Оуэнс стал работать главным образом под его руководством, превратившись, по оценке Риттера, в первоклассного агента.

Сам Риттер тоже вел двойную жизнь. Для камуфляжа своей разведывательной деятельности он располагал по меньшей мере четырьмя «крышами» в виде четырех различных фирм, каждая из которых имела свою отдельную контору в деловой части Гамбурга. Одна из фирм называлась «Рейнгольд и К^о» — в качестве ее представителя Диркс и представил Риттера Оуэнсу.

Риттер частично «законсервировал» Оуэнса, иными словами, рекомендовал ему не проявлять особой активности впредь до возникновения каких-нибудь чрезвычайных обстоятельств или войны между Германией и Великобританией. Условились, что встречаться будут лишь изредка, во время приездов Оуэнса в Голландию, Бельгию или в Гамбург по делам его фирмы, появление же таких дел — для прикрытия их связи — обеспечит, как это и было впоследствии, немецкая разведка. Отправляясь на встречу, Оуэнс не должен брать с собой никаких секретных материалов, а все добытые сведения докладывать устно. К письменным сообщениям ему разрешалось прибегать, только когда возникнет необходимость безотлагательно передать особо важную информацию. Для этой цели его снабдили специальным шифром и адресом «почтового ящика» в Гамбурге.

Именно так осуществлялась связь с Оуэнсом до конца 1937 года, когда на очередной встрече он заявил, что будет, пожалуй, лучше, если Риттер до поры до времени полностью его «законсервирует». Предложение показалось Риттеру резонным, и он согласился.

В действительности же весьма важные обстоятельства вынудили Оуэнса подать Риттеру такую мысль: перед ним возникла реальная угроза провала. Его отношения с Пилом окончательно испортились, и, хотя у полковника не было веских оснований не доверять Оуэнсу, тем не менее он поручил специальному отделу Скотленд-ярда «на всякий случай» присматривать за валлийцем.

На первых порах ничего подозрительного в поведении Оуэнса обнаружить не удавалось, главным образом потому, что эпизодическое наблюдение за ним велось только в Англии и не могло зафиксировать его встреч с Риттером за границей. Но однажды было перехвачено письмо Оуэнса, отправленное на почтовый ящик № 629 в Гам-

бурге. Само по себе письмо казалось безобидным — в нем Оуэнс назначал «доктору Рантцау» встречу и указывал день. Однако английская контрразведка знала, что почтовый ящик № 629 принадлежит абверу, и этого было достаточно, чтобы всерьез заняться отправителем письма.

Оуэнсу не помешали поехать за границу на встречу с «доктором Рантцау» — теперь, правда, с него не спускали глаз. Так англичане получили бесспорные доказательства вины Оуэнса. Оставалось только арестовать его, но Оуэнс делает хитрый ход. Он обнаружил, что за ним ведется наблюдение, и решил, пока не грянул гром, явиться в Англию с повинной. Договорившись с полковником Пилом о встрече, он рассказал ему заранее придуманную на случай провала басню.. Вот как она изложена в справке, составленной английской контрразведкой МИ-5 по поводу всей этой истории:

«Сноу» (кличка Оуэнса в «Интеллидженс сервис») сообщил, что он познакомился на деловой почве с немецким инженером Пайпером и попытался получить у него некоторую информацию. Первые переданные немцем сведения не представляли особого интереса, а на дальнейшую оплату информации у Оуэнса не было денег. Тогда Пайпер предложил ему работать не на англичан, а на немцев. Оуэнс заявил на допросе, что он согласился, но лишь для того, чтобы внедриться в немецкую разведку в интересах англичан. Заручившись согласием Оуэнса, Пайпер организовал ему встречу с работниками абвера. Так Оуэнс стал немецким агентом».

Разумеется, Пил не поверил ни единому слову Оуэнса и сказал, что немедленно распорядится арестовать его как немецкого шпиона. Однако в той же справке МИ-5 читаем:

«При решении вопроса о привлечении «Сноу» к уголовной ответственности возникли некоторые трудности из-за его предыдущей связи с СИС, поэтому никаких мер против него не принято».

Больше того, Оуэнсу разрешили уезжать из страны, когда ему заблагорассудится, и так же свободно возвращаться, заниматься делами своей фирмы в Англии и за границей и даже, как и раньше, посещать засекреченные базы ВВС. Поскольку он, словно ничего не произошло, продолжал работать на СИС, специальный отдел Скотленд-ярда перестал считать его подозреваемым в шпионаже.

Теперь, конечно, «Сноу» не посылал письма в Гамбург по условленному адресу, но его связь с Риттером стала еще теснее. Удовлетворив просьбу Оуэнса «законсервировать» его, Риттер не требовал никакой информации, но всякий раз при встречах в Германии обеспечивал своему подручному сколько угодно развлечений с девицами легкого поведения и более чем обильной выпивкой.

В январе 1939 года «шалостям» Оуэнса пришел конец. По личному указанию Гитлера абвер включился в подготовку к захвату Чехословакии, назначенному на март. Не оставалось сомнений и в том, что близится война с Польшей из-за Данцига и «польского коридора». Центральный аппарат абвера, все его подразделения и отделы, как всегда в периоды кризисов, работали день и ночь, соответствующие указания получила вся агентура на местах, в том числе и в Англии. Для усиления шпионажа на Британских островах туда заблаговременно, поскольку в случае войны это станет сложнее, было заслано несколько лучших агентов, а «Джонни» дали знать, что близится час, когда ему придется вплотную заняться делом.

Во время встреч с Риттером в Германии Оуэнса обучили всяким техническим премудростям разведки и радиоделу. В конце января 1939 года Риттер дипломатической почтой отправил ему портативную радиостанцию самой последней модели. По указанию из Берлина немецкое посольство в Лондоне сдало чемодан с радиостанцией в камеру хранения на лондонском вокзале «Виктория», а квитанцию переслало «Джонни» по его новому адресу. К тому времени он бросил жену и ребенка в Хэмстеде и с новой женой, немкой по происхождению, жил в Кингстоне, в районе, удобном для развертывания шпионской работы.

«Джонни» получил чемодан с радиостанцией в феврале и, не ожидая дальнейших инструкций Риттера, развил бурную деятельность. В упомянутой справке МИ-5 (она хранится в деле «Сноу») довольно неопределенно говорится:

«С конца 1936 года до начала войны «Сноу» работал по существу только на немцев. Это было известно, но никаких серьезных попыток ограничить его деятельность не предпринималось...

В течение трех лет — с 1936 по 1939 год — «Сноу» действовал в Англии как резидент абвера. По его словам, он убедил немцев, что создал сеть из 12—15 под-

агентов. Скорее всего, она существовала лишь в его воображении, хотя утверждать это с полной уверенностью мы не можем».

Вот именно! Под носом у СИС, МИ-5 и специального отдела Скотленд-ярда «Джонни» создал в Англии крупную шпионскую организацию. Сегодня мы знаем об этом из досье «Джонни», хранившегося в абвере, и из моих бесед с Риттером в 1969—1970 годах в Гамбурге, во время которых я показал ему фотокопии переписки между ним и Оуэнсом. Конечно, не всегда и не во всем Оуэнсу сопутствовал успех, но он вовсе не фантазировал, когда говорил о своей агентурной сети. Она состояла, в частности, из валлийских националистов — экстремистов и охватывала 35 важных в военном отношении пунктов.

В начале августа, на последней перед войной встрече с Риттером в Гамбурге, Оуэнс получил согласие абвера на разработанную им самим весьма необычную комбинацию. В случае успеха он мог бы передавать немцам шпионские сведения, не вызывая никаких подозрений. И действительно, Оуэнс не только целых два года после начала военных действий безнаказанно орудовал за спиной английской контрразведки, но по существу превратил ее в свою сообщницу, помогавшую снабжать абвер важной информацией через созданные войной барьеры.

К осуществлению своего замысла Оуэнс приступил вскоре после того, как вернулся из Гамбурга в Кингстон. По указанию Риттера он должен был опробовать полученный радиопередатчик сразу же, как услышит одну из своих любимых песен, исполненную два раза подряд по немецкому радио. Песня прозвучала в полночь 28 августа, а в 4.30 Оуэнс впервые вышел в эфир.

Вторично Оуэнс уселся за свой передатчик в 4.15, на следующее утро. На этот раз он передал метеорологическую информацию — очень подробную, со всеми данными, которые могли потребоваться ВВС и ВМФ Германии: погода в Англии с указанием температуры, барометрического давления, потолка облачности, видимости, осадков, направления и скорости ветра.

В дальнейшем «Джонни» кроме двух регулярных радиосеансов в сутки с информацией о погоде стал выходить в эфир, зачастую пренебрегая конспирацией, как только у него возникала необходимость. Помимо метеосводок, он передавал кое-какую военную информацию, главным образом о развертывании британских ВВС, а также све-

дения, полученные от подагентов в 35 точках Великобритании.

Уже через три недели «Джонни» доказал, что способен на большее, чем добывать информацию о количестве истребителей на том или ином аэродроме или о появлении заграждений из колючей проволоки, скажем, в Дувре. Однажды в нарушение всех правил безопасности, строго соблюдать которые его обязывала немецкая разведка (в частности, ему запрещалось передавать одновременно более 400 букв), он со ссылкой на голландского инженера отделения фирмы «Филиппс» в Англии радировал следующее:

«Вдоль всего английского и шотландского побережья ведется монтаж ультракоротковолновых радиостанций для наблюдения за приближением вражеских самолетов. Утверждают, что приборы этих радиостанций обнаруживают находящиеся в воздухе самолеты с помощью посылаемых направленных и отраженных радиоволн, что позволяет определять расстояние до самолетов.... Подобные радиостанции уже действуют в Суффолке, Эссексе и Кенте. Их легко опознать по стальным или деревянным антеннам высотой в 350 и 240 футов. Другие станции сооружаются... Пытаюсь получить подробности...»

Это была информация исключительной важности. Речь шла об одной из тайн, над разгадкой которой уже давно бились лучшие технические специалисты абвера и разведывательного управления люфтваффе. С 1938 года англичане лихорадочно работали над усовершенствованием радиолокатора как самого надежного прибора в системе ПВО. Со своей стороны, немцы так же настойчиво пытались узнать, не введены ли в действие какие-нибудь из радиолокационных станций. Они и раньше знали об установках, названных Оуэнсом; более того, немецкие самолеты-разведчики сфотографировали их с большой высоты еще в начале 1939 года. Но немцы не имели никаких сведений ни о том, как далеко продвинулось у англичан дело с радиолокатором, ни о степени готовности радиолокационных станций.

Сообщение «Джонни» произвело в абвере впечатление разорвавшейся бомбы, ибо он категорически подтвердил, что три такие станции уже действуют, то есть установил то, что не удалось установить ни с помощью электронной разведки, ни фотографированием. Прочитав радиogramму Оуэнса, Канарис заявил, что вряд ли немецкая разведка еще когда-нибудь получит столь ценную информацию.

4 сентября подданные враждебных государств, проживавшие в Англии, и все подозреваемые в нелояльности или связях с противником получили предписание явиться в полицию и пройти проверку в одном из 120 специальных трибуналов. Из 74 тысяч иностранцев, подвергнутых проверке, 600 человек были признаны «ненадежными» и интернированы, 6800 — «неопределенно надежными» и лишены некоторых прав.

Руководство английской службы безопасности выдавало желаемое за действительное, когда выражало уверенность, что с помощью подобной меры удалось обезвредить всю немецкую агентуру в Англии. Не говоря уже о «Джонни», через «почтовые ящики» в нейтральных странах с абвером начали связываться и другие агенты — например У-3529 (женщина из Борнмута), А-3527 (молодой англичанин немецкого происхождения, завербованный в свое время Дирксом), его брат — А-3528 и др.

4 сентября, в тот день, когда всем подданным враждебных государств и подозреваемым предстояло пройти через «сито» специальных трибуналов, «Джонни», закончив очередной радиосеанс, в 8 часов утра позвонил в Скотленд-ярд и попросил кого-нибудь из сотрудников встретиться с ним на вокзале «Ватерлоо». На встречу приехал инспектор специального отдела Гейген. Видимо, Оуэнс вызвал у инспектора какие-то подозрения, и он арестовал его. Едва оказавшись в тюрьме, «Джонни» потребовал немедленно связать его с полковником Пилом из «Интеллидженс сервис» и вызвать представителей МИ-5. Прибывшим сотрудникам контрразведки он заявил, что хочет отдать им свою рацию, и указал место, где она хранилась у него на квартире. Ее действительно обнаружили там, привезли в тюрьму и... с извинениями освободили Оуэнса — правда, после того, как он продемонстрировал работу станции, связавшись из камеры с радиоцентром абвера в Волдорфе. Так началась задуманная Оуэнсом комбинация.

Даже самый дерзкий шпион понимает, с каким риском связан каждый выход в эфир. Получив 28 августа сигнал Риттера о начале радиосвязи, Оуэнс вышел в эфир не столько для опробования радиостанции, сколько для проверки эффективности английской радиоконтрразведки. Все сошло гладко. Если англичане перехватили передачу, рассуждал Оуэнс (а сегодня мы знаем, что этого не произошло), но ничего не предпринимают, значит они накапливают улики против него.

Вот тогда-то Оуэнс и решил начать свою сложную игру, одним из эпизодов которой была сцена в тюрьме. «Джонни» знал, что, если агенты абвера являлись с повинной и добровольно сдавали свои радиостанции, английские органы безопасности, как правило, считали таких людей искренне раскаявшимися и не подвергали преследованию или перевербовывали для передачи немецкой разведке ложной информации. Обезопасив себя таким образом, он рассчитывал беспрепятственно добывать нужную немцам информацию — лично или через свою агентуру — и передавать абверу более надежным способом, чем радиogramмы, которые можно и перехватить, и расшифровать.

К тому времени в управлении английской контрразведки уже работал так называемый «ХХ комитет», то есть комитет по дезинформации (по-английски «to double cross» — «два икса» или «два креста» — при употреблении в глагольной форме означает «обманывать», «надувать». — *Ред.*). Он был создан с согласия центрального дезинформационного бюро при кабинете министров Англии. Руководил им майор Робертсон, в ведении которого до конца войны находились все радиогры с противником.

По признанию Мастермана, одного из руководителей «ХХ комитета», радиосеанс «Сноу» из тюрьмы сыграл исключительную роль в предпринятых англичанами радиограх с абвером. И МИ-5, и МИ-6 (так теперь стала называться СИС) нисколько не сомневались в честности и искренности Оуэнса и видели в нем особо доверенного агента-двойника, работающего только на англичан. Было решено продолжать постоянную радиосвязь с немцами через его радиостанцию и передавать им дезинформацию с умело вкрапленными в нее подлинными сведениями, чтобы придать ей достоверность или хотя бы вероятность. Правда, самого Оуэнса со временем отстранили от работы с ключом и заменили тщательно подготовленным радистом, обученным безукоризненно имитировать радиопочерк «Джонни».

Однако уже вскоре английские хозяева «Сноу», проявив непостижимое доверие к человеку столь подозрительного поведения, пошли еще дальше. Для своей передачи из камеры в тюрьме Оуэнс выбрал текст, показавшийся англичанам загадочным:

«Должен немедленно встретиться с вами в Голландии. Привезу сообщение о погоде. Радируйте город и гостиницу. Уэльс готов».

В ответ на недоуменные вопросы Оуэнс объяснил, что Риттер ждет от него сообщений о погоде в Англии, а кроме того, требует установления связи с валлийскими экстремистами, которых можно было бы использовать на «специальной работе». Что же касается требования о срочной встрече в Голландии, то единственная возможность доказать Риттеру, что у Оуэнса все благополучно, состоит в продолжении личных контактов с абверовцем. Бельгия и Голландия пока нейтральны. Ему, Оуэнсу, нужно обязательно бывать по делам своей фирмы в Роттердаме и Антверпене. Почему бы не разрешить ему во время таких поездок встречаться с Риттером и дополнительно снабжать «наивных» немцев дезинформацией?

Доводы шпиона показались англичанам вполне логичными. Английская контрразведка не только согласилась с возобновлением деловых поездок Оуэнса, но окончательно убежденная в его честности и преданности фактически организовывала их и оплачивала все расходы.

Риттер получил сообщение «Джонни», переданное из тюремной камеры, и назначил встречу на 28 сентября в Антверпене. В тайной жизни Оуэнса начался невероятный период, в вероятность которого трудно поверить, словно дело происходило не в жизни, а на страницах шпионского романа. Он одновременно работал и на англичан, и на немцев, причем ни одна из сторон не ведала, чем он занимается на территории противника, и лишь с большим или меньшим доверием выслушивала его отчеты.

Время от времени Оуэнс допускал кое-какие промахи, что и неудивительно при таком объеме работы: руководить растущими делами фирмы и обслуживать двух разных шефов; помнить и не путать все свои побасенки и ухищрения; быть «Сноу» у англичан и «Джонни» у немцев; вести три совершенно разных образа жизни — бизнесмена, шпиона у одних и шпиона у других. И тем не менее он ухитрялся благополучно выбираться из всякого рода осложнений, причем так ловко, что все оставались довольны и пребывали в блаженном неведении об истинном характере его кипучей деятельности.

Оуэнс исчез из Лондона утром 28 сентября и уже через несколько часов встретился с Риттером в Антверпене на конспиративной квартире. На вопрос Риттера, почему англичане разрешили ему выехать из Англии в военное время, Оуэнс ответил, что операции его фирмы в Бельгии и Голландии признаны важными для военных усилий

страны и для получения так необходимой ей твердой валюты. Риттер поверил.

Тут же, на встрече, не объясняя Риттеру, что переданные им из Англии сообщения — это подготовленная МИ-5 дезинформация, Оуэнс принялся заново редактировать их, отсеивая выдумки и ложь и оставляя только подлинные факты. Подобные операции он проделывал и в дальнейшем, на последующих встречах, используя, таким образом, английскую контрразведку для снабжения врага важной информацией. 22 октября, например, на очередной встрече, на этот раз в Брюсселе, помимо другой ценной информации, Оуэнс сообщил Риттеру: местонахождение штаба ВВС английского экспедиционного корпуса во Франции, около Страсбурга; расположение аэростатных заграждений, прикрывающих центры связи ВВС и ВМФ Великобритании, около Портсмута; расположение и количество прожекторных частей, приданных береговой обороне в Уэст-Хартлпуле; местонахождение складов военно-воздушных сил в Дидкоте с тремя тысячами двигателей и данные для их быстрого обнаружения с воздуха; описание некоторых методов противолодочной защиты, применяемых британскими эсминцами, и тактики использования глубинных бомб.

Встречи шпиона и его немецкого босса приносили определенную пользу и англичанам. Дело в том, что МИ-5 тогда почти не занималась сбором информации, ограничиваясь выполнением контрразведывательных функций, то есть выявлением и ликвидацией агентов немецкой разведки. Бесчестный, эгоистичный и жестокий, Оуэнс вполне устраивал английскую контрразведку уже хотя бы потому, что, не задумываясь, доносил на своих помощников и коллег, обрекая их на виселицу или расстрел. Его совершенно не волновало, скольких он уже предал и скольких еще предаст.

На встрече в Брюсселе Риттер предложил ему выполнять еще и обязанности связника с некоторыми агентами абвера в Англии, и Оуэнс без колебаний согласился, сразу сообразив, что перед ним открывается дополнительная возможность продлить свое двойственное существование, пусть и ценой жизни других. Риттер передал ему несколько микропленок, размером с почтовую марку каждая, с указаниями для агента абвера А-3527, сообщил его адрес и добавил:

— У нас есть надежный «почтовый ящик» в Борнмуте. С его хозяйкой — агентом У-3529 — мы поддерживаем

связь через Испанию и Швейцарию. В промежутках между нашими обычными встречами мы будем при необходимости связываться с вами через нее и через нее же посылать в срочных случаях деньги.

Оуэнс вернулся в Лондон и снова превратился из «Джонни» в «Сноу». В доказательство своей «честности» и «верности» он тут же передал комитету по дезинформации пленки, предназначенные для А-3527, и все данные как на него, так и на У-3529. Особенно довольной осталась контрразведка, поскольку оба эти шпиона были ей совершенно неизвестны. Одного из них — А-3527 удалось перевербовать, и он стал одним из агентов комитета по дезинформации под кличкой «Чарли». Женщину из Борнмута — агента У-3529 — арестовали, но потом освободили.

В январе 1940 года Гитлер приказал Йодлю немедленно начать подготовку к оккупации Норвегии. Специальная группа штабистов закончила работу через две недели. Операция получила кодовое наименование «Wezer exercise» («Упражнение Везер»). Подготовка к высадке войск в Норвегии велась и в Англии, но если для немцев это не составляло секрета, то англичане знали лишь о намерениях немцев, но не о деталях их плана.

Одновременно разведки стран Восточной Европы стали получать данные о концентрации частей гитлеровской армии в Словакии. Немецкий военно-воздушный атташе в Венгрии заявил начальнику венгерской военной разведки, что вермахт готовится вступить в Румынию, «дабы нефтепромыслы в Плоешти не попали в руки англичан». Информация была незамедлительно доведена до сведения заинтересованных стран, в том числе Англии — через британского посла в Будапеште.

Казалось совершенно очевидным, что очередным объектом гитлеровской агрессии станет юг Европы. На самом же деле и заявление «проговорившегося» немецкого атташе, и другие «факты», словно бы подтверждавшие его слова, были элементами тщательно разработанной абвером кампании дезинформации для обеспечения той внезапности, которая планом Йодля определялась как обязательное условие для успеха норвежской авантюры.

9 апреля 1940 года передовые части гитлеровского вермахта высадились в Норвегии, а 10 апреля Черчилль в разговоре с военно-морским министром Великобритании

Паундом горестно признал, что немцы «опередили, заставили врасплох и перехитрили Англию».

Но могли ли немцы действительно «заставить врасплох и перехитрить» англичан, «спрятать» от них свою экспедиционную армию из шести пехотных дивизий, более чем тысячи самолетов и семидесяти четырех боевых кораблей? Конечно, нет! Английский военно-морской атташе в Дании своевременно информировал британское адмиралтейство о концентрации немецких войск, предназначенных для захвата Нарвика; 6 апреля разведывательные самолеты ВВС обнаружили немецкий военно-транспортный корабль, направлявшийся в Норвегию; 7 апреля воздушная разведка донесла о передвижении эскадры противника в том же направлении; за 12 часов до вторжения адмиралтейство узнало, что польская подводная лодка «Орел» торпедировала немецкий военно-транспортный корабль «Рио-де-Жанейро», причем спасенные с него немецкие солдаты признали, что направлялись в Берген. Поступали и другие сигналы, которые должны были бы насторожить англичан, причем некоторые из них были связаны с деятельностью Оуэнса.

«Джонни» продолжал регулярно встречаться с Риттером. Так, 18 и 19 декабря 1939 года в Антверпене он передал абверовцу подготовленную МИ-5 дезинформацию, но, как всегда, дополнил ее подлинными сведениями, включая данные о местонахождении склада ВВС. Очень важную для немцев новость «Джонни» сообщил Риттеру на одной из встреч в феврале 1940 года: оказывается, ему удалось завербовать сотрудника МИ-5 У. Рольфа. Тот теперь снабжал его ценной информацией о работе английских органов безопасности и уже выдал нескольких агентов английской разведки в Европе — голландцев и бельгийцев.

Очередную встречу, назначенную на 5 апреля в Брюсселе, Риттер отменил, так как был подключен к подготовке оккупации Норвегии и участвовал в разработке срочных мероприятий по Голландии — следующему объекту в планах Гитлера. Отменяя встречу, Риттер сообщил, что не может встретиться с «Джонни» в апреле, и рекомендовал ему воздержаться от поездок в Европу, поскольку «в период между 1 апреля и концом месяца ожидаются важные наступательные операции».

Довольно откровенное заявление Риттера заинтересовало английских хозяев «Сноу», и они настояли на его поездке в Брюссель, куда поспешил и Риттер. Это произошло 6 апреля, за три дня до высадки немцев в Норве-

гии и за пять недель до вторжения в Голландию и Бельгию.

Риттер прямо заявил «Джонни», что теперешняя их встреча может оказаться на неопределенный срок последней, если они не найдут для своих свиданий какого-нибудь безопасного, обойденного войной места. В самое ближайшее время начнется крупное наступление на западе, которое поглотит все те города, где они встречались до сих пор.

— Вы имеете в виду Брюссель и Роттердам? — спросил «Джонни». — Вы готовите...

— Очень скоро единственным местом, где мы сможем видаться, — прервал его Риттер, — будет какое-нибудь пиратское судно посреди Ла-Манша.

Это прозвучало как шутка, но Риттер не шутил.

Еще более серьезным оказался другой сигнал о надвигающейся на Норвегию беде. Радист, заменивший «Джонни» на его радиостанции, заметил все возрастающий объем радиообмена между центром связи абвера в Волдорфе и немецким шпионским кораблем «Видмар», непрерывно крейсировавшим вдоль берегов Норвегии.

Англичане попросту игнорировали и этот, и все другие тревожные факты, не сделав никаких попыток получить через «Сноу» исчерпывающую информацию.

А затем произошли события, резко изменившие всю обстановку. 10 мая, спустя месяц после оккупации Норвегии, гитлеровская армия начала на западе наступление по широкому фронту — от берегов Северного моря до южных границ Люксембурга. Уже в течение первой недели «Джонни» лишился всех своих европейских баз — 14 апреля в результате бандитского налета фашистской авиации был разрушен Роттердам, 17 апреля оккупированы Антверпен и Брюссель. Казалось, дальнейшие встречи между Оуэнсом и Риттером невозможны.

Перед лицом этих грозных событий английские разведывательные службы изыскивали любую возможность, чтобы ориентироваться в стремительно меняющейся обстановке. И тут вновь на первый план выдвинулась фигура «Сноу». Представлялось заманчивым использовать Оуэнса не только для добывания информации у его абверовских хозяев, но и для еще более глубокого внедрения в немецкую разведку, что было особенно важно, так как абвер, несомненно, попытается использовать сложившуюся в Европе военную обстановку для расширения своей шпионской базы в Англии.

Связь между «Джонни» (точнее, выступавшем под его именем радистом) и Риттером в силу военных обстоятельств поддерживалась только по радио, поэтому были предприняты попытки возобновить их личные контакты.

С согласия МИ-5 Оуэнс избрал местом встречи с Риттером Лиссабон и объяснил, что немец, как он сам утверждал, может приехать в любое место Европы. Риттеру же он скажет, что решил побывать в столице Португалии в надежде приобрести новую клиентуру для своей фирмы взамен утраченной в Голландии и Бельгии. 9 мая Риттеру отправили следующую шифровку:

«Располагаю секретными документами. Должен вручить лично. Запросил выездную визу для встречи предпочтительно в Лиссабоне».

Риттер возлагал на «Джонни» примерно такие же надежды, как англичане на «Сноу», тем более что интерес абвера к Англии возрастал прямо пропорционально скорости, с какой гитлеровские танки приближались к Ла-Маншу. Встречу в Лиссабоне он отклонил и выдвинул совершенно фантастический план свидания в Северном море, причем «Джонни» предлагалось прибыть на траулере, а Риттера доставит подводная лодка или гидросамолет!

Это предложение, переданное в Лондон, ошеломило англичан не столько своей нелепостью, сколько сложностью, однако свидание даже в туманном и штормящем Северном море было лучше, чем нигде, и поэтому им пришлось согласиться. «Джонни» радировал Риттеру, что намерен отправиться на траулере одного надежного уэльского рыбака из Гримсби, а спустя несколько дней сообщил, что окончательно договорился с ним, и попросил указать время и точные координаты места встречи в открытом море.

В ответе, полученном 16 мая, Риттер назначил встречу на полночь 21 или 29 мая и передал координаты южнее Доггер-банки.

Английская контрразведка подобрала для «Джонни» траулер «Барбадос», но это было не все. На последней, апрельской встрече с Риттером Оуэнс обещал познакомиться его с одним из своих подагентов, и теперь немец предложил «Джонни» привезти этого человека, намереваясь затем перебросить его в Гамбург для подготовки к диверсионной работе. Английской контрразведке предстояло подыскать для Оуэнса надежного партнера, но

сделать это так, чтобы он не знал, что этот партнер имел какие-то контакты с МИ-5. Выбор пал на одного из осведомителей лондонской полиции, мелкого уголовника по кличке «Бисквит». Уэльские друзья Оуэнса (тоже агенты контрразведки) «случайно» свели и познакомили их, и «Бисквит» охотно согласился сопровождать нового приятеля в поездке, а затем отправиться в Германию для обучения «специальности», которую имел в виду Риттер.

19 мая «Джонни» и «Бисквит», назвавшийся Сэмом Маккарти, заблаговременно отправились на траулере к месту встречи.

«Бисквит» был, конечно, в курсе дела. Теперь уже сам агент английской контрразведки, он в процессе подготовки к экспедиции в Северное море стал склоняться к мысли, что Оуэнс честно работает на МИ-5, но с ее ведома связан с абвером и снабжает немцев дезинформацией.

Во время поездки Оуэнс непрерывно пьянствовал — лечился, по его словам, от морской болезни. Однажды, накачавшись по обыкновению виски, он проболтался Маккарти, что лишь прикидывается агентом-двойником МИ-5, а на самом деле работает только на немецкую разведку. Это признание насмерть перепугало «Бисквита». Он не сомневался, что Оуэнс без колебаний выдаст его немцам, как только заподозрит в нем агента английской контрразведки. Вечером 20 мая «Бисквит» закрыл пьяного Оуэнса в его каюте и приказал капитану траулера вернуться в Гримсби.

Точно в назначенный час Риттер прилетел на гидросамолете на условленное место и, не обнаружив «Джонни», вернулся в Гамбург. Здесь его уже ждала телеграмма. «Вынужден воздержаться от поездки, — говорилось в ней. — За капитаном слежка. Подробности следуют».

На самом же деле у Оуэнса возникли крупные неприятности. Получив донесение «Бисквита» о признании пьяного Оуэнса, контрразведка поручила полиции в Гримсби арестовать «Сноу», как только он сойдет с траулера. При аресте у него обнаружили не только секретные материалы, которые он без ведома англичан намеревался передать немцам, но и несколько сообщений завербованного им Рольфа о работе МИ-5.

Казалось, на этот раз «Сноу» полностью изобличен как предатель и его карьера кончена. Но если Рольфу (как я узнал потом, он значился в абвере агентом

А-3554) пришлось покончить с собой, то Оуэнс с его наглостью и дерзостью не отказался от попыток выбраться даже из такого, казалось бы, безнадежного положения. Пользуясь тем, что «Бисквит» не отличался особой сообразительностью да к тому же окончательно растерялся под градом выдвинутых Оуэнсом обвинений, «Сноу» принялся настойчиво утверждать, будто все секретные материалы он взял с собой ради собственной безопасности, так как боялся предательства Маккарти. Ему, разглагольствовал Оуэнс, не понравилось слишком уж горячее стремление Маккарти стать диверсантом, он заподозрил, что Маккарти — агент гестапо, подставленный немцами с заданием выдать его во время встречи в море. На этот случай он и захватил с собой секретные материалы — с их помощью он доказал бы Риттеру свою невиновность.

Невероятно, но сотрудники английской контрразведки, видимо, поверили объяснению Оуэнса, тем более что уже намеревались отказаться от его услуг, как только удастся перевербовать агента, присланного Риттером на замену «Джонни».

На одной из предыдущих встреч Риттер сообщил своему агенту, что готовит в Бельгии одного южноафриканца, который сменит его в Англии, как только для Оуэнса там сложится угрожающая обстановка. Теперь Риттеру от имени «Джонни» было послано несколько тревожных телеграмм, повторявших в разных вариантах телеграмму от 31 мая, где говорилось: «Начинаю опасаться. Когда придет южноафриканец?»

В начале июля 1940 года абвер, отзываясь на отчаянные просьбы «Джонни», попытался перебросить в Англию южноафриканца и еще двух агентов. Они высадились с яхты в южной части Ирландии и были арестованы, прежде чем успели отправиться дальше.

Лето 1940 года стало одним из самых запутанных и противоречивых периодов в сложной карьере Оуэнса как агента-двойника. Теперь и та и другая стороны ставили под сомнение целесообразность его дальнейшего использования. Английская контрразведка опасалась, что неявка Оуэнса на свидание в море поколеблет доверие Риттера к нему и что немцы могут отказаться от этого бесценного канала связи. Да и в самой МИ-5 «эпизод в Северном море», как называли там несостоявшуюся

встречу, вызывал определенные сомнения в правдивости Оуэнса. Но через некоторое время подозрения и обвинения в его адрес отпали. Не без натяжки было решено, что «все случившееся объясняется главным образом недопониманием «Сноу» и «Бисквитом» мотивов поведения и методов работы друг друга». МИ-5 решила продолжать игру, благо телеграммы, получаемые Оуэнсом из Гамбурга, не давали ни малейших оснований подозревать, что Риттер утратил к нему доверие.

Немцы готовили воздушный блицкриг против Англии. В начале августа «Джонни» получил специальное задание: ежесуточно между полночью и 2.30 утра передавать данные о погоде и как можно чаще сообщать о результатах будущих немецких воздушных налетов. «Джонни» принялся с таким старанием выполнять задание, что если у Риттера и оставались еще какие-то сомнения, то теперь они должны были окончательно рассеяться. Правда, некоторые донесения «Джонни», переданные перед самым началом налетов, удивляют своей невразумительностью и противоречивостью — в них словно отразились нерешительность и сомнения обеих сторон. Так, после точных данных о погоде, температуре, силе и направлении ветра и т. д. следовало сообщение о нехватке сливочного масла или о повышении цен на обувь, а затем шла деловая информация о береговых укреплениях и заграждениях в Дувре, Фолкстоне, Фарнборо и Плимуте, причем мощность укреплений, например в районе Дувра, была явно преувеличена. В другом сообщении утверждалось, что ополченцы получили «тысячи автоматов». В телеграмме от 14 августа безымянные авторы, трудившиеся от имени «Джонни», так перестарались, что чуть не выдали себя. В ней говорилось: «Штаб внутренней обороны начеку. Крупные войсковые части готовы к отражению высадки».

Но вот начались воздушные бомбардировки, и в абвер одно за другим полетели сообщения «Джонни» о их последствиях. 18 августа о налете на Кройдон он радирует: «Сгорел резервуар с нефтью, разрушены приборный завод и посадочная полоса». Вслед за этой — другие телеграммы: «Уимблдон разрушен»; «В Мортон-Мэлдене горят сотни домов, вокзал и заводы»; «Аэропорт в Биггинхилле разрушен»; «Во время налета на завод Виккерса в Уэбридже сгорел сборочный цех, семьдесят человек убиты»; «Горят верфи «Альберта» в Сильвертауне, склады и резервуары с нефтью»; «На авиационном заво-

де «Шорт» в Рочестере сгорело семьдесят пять самолетов» и т. д.

Оуэнс не имел никакого отношения ни к одной из этих телеграмм, все они были составлены комитетом по дезинформации МИ-5.

Какую же цель преследовали англичане, обеспечивая врага такой подробной информацией? Манипулируя сведениями о результатах налетов, снабжая ими немцев через агентов-двойников, позволяя «просачиваться» на страницы газет в нейтральных странах и подсовывая иностранным журналистам и дипломатам, английская разведка пыталась таким образом контролировать выбор объектов, подвергавшихся ударам немецких ВВС. Этот замысел осуществлялся в широких масштабах и под личным руководством Черчилля.

Чудовищный план премьер-министра Англии состоял в том, чтобы отвлечь внимание гитлеровской военной авиации от объектов стратегического значения и навести ее на второстепенные в стратегическом отношении районы, с помощью дезинформации внушив противнику, что они являются более важной целью для бомбардировок. При выборе таких отвлекающих объектов Черчилль проявлял крайнюю жестокость, ибо в подавляющем большинстве случаев ими оказывались жилые районы, заселенные почти исключительно рабочими.

Выполняя это стратегическое задание, комитет по дезинформации преследовал еще одну, хотя и побочную, но тем не менее важную тактическую цель: усилить доверие немецкой разведки к Оуэнсу, укрепить его положение в абвере. Дело в том, что Оуэнсу предстояло выполнить ответственное поручение — снова попытаться подставить Риттеру агента МИ-5 для внедрения в абвер. Этот агент должен был разузнать о немецкой разведке все, что окажется возможным, и вернуться в Англию.

Но можно ли все же довериться Оуэнсу? Риск был слишком велик. Не говоря уже о том, что в случае провала миссии в руки немцев могли попасть кое-какие сведения о МИ-5 и методах ее работы, на карту ставилась жизнь человека. Если Оуэнс расскажет Риттеру о задуманной комбинации, гитлеровцы уничтожат подставляемого агента. Работники комитета по дезинформации, поддерживавшие связь с Оуэнсом, решили, что он не выдаст. Сам же Оуэнс, хотя он и стал проявлять признаки физической и нервной усталости и поговаривать о жела-

нии уйти на покой и уехать в Канаду, все же согласился выполнить последнее задание.

План комбинации был окончательно отработан после неудачи в Северном море. «Бисквит», спутник Оуэнса по той поездке, получил указание подготовиться к новому путешествию. На этот раз он выступал под именем Джека Брауна, дезертира из ВВС Великобритании. Ему поручалось войти в доверие к немцам и внедриться в немецкую разведку. Комбинацию предполагалось провести в два этапа. На первом Оуэнс должен был по предварительной договоренности встретиться с Риттером в Португалии и сообщить, что готов доставить кандидата на вербовку, то есть Брауна, на втором — привезти самого Брауна и предоставить ему действовать дальше в соответствии с планом.

В начале июня 1940 года к обычной телеграмме Оуэнса о погоде добавили: «Запросил выездную визу. Располагаю секретными документами, дислокацией ВВС. Когда сможем встретиться?» Риттер немедленно ответил, что назначает встречу в Лиссабоне. Ежедневно с 26 по 30 июня в 11 часов утра Оуэнс должен сидеть в определенном кафе, за столиком в углу, с большим бокалом лимонада и лондонской «Таймс» в руках. Оуэнс приехал в Лиссабон 30 июня. Связник Риттера Карлос опознал его в кафе и проводил к Риттеру на конспиративную квартиру.

Это было их первое свидание за последние несколько месяцев, насыщенных столь бурными событиями. Сначала оба чувствовали себя несколько напряженно. Риттера удивляло, что «Джонни», несмотря на военное время, сумел так легко получить выездную визу и приобрести билет на пароход. Это настораживало немца.

«Джонни» словно прочитал его мысли. Очевидно, решив, что теперь, когда он готовится закончить свои шпионские похождения, можно не беспокоиться о дальнейших отношениях с Риттером, Оуэнс признался, что стал английским агентом.

— Я не мог поступить иначе, — объяснил он. — Вначале надеялся уговорить одного из знакомых моряков посадить меня на пароход без билета, но это оказалось невозможным, без разрешения я не мог даже близко подойти к порту. И тогда решил предложить свои услуги английской разведке, но только для вида. Вначале ее сотрудники отнеслись ко мне с подозрением, и я не могу

винить их в этом. Тогда я пустился в рассуждения о своем патриотическом долге чем-нибудь помочь разведке, поскольку стар для службы в армии. Но мне не пришлось долго говорить: занимавшийся мною разведчик вдруг прямо сказал, что я работаю на нацистов. Потом добавил: «Если вы будете откровенны, я, возможно, смогу вам помочь».

«Джонни», по его словам, не стал скрывать своих отношений с Риттером. Это заинтересовало разведчика, и он спросил: «Вы могли бы встретиться с ним где-нибудь, например в Касабланке?»

Он, «Джонни», ответил, что, по его мнению, проще устроить такую встречу в Мадриде или Лиссабоне, и разведчик сразу согласился.

— Вот так я оказался здесь, — закончил Оуэнс.

— Поразительная история! — иронически заметил Риттер.

— Доктор! — обиженно воскликнул «Джонни». — Вы должны мне верить! Разве я не заслужил этого своей долгой работой на Германию?! Разве я когда-нибудь подводил или обманывал вас?!

«Джонни» тут же передал Риттеру привезенные в Лиссабон материалы — «липу», изготовленную английской разведкой специально для вручения абверовцу, и настоящие материалы — образец нового сплава, употребляемого для производства снарядов.

— Вообще-то это мелочь, — заявил «Джонни». — У меня есть нечто такое, что поразит вас. Я могу привезти вам разжалованного офицера-летчика, он расскажет все, что вы захотите узнать об английских ВВС.

Приманка была подброшена, и Риттер проглотил ее.

Потребовалось некоторое время для организации следующей встречи, на которую Оуэнс должен был приехать уже вместе с «летчиком». Получив извещение «Джонни», что он готов выполнить свое обещание, Риттер послал в центр абвера следующую телеграмму: «„3504“ доносит... его эмиссар приедет 24 или 26 в столицу страны 18».

Эмиссаром был «Бисквит», он же Сэм Маккарти, он же — в роли офицера-летчика — Джек Браун, а «страной 18» в абвере обозначалась Португалия. В одной из предыдущих телеграмм Оуэнс охарактеризовал Брауна как «стопроцентного друга».

«Джонни» появился в Лиссабоне 26 сентября, бледный, дрожащий и ослабевший за время плавания в штормовую погоду. Он приехал один.

— А где же ваш «стопроцентный друг»? — спросил Риттер.

— Мы решили плыть разными пароходами, чтобы не привлекать внимания. Не беспокойтесь, доктор. Я всегда держу свое слово. Джек будет здесь завтра.

Джек приехал в Лиссабон только 29 сентября на английском пароходе. Тот же Карлос узнал его по фотографии, полученной от «Джонни», и после обмена паролями отвез на конспиративную квартиру, где «летчика» поджидал Риттер. Оуэнс познакомил их.

— «Джонни» рассказал мне вашу историю, — начал Риттер. — Вас выгнали из ВВС не то за должностное преступление, не то за болтовню — я прав? Вы уверены, что хотите работать на абвер и располагаете чем-то таким, что могло бы нас заинтересовать?

— Уверен, — ответил Браун.

— В таком случае перейдем к делу.

Джек вынул из кармана свой британский паспорт и протянул Риттеру, но тот покачал головой:

— К чему такие формальности? Ваш паспорт, возможно, такая же «липа», как мой. В конце концов, мы занимаемся одним и тем же делом. Нас интересует только ваша работа. Давайте обсудим, что вы можете предложить.

— «Джонни» говорил мне, что вы эксперт по авиации. Я тоже, — ничуть не смущаясь, заявил Браун. — Мне кажется, с моим опытом, знаниями и связями я мог бы дать вам многое.

— За сколько?

— За двести фунтов в месяц.

— Хорошо, — согласился Риттер.

Несколько часов подряд Браун демонстрировал абверовцу свою осведомленность. Он знал, например, что английские ВВС заказали в США 40 «летающих крепостей». Выполнение заказа подходит к концу, а два самолета такого типа уже доставлены в Англию и проходят испытания с применением авиабомб большой разрушительной силы.

— Спецификация самолета? — потребовал Риттер.

Браун назвал ряд цифровых данных и зачистил:

— Американские летчики, перегоняющие «крепости» в Англию, возвращаются в США тремя «Боингами» по маршруту... Моторосборочный завод фирмы «Бристоль» переведен в Пэтчвей, что находится... Зенитные 3-, 4-, 5- и 7-дюймовые орудия для придания им большей ма-

невренности модернизируются следующим образом... Тягачи для них выпускает завод «Деннис» в Гилфорде, расположенный у подножия холма с недостроенной церковью...

Риттер внимательно слушал Брауна и, когда тот кончил, сказал:

— Нам, несомненно, потребуется некоторое время, чтобы разобраться во всем, что вы тут говорили, а я не могу задерживаться в Лиссабоне. Да к тому же я недостаточно подготовлен технически и потому не берусь судить о ценности вашей информации.

После короткой паузы Риттер задал вопрос, на который так надеялись в МИ-5:

— Вы не возражали бы поехать на несколько дней в Германию для совещания с нашими экспертами? Даю слово офицера, что вы беспрепятственно вернетесь в Лиссабон.

Казалось, мистер Браун растерялся, услышав предложение немца, однако «Джонни» воскликнул:

— Чудесно, доктор! Когда мы вылетаем?

— Минуточку! — сурово остановил его Риттер. — На вас приглашение не распространяется. Мне жаль, но обоих я взять не могу. Так что вы скажете, мистер Браун?

— А где гарантия, что я благополучно выберусь из Германии? — продолжал «колебаться» «Бисквит».

— Я уже дал вам слово.

Браун задумался, словно взвешивая все «за» и «против», затем спокойно ответил:

— Я еду.

Риттер улетел первым, поручив «Бисквита» заботам лиссабонской резидентуры абвера. 18 февраля с норвежским паспортом на имя Кнута Карлсена «Бисквит» был доставлен в Гамбург и помещен в лучшей гостинице. Прилетевшая в Гамбург группа авиационных специалистов абвера и трое специалистов из военно-технического управления ВВС подвергли мистера Брауна тщательно и, казалось, бесконечному допросу. Он держался спокойно и уверенно, но если в чем-то и сумел убедить «экзаменаторов», то лишь в том, что честно стремится помогать немцам. Что же касается авиационной техники и структуры британских ВВС, то тут Браун, он же Карлсен, оказался почти полным профаном. Да и как могло быть иначе, если все его познания в этой области ограничивались тем, что он наспех заучил перед отправкой в Лиссабон?

В последний день, перед самым возвращением «Бисквита», произошел случай, едва не кончившийся для него весьма плачевно.

По заданию Риттера гестапо вело за «Бисквитом» тщательное наблюдение. В гостинице в обоих номерах, примыкавших к занятому англичанином, разместились детективы, а когда он — всего единственный раз — решил пройтись по улицам Гамбурга, за ним неотступно следовали филеры. Ничего подозрительного в его поведении установить не удалось: он ни с кем в городе не встречался, ни с кем не разговаривал, никому не звонил, абверовцам, которые втягивали его в разговор, никаких вопросов не задавал. Если Браун, как все время подозревал Риттер, подослан немцам в качестве двойника, а в действительности должен связаться с резидентом английской разведки или раздобыть какую-то информацию, он, несомненно, не выполнил задания. В городе он не видел ничего, достойного внимания английской разведки, разве что нескольких абверовцев.

Риттеру и в голову не приходило (он продолжал сомневаться и во время нашего разговора после войны), что единственная цель «Бисквита» состояла в том, чтобы разузнать как можно больше об абвере, его работниках, его структуре и — особенно — уточнить, что немецкой разведке уже известно о положении в Англии и об английских ВВС и что еще ее интересует.

Последний вечер в Гамбурге «Бисквит» проводил в первоклассном ресторане в обществе Риттера, его жены и одного из помощников абверовца — Бокеля. За ужином он не заметил или не расслышал, как жена Риттера прошептала мужу:

— Обрати внимание на его перстень. Такие кольца обычно открываются. Не мешало бы рассмотреть его поближе.

Перстень действительно заинтересовал Риттера, он уже не мог отвести от него взгляда.

— Ваше кольцо... — начал было он, не в силах сдерживать любопытства, и ему показалось, что Браун слегка вздрогнул.

— Какая чудесная вещь! — подхватила жена Риттера.

— Да, да! — англичанин уже полностью владел собой. — Семейная драгоценность. Я получил ее от отца, а тот от моего деда.

С этими словами он нажал на камень и достал из уг-

лублиния крохотную цветную фотографию красивой молодой женщины.

— Ваша жена? — поинтересовалась фрау Риттер.

— Пока нет, — ответил Браун, чуть заметно краснея, положил фотографию под камень и переменял тему разговора.

Теперь Риттер не сомневался, что в перстне хранится и нечто более важное, чем предмет безответной любви Брауна. Перед концом ужина он ненадолго вышел из-за стола и по телефону приказал одному из специалистов местного отдела абвера встретить его в ближайшем баре.

Вернувшись к столу и расплатившись по счету, Риттер предложил перед расставанием зайти в уютный бар по соседству, послушать замечательную игру скрипача-цыгана и выпить на прощание по бокалу вина.

Браун пытался отказаться, но в конце концов был вынужден пойти. В баре Риттер заказал всем по рюмке коньяку, предложил тост за благополучное возвращение мистера Брауна в Лиссабон и выпил вино до дна. Англичанину не оставалось ничего другого, как последовать его примеру, и через несколько минут он спал крепким сном. Большая доза снотворного, подсыпанная в его бокал специалистом из абвера, сделала свое дело. Тот же абверовец снял с пальца спящего кольцо, извлек из-под камня фотографию и доставил в лабораторию, а через час доложил Риттеру:

— На самой фотографии ничего нет, однако на оборотной стороне просматривается какая-то зашифрованная запись невидимыми чернилами. Но это уже дело дешифровальщиков.

— Сколько времени им потребуется? — спросил Риттер.

— Не знаю. Неделью, а возможно, и больше.

Риттер решил задержать Брауна в Гамбурге до получения результатов дешифровки. Они поступили к нему через четыре дня, но по существу ничего не прояснили. Расшифрованная запись выглядела как ряд не связанных между собой букв и чисел. После некоторых колебаний Риттер разрешил англичанину уехать. В сопровождении одного из сотрудников немецкой разведки Браун прилетел в Мадрид, где предстояла пересадка на другой самолет, зашел в туалет и... немцы его больше не видели.

А все было очень просто. Миссия Брауна подошла к концу. Он сделал нечто почти невозможное в военное время — проник в разведку врага и вернулся цел и не-

вредим. Из мадридского аэропорта он позвонил по телефону, номер которого не могли опознать криптоаналисты абвера (это был телефон мадридского резидента английской разведки Кеннета Бентона), незаметно ускользнул из туалета и на такси приехал по адресу, записанному невидимыми чернилами на оборотной стороне фотографии. В тот же вечер англичане переправили его в Гибралтар, а оттуда самолетом в Англию.

13 апреля 1941 года, после возвращения из Лиссабона, Оуэнс отправил Риттеру еще одно сообщение о погоде, а затем окончательно сошел со сцены — был арестован и отправлен в тюрьму, из которой вышел только в 1945 году. Говорят, сейчас он живет где-то в Ирландии под вымышленной фамилией.

Риттера же, после того как его любимец «Джонни» подсунил ему другого английского агента, отчислили из абвера и отправили для продолжения службы в ВВС.

Авантюра с «Бисквитом» имела важные последствия. Она помогла английской службе безопасности составить более четкое представление о разведке врага, узнать некоторых ее сотрудников, занимавшихся сбором информации о ВВС Великобритании, частично раскрыть методы их работы, а главное выяснить, чем больше всего интересуется противник, и в соответствии с этим существенно усилить охрану секретов британских военно-воздушных сил.

ОБЪЕКТ ШПИОНАЖА — Ф. Д. РУЗВЕЛЬТ

Как только утих скандал, вызванный провалом Румриха, в США с новой силой заработала бесшумная машина абвера. В своих воспоминаниях, изданных после войны, Фейфер утверждает:

«Принимая более тщательные, чем прежде, меры безопасности, мы возобновили нашу деятельность и добились хороших результатов. Несколько десятков очень ценных агентов, строго выполняя наши указания, отлично и с поразительной безнаказанностью делали свое дело».

Агентура абвера и впрямь выглядела внушительно. Подвизались на шпионском поприще Герман Ланг, инспектор сборочного цеха фирмы «Норден», выкравший

для немцев знаменитый бомбардировочный прицел того же названия, и его коллега Родер из фирмы «Сперри», выполнявший военные заказы на гироскопы. Крупный агент Саймон Кодел получал ценную информацию непосредственно из военного министерства. Агентом немецкой разведки была популярная манекенщица Лили Штейн, завербованная Риттером еще в 1937 году. Эта особа легкого поведения жила в шикарной квартире в центре Нью-Йорка, была вхожа в «избранное общество» и обзавелась «друзьями» из высокопоставленных чиновников в Нью-Йорке и Вашингтоне, включая ответственного сотрудника государственного департамента. Под личиной писателя и лектора на абвер работал профессиональный шпион Фредерик Дюквеси, занимавшийся в Англии разведкой для немцев еще в 1916—1917 годах.

Одной из наиболее важных фигур в этой компании был некий граф Дуглас, известный в абвере под кличкой «Динтер», гражданин Чили, якобы владевший там крупным поместьем. Под этим именем скрывался бывший германский офицер-летчик граф Фредерик Саурема, один из убийц Розы Люксембург и Карла Либкнехта, бежавший затем в Южную Америку.

Перекочивав в Соединенные Штаты, «Динтер» вначале действовал почти открыто. Вместе с неким Губертом Шнуком, таким же демагогом и фашистом, он организовал «частную армию» под названием «Бунасте», ставившую своей целью ни больше ни меньше, как вооруженный захват власти в США. Как начальник разведки этой банды, «Динтер» занимался шпионажем в различных антифашистских организациях в Америке, но затем был уличен в краже денег из «Бунасте» и подрядился на шпионскую работу для абвера за 500 долларов в месяц с компенсацией «оперативных» расходов. Главным источником его информации по Вашингтону была супружеская чета, которую мы условно назовем Уайтами. Судя по донесениям «Динтера», Уайты были приняты в самых избранных и влиятельных политических кругах американской столицы. На одном из обедов начальник штаба американской армии генерал Д. Маршалл случайно проговорился, что «принято окончательное решение использовать Гренландию, Исландию и Азорские острова как союзнические базы».

Неосторожное заявление Маршалла, зашифрованное «Динтером» и немедленно отправленное через германское генеральное консульство в Нью-Йорке, вскоре дос-

тигло ушей абвера в Берлине и оказалось достоверным. В апреле 1941 года американские войска высадились в Гренландии, а 7 июля сменили английские части в Исландии. Когда в Вашингтоне узнали об утечке информации, Маршалл приказал произвести специальное расследование и установить ее источник. Расследование, конечно, ни к чему не привело, поскольку источником был сам Маршалл.

Не ограничиваясь политической информацией, «Динтер» добывал для немцев и военные сведения, которые выуживал у своих хорошо осведомленных друзей. Он получил, например, данные о новом тяжелом пулемете для ВВС, изготовленном фирмой «Дженерал моторз», о деталях усовершенствованного бомбоприцепа для американских бомбардировщиков, о новых типах самолетов, разрабатываемых авиафирмой «Бендикс» и т. д.

Под «крышей» некоторых немецких экономических журналов в Нью-Йорке действовал давнишний и опытный агент Герберт Гросс. Он выдавал себя за экономиста и знатока финансовых дел и специализировался в основном на освещении советско-американских отношений, совмещая это занятие с экономическим шпионажем. Гросс располагал двумя источниками, прикрытыми в его донесениях кличками «Прохоров» и «Рюрик». За свою весьма ценимую немецкой разведкой работу Гросс получил в общей сложности свыше 75 тысяч долларов, переведенных ему через немецкое генеральное консульство в Нью-Йорке.

Крупным агентом абвера, поставщиком политической информации был в 1939—1941 годах Пауль Шеффер — журналист с международным именем, бывший редактор некогда популярной газеты «Берлинер тагеблатт». В США он подвизался в качестве корреспондента крикливой газетенки Геббельса «Дас рейх», но это не мешало ему выдавать себя за либерала и поддерживать связи со своими довоенными друзьями, не подозревавшими о его предательстве.

Шеффер, шпион старой школы, все еще иногда прибегал к наивным трюкам, некогда свойственным этой профессии. Так, секретную корреспонденцию он получал не по своему постоянному адресу, а по адресу какого-то пустующего особняка.

Шеффер не был новичком по части конспирации. В свое время под «крышей» газеты «Берлинер тагеблатт» он выполнял задания абвера. Проработав некоторое

время в центральном аппарате абвера, он беспрепятственно получил американскую визу для поездки в США в качестве представителя «Дас рейх». Шеффер занимался сбором политической информации: открыто — для своей газетки, тайно — для шпионского ведомства Канариса. Секретные донесения Шеффера ценились в абвере так высоко, что Пикенброк лично обрабатывал их, не доверяя другим.

Наблюдение за президентом США не сразу стало одной из важных задач немецкой разведки.

Рузвельт и Гитлер пришли к власти примерно в одно и то же время — в 1933 году, и оба приступили к осуществлению намеченных планов: Рузвельт — своего «Нового курса», Гитлер — своего «Нового порядка». Главарь нацистов в то время презрительно отмахивался при упоминании о Рузвельте, называя его «калекой в Белом доме» и утверждая, что он не обладает ни умом, ни смелостью, чтобы помешать триумфальному маршу фашизма.

Однако 5 октября 1937 года ему пришлось изменить свое мнение. В тот день прозвучала известная речь Рузвельта в Чикаго, в которой он призвал «изолировать диктаторов».

Гейббельс немедленно изложил содержание речи Гитлеру. Приехавший в США за несколько месяцев до выступления президента германский посол Ганс Дикхоф в серии донесений выдвинул предположение, что Рузвельт имел в виду не Германию, а Японию, только что спровоцировавшую инцидент на мосту Марко Поло, около Пекина, после которого началась война за захват всего Китая, но фюрер отклонил эту гипотезу, а когда Дикхоф в ноябре 1937 года приехал в Берлин для доклада, отказался его принять.

Гитлер еще долго изошрялся в придумывании всяких прозвищ для Рузвельта, называя его не иначе как «самозванец», «заблуждающийся масон», «человек с больным мозгом», «преступник», «еврей с извращенным умом». Летом 1939 года, в преддверии войны в Европе, Гитлер принял для доклада германского военного атташе в Вашингтоне генерала Беттихера, считавшегося экспертом по военному потенциалу США. Вместо того чтобы поинтересоваться, какое влияние могут оказать политика и планы Рузвельта на исход войны, Гитлер потребовал у Беттихера «точных доказательств, что Рузвельт еврей».

Кое-какие сведения о Белом доме абвер получал от «Динтера» и некоторых других агентов. Они выуживали их в вашингтонской клоаке сплетен и слухов, а потом выдавали за «надежную информацию из источников, заслуживающих полного доверия».

Гораздо большей достоверностью отличались сведения, которые добывал у своих доверчивых друзей, в том числе служащих одной из крупных нефтяных корпораций, кадровый разведчик Николаус Бенсманн. Под маской общительного антрепренера Нико он занимался шпионажем в деловых кругах, регулярно снабжая немецкую разведку ценными фактами о повседневной деятельности Рузвельта, его отношении к вопросу о поддержке союзников и, что особенно важно, о тайных намерениях его администрации, связанных с поставками англичанам нефти и бензопродуктов задолго до официального вступления США в войну.

Агентом, которого абвер не без оснований мог назвать «нашим человеком в Белом доме», был некий Люис Матцхолд, по кличке «Майкл». В США он представлял консервативную немецкую «Берлинер берзен цайтунг». Эта газета принадлежала группе пронацистски настроенных промышленников и была не только гитлеровским рупором в международных финансовых кругах, но и служила ширмой для различных тайных сделок и для кадровых разведчиков абвера.

Матцхолд снабжал гитлеровскую разведку длинными докладами, насыщенными секретной информацией, которую он получал от своих друзей среди влиятельных американских политических деятелей, таких, например, как губернатор штата Пенсильвания Джордж Эрл, сенатор от штата Монтана Уилер и многие другие, включая Гарри Гопкинса. Однако, по утверждению Матцхолда, его главным преимуществом были «близкие отношения» с самим Рузвельтом, возникшие на почве общего увлечения филателией.

По сообщениям Матцхолда, он приходил в Белый дом с редкими марками или филателистическими новинками, которых не было в коллекции президента, и они вдвоем проводили долгие субботние вечера. Обмениваясь марками, со знанием дела обсуждая вопросы филателии, Матцхолд время от времени касался важных в данный момент проблем, исподволь добывая «конфиденциальную информацию», которой, как он однажды отметил в

донесении Берлину, президент мог делиться только с другом, пользующимся его полным доверием.

Я не могу сказать, насколько верны утверждения Матцхолда о его дружбе с Рузвельтом. Однако просмотр его донесений показывает, что он был довольно хорошо осведомлен о работе правительства Соединенных Штатов. Абверовцам уверения Матцхолда о его близости к Рузвельту казались настолько убедительными, а его филателистический контакт с ним таким важным, что они часто и обильно снабжали шпиона редкими марками, либо приобретая их через посредников у торговцев, либо отбирая из конфискованных у евреев коллекций.

Матцхолд работал в США до декабря 1941 года, а затем, после нападения японцев на Пирл-Харбор, был вынужден покинуть страну вместе с другими репатрируемыми немцами. Получив назначение в Будапешт с задачей освещать положение в Балканских странах (опять-таки под «крышей» корреспондента «Берлинер берзен цайтунг»), Матцхолд продолжал собирать информацию о Рузвельте на встречах со своими прежними знакомыми, по тем или иным причинам навещавшими район его деятельности. Одним из таких знакомых был все тот же губернатор Эрл, побывавший в Турции со специальным заданием Рузвельта. Эрл в свою очередь использовал Матцхолда как «конфиденциального информатора», но это уже другая история.

Некоторые сведения о Рузвельте немцы получали от своего агента, дружившего с Паулиной Эммет — вдовой бывшего американского посланника в Голландии. Она была близка к семейству Рузвельтов и часто гостила в их имении Гайд-парк. Информация П. Эммет не подкреплялась какими-либо документальными доказательствами, но верно отражала важные проблемы, которыми Рузвельт занимался в 1931—1941 годах.

Из архивных материалов абвера известно, что наблюдением за Белым домом занимались по меньшей мере еще трое агентов.

Агент США/7-376 — американский промышленник и вице-президент одной крупной корпорации — имел поручение разузнавать все, что касалось американской помощи Великобритании, и особенно роли Рузвельта в этом. Другой агент, известный лишь под обозначением США/7-362, в досье немецкой разведки охарактеризован как «известный издатель с крупными деловыми интересами в Америке и Европе, включая Германию и Фран-

цию». По данным досье, он располагал важными связями в политических и промышленных кругах и свободным доступом в Белый дом. Сам США/7-362 утверждал, что поддерживал дружеские отношения с такими видными американскими политическими и государственными деятелями, как государственный секретарь Хэлл, бывший министр финансов Меллон, сенаторы Уотсон, Кэбот и Рейнольдс, финансовые магнаты Олдридж, Рокфеллер и Ламонт, посол Джозеф Кеннеди, личный друг президента Джозеф Дэвис и др.

Наиболее значительным лицом в этой группе был, видимо, агент США/7-375. Его информация о Рузвельте особенно высоко котировалась в абвере. Судя по биографическим данным в досье немецкой разведки, под этим кодовым номером значился европейский аристократ, женатый на родственнице министра финансов в правительстве Рузвельта Генри Моргентау. Именно благодаря его поручительству этот шпион получил въездную визу и появился в США вскоре после начала войны.

Как докладывал США/7-375, Моргентау приняли его с распростертыми объятиями, конечно, не подозревая, что их новый родственник — профессиональный немецкий шпион. Его доклады «о целях Рузвельта во внешней политике и обстановке в финансовых кругах» ценились абвером главным образом потому, что, по утверждениям агента, все сведения он получал от Моргентау или даже от самого Рузвельта, когда посещал своих родственников или сопровождал их в имение президента Гайд-парк.

Особенно усилился шпионаж за Ф. Д. Рузвельтом в октябре 1939 года в связи с неожиданным появлением у абвера нового источника информации в американском посольстве в Лондоне. Эта история стала известна из специального сообщения государственного департамента США, а также из заявления (мало соответствующего действительности), распространенного бывшим американским послом в Лондоне Джозефом Кеннеди.

В октябре 1939 года на работу в американское посольство в Лондоне приехал молодой дипломат Тайлер Кент. Выходец из известной американской семьи, он окончил Принстонский, Сорбоннский и Мадридский университеты, свободно владел французским, немецким, греческим, итальянским, испанским и русским языками, увлекался жизнеописаниями великих людей, книгами по истории и политическим наукам.

У Кента, несмотря на молодость — ему исполнилось

29 лет, — уже сложилась своя философия, основанная на двух главных принципах: ненависти к коммунизму и антисемитизме. По его мнению, «все войны инспирировались и поддерживались международными финансовыми монополиями, принадлежавшими в основном евреям».

В Лондоне, где его немного знали посол Кеннеди и другие профессиональные дипломаты, Кента направили в шифровальный отдел посольства, поручив заниматься наиболее секретными телеграммами, как исходящими, так и поступающими из других посольств. Он получил доступ к переписке посла с Рузвельтом и государственным секретарем Хэллом, мог знакомиться с копиями донесений американского посла в Париже Буллита и других американских послов в Европе. Затем к таким документам добавилась серия совершенно секретных телеграмм.

В 1939 году, в начале войны, Черчилль стал первым лордом британского адмиралтейства (т. е. военно-морским министром) в коалиционном кабинете Чемберлена. Рузвельт прислал ему личное письмо с необычным предложением, полностью нарушавшим традиции и протокол официальных отношений между главой одного государства и министром в правительстве другого.

В письме Черчиллю от 11 сентября 1939 года Рузвельт писал:

«Именно потому, что мы с вами занимали одинаковые позиции в первой мировой войне, я рад, что вы снова в адмиралтействе. Я отдаю себе отчет, что ваши проблемы осложняются некоторыми новыми факторами, но суть их та же, что и тогда... Вы и премьер-министр должны знать, что я всегда буду рад, если вы станете сообщать лично мне все, что найдете нужным. Через вашу или через мою дипломатическую почту вы всегда можете посылать мне запечатанные письма».

Черчилль с готовностью согласился поддерживать с Рузвельтом, по сути дела, тайную связь — за спиной государственного секретаря Хэлла в США и премьер-министра Чемберлена в Великобритании. Однако события развивались слишком быстро, дипломатическая почта совершала свой путь слишком медленно, а знатные корреспонденты были слишком нетерпеливы. Вскоре экспансивная «военно-морская персона», как именовал себя Черчилль в завязавшейся переписке, начал бомбардировать Рузвельта телеграммами, которые он, минуя МИД Великобритании, передавал послу США Кеннеди для отправки Рузвельту, предупреждая, что они должны

быть вручены лично президенту. Посольство лишь обрабатывало такие телеграммы с помощью шифра «Грэй», считавшегося совершенно секретным и особо надежным. Зашифрованные телеграммы по радио передавались в Вашингтон, минуя обычные каналы связи государственного департамента.

Обмен телеграммами начался почти одновременно с приездом Кента в Лондон, и посол Кеннеди поручил ему, вместе с другими шифровальщиками, работать над перепиской между президентом и Черчиллем. Оставаясь один в шифровальной комнате, Кент читал и перечитывал послания двух государственных деятелей, размышляя над их смыслом и значением...

Английские дешифровальщики в то время регулярно перехватывали и читали значительную часть закодированной телеграфной переписки между различными правительствами. Вскоре после начала обмена шифровками между Рузвельтом и Черчиллем они расшифровали серию телеграмм от германского посла в Риме Ганса Маккензена министерству иностранных дел Германии. Их анализ показал, что Маккензен, очевидно, имеет доступ к совершенно секретной информации, часть которой могла быть известна лишь Рузвельту и Черчиллю, и что, следовательно, где-то на высшем уровне происходит ее утечка. Из ссылок Маккензена на источник можно было понять, что информацией его снабжают итальянцы.

Предполагая, что в деле замешано посольство Италии в Лондоне, английские органы безопасности усилили слежку за всеми итальянскими дипломатами. В процессе наблюдения удалось установить, что помощник итальянского военного атташе подполковник Маринглиано иногда посещал русскую «Чайную», принадлежавшую бывшему царскому адмиралу Волкову, и поддерживал приятельские отношения с его дочерью, 37-летней Анной, портнихой по специальности, фашисткой и антисемиткой по убеждениям. Она состояла на учете в английской полиции и в МИ-5 как видный и активный член реакционного «Правого клуба», во главе которого стоял дальний родственник английской королевской семьи, консерватор, член парламента Рамсей.

За Анной Волковой также установили наблюдение. Выяснилось, что по ночам Волкова расклеивает фашистские листовки, призывающие англичан не поддерживать военных усилий страны, и что она регулярно посещает фотостудию белоэмигранта Смирнова, где встречается

со своим итальянским другом. Однако эти данные еще не доказывали, что Волкова и Маринглиано являются источниками или хотя бы передатчиками особо секретной информации, утекающей из Лондона в Рим.

Но вскоре органы безопасности Великобритании получили сообщение, позволившее значительно ускорить расследование. Американское посольство в Лондоне прямо называлось в нем как источник утечки секретных материалов, поступавших в итальянскую разведку в таком количестве, что иногда для доставки их недельной порции требовалась целая корзина. Сведения поступили от итальянского журналиста — антифашиста Луиджи Барзини. Он сообщил, что его друзья — высокопоставленные чиновники МИД Италии — открыто говорили с ним о фантастическом потоке американских документов из Лондона. (Итальянцы арестовали Барзини в августе 1940 года, после того как из перехваченных телеграмм английского посольства в Риме узнали, что он информировал англичан о деятельности итальянской разведки в Лондоне.)

Но существовала ли какая-нибудь связь между Волковой и американским посольством? Существовала. Среди тайных друзей Волковой оказался молодой американский дипломат Тайлер Кент, полностью разделявший ее взгляды.

Утечка материалов продолжалась уже несколько месяцев и, судя по донесениям Маккензена, содержала все более важную информацию. Из других источников стало известно, что Волкова через итальянцев и румын поддерживает переписку с английским предателем Уильямом Джойсом, который регулярно выступал по берлинскому радио с нацистской пропагандой, адресованной англичанам. Волкова снабжала Джойса материалами для его передач и советовала, как сделать их более доходчивыми.

В середине мая англичане решили арестовать Волкову и допросить Кента. 20 мая 1940 года сотрудники полиции явились к американцу на квартиру, но он отказался их впустить, и тогда полицейские взломали дверь. При обыске они обнаружили более 1500 документов из дел американского посольства, а также дубликаты ключей от шифровальной комнаты и от сейфа с секретными материалами посольства. В отдельном ящике оказались фото пленки с заснятыми на них материалами.

Кента доставили в посольство к Джозефу Кеннеди.

Кент заявил послу, что он разочаровался во внешней политике правительства Рузвельта, так как она, по его мнению, не отвечает интересам США. «Администрация Рузвельта, — утверждал Кент, — не искренна с американским народом», и потому он «начал собирать доказательства активного участия американских дипломатов в создании коалиции в Европе, хотя никаких полномочий на то не имели».

Кент признал, что снимал копии с документов или сохранял те из них, которые подлежали уничтожению. Он якобы собирался «передать материалы членам конгресса США», но знакомство с Волковой позволило ему «использовать» их раньше, чем он осуществил свое намерение. Кент разрешал Волковой просматривать собранные документы и уносить их сотнями, чтобы, как она говорила, ознакомить с ними Рамсея.

В марте 1940 года Рамсей сам побывал на квартире у Кента, ознакомился с материалами и часть из них, главным образом телеграммы Черчилля и Рузвельта, прихватил с собой.

И на допросе у посла, и на суде Кент упорно утверждал, будто не знал, что документы, переданные им Волковой и Рамсею, пересылались в Италию или из Италии в Германию.

В ноябре 1940 года на процессе, проходившем при закрытых дверях, Волкову приговорили к десяти, а Кента к семи годам каторги.

Во время работы над этой книгой я нашел в совершенно секретных делах МИД Германии шифровки Маккензена, которые не оставляют ни малейших сомнений, что многие важные сведения для своих донесений в Берлин он черпал из документов, похищенных Кентом и через Волкову попадавших к итальянцам.

Маккензен начал передавать эти сведения в январе 1940 года, то есть вскоре после того, как Кент предоставил Анне Волковой возможность пользоваться украденными материалами, и внезапно прекратил передачи, когда оба они были разоблачены и арестованы. Последнюю телеграмму Маккензен отправил 23 мая 1940 года — через три дня после обыска в квартире Кента. О ее важности можно судить по тому, что она была адресована лично Риббентропу. В ней пересказывался ответ Рузвельта на просьбу Черчилля о помощи, в частности о предоставлении 50 американских эсминцев для укрепления уже понесших урон военно-морских сил Великобрита-

тании в связи с нарастающей угрозой со стороны немецких подводных лодок.

В телеграмме Маккензена говорилось:

«Из абсолютно надежного источника мне известно, что 16 мая американский посол в Лондоне получил указание Рузвельта передать Черчиллю следующий ответ на некоторые его просьбы: передача 40—50 эсминцев устаревшего типа возможна, но требуется специальное согласие конгресса, получить которое сейчас трудно. Кроме того, вообще сомнительно, чтобы их можно было выделить в связи с нуждами национальной обороны. В дополнение ко всему, по мнению Рузвельта, даже при согласии США потребуются по меньшей мере шесть-семь недель, чтобы ввести эти корабли в строй под британским флагом».

Таким образом, за три с лишним месяца до подписания соглашения от 3 сентября 1940 года о передаче эсминцев в Берлине уже знали о переговорах, детали которых Рузвельт и Черчилль имели все основания держать в секрете не только от немцев, но и от американцев.

Если история с Кентом и прошла мимо Канариса, то он вскоре компенсировал себя, заполучив другой источник информации о Рузвельте — на этот раз из-за неосторожности и доверчивости не кого-нибудь, а вице-президента США.

В годы второй мировой войны Швейцария стала подлинным международным центром шпионажа. Абвер получал отсюда обильную информацию о Великобритании и США, и отсюда же вели работу английская и американская разведки. В тайной битве на швейцарской земле немцы, особенно в начале войны, имели некоторое преимущество, прежде всего потому, что в течение нескольких лет читали шифры дипломатов союзнических стран и даже самого резидента американской разведки Даллеса. Немцам удалось внедриться в швейцарскую разведку в результате несколько загадочного соглашения с ее начальником полковником Массоном, не без пользы для себя дружившим с обеими сторонами. Они заслали туда двух своих агентов — журналиста под кличкой «Хабакук», аккредитованного при министерстве иностранных дел Швейцарии, и писателя под псевдонимом «Якоб», работавшего «по совместительству» в ведомстве Массона.

Летом 1941 года «Хабакук» добыл копию телеграммы швейцарского посланника в Вашингтоне МИД Швейцарии с подробным сообщением о совещании Рузвельта и

Черчилля, на котором были приняты совершенно секретные решения, в том числе о позиции США в отношении Японии.

В то время проходили важные американо-японские переговоры, от исхода которых зависело — быть или не быть войне между двумя этими странами. Черчилль усиленно добивался скорейшего вступления США в войну и настаивал на твердой политике, а Рузвельт высказывался за политику, которую называл «средней линией».

В добытой «Хабакуком» телеграмме сообщалось о заседании правительства США в Белом доме 17 августа 1941 года, когда Рузвельт информировал членов кабинета о совещании с Черчиллем. Касаясь отношений с Японией, президент заявил, что он убежден в необходимости сделать все возможное для предотвращения войны.

Далее в донесении швейцарского посланника говорилось, что вице-президент США Генри Уоллес, не проронивший на заседании ни слова, позже направил президенту «частное письмо», умоляя Рузвельта занять «самую твердую позицию». Посланник включил в донесение одну из фраз письма: «Полное или частичное умиротворение в итоге приведет к отрицательным последствиям», не остановит ни Японию, ни Германию.

Через несколько дней после нападения японцев на Пирл-Харбор «Хабакук» достал копию подробного отчета о двух заседаниях американского правительства 7 декабря. Первое из них Рузвельт назвал «самым серьезным после гражданской войны в США». Второе проводилось только с лидерами конгресса, без участия министров. На обоих заседаниях кроме Рузвельта присутствовал Генри Уоллес.

В письме, с которым добытый «Хабакуком» документ был направлен в Берлин, германский посланник в Берне (а именно он подписывал все документы, исходившие из резидентуры абвера) подчеркивал, что в сообщении содержится совершенно «точная и надежная информация», поскольку она основана на донесении швейцарского посланника в Вашингтоне Бруггмана, получившего ее «строго доверительно от вице-президента Уоллеса».

Профессиональный дипломат Бруггман, с 1923 года занимавший пост швейцарского посланника в США, был зятем Уоллеса, на сестре которого женился в 1924 году. До этого он служил в России, Бельгии, Франции и Чехословакии. Разумеется, о краже его донесений в Берне он ничего не знал и не мог знать.

Между четой Бруггманов и Уоллесом существовали самые тесные отношения. Уоллес часто встречался со своим зятем и почти ежедневно разговаривал с ним по телефону. Уоллес полностью ему доверял, у него не возникало и мысли, что их откровенные разговоры могут стать известны немцам.

Абвер, конечно, ухватился за этот контакт. «Хабакук» получил задание доставать копии всех донесений Бруггмана из Вашингтона в Берн, а «Якоб» — копии многочисленных докладов швейцарского военного атташе.

Обильное и регулярное поступление таких документов продолжалось два года — 1942-й и 1943-й — вплоть до января 1944 года, когда «золотая жила» внезапно иссякла. Резидент американской разведки Аллен Даллес, к тому времени прочно обосновавшийся в Берне, через своих агентов (один из них работал в МИД Германии, а другой в абвере) узнал, каким источником пользуются немцы.

Агентом Даллеса в министерстве иностранных дел Германии был один из младших чиновников Фриц Колпе. Он значился у американцев под псевдонимом Джордж Вуд и работал в аппарате посла Карла Риттера, осуществлявшего связь между МИД и верховным командованием армии. Другой агент, молодой юрист Ганс Гизевиус, был близок к Канарису и выполнял задания абвера в Цюрихе под «крышей» вице-консула с дипломатическим паспортом на имя «доктора Бернда».

Колпе похищал из министерства буквально сотни документов и доставлял их Даллесу, когда удавалось добиться командировки в Берн с дипломатической почтой, или передавал Гизевиусу, который систематически разъезжал между Цюрихом и Берлином с единственной целью — получать эти материалы у Колпе и вручать Даллесу.

В январе 1944 года в очередной партии материалов, добытых Колпе, оказалось донесение «Хабакука» с изложением телеграммы Бруггмана, направленной министерству иностранных дел Швейцарии несколько недель назад. В сопроводительной записке к донесению говорилось: «Сообщение доктора Бруггмана содержит так много конкретной информации потому, что, как вам известно, вице-президент Уоллес строго доверительно беседует со швейцарским посланником в Вашингтоне, своим зятем».

В самой последней телеграмме Бруггмана немцев особенно заинтересовало сообщение о совещании министров иностранных дел союзных стран в октябре 1943 года в Москве.

Получив сигнал о серьезном нарушении секретности в Вашингтоне, Даллес уведомил тогдашнего начальника американской разведки (УСС) генерала Доновена, а тот — начальника личного штаба президента адмирала Леги. 11 января 1944 года крайне встревоженный Леги доложил о случившемся Рузвельту, который, как потом рассказывал адмирал, видимо, даже не удивился, лишь пожал плечами и заметил: «Это довольно интересно».

Мне не известен конец истории, так как в архивах Рузвельта, хранящихся в Гайд-парке, я не нашел никаких упоминаний на сей счет.

Сбором материалов о Рузвельте в министерстве иностранных дел Германии занималась небольшая группа экспертов, возглавляемая Гансом Дикхофом — германским послом в США до 1938 года. Группа, или, как ее называли, «американская комиссия», составила ряд меморандумов, в которых анализировала политику Рузвельта и пыталась угадать его намерения. Никаких разведывательных функций комиссия не выполняла, и Дикхоф за отсутствием более важной работы использовал группу для разработки тематики немецкой пропаганды на США. Конфиденциальное наблюдение за Ф. Рузвельтом было возложено на посольство Германии в Вашингтоне и возглавил его доктор Ганс Томсен, ставший поверенным в делах после отзыва Дикхофа.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДЖОНА Л. ЛЬЮИСА

17 марта 1938 года на первичных выборах кандидата в губернаторы штата Пенсильвания Рузвельт поддержал кандидатуру Джонса, бизнесмена из Питсбурга, выдвинутую комитетом демократической партии штата.

18 марта мексиканское правительство, возглавляемое президентом Лазаро Карденасом, национализировало американские, британские и голландские нефтяные компании, что вызвало ликование в Мексике и острое недовольство в США.

В результате этих двух, казалось бы совершенно не связанных между собой, обстоятельств возник весьма странный альянс.

Поддержав Джонса, Рузвельт вызвал резкое недовольство президента Конгресса производственных профсоюзов (КПП), председателя объединенного профсоюза горняков (ОПГ) Джона Л. Льюиса, который на первичных выборах в Пенсильвании поддерживал своего собственного кандидата, секретаря-казначея ОПГ Томаса Кеннеди. Испортив отношения с Льюисом, Рузвельт подтолкнул его к сближению с крупным нефтепромышленником Уильямом Дэвисом, владельцем одной из нефтяных фирм в Мексике. Льюис, поддерживавший ранее Рузвельта, оказался не только в лагере внутренних противников президента, но и в орбите его зарубежных врагов.

Заклучив союз с нефтепромышленником Дэвисом, в то время самым крупным в Северной Америке пособником немцев, Льюис попал в нацистскую сеть и, как позднее отмечал помощник государственного секретаря Бэрл в секретном докладе президенту, «оказался на грани нарушения закона Логана» (закона, обязывающего агентов иностранных правительств регистрироваться в министерстве внутренних дел США. — *Ред.*).

В течение трех лет, по мере того как Дэвис превращался в профессионального агента немецкой разведки, работавшего не только на нее, но и на службу безопасности Гиммлера, Льюис обеспечивал ему прикрытие и выполнял его задания в Вашингтоне и Мехико. Именно Льюис сыграл главную роль в осуществлении трех крупнейших акций, предпринятых Дэвисом по указанию нацистов, а именно:

1. В 1938 году благодаря стараниям Льюиса было налажено снабжение Германии нефтью из Мексики.

2. В 1939 году Льюис помогал тайным усилиям нацистов привлечь Рузвельта к участию в кампании по сохранению мира в Европе на условиях, продиктованных Гитлером.

3. В 1940 году Льюис принимал самое активное участие в закулисных интригах с целью не допустить избрания Рузвельта президентом на третий срок. По отзыву Штремпеля, одного из германских дипломатов в Вашингтоне, это была «самая крупная комбинация нацистов, касавшаяся США».

В 1938 году Дэвис владел крупной нефтяной компани-

ей «Крузейдер» с несколькими филиалами в различных странах, нефтепромыслами в Техасе, Луизиане и Мексике, нефтеочистительным заводом в Гамбурге, перевалочными складами нефти и нефтепродуктов в Мальме в Швеции, сетью бензоколонок в Скандинавии, роскошными особняками около Нью-Йорка.

Еще в 1936 году в поисках перспективных иностранных рынков для сбыта нефти и нефтепродуктов Дэвис остановился на гитлеровской Германии. Нацисты отчаянно нуждались в горючем для своей быстро растущей военной машины, но не имели ни источников нефти, ни твердой валюты для ее закупок в других странах. В особенно тяжелом положении оказался военно-морской флот Германии. Адмирал Редер предупреждал Гитлера, что «командование ВМФ полностью исчерпало все возможности для приобретения нефти на немецкие марки».

Дэвис, который уже несколько лет занимался всякого рода сделками с нацистами и знал о трудностях со снабжением гитлеровского ВМФ нефтью, предложил построить в Германии нефтеочистительный завод на средства из замороженных активов Первого национального банка Бостона. Гитлер не только одобрил эту мысль, но и распорядился, чтобы рейхсбанк, президентом которого в то время был Шахт, финансировал строительство. Через некоторое время в Гамбурге был построен нефтеочистительный завод «Евротанк», и Дэвис прочно закрепился в Германии, занимаясь главным образом поставками горючего военно-морскому флоту, что составляло львиную долю всей поставляемой нефти.

Национализация иностранных нефтепромыслов в Мексике затронула и Дэвиса: он вложил в богатый промысел «Пóзор Рика» 11 миллионов долларов и не мог примириться с их потерей. Дэвис решил, что может кое-что спасти, если убедит мексиканцев при его посредничестве предоставить Германии концессии на нефть.

Немцы одобрили его план, причем особенно активно поддержал нефтепромышленника Редер, давно уже искавший подобную возможность. В своем меморандуме Герингу с ходатайством об ассигновании из скудных резервов иностранной валюты в рейхсбанке 600 тысяч долларов Редер писал, что намерен израсходовать деньги не на покупку нефти. По его словам, по тогдашним ценам на мировом рынке на эту сумму можно было закупить лишь около 150 тысяч тонн горючего и дизельного масла. «Но, по мнению экспертов, — продолжал он, — затратив

те же деньги на приобретение иностранной нефтяной концессии, например в Мексике, Германия без всяких дополнительных затрат получит в 50 раз больше — семь с половиной миллионов тонн нефти».

Редеру отпустили 600 тысяч долларов, и он передал их Дэвису — «смазывать» путь к заключению мексиканской сделки. В помощь Дэвису адмирал назначил крупного специалиста военно-морского флота по горючему Фридриха Фетцера, а Геринг — Иохима Герцлета, одного из высокопоставленных чиновников министерства экономики. Но для форсирования операции требовался влиятельный и сильный посредник, и в этот-то момент за кулисами появляется Джон Льюис.

Как, когда и где Льюис встретил Дэвиса и сблизился с ним, сколько лично получил от сделки, стоившей миллионы долларов, — неизвестно. Уже позже Дэвис однажды заметил, что познакомился с Льюисом «через различные политические каналы». По словам Дэвиса, он нуждался в Льюисе из-за его связей с всесильными лидерами профсоюзов в Мексике.

Рекомендации президента КПП обеспечили Дэвису благожелательный прием в Мексике, но потребовалось несколько недель на сложные и деликатные переговоры (в них потом принял активное участие и Герцлет), прежде чем состоялось подписание германо-мексиканского соглашения, по которому мексиканцы обязались поставлять Германии нефть, а Германия — расплачиваться за нее промышленными товарами.

В сентябре из Веракруса в Германию ушел первый танкер с 10 тысячами тонн нефти, а в течение следующих 11 месяцев, в 1938 и 1939 годах, было отправлено еще около 400 тысяч тонн. Огромный завод Дэвиса «Евро-танк» перешел на работу в три смены.

С течением времени Дэвис и Герцлет начали испытывать трудности с расчетами за нефть. Мексиканцы поставили ее уже почти на 8 миллионов долларов, а товаров в уплату получили только примерно на 3 миллиона. Одна из крупнейших бартерных сделок Дэвиса на поставку ВВС Мексики 17 самолетов типа «Юнкерс» была заблокирована американцами.

Операция с поставками нефти оборвалась в результате вторжения гитлеровцев в Польшу и объявления Великобританией и Францией войны Германии. Герцлет срочно вернулся в рейх, а Дэвис остался в Мексике и попытался, несмотря на британскую блокаду, продолжать

поставки, отправляя танкеры в итальянские и шведские порты для дальнейшей отправки в Германию. Однако англичане уже в самом начале перехватили три корабля, направлявшихся в Скандинавию с 33 тысячами тонн нефти, ссылаясь на то, что Скандинавские страны и без того располагают достаточными ее запасами.

Испытывая постоянное давление Фетцера и Герцлета, бомбардировавших его отчаянными телеграммами, и лишенный возможности выполнять их требования, Дэвис задумал привлечь Рузвельта в качестве посредника для восстановления мира в Европе. Свои соображения он телеграфировал Герцлету, и тот, доложив о них Герингу, ответил, что германское правительство «заинтересовалось». Оставалось встретиться с Рузвельтом и привлечь его на свою сторону, для чего вновь понадобилась помощь Джона Льюиса, хотя к тому времени — сентябрь 1939 года — отношения между ними и президентом были крайне натянутыми. Льюис, очевидно, был настолько связан обязательствами перед Дэвисом, что, преодолев гордость, 14 сентября позвонил по телефону лично Рузвельту и попросил «конфиденциально принять мистера У. Р. Дэвиса по вопросу, представляющему исключительную важность для страны и всего человечества».

Рузвельт знал о махинациях Дэвиса и не испытывал никакого желания беседовать с ним, но понимал, что, уклонившись от встречи, окончательно испортит отношения с Льюисом. Поэтому он отказался встретиться с Дэвисом «конфиденциально», на чем настаивал Льюис, но согласился принять его «как обычно». Встреча была назначена на следующее утро.

После телефонного разговора с Льюисом Рузвельт позвонил в государственный департамент и потребовал, чтобы помощник государственного секретаря А. Бэрл присутствовал на беседе, поскольку считал необходимым подробно ее записать.

Утром 15 сентября 1939 года Рузвельт принял Дэвиса в Белом доме, и тот немедленно начал излагать свой план. Он уже семь лет ведет крупные операции в Германии, говорил Дэвис, и у него за это время сложились близкие отношения с Герингом. На днях он получил от него телеграмму с просьбой «выяснить, не согласится ли президент либо сам выступить посредником, либо помочь найти на эту роль какую-нибудь нейтральную страну». Немцы, продолжал Дэвис, готовы заключить мир, если будут приняты некоторые их условия.

Выслушав Дэвиса, Рузвельт не отклонил его предложений, но и не взял на себя никаких обязательств и не занял определенной позиции. Он сказал Дэвису, что получает различные неофициальные просьбы вмешаться в европейские дела и способствовать восстановлению мира, но не в состоянии сделать этого, пока к нему официально не обратится какое-нибудь правительство.

Ответ президента не обескуражил Дэвиса. Он заявил, что германское правительство пригласило его на секретное совещание, назначенное на 26 сентября в Риме, и спросил у Рузвельта, может ли он позондировать там почву и доложить ему по возвращении.

— Разумеется, — ответил Рузвельт. — Меня интересует любая информация о положении в Европе.

Немедленно после возвращения из Белого дома Дэвис обратился в государственный департамент с просьбой о выдаче паспортов для поездки в Италию ему, его жене и секретарше. Обе женщины уже значились в «черной книге» государственного департамента. Несмотря на вмешательство Льюиса, не постеснявшегося по поручению Дэвиса позвонить президенту США по такому пустяковому поводу, ни та, ни другая не получили паспортов, и Дэвис вылетел в Рим один.

Льюис, конечно, не успокоился. Уже на следующий день он переслал Рузвельту телеграмму, якобы полученную Дэвисом из Берлина в ответ на его сообщение о беседе с Рузвельтом. В телеграмме, подписанной Герцлем, говорилось:

«Полностью согласны на переговоры с Рузвельтом в плане, согласованном с вами в августе. Новое соглашение о Дальнем Востоке важно для США. Можем заверить в полном отказе от дальнейших военных акций после войны с Польшей, если нейтральное правительство США поддержит новый порядок в Европе. Попытайтесь убедить Вашингтон оставаться строго нейтральным. Безотлагательно объясните Вашингтону, что любой груз, поставляемый воюющим странам, будет перехватываться и уничтожаться, что чревато опасностью военного конфликта. Именно поэтому существующее сейчас положение должно сохраняться до окончания встречи в Риме».

Рузвельт вызвал Бэрла и распорядился приобщить документ к досье на Дэвиса, которое госдепартамент вел с 1928 года. Бэрл вновь информировал президента, что Дэвис — агент нацистов. Если относительно последнего у Рузвельта на этот счет не оставалось никаких сомне-

ний, то поведение Льюиса его озадачивало. Он поручил Бэрлу тщательно следить за дальнейшим развитием событий и фиксировать все, что Льюис выполняет по поручению Дэвиса. Одновременно другой доверенный человек Рузвельта — Гарднер Джексон, в прошлом один из помощников Льюиса, — получил задание вести наблюдение за своим бывшим шефом. Он с таким рвением взялся за дело, что докладывал Рузвельту не только о каждой встрече Льюиса с нефтепромышленником, но и обо всех случаях, когда президент КПП посещал контору или дом Дэвиса.

В Риме Дэвиса уже поджидал Герцлет. Он сообщил, что Геринг весьма доволен их «планом мира» и ожидает обоих в Берлине, чтобы обсудить дальнейшие шаги. В нарушение инструкции государственного департамента (в то время гражданам США запрещались поездки в Германию) Дэвис тайно вылетел в Берлин и прибыл туда 28 сентября.

За шесть дней пребывания в столице рейха нефтепромышленник четырежды встречался с Герингом для длительных бесед. Наиболее интересная из них произошла 1 октября в кабинете Геринга в министерстве авиации в присутствии Герцлета и чиновника министерства Гельмута Вольтата. Последний сделал подробную запись, которую я обнаружил в неразобранных немецких архивах. Запись важна не только потому, что показывает, в каком извращенном виде Дэвис представил политику США, но и потому, что в ней вскрывается огромный масштаб операции и конкретное участие Льюиса в различных ее этапах.

Ниже впервые приводятся наиболее существенные выдержки из записи Вольтата:

«15 сентября 1939 года во время полторачасовой беседы президента Рузвельта с мистером Дэвисом в Белом доме президент поручил мистеру Дэвису выяснить в Берлине, на каких условиях Германия согласится на перемирие и последующее заключение мира. Если Германия проявит соответствующую инициативу, президент Рузвельт готов использовать свое влияние на западных союзников для начала переговоров. Президенту необходимо знать конкретные условия Германии относительно, например, Польши и колоний.

Президент говорил также о собственно чешских территориях, однако окончательное решение этого вопроса может быть отложено на более позднее время...

Встречу между Рузвельтом и Дэвисом организовал лидер американского профсоюзного движения Джон

Льюис, убежденный, что продолжение войны приведет к тяжелым социальным и экономическим последствиям в США...

До 1934 года Льюис выступал против национал-социализма в основном потому, что, как он тогда полагал, рабочий класс Германии был подавлен, лишен возможности и прав для защиты своих интересов и подвергался эксплуатации. За последние три года Льюис изменил свое отношение к третьему рейху главным образом благодаря Дэвису, который убедил его, что экономическая система национал-социализма обеспечила значительный рост благосостояния немецких рабочих.

Дэвис расширял свои операции, связанные с продажей нефти преимущественно Германии, и продолжал ее поставки Италии даже в тот период, когда они были запрещены санкциями, наложенными на эту страну...

Льюис теперь полагает, что экономические и социальные проблемы, стоящие перед Соединенными Штатами, могут быть решены не по английскому образцу, а в соответствии... с концепциями новой Германии. Он принимает характеристику социальных и политических условий в Германии, изложенную Дэвисом.

Кроме 9 миллионов членов профсоюзов под влиянием Льюиса находятся большие группы неорганизованных рабочих. Таким образом, он контролирует блок приблизительно из 14 миллионов избирателей. Демократическая партия не в состоянии добиться успеха на выборах президента без финансовой помощи Льюиса, который волен решать, чьего кандидата на этот пост он будет поддерживать — демократов или республиканцев.

Президент Рузвельт должен был бы благодарить Льюиса за переизбрание, но он не выполнил своего обещания предоставить ему пост министра. Если Рузвельт решит добиваться избрания на третий срок, он может победить только с помощью Льюиса. В равной степени это относится к любому кандидату как демократической, так и республиканской партии.

Благодаря всем этим обстоятельствам мистер Дэвис обладает исключительными возможностями влиять через Льюиса на политику и действия президента Рузвельта.

Рузвельт из личных соображений заинтересован в организации мирных переговоров, даже если и решит не добиваться своего избрания в третий раз. Его акции, направленные на умиротворение Европы, компенсируют все неудачи проводимого им «Нового курса» и в других областях и дадут ему возможность уйти со своего поста в ореоле миротворца. Рузвельт считает аналогичные усилия Муссолини недостаточными эффективными, чтобы оказать влияние на англичан, но убежден, что американское давление на Англию приведет к немедленному установлению длительного мира. Президент опасается, что затяжная война приведет к взаимному уничтожению трех главных европейских наций и, следовательно, к гибели европейской цивилизации..., упадку и крушению британской империи с последствиями, которые невоз-

можно предвидеть... Поэтому он полагает, что посредничество в немедленном заключении мира и активное сотрудничество для его длительного поддержания отвечают жизненно важным интересам США...

15 сентября Рузвельт сделал следующее заявление:

а) Германия должна получить Данциг, «польский коридор» и все ее бывшие провинции, уступленные Польше по Версальскому договору.

б) Все колонии, принадлежавшие Германии до 1914 года и управляемые сейчас другими государствами по мандатам или контролируемые иначе, должны быть немедленно возвращены Германии.

в) Германия должна получить существенную финансовую помощь для приобретения всех сырьевых ресурсов, которые потребуются ей, чтобы привести свою экономику в соответствие с экономикой соседей.

Рузвельт предложил Дэвису стать его полномочным представителем на переговорах, но тот отказался, сославшись на занятость. Однако он согласился проинформировать президента сразу же, как вернется из Европы. Если между Соединенными Штатами и Германией будет достигнуто определенное понимание, Рузвельт готов послать Дэвиса в Париж и Лондон для выяснения позиций британского и французского правительств по поводу его предложений о мире. Если же Даладье и Чемберлен начнут возражать, Рузвельт окажет на них давление...

Дэвис изложил Льюису содержание беседы с Рузвельтом. Если точка зрения президента встретит поддержку в Германии, Льюис готов использовать все возможности Конгресса производственных профсоюзов для поддержки движения за мир. Благодаря своему влиянию, распространяющемуся даже на Францию, КПП в состоянии обеспечить положительный исход мирных переговоров. Когда будет достигнуто взаимопонимание между Германией и Америкой, Льюис может повлиять на американских рабочих, с тем чтобы они отказались от производства военных материалов для Англии и Франции.

О переговорах с президентом Рузвельтом должен знать лишь узкий круг лиц, ни одна другая страна не будет о них информирована. Во избежание огласки Рузвельт, со своей стороны, исключает из участия в переговорах государственный департамент.

Вместе с Дэвисом желательно послать в Америку германского представителя и герра Герцлета на случай, если из-за различия языков возникнет какое-либо недопонимание, и для авторитетного изложения Вашингтону подлинной позиции Германии».

3 октября Геринг официально уполномочил Дэвиса продолжать с Рузвельтом переговоры о мире и одновременно поручил Герцлету сопровождать его в Соединенные Штаты. До этого Герцлет выступал как официаль-

ный представитель министерства экономики, однако теперь у Дэвиса начали зарождаться определенные сомнения в этом, и он предложил обеспечить Герцлета какой-нибудь «крышей». Геринг согласился. Так Герцлет стал секретным агентом абвера, снабженным всеми принадлежностями разведчика, в том числе и сложным шифром, разработанным специально для него. Участникам операции были присвоены условные имена: Геринг стал Гарольдом, Фетцер — Фрицем, Дэвис — агентом номер С-80, а Джон Льюис — его подагентом С-80/Л, или Чарли. Абвер снабдил Герцлета шведским паспортом на имя Карла Блюхера, заверенным фальшивой печатью генерального консульства Швеции в Берлине. Однако английская разведка быстро узнала, кто скрывается под именем Карла Блюхера, и предупредила Вашингтон. Уже в Лиссабоне перед посадкой Дэвиса и Герцлета в самолет генеральное консульство США аннулировало въездную визу немца. Дэвис бурно протестовал, пытаясь доказать, что «швед Блюхер» — руководитель одного из скандинавских филиалов его фирмы, но безрезультатно, и был вынужден улететь в Нью-Йорк один.

Сразу же после возвращения в США он попросил Льюиса позвонить в Белый дом и устроить ему встречу с Рузвельтом. Льюис связался по телефону с секретарем президента генералом Уотсоном, который ответил, что у президента нет времени. Ничуть не смущенный отказом, Дэвис 11 и 12 октября послал Рузвельту два длинных письма, в которых поделился своими «впечатлениями о Европе» и дал искаженную версию своих разговоров с Герингом.

23 октября 1939 года Льюис позвонил Бэрлу и потребовал встречи с ним, но отказался прийти в государственный департамент. Встреча состоялась в доме Бэрла. Судя по его записи, Льюис начал с напоминания о том, что «резолуция в поддержку президента, принятая на съезде КПП, с такой же легкостью могла быть и резолюцией с отказом в поддержке». Затем он перешел к разговору о Дэвисе. По его словам, он уже встречался с нефтепромышленником и знает, что тот привез из Европы «важное послание от высокопоставленных германских должностных лиц». Наступило время, утверждал Льюис, для всеобщего мира в точном соответствии с предложениями Дэвиса, изложенными президенту 15 сентября. Такую возможность и предоставляет послание, доставленное Дэвисом, однако президент отказывается его при-

нять. Означает ли это, что президент не заинтересован в достижении мира?

Бэрл ответил, что Вашингтон не может рассматривать подобные предложения, если они не исходят от правительства и получены не по официальным каналам. Больше того, и сам Дэвис не рассматривается в Вашингтоне как заслуживающий доверия посредник между американским и германским правительствами, о чем бы ни шла речь.

— Вы хотите, чтобы германское правительство заявило официально то, о чем Дэвис говорит неофициально? — спросил Льюис.

— У германского правительства есть в Вашингтоне компетентный представитель для передачи любых посланий подобного характера, — отметил Бэрл.

Встреча закончилась холодно. Льюис понял, что и его роль во всей этой истории рассматривается как весьма неприглядная.

Оскорбленный и озлобленный, он на протяжении недели часто встречался с Дэвисом, изыскивая пути и возможности заставить Рузвельта принять план Дэвиса или, если президент откажется, наказать его. В конце концов, он решил, что Рузвельта нужно наказать. Такое решение могло иметь — и имело — лишь одно последствие: Дэвис приступил к выполнению своих обязательств перед Герингом даже раньше, чем предполагалось.

Начинался второй акт драмы.

ОСОБНЯК НА МАССАЧУСЕТС-АВЕНЮ

На встрече в начале осени 1939 года Геринг и Дэвис обсуждали не только «план мира», но и «возможность поражения Рузвельта на выборах в 1940 году». Джон Льюис, утверждал Дэвис, пользуется таким огромным влиянием в стране, что может провалить кандидатуру Рузвельта, сорвать его планы вновь остаться в Белом доме. Сам он, Дэвис, готов вложить миллион долларов из собственных средств, чтобы помочь Льюису нанести поражение Рузвельту. Но для избрания нового президента, «благожелательно настроенного к Германии», потребуется миллионы пять, а возможно и больше.

Геринг ответил, что для достижения такой цели не жалко и 100—150 миллионов долларов. Дэвис заверил собеседника, что не рассчитывает на какой-либо доход от операции, но надеется, однако, в случае поражения Рузвельта получить пост государственного секретаря.

Геринг доложил о задуманной комбинации Гитлеру, получил его согласие и поручил Дэвису договориться с Льюисом о конкретных мерах, с помощью которых можно было бы провалить кандидатуру Рузвельта, если тот решит добиваться нового переизбрания. Сразу после встречи с Герингом Дэвис позвонил Льюису в Вашингтон и, зная, что все такие телефонные разговоры подслушиваются, в завуалированной форме изложил суть переговоров.

В октябре 1939 года, как только Рузвельт отказался участвовать в интригах вокруг вопроса о заключении мира по плану, доставленному Дэвисом из Германии, Льюис сейчас же приступил к организации антирузвельтовской кампании. Уже 24 января 1940 года он публично выступил с резким осуждением президента и яростными нападками на его «Новый курс». В своей речи на конференции объединенного профсоюза горняков Льюис рекомендовал «воздержаться от поддержки президента Рузвельта, не голосовать за его переизбрание» и «предсказал», что президент потерпит на выборах позорный провал, даже если национальный съезд демократической партии под давлением и угрозами все же выдвинет его кандидатуру.

Конференция горняков закончилась 30 января, а через несколько дней Дэвис вручил представителю демократической партии штата Пенсильвания 160 тысяч долларов с условием, что на национальном съезде делегация штата проголосует против кандидатуры Рузвельта. Из доклада Герцлета теперь известно, что эти деньги поступили из секретных средств, отпущенных Герингом для финансирования антирузвельтовского лобби.

Вскоре после конференции Льюис в беседе с одним из журналистов сообщил, что отказался от поддержки Рузвельта и в качестве кандидата демократической партии поддерживает сенатора Уилера, что для финансирования предвыборной кампании у него уже лежит в банке миллион долларов и что ему удалось уговорить мощные профсоюзы железнодорожников и шоферов грузовых машин не поддерживать президента.

Примерно в то же время Дэвис просил Герцлета всемерно ускорить перевод германского взноса в фонд кампании и вновь попытаться приехать в США.

Герцлет обратился к Герингу, и тот наскреб из своих различных секретных фондов и из скудных резервов иностранной валюты Германии 5 миллионов долларов и передал в распоряжение Дэвиса и Герцлета.

Это была огромная сумма, особенно по сравнению с 50 тысячами долларов «специального фонда», ассигнованных германскому посольству в Вашингтоне на антирузвельтовскую кампанию. Даже сегодня, когда об этой операции известно почти все, судьба многомиллионного «фонда кампании» все же остается невыясненной.

Арестованный после войны Герцлет на допросе рассказал, что Геринг действительно собрал такую сумму и что надежный курьер — итальянец Луиджи Подеста, — доставив ее в США, вручил Дэвису, а тот вложил деньги в различные банки в Бостоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско и Мехико. Однако Герцлет якобы не знал, как расходовались эти средства. Он признал, что на финансирование антирузвельтовской кампании ушла лишь часть суммы. Насколько удалось установить, Дэвис, Герцлет и Льюис израсходовали около 1,5 миллиона долларов. В декабре 1941 года, после разрыва дипломатических отношений между США и Германией, в немецком посольстве в Вашингтоне было обнаружено около 3 миллионов 600 тысяч долларов, но никто не мог или не захотел объяснить их происхождение.

Выполнить просьбу Дэвиса и приехать в Штаты было для Герцлета делом не простым — могла повториться прежняя история: госдепартамент не дал бы визы, и тут не помог бы никакой фальшивый паспорт. Однако Геринг настаивал, и Герцлет выехал с датским паспортом, сфабрикованным для него немецкой разведкой. С ним он пересек Атлантику на португальском пароходе и сошел на берег в Аргентине, откуда перебрался в Мексику. Отсюда, уже со своим настоящим дипломатическим паспортом, в визировании которого госдепартамент не мог отказать, Герцлет приехал в США и сразу попал под наблюдение агентов ФБР. В Вашингтоне он появился 18 марта 1940 года и остановился в одной гостинице с Дэвисом. У молодого, наглого нациста, каким был Герцлет, от близости к Герингу, важности порученной ему миссии и от доступа к пятимиллионному фонду закружилась голова, и его отношения с Дэвисом стали быстро портиться.

Этот первый визит Герцлета в США длился 26 дней. Он знакомился с людьми Дэвиса, а 27 марта состоялась решающая встреча немца с Льюисом, с которым его свел Дэвис (кстати, тоже находившийся под наблюдением ФБР). Льюис и до этого несколько раз принимал Герцлета в помещении объединенного профсоюза горняков, но пока они не имели возможности серьезно обсудить главные вопросы.

Судя по показаниям Герцлета, во время длительной беседы 27 марта Льюис подтвердил их альянс с Дэвисом. Нефтепромышленник же в свою очередь повторил то, что ранее уже сообщил Герингу: Льюис может рассчитывать на поддержку 14 миллионов рабочих и использовать этот огромный блок избирателей против Рузвельта. Льюис заметил, что это так. Когда речь зашла о предстоящих выборах, Льюис заверил немца, что, если будет выдвинута кандидатура Рузвельта, он официально выступит против него.

Заявления президента КПП произвели определенное впечатление на Герцлета, но он был достаточно искушен, чтобы полагаться только на слова. К тому времени он уже успел понять, что в своих докладах в Берлин Дэвис весьма преувеличивал собственные достижения, а база его деятельности слишком узка, чтобы обеспечить успех задуманной кампании даже с помощью Льюиса, и что поэтому следует привлечь к делу германское посольство в Вашингтоне, использовать его широкие контакты.

На следующий день Герцлет связался, как ему предписали в Берлине, с военно-морским атташе германского посольства в Вашингтоне капитаном Витгофтом-Эмденом и представился личным полномочным эмиссаром Геринга, приехавшим в США со специальным заданием. На Эмдена это произвело такое впечатление, что он немедленно привел его к поверенному в делах Гансу Томсену.

Арестованный после войны Томсен на допросах показал: «Герцлет заявил, что хорошо знает Джона Л. Льюиса и может оказывать большое влияние на внутривнутриполитическую обстановку в США. Он добавил, что через мистера Льюиса в состоянии провалить кандидатуру Рузвельта на выборах».

Герцлет сообщил поверенному в делах об огромном фонде, находящемся в его распоряжении, и заявил, что было бы надежнее, если бы посольство присоединилось к нему и Дэвису в «активной поддержке мистера Льюиса».

Томсен на допросах утверждал, что после ухода Герц-

лета он решил не принимать никакого участия в этой аванюре и даже якобы просил МИД Германии ходатайствовать перед Герингом о дезавуировании Дэвиса и об отзыве Герцлета. В действительности все обстояло иначе. Не возражая против задуманной операции, Томсен протестовал лишь против вмешательства в его прерогативы и утверждал, что он и его посольство значительно лучше подготовлены для организации подобной кампании как вместе с Льюисом, так и без него. Именно так обстояло дело к 12 апреля 1940 года, когда Герцлет, считая подготовительную стадию своей работы в США законченной, выехал в Мексику для организации контрабандных поставок в Германию мексиканской нефти через британскую блокаду.

Германское посольство, два десятилетия после первой мировой войны занимавшее один и тот же особняк на Массачусетс-авеню в Вашингтоне, собирало политическую (через дипломатов) и военную (через военных атташе) информацию, считая при этом, что оно не выходит за обычные дипломатические рамки. В 1937 году послом Германии в США был назначен профессиональный дипломат доктор Ганс Гейнрих Дикхоф, и обстановка в посольстве резко изменилась. Интриги и шпионаж стали повседневной практикой посольства.

В 1938 году правительства США и Германии временно отозвали своих послов, и германское посольство в Вашингтоне превратилось в подлинную цитадель фашизма. Дикхоф, обеспокоенный тем, что информация, посылаемая из Вашингтона группой оставленных там посредственных дипломатов, скудна и поверхностна, начал искать человека, который мог бы исправить положение. Он понимал, что для этой цели требуется опытный разведчик, непосредственно не связанный с посольством.

Летом 1938 года, отдыхая на одном из немецких курортов, Дикхоф познакомился с человеком, который подыскивал для себя именно такую работу. Им оказался Георг Сильвестр Вирек, довольно талантливый поэт, поклонник Оскара Уайльда. Один из наиболее удачливых и хитроумных немецких разведчиков в США во время первой мировой войны, он сделал своей профессией торговлю политическими секретами.

Дикхоф принял предложение Вирека наладить в Вашингтоне разведывательную работу для немецкого посольства и устроил ему командировку в США под видом

корреспондента одной мюнхенской газеты. Эта же «крыша» должна была служить каналом для перевода Виреку средств из не подлежащего никаким ревизиям секретного фонда МИД Германии, обычно фигурировавшего под названием «Специальный счет Дж.».

Томсен значительно расширил функции полученного «по наследству» Вирека. Поэт-шпион вовсе не был только, как он сам о себе говорил, «пропагандистской кукушкой, откладывающей яйца в каждое чужое гнездо». Томсен поручил ему обработку законодателей и политических деятелей, оказывающих влияние на формирование общественного мнения в США, с целью углубления раскола страны, создания обстановки неуверенности и хаоса. Но и это было не все. Вирек получил указание информировать Берлин о том, что «в действительности происходит в Соединенных Штатах», то есть собирать особо доверительную и конфиденциальную информацию. На допросе после войны Дикхоф признал, что в этом состояла основная задача Вирека.

Выполняя задание Томсена, Вирек создал сеть информаторов в особо важных органах вашингтонской администрации, прежде всего в конгрессе. Он установил близкие личные отношения с группой законодателей среди изоляционистов и противников Рузвельта, однако был достаточно умен, чтобы не компрометировать их своей «дружбой». Параллельно с этой группой он создал сеть платных шпионов в канцеляриях своих друзей — сенаторов и конгрессменов.

Томсен прекрасно понимал, какой опасностью чревата подобная деятельность посольства и какому риску он подвергает себя как дипломат. В телеграммах в Берлин он просил позволить ему вести секретную работу по его собственному усмотрению, не докладывать о ее деталях и не требовать отчета в расходах.

Война в Европе нарушила связь с посольством через дипкурьеров и вынудила Томсена пользоваться другими каналами. Он правильно предполагал, что англичане читают его шифровки и доводят их содержание до сведения американцев. Телеграммой в МИД Германии от 3 июля 1940 года он попросил разрешения уничтожить все бумаги о его расходах на политические цели, так как опасался, что они могут попасть в руки противника, а это означало бы подлинную катастрофу для «друзей Германии».

Томсен писал, что для «успеха его усилий, направленных на удержание Соединенных Штатов от вступления в

войну, и для оказания соответствующего политического влияния» он должен применять «специальные методы» и производить денежные выплаты через доверенных и надежных посредников. При таких обстоятельствах «нельзя рассчитывать на получение расписок». Разрешение он вскоре получил. Вся переписка, относящаяся к тайным операциям посольства, была уничтожена, и в дальнейшем денежные выплаты производились без расписок.

Томсен считал, что ему удалось спрятать концы в воду, но он ошибался. Например, 18 июля в совершенно секретной телеграмме он подробно сообщил, как после длительных переговоров сенатор от штата Северная Дакота Джеральд Нэй согласился разослать «ста тысячам специально отобранных лиц» текст одной из своих речей, которую немцы считали образцом прогерманской пропаганды. Томсен особенно подчеркивал, что это «мероприятие оказалось нелегким и весьма деликатным, так как политический противник президента сенатор Нэй находится под тщательным наблюдением тайной полиции». Свое сообщение Томсен заканчивал уже обычным постскриптумом: «Подлинник мною уничтожен».

Однако в Берлине сообщение не уничтожили, и сейчас оно хранится в Национальном архиве США под серийным номером 897 в папке 291872, среди документов МИД Германии, захваченных союзниками, и бесчисленного множества других бумаг, уцелевших вопреки надеждам Томсена. Именно поэтому есть возможность восстановить тайную деятельность Томсена от начала до конца, то есть до декабря 1941 года, когда нападение японцев на Пирл-Харбор и объявление Гитлером войны Соединенным Штатам закончило эту главу в американо-германских отношениях.

Сразу же, как только посольство получило для своего секретного фонда 50 тысяч долларов, Томсен поручил Виреку разработать план кампании с целью оказать влияние на съезды политических партий в 1940 году и на последующие президентские выборы. Вирек быстро представил такой план. Он предусматривал не только создание оппозиции перевыборам Рузвельта, но и поддержку американского изоляционизма. Отсылая план на утверждение в Берлин, Томсен потребовал немедленного ответа, поскольку очередной съезд республиканской партии должен был начаться в Филадельфии менее чем через две недели. По сообщению Томсена, Вирек разработал для съезда

специальные мероприятия, представлявшие, по его характеристике, «хорошо замаскированный пропагандистский блиц» из двух основных пунктов:

1. Хорошо известный конгрессмен-республиканец, работающий в постоянном контакте с пресс-атташе посольства Штремпелем, пригласит 50 республиканских конгрессменов-изоляционистов провести три дня на партийном съезде, для того чтобы они могли обрабатывать делегатов съезда в пользу изоляционистской внешней политики. На это потребуется 3 тысячи долларов.

2. Этот же конгрессмен готов сформировать специальный комитет республиканской партии, который в течение всей работы съезда будет публиковать в основных американских газетах платное обращение на всю страницу с выразительным призывом: «Удерживайте Америку от вступления в войну!»

Стоимость этой кампании определялась в 60—80 тысяч долларов, но Томсен заверил Берлин, что половину суммы, «по всей вероятности, заплатят наши республиканские друзья».

Телеграммой от 17 июня Берлин одобрил план, а уже через два дня Томсен передал в МИД, что «в Филадельфию выезжают 50 конгрессменов для изложения наших взглядов делегатам партийного съезда».

25 июня, накануне принятия съездом избирательной программы, в газете «Нью-Йорк таймс» появилось обращение, адресованное делегатам съезда республиканской партии, американским матерям, трудящимся, фермерам и ветеранам войны, в котором, в частности, говорилось:

«Остановите военную машину! Остановите поджигателей войны! Остановите демократическую партию, которая является партией войны и против воли американского народа ведет нас к войне!»

Обращение якобы оплатила некая организация под названием «Комитет против участия Америки в иностранных войнах». Из немецких документов видно, что комитет был создан Виреком. После войны по-разному объяснялось, кто в свое время заплатил за обращение. По одним данным, оно было полностью оплачено его комитетом, а Томсен утверждал, будто посольство внесло часть стоимости — 3 тысячи долларов.

По окончании съезда Томсен в своих донесениях сообщал, что ему удалось добиться включения в избирательную платформу республиканской партии нескольких пунктов, явно благоприятных для немцев.

«Умело используя тактические приемы,— писал он 3 июля,— изоляционистское крыло республиканской партии преуспело... в обосновании внешней политики своей партии на принципах, которые кандидат в президенты Уилки обязался соблюдать».

По мнению Томсена, наиболее важными из этих пунктов были следующие:

1. Республиканская партия решительно выступает против вовлечения нации в войну.
2. Республиканская партия высказывается «за американизм, готовность к военным действиям и мир».

Томсен откровенно заявлял, что именно он автор этих пунктов, «взятых почти слово в слово из бросавшегося в глаза обращения в американской прессе, опубликованного по нашей инициативе».

Едва успел закончиться съезд республиканской партии, как Томсен, Штремпель и Вирек занялись съездом демократической партии.

«Пресс-атташе Штремпель позаботился о том, чтобы несколько надежных конгрессменов-изоляционистов выехали в Чикаго с намерением повлиять на делегатов и добиться хотя бы формального включения в избирательную платформу демократической партии обязательства о неучастии в европейской войне»,— сообщал Томсен.

Эти же конгрессмены, по его словам, использовали уже испытанную и оправдавшую себя публикацию в прессе броского платного обращения. Вирек составил для демократов такое же обращение, как и для республиканцев, лишь изменив призыв:

«Не допускайте, чтобы демократическая партия, известная в истории как партия невмешательства, против воли 93 процентов американцев превратилась в партию вмешательства и войны!»

15 июля обращение появилось в газете «Чикаго трибюн».

Занятый подобного рода интригами, Томсен не обращал особого внимания на деятельность Дэвиса и его компании. Между тем быстрое развитие событий, выдвижение кандидатуры Уилки республиканцами и вероятность выдвижения кандидатуры Рузвельта демократами подтолкнули Джона Льюиса на более решительные действия. Дэвис в свою очередь потребовал скорейшего приезда Герцлета в США. Немец выполнил просьбу, но на этот раз пробыл в Штатах всего четыре дня. Усиление слежки за Льюисом и Дэвисом, подслушивание телефонных раз-

говоров и перлюстрация их корреспонденции, столь же строгое наблюдение за самим Герцлетом так его напугали, а Дэвис настолько разочаровал, что он счел свое дальнейшее присутствие в США бесполезным и поспешил ретироваться в Мексику. На этом закончилась его роль в описываемых событиях.

Отъезд Герцлета вызвал у Дэвиса чувство облегчения. Он уже не нуждался в помощи немца. За время между двумя посещениями Герцлетом США Дэвис сумел укрепить свое положение в абвере, превратился в особо доверенного агента-групповика со своей сетью шпионов и своими независимыми линиями связи с Берлином при помощи шифров германского военно-морского атташе в Берлине и германской миссии в Мехико.

Широко используя собственную международную фирму и свои контакты в Англии и Франции, Дэвис без труда получал нужную информацию. Поскольку США формально сохраняли нейтралитет, он мог свободно посещать страны, куда доступ немцам был закрыт.

Деятельность Дэвиса в этом направлении началась 16 мая 1940 года, когда один из его деловых партнеров, известный в абвере под кличкой «Макдональд», отправился в обычную на первый взгляд поездку в Европу, а на самом деле для доставки собранной Дэвисом и зашифрованной информации. Успешно пробравшись через британскую блокаду и досмотры, «Макдональд» вручил материалы германскому генеральному консулу в Генуе, а тот незамедлительно переслал их в абвер.

Примерно в то же время первый вице-президент фирмы Дэвиса и руководитель его заграничных операций Генри Уилсон находился в Париже и Лондоне, выполняя определенные поручения Дэвиса. На пути в США Уилсон тайно побывал в Риме и передал собранную в Англии и Франции информацию специальному связнику, присланному немецкой разведкой из Берлина.

25 мая 1940 года Уилсон встретился в Мехико с высокопоставленным сотрудником абвера, обозначенным в обнаруженных документах только псевдонимом Фриц, и получил от него перечень заданий, которые требуется выполнить в Англии и Франции. На этот раз пребывание в британской столице оказалось для Уилсона особенно результативным благодаря близким отношениям Дэвиса с шотландским промышленником лордом Инверфортом, занятым производством боеприпасов и самолетов. И сам Инверфорт, и его зять, отставной морской офицер Ланг-

тон-Джонс, были очень хорошо осведомлены о состоянии британской военной промышленности, а зять, кроме того, обладал широкими знаниями в области военных и военно-морских проблем.

Инверфорт и Лангтон-Джонс знали Уилсона только как ближайшего делового партнера Дэвиса и не подозревали в нем немецкого шпиона. Уилсон же всякий раз, возвращаясь из Лондона в США, делал остановку в Мадриде, где и вручал собранную информацию либо поджидавшему его Фрицу, либо связнику, прикрытому представительством фирмы Дэвиса в Испании.

Избирательная кампания в США достигла наивысшего напряжения к октябрю 1940 года. Еще в начале июня Джон Льюис публично обязался поддерживать сенатора Б. Уилера в качестве кандидата на пост президента против кандидатуры Рузвельта, выдвинутой при первом же голосовании на съезде демократической партии. Как докладывал Томсен своему министерству иностранных дел, Льюис, заключая соглашение с Уилером, обязался «создать из недовольных демократов третью партию — партию мира».

Яростные предвыборные нападки Льюиса на Рузвельта содержались, например, в его выступлении 30 июля на съезде объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности. К октябрю антирузвельтовская кампания Томсена слилась с такой же кампанией, проводившейся дуэтом Дэвис—Льюис. К этому времени США, как и предполагал Вирек, вступили в полосу глубокого политического кризиса, вызванного всем ходом подготовки к президентским выборам. Использование «грязных» методов было обычным делом в американской политической жизни, однако на этот раз на нее влиял новый элемент — призрак войны. Как писал впоследствии один из политических обозревателей, в избирательной кампании 1940 года ощущался панический страх перед войной.

В известной мере это была естественная реакция на развитие событий в Европе, где Гитлер побеждал, не встречая в сущности никакого сопротивления. Однако атмосфера страха, сгустившаяся над страной, в значительной степени была искусственно создана немцами. Многие громкие предвыборные лозунги, выдававшиеся за выражение чаяний американского народа, в действительности были, как это видно из немецких архивных документов, изобретены Виреком и подброшены американским

политиканам. Именно он автор двух броских фраз, использованных политиками в своих выступлениях и потом подхваченных миллионами американцев. В одной из них, впервые произнесенной сенатором Уилером, говорилось, что если Рузвельт вмешается в войну в Европе, «каждый четвертый американский парень станет мертвецом». Другой фразой было заведомо лживое утверждение, будто «американские парни уже плывут в Европу на военных транспортных».

К октябрю в группу подручных пропагандистов Вирека уже входило 24 сенатора и конгрессмена. Одни из них сознательно сотрудничали с ним, других он ловко использовал в своих целях. Друзья и марионетки Вирека в конгрессе, пользуясь своим правом бесплатной корреспонденции, рассылали избирателям сотни тысяч писем с предупреждением, что переизбрание Рузвельта означает войну, а «война — это конец той Америки, которую мы знаем». В нескольких донесениях в Берлин Томсен хвастался, что по его инициативе конгрессмены разослали миллионы подобных писем и 1173 тысячи экземпляров различных текстов, напечатанных в «Бюллетене конгресса» по заданиям Вирека.

В такой сложной и напряженной обстановке Льюис после очередной консультации с Дэвисом решил нанести решающий удар. 21 октября Дэвис, назвавшись личным представителем Джона Л. Льюиса, позвонил в крупнейшие нью-йоркские радиовещательные фирмы и закупил для него время на 322 радиостанциях. На вопрос, кто будет платить за выступление, Дэвис ответил, что счета нужно посылать непосредственно мистеру Льюису.

Выступая вечером 25 октября по радио, Льюис, помимо всего прочего, заявил:

«Целью Рузвельта является война. Если он будет переизбран, я приму это как выражение доверия к нему и на съезде Конгресса производственных профсоюзов в ноябре уйду в отставку».

Слова президента КПП прозвучали как угроза, рассчитанная на то, чтобы запугать миллионы американских избирателей и заставить их голосовать против Рузвельта. (Выступление Льюиса стоило 60 тысяч долларов, из которых сам он уплатил только 15 тысяч, а остальные внес Дэвис из секретных средств, отпущенных немцами.)

Это было последнее предвыборное выступление Льюиса, но немцы считали, что в запасе у них есть еще кое-что.

30 октября, всего за шесть дней до выборов, Риббентроп телеграфом прислал Томсену копию донесения польского посла в Вашингтоне от 7 марта 1939 года, найденную немцами в захваченных архивах МИД Польши в Варшаве. Посол излагал содержание своей беседы с послом США во Франции Буллитом, который, очевидно с согласия Рузвельта, заверил поляка, что президент готов в случае войны оказать союзникам, включая Польшу, всяческую помощь. По мнению Риббентропа, телеграмма польского посла служила неоспоримым доказательством того, что Рузвельт — «поджигатель войны и уголовник-лицемер». Риббентроп предложил поверенному в делах обеспечить самое широкое распространение этого документа с помощью радио и прессы.

По поручению Томсена издатель воскресной газеты «Нью-Йорк инквайер» Уильям Гриффин — один из платных агентов Вирека — за 5 тысяч долларов 1 ноября напечатал под огромным сенсационным заголовком телеграмму польского посла сначала в своей газете, а затем тиражом в 250 тысяч экземпляров — еще и в специальном выпуске этого номера. Статья с телеграммой произвела некоторое впечатление, но «разорвавшейся бомбой» (как Томсен доложил Риббентропу) не стала и была опровергнута Рузвельтом и государственным секретарем, а после выборов вообще забыта.

Но вот все кончилось — речи, кампания, выборы. На очередном съезде КПП Льюис вышел в отставку, а через девять месяцев от сердечного приступа умер Дэвис — разочарованный и скомпрометированный. Нацисты потерпели поражение в своих попытках не допустить переизбрания Рузвельта. Но Томсен не сложил оружие.

Возглавляя посольство, он не полагался только на Вирека и его политическую агентуру. Сразу после начала войны в Европе, на тот случай если США объединятся с Англией и Францией против Германии или хотя бы разорвут дипломатические отношения с рейхом, Томсен создал две отдельные секретные сети «для защиты германских интересов».

Во-первых, он организовал группу из иностранных журналистов, представлявших газеты тех стран, которые, по его расчетам, должны были остаться нейтральными. Обещая каждому солидное по тем временам месячное вознаграждение в 350 долларов, он убедил их стать его эпизодическими осведомителями, главным образом в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Во-вторых, ему удалось создать по всей территории Соединенных Штатов агентурную сеть из 47 «особо надежных агентов», готовых в случае необходимости создать шпионские группы. Четверо из них действовали в Вашингтоне, трое — в Нью-Йорке, остальные — в различных штатах: тринадцать — в Иллинойсе, трое — в Висконсине, четверо — в Миннесоте, трое — в Луизиане, пятеро — в Техасе, шестеро — в Миссури, по одному — в Индиане, Небраске, Айове, Флориде, Джорджии и в штате Вашингтон.

Томсен был опытным разведчиком. Систематическое наблюдение за Рузвельтом, избранным на третий срок, он с полным основанием считал главной задачей своей «секретной дипломатии», поскольку президент формально нейтральных США принимал подчас такие важные решения, которые прямо влияли на военные мероприятия Гитлера. Поэтому Томсен стремился как можно больше знать о планах и намерениях Рузвельта, а также узнавать о его решениях еще в процессе их подготовки.

В вашингтонских джунглях Томсену удалось найти несколько человек, вхожих в «коридоры власти» или имевших доступ к государственным секретам и готовых поделиться ими за определенную мзду. Самым важным среди них был, как сообщал Томсен, друг министра юстиции Гомера Каммингса. Через этого агента немец получил немало важных сведений. Так, 11 июня 1940 года Томсен доложил в Берлин, что, согласно донесению его «надежного осведомителя», Рузвельт в беседе с министром юстиции следующим образом изложил свои намерения:

1. В сложившейся военной ситуации президент будет использовать любые юридические лазейки, чтобы в обход закона о нейтралитете оказывать союзникам всю возможную помощь.

2. Если война затянется, он примет меры к созданию в стране запасов вооружения и к развертыванию американской армии и предоставит их в распоряжение союзников.

3. Если война закончится скоро и Англия и Франция потерпят поражение, США в течение двух лет будут сохранять мирные отношения с Германией и за это время развернут свою армию, военно-морской флот и военно-воздушные силы, во что бы это ни обошлось.

4. Если немцы когда-нибудь нападут на Канаду, на владения Англии или Франции в Вест-Индии, США немедленно, независимо от готовности, объявят Германии войну.

Томсен располагал еще одним, даже более ценным, источником информации. Как мы уже знаем, Тайлера Кента, шпиона в американском посольстве в Лондоне, разоблачили и арестовали в мае 1939 года, однако немцы продолжали получать почти дословные копии телеграмм Рузвельта, особенно тех, которыми он обменивался с послом США в Великобритании Джозефом Кеннеди. Они поступали от Томсена из Вашингтона и после разоблачения Кента.

Донесения Кеннеди давали Томсену возможность оценить способность Великобритании к продолжению войны и характер разрушений, причиненных воздушными бомбардировками Англии осенью 1940 года. Он переслал в Берлин целую серию сообщений Кеннеди с описанием «потрясающих результатов немецких воздушных налетов на порты, аэродромы и военные предприятия». 30 сентября 1940 года Томсен направил в Берлин телеграмму Кеннеди, в которой посол панически предупреждал Рузвельта, что с «Англией все кончено». Томсен ссылаясь на свой источник — «известного надежного информатора».

Уже после войны госдепартамент проводил расследование этого дела, но, как и в некоторых других случаях, результаты его не были опубликованы. Однако расследование, предпринятое автором этой книги и включавшее скромную по своим итогам беседу с самим Томсеном в 1966 году, позволило составить некоторое представление о том, как все происходило.

Немецкий дипломат-шпион приобрел агента в шифровальном отделе госдепартамента и получал оттуда — из первых рук — информацию о наиболее важных секретах США.

Как ему это удалось? По словам Томсена, информацию он получал от «надежного и проверенного агента», дружившего с заведующим шифровальным бюро госдепартамента. Их отношения были настолько близкими, что заведующий разрешал своему другу знакомиться с телеграфными донесениями и, вероятно, копировать наиболее важные из них.

Человеком, допускаявшим утечку секретных материалов, был один из старших чиновников кодошифровального отдела госдепартамента Джозеф П. Даген. В те напряженные дни изоляционистски настроенный Даген позволил своему близкому приятелю с такими же, как у него, взглядами втянуть себя в обсуждение телеграмм посла Кеннеди. Некоторые из них, имевшие отношение к уз-

ловым вопросам войны и мира, он брал домой и, не подозревая, что его друг — немецкий шпион, не возражал, когда тот снимал копии якобы для того, чтобы показать некоторым законодателям, которые «имеют право знать, что происходит».

Большая часть немецких документов, относящихся к этому делу, уничтожена. Однако из сохранившихся материалов видно, что Томсен получал такие материалы по меньшей мере с октября 1939 года по конец апреля 1941 года. Например, он передал в Берлин подробное содержание очень важных донесений Кеннеди от 22 октября 1939 года, от 3 апреля, 19 августа и 30 сентября 1940 года.

Осенью 1940 года американцам удалось расшифровать японскую дипломатическую криптосистему, основанную на применении «Машины-Б» и считавшуюся абсолютно надежной. Поскольку все другие японские коды и шифры американцы к тому времени уже раскрыли, то теперь американское правительство получило доступ ко всей японской дипломатической переписке, которую удавалось перехватывать. Эта операция, получившая условное название «Магик», держалась в строжайшем секрете, так как предполагалось, что японцы не знают об удаче американских дешифровальщиков. В госдепартаменте доступ к расшифрованным японским телеграммам должен был иметь только государственный секретарь Хэлл, однако он в нарушение всех инструкций показывал их по меньшей мере шестерым своим помощникам, а те — еще четверым чиновникам дальневосточного отдела и т. д.

29 апреля 1941 года Томсен телеграфировал в Берлин:

«Из абсолютно надежного источника узнал, что государственный департамент имеет ключ к японской шифровальной системе и может дешифровывать телеграммы из Токио послу Номуре в Вашингтоне, содержащие донесения Ошимы, посла в Берлине».

Нет никаких сомнений, что этим «абсолютно надежным источником» был друг заведующего шифровальным отделом.

Предупреждение Томсена было немедленно передано в Токио, а немцы усилили меры безопасности в своих контактах с японским послом в Берлине. Сами же японцы ограничились поверхностным расследованием, решив, что их шифровальная «Машина-Б» по-прежнему «абсолютно надежна».

ШПИОНЫ С ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ ПАСПОРТАМИ

Военный и военно-морской атташе германского посольства уже по занимаемой должности считались традиционными фигурами в системе разведки. Поощряемые и подгоняемые Томсеном, они в полную меру пользовались тем, что их терпели как «официальных шпионов».

Не упускал удобного случая раздобыть что-нибудь стоящее военно-морской атташе капитан Витгофт-Эмден, хотя и уклонявшийся от участия в шпионских операциях, если по каким-либо причинам не мог руководить ими единолично. Иногда капитан разрешал агентам абвера пользоваться своим военно-морским шифром «М», который считался единственно надежным. Рекомендовалось прибегать к нему в тех случаях, когда агентурное донесение передавалось в Берлин через посольство и возникала необходимость сохранить в строжайшей тайне столь явное злоупотребление дипломатическими привилегиями.

В сентябре 1939 года Витгофт-Эмден получил указания установить тщательное наблюдение за некоторыми портами на восточном и западном побережье США и создал в обеих приморских зонах хорошо справлявшуюся со своими задачами агентурную сеть.

В Нью-Йорке действовал агент Витгофта-Эмдена некий Ремель, находившийся на связи у одного из вице-консулов генерального консульства Германии. Ремель входил в небольшую группу немецких шпионов, о которых до сих пор почти ничего неизвестно. Возможно, он работал судоходным экспертом и по своему служебному положению имел доступ к материалам о всех судах, посещавших нью-йоркский порт.

На западном побережье агентом Витгофта-Эмдена был Оскар Хабер, в свое время завербованный германским генеральным консулом в Лос-Анджелесе Гисслингом для выполнения тех же заданий, какие Ремель выполнял на восточном побережье. После того как Гисслинг был вынужден уехать из Лос-Анджелеса, Витгофт-Эмден, не имея возможности оперативно руководить из Вашингтона своей агентурной сетью на Тихоокеанском побережье, передал ее резидентуре абвера в Мехико, действовавшей под «крышей» германского посольства. Эта резидентура располагала широко разветвленной и активной агентур-

ной сетью из нескольких десятков шпионов. Ими руководил некий Альфред Волер, мнимый служащий мнимой фирмы «Вос де Пуэбло» в небольшом мексиканском городе Масатлан, расположенном на железнодорожной линии между США и Мексикой.

Витгофт-Эмден имел в своем распоряжении еще одну группу агентов, в задачу которых входила обработка моряков с кораблей, направлявшихся из США в Мексику, и сбор таким путем разведывательной информации о тихоокеанском военно-морском флоте США. Эта сеть была ликвидирована мексиканской тайной полицией в октябре 1942 года по материалам, представленным ФБР, но к тому времени Витгофт-Эмден уже покинул Вашингтон.

Военным атташе немецкого посольства в Вашингтоне и одновременно старшим военным представителем Германии в Северной и Центральной Америке с апреля 1933 года был генерал Беттихер.

Артиллерист по специальности, он как любитель занимался историей, военной философией и геополитикой, написал на эти темы несколько статей и книг и тем самым заслужил в немецкой военной верхушке репутацию проницательного наблюдателя и глубокого мыслителя. Скорее всего, известность Беттихера как писателя и аналитика (а не его военные таланты) послужила основанием для назначения генерала на такой важный пост в Вашингтоне.

За более чем восьмилетнее пребывание в Соединенных Штатах Беттихер направил в Берлин массу донесений об американской армии и военном потенциале страны. Однако эти донесения, написанные с явной претензией на эрудицию, вовсе не обнаруживают в авторе проницательного наблюдателя. Поверхностный человек с салонными манерами, он был в действительности чванливым ослом, яростным антисемитом, солдафоном с устаревшими взглядами и кучей предрассудков. Антисемитизм, сделавший его в глазах Гитлера «примерным нацистом», сказывался и на его профессиональных оценках.

Уже после войны бывший высокопоставленный чиновник немецкого министерства иностранных дел назвал Беттихера одним из могильщиков Германии, утверждая, что его необъективные доклады немало способствовали ошибочному представлению Гитлера о Соединенных Штатах.

Низкий уровень тенденциозных донесений Беттихера

объяснялся, несомненно, его методами сбора информации: ее источником была небольшая группа офицеров американского генерального штаба и их друзей с такими же, как у самого Беттихера, взглядами и убеждениями.

В Вашингтоне, еще до вступления США в войну, существовала группа военных, на которую произвели огромное впечатление мощь и отлаженность германской военной машины и которая рассматривала события с явно прогерманских позиций. Ее немногочисленные, но влиятельные члены часто действовали как изоляционистское лобби. Время от времени они собирались в доме своего идеолога, бывшего американского военного атташе в Берлине полковника Трумена Смита. Он представлял те силы, что исподволь действовали за кулисами событий. Смит оказывал определенное влияние как на творцов политики, так и на общественное мнение и способствовал углублению непримиримых противоречий, характерных для Америки тех дней, когда решались важнейшие проблемы войны и мира.

Убежденный консерватор, преклонявшийся перед авторитаризмом, Смит был склонен верить немцам на слово. В эту группу военных входили офицеры всех родов войск и в том числе контр-адмирал Хупер.

Ими двигали не столько прогерманские настроения, хотя, конечно, и они играли не последнюю роль, сколько желание удержать США от вступления в войну. Активное участие в работе группы принимал полковник Линдберг, решительно выступавший против вовлечения США в европейские ссоры, даже если бы это означало поражение Великобритании. Факты для подкрепления начатой им кампании Линдберг получал от своих единомышленников, хорошо осведомленных о мощи Германии, слабости Англии, состоянии американской готовности к войне и планах «разжигания войны», якобы вынашиваемых администрацией Рузвельта.

Разумеется, это не была какая-то исследовательская группа или дискуссионный клуб обычных граждан. И сами встречи, и обсуждавшиеся на них вопросы держались в секрете. На совещания доставлялись секретные документы, и в процессе дискуссий участники обменивались конфиденциальной информацией. Члены группы поддерживали негласную связь с некоторыми влиятельными изоляционистами в конгрессе, особенно с сенатором от штата Монтана Бартоном Уилером. Время от времени они знакомили его с «фактами», которые он использовал,

чтобы разоблачать Рузвельта как «поджигателя войны».

Вот таких людей и полученные у них сведения и использовал генерал Беттихер не только для оценки политико-морального состояния американской армии, но и для получения «самой достоверной» информации, полагая при этом, что не выходит за рамки дипломатического протокола.

Действительно обильную и нужную информацию поставляли генералу лишь три члена группы. В то время они уже сняли военные мундиры и могли говорить и делать все, что считали нужным, поскольку им теперь не мешала осторожность, обязательная для военнослужащих в отношениях с иностранным военным атташе.

В этой тройке Беттихер особо выделял бывшего военно-морского летчика, майора запаса Элфорда Уилльямса-младшего. Комментатор по вопросам авиации для группы газет «Скриппс-Говард», он был полезен Беттихеру из-за своей близости к группе Смита. Раньше Уилльямс был близок к Линдбергу, который, как утверждал Беттихер в своем донесении в Берлин 20 июля 1940 года, «пытался воспрепятствовать евреям осуществлять контроль над американской политикой».

Другим информатором Беттихера, тесно связанным с кружком Смита — Линдберга, был Чарльз Аллен, тоже авиационный комментатор. Генерал упоминал в одном из своих сообщений, что Аллен был близок к нему в течение нескольких лет и до «недавнего времени» занимал ответственный правительственный пост в гражданской авиации. По осторожному выражению немца, комментатор проводил для него «самостоятельную исследовательскую работу».

Беттихер постоянно беспокоился, что его связь с Уилльямсом и Алленом выльвет наружу, и неоднократно просил Берлин не упоминать их имена в германской прессе. 20 июля 1940 года он телеграфировал:

«Я повторяю свою рекомендацию полностью избегать всякого упоминания в печати, в беседах с военным атташе и т. д. о наших связях с Линдбергом и другими американцами, выступающими против евреев».

4 августа Беттихер снова напоминает:

«Это может парализовать работу нашего незаменимого информатора Элфорда Уилльямса, для оценки полезности которой я не нахожу достаточно слов».

Человеком, которого кружок Смита — Линдберга использовал для передачи конфиденциальной информации влиятельным изоляционистам в конгрессе и важным политическим деятелям, был вашингтонский корреспондент газеты «Чикаго трибюн» Чезли Мэнли, одновременно выполнявший роль своего рода пресс-атташе группы. В конгрессе он поддерживал контакт прежде всего с сенатором Уилером и с председателем комиссии по военно-морским делам сенатором Уолшем. Тесные отношения связывали Мэнли с германским дипломатом Штремпелем — после войны тот признался, что считал журналиста самым ценным источником информации.

Из секретных донесений генерала Беттихера видно, что его друзья — американские офицеры — или вообще плохо знали обстановку в собственной стране и положение в армии, или имели о них неправильное представление. Дружба этих военных с представителем потенциального противника, их изоляционистские и антианглийские настроения заставили Беттихера поверить, что большинство командного состава американской армии нелояльно к своей стране или — по меньшей мере — не хочет войны с Германией на стороне англичан.

Вместе с тем Беттихер плохо использовал действительно ценные сведения, которые получал от своих агентов. Так, например, его своевременно и точно информировали о секретных американо-японских переговорах, но в своих донесениях в Берлин он утверждал, будто Рузвельт усиленно пытается спровоцировать Японию на войну в Азии, чтобы создать условия для военного вмешательства Соединенных Штатов в европейские дела. Беттихер заверял Берлин, что японцы не попадутся в ловушку и что в ближайшем будущем войны между США и Японией не предвидится.

В мае 1940 года контр-адмирал Хупер начал снабжать сенатора Уилера секретной информацией, из которой вытекало, что немцы не в состоянии предпринять воздушное вторжение в США, а также данными о быстром нарастании американской помощи Великобритании.

Затем произошло нечто куда более важное. 8 июня 1940 года к Уилеру пришел молодой капитан, один из участников группы, и спросил, нужны ли сенатору «некоторые факты» о положении с обороной США. Он упомянул, что у США нет ни одного военного самолета, пригодного для боевых операций за границей, что они могут участвовать, скажем, в налетах на Кубу или Мексику, но

не в состоянии противостоять современным военно-воздушным силам Германии. Когда правительство заявляет, утверждал капитан, что США имеют на вооружении «более четырех тысяч готовых к боевым операциям самолетов», оно лжет американскому народу.

Капитан и в дальнейшем продолжал снабжать Уилера подобной информацией. Сенатор обсуждал ее с Мэнли или с агентом Вирека в своей канцелярии, а те передавали все услышанное Беттихеру или Штремпелю. Офицер же, чувствуя свое бессилие «разоблачить» Рузвельта, решился на отчаянный шаг.

Летом 1941 года президент поручил оперативно-плановым управлениям штабов армии и военно-морского флота разработать, как выразился капитан, «план боевых действий американской экспедиционной армии». На самом деле речь шла о штабных разработках и ориентировочных подсчетах потребности в военных материалах, необходимых для победы над потенциальными противниками. Комплект этих документов назывался «Программой победы». Группа Смита — Линдберга рассматривала ее как бесспорное доказательство того, что, по мнению генерала Ведемейера, «планируется вмешательство Соединенных Штатов в войну и что обещания президента Рузвельта не вовлекать нас в военные действия оказались лишь предвыборной риторикой».

Остановить президента на пути к войне и с этой целью предать гласности «Программу победы» — такое решение приняли противники политики Рузвельта. Неблаговидную роль исполнителя задуманной акции взял на себя капитан. 3 декабря 1941 года, закончив свой рабочий день в оперативно-плановом управлении военного министерства, он вынул из сейфа толстую папку с секретными документами «Программы», завернул в бумагу и как обычный сверток вынес из здания. По своему домашнему телефону офицер позвонил Уилеру и договорился встретиться с ним в тот же вечер на квартире сенатора. Капитан принес на встречу то, что Уилер позже назвал «самым охраняемым в Вашингтоне секретом».

— И вы не боитесь последствий? — спросил сенатор.

— Конгресс — законодательная власть, — ответил офицер, — и когда речь идет о человеческих жизнях, он имеет право знать, что делает исполнительная.

Передавая Уилеру экземпляры «Программы победы», капитан и его единомышленники намеревались убедить сенатора, что план, предусматривающий «формирование

армии вторжения численностью до 5 миллионов человек» и доведение общей численности вооруженных сил до 10 045 658 солдат и офицеров, разработан по распоряжению президента. По словам капитана, план уже представлен Рузвельту, и офицер хотел снабдить Уилера данными для использования в речи, в которой сенатор раскрыл бы сам факт существования «Программы победы», но без упоминания каких-либо ее конкретных деталей.

Уилер был очень удивлен. Документов оказалось много, требовалось время для ознакомления с ними. По просьбе сенатора капитан оставил ему все материалы на ночь, с тем чтобы утром взять их и положить на место до начала работы в военном министерстве.

После ухода капитана Уилер сделал совсем не то, о чем его просил офицер. Если пока все сводилось к серьезному нарушению правил хранения секретных материалов безответственным американским офицером, то сенатор США по существу встал на путь государственной измены.

Как только офицер ушел, Уилер созвонился с Мэнли и попросил немедленно приехать к нему. Журналист провел у сенатора почти четыре часа, делая выписки и диктуя длинные выдержки из документов специально вызванной личной секретарше Уилера.

Утром на следующий день в газетах «Чикаго трибюн», «Вашингтон таймс геральд» и «Нью-Йорк дейли ньюс», возглавлявших антирузвельтовскую прессу США, под огромным заголовком появилась сенсационная статья Мэнли.

«Конфиденциальный доклад, подготовленный совместно командованием армии и военно-морского флота по распоряжению президента, — говорилось в ней, — представляет собой программу беспрецедентной тотальной войны на двух океанах, в Европе, Африке и Азии... В своем докладе стратеги армии и ВМФ выражают уверенность, что европейские державы, воюющие с Германией, не смогут нанести поражение ей и ее сателлитам...». Поэтому, «если наши европейские союзники потерпят поражение, США должны вступить в войну и использовать часть своих вооруженных сил для боевых операций в Восточной Атлантике, в Европе и Африке».

Мэнли утверждал в своей статье, что в соответствии с «Программой победы» 1 июля 1943 года «американские сухопутные силы приступят к решающим действиям для сокрушения могущественной германской армии».

Опубликование «Программы победы» вызвало небывалую сенсацию и буквально потрясло членов администрации Рузвельта. Среди массы откликов наиболее лаконичным было заявление военного министра Стимсона:

«Эта публикация, несомненно, обрадует наших потенциальных противников. Но особенно неприятно, что среди нас есть группа лиц, готовая добывать и разглашать подобные документы».

Позднее кое-кто выражал сомнение, что обнаружение краденых материалов пошло на пользу Германии (она уже через неделю объявила войну Соединенным Штатам), но доводы в защиту такой точки зрения начисто опровергаются захваченными немецкими документами и показаниями основных участников этого фантастического инцидента.

Вот как развивались события. 4 декабря 1941 года генерал Беттихер получил никак не помеченный конверт с посвященными «Программе» подробными комментариями Элфорда Уилльямса, основанными на ее тщательном изучении.

Во второй половине того же дня Томсен послал в Берлин длинную телеграмму с резюме статьи Мэнли: «Этот секретный доклад, — писал Томсен, — несомненно, подлинный стратегический план, разработанный по указанию Рузвельта. Вероятно, он и обсуждался на специальном заседании кабинета, о котором я сообщал в моем номере 3545 от 14 октября».

Несколько позже, в тот же день, Беттихер направил германскому верховному командованию более подробное донесение. Одновременно одному из испанских курьеров Карла Эйтела было поручено доставить в Германию заметки Мэнли и стенографическую запись, сделанные на квартире Уилера.

Беттихер в своем донесении приходит к следующим выводам:

1. Американские вооруженные силы могут достичь полной боевой мощи не раньше июля 1943 года.

2. Для победы над Германией американцам нужна экспедиционная армия численностью не меньше чем в несколько миллионов бойцов.

3. Для приведения в готовность, оснащения и транспортировки такой армии потребуются огромные средства, что нанесет серьезный ущерб американской экономике.

4. Утверждение, что победы над Германией можно

достичь, если заставить ее голодать, признано составителями доклада безосновательным, а тезис американской пропаганды о том, что Рузвельт хочет лишь добиться свержения «нацистского режима», отвергнут.

5. Военные мероприятия против Японии в силу необходимости будут носить оборонительный характер.

6. В случае войны на двух океанах наступательные операции США в основном будут предприняты в Европе и в Африке.

7. Уничтожение Советского Союза и крах Британской империи к лету 1942 года рассматриваются серьезно и как реальная возможность.

Информацию генерала признали в Берлине настолько важной, что германское верховное командование сочло возможным внести изменения в свои военные планы.

Так немцы добились крупного успеха без участия шпионов абвера и без особой помощи Беттихера, а исключительно в результате странного понимания «патриотического долга» американским офицером, и произошло это 4 декабря 1941 года, за 3 дня до Пирл-Харбора.

Как уже отмечалось, германское посольство в Вашингтоне активно занималось шпионажем и диверсиями на всей территории США.

Осенью 1941 года Канарис после нескольких провалов абвера в Соединенных Штатах пожаловался Кейтелю, своему шефу в верховном командовании, что трудности, испытываемые абвером в этой стране, объясняются главным образом враждебным отношением немецких дипломатов к его людям. Кейтель обратился к Риббентропу, и тот распорядился провести расследование. К тому времени все германские консульства в США по требованию американского правительства были закрыты, и консулы возвратились в Германию. По указанию Риббентропа каждый из них представил подробный доклад о своем сотрудничестве с абвером. Взятые вместе, они рисуют картину всеобъемлющего немецкого шпионажа в США, проводившегося под «крышей» консульств. В последние дни войны эти доклады попали в руки союзников. Ниже впервые дается их краткое содержание.

На всей территории США немцы имели почетных консулов из местных жителей, а в главных городах — штатные генеральные консульства.

Германское генеральное консульство в Нью-Йорке рассматривалось как один из центров подрывной дея-

тельности. Оно отправило в абвер через отдел связи МИД сотни телеграмм с добытыми сведениями, а в некоторых случаях и с отчетами о совершенных диверсиях. Весь аппарат консульства занимался шпионажем под руководством резидента абвера Зигфрида Люрца, имевшего паспорт вице-консула, или резидента службы СД Фридрихельма Драгера в таком же дипломатическом ранге.

Люрц в своем отчете перечислил следующих агентов, которыми руководил, окопавшись в консульстве: граф Дуглас, «Дунсер», Вальтер Кохлер, осведомитель в фирме, выпускавшей фотокамеры «Лейка», уже упоминавшийся Ремель (с ним он поддерживал связь по поручению военно-морского атташе), несколько портовых грузчиков в Нью-Йорке, лейтенант канадского военно-морского флота, снабжавший Ремеля ценной информацией о маршрутах караванов.

Люрц не упомянул в своем отчете, но из других документов известно, что у него были и гораздо более важные агенты, например диверсант Гаусбергер и гражданин США немецкого происхождения Людвиг, заброшенный в Соединенные Штаты по рекомендации Гиммлера и руководивший группой из восьми опасных шпионов. Люрц приобрел двух агентов на авиационном заводе Сикорского на Лонг-Айленде и получил от них, помимо всего прочего, образцы специальных сплавов для производства фюзеляжей, хвостовых оперений, крыльев самолетов и рам авиадвигателей. Ему удалось завербовать инженера, хорошо знакомого с английской авиационной промышленностью и имевшего доступ на все авиационные заводы США. За ежемесячное вознаграждение в 500 долларов этот агент поставлял информацию, которая «не могла быть получена иным путем», а однажды передал своему «работодателю» чертежи нового истребителя.

Драгер занимался для СД тем же, чем Люрц для абвера.

В Бостоне шпионажем руководил эсэсовец Шольц, располагавший обширной сетью осведомителей, а после начала войны переключившийся на диверсии. Как только в Европе открылись военные действия, Шольц установил связь с людьми, выдававшими себя за членов Ирландской республиканской армии. По замыслу Шольца, они должны были организовывать диверсии в бостонском порту — взрывать суда, уничтожать склады с военными материалами, предназначенными для отправки в Велико-

британию. В порту и в самом деле время от времени гремели взрывы, однако Шольц в своих докладах Берлину слишком уж сгущал краски, описывая эти и другие происшествия. Дело в том, что «друзья» резидента гораздо чаще приписывали себе обычные портовые инциденты, чем действительно совершали диверсии, преследуя при этом лишь одну цель — выманить у Шольца оговоренное вознаграждение.

Двойную роль — официального дипломата и тайного организатора диверсий — Шольц играл до октября 1940 года, когда один из агентов предупредил его о надвигающихся неприятностях. Это известие принес морской офицер запаса, работник штаба военно-морского округа в Бостоне. Он сообщил, что ФБР намерено предъявить Шольцу серьезные обвинения, основанные на показаниях моряков немецкого торгового судна (вынужденного стоять в порту из-за английской блокады и превращенного Шольцем в базу для диверсионных операций) и на заявлении бывшего советника германского посольства в Вашингтоне Мейера, сообщившего, что Шольц — резидент гестапо. Разразился скандал, но эсэсовец по указке Гиммлера упорно все отрицал и оставался в США еще до июля 1941 года и лишь тогда «убрался» вместе с другими консулами. В Германии по достоинству оценили «заслуги» Шольца, назначив его советником германского посольства в Риме — шпионить за итальянцами.

Вице-консул в Чикаго Краузе Вихман, поддерживая одновременно связь с агентурой абвера и СД, обзавелся информатором и регулярно получал от него сведения о месте и времени отправки американских бомбардировщиков в Англию.

Генеральный консул в Кливленде Карл Капп был резидентом абвера и еще в начале 1938 года получил задание с перечнем вопросов, которые особенно интересовали верховное командование вермахта. В задании перечислялись заводы военного значения, в первую очередь те, где вырабатывались необходимые для производства самолетов алюминий, магний, каучук. В своем отчете он утверждал, что половина сотрудников консульства занималась исключительно добыванием секретной информации об этих предприятиях.

К лету 1940 года Капп завербовал нескольких агентов, которые передавали ему важные сведения как о новых заводах для производства двигателей, танков, бое-

припасов, химикатов, машин и станков, так и о реконструкции действующих. Один из агентов Каппа выкрал и передал ему новый тип противогаза.

Агентура этого немецкого резидента добывала секретные материалы в таком количестве, что он ежедневно отправлял их в Германию дипломатической почтой через Вашингтон.

Генеральный консул в Лос-Анджелесе Георг Гисслинг не только был активным нацистом, но и руководил одной из наиболее деятельных резидентур. На связи у него состоял крупный агент Эуген Лар, посланный из центра абвера в Берлине под видом корреспондента «Мюнхенер нойсте нахрихтен» для сбора на западном побережье информации, которую требовали от Канариса его японские партнеры. Гисслинг обеспечивал Лара деньгами, конспиративной квартирой, связью с Берлином. Лар довольно долго орудовал в США, а затем благополучно вернулся в Германию. О его пребывании в Штатах здесь сообщается впервые.

Другой агент Гисслинга Карл Ридель готовился возглавить подрезидентуру с районом действия от Сан-Диего до Сиэтла, но вскоре провалился, и Гисслинг поспешил отправить его в Мексику.

Генеральный консул в Сан-Франциско Киллингер, давнишний нацист и эсэсовец, руководил там шпионской работой. По его заданию некий авантюрист-белоэмигрант организовал банду гангстеров для «осуществления диверсий, когда наступит соответствующее время».

Киллингера сменил в Сан-Франциско Фриц Видеман, ротный командир Гитлера во время первой мировой войны, а потом один из его адъютантов. Киллингер развил в Сан-Франциско бурную шпионскую деятельность, но при Видемане здешнее генеральное консульство стало утрачивать свое значение как база шпионажа, хотя некоторые агенты продолжали работать в этом районе и дальше, получая через консульство деньги и поддерживая связь с Берлином.

В августе 1940 года Видеман был разоблачен. Это произошло после провала связанного с ним курьера абвера Е. Вульфа, которого задержали с новыми шифрами, предназначенными для германской агентуры в Буэнос-Айресе.

11 декабря 1941 года Гитлер объявил войну США. К концу недели работники ФБР арестовали 1002 немцев из списка подозреваемых в шпионской и диверсионной

деятельности, а городские власти Норфолка, штат Виргиния, не дожидаясь указаний ФБР, отправили в тюрьму всех японцев, которых могли схватить. Однако на свободе оставалось «всего» 1124 тысячи немцев, итальянцев и японцев и среди них два крупных шпиона абвера.

ИБЕРИЙСКИЙ «ЧЕРНЫЙ РЫНОК»

20 декабря 1941 года, через две недели после Пирл-Харбора и спустя девять дней после объявления Германией войны Соединенным Штатам, ближайший помощник Канариса полковник Пикенброк направил МИД Германии письмо, в котором говорилось:

«Вступление США в войну еще больше сужает базу разведывательной службы вермахта.

В связи с этим необходимо усилить сбор секретной информации в странах, остающихся нейтральными (Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция), для чего потребуется значительно увеличить в них персонал абвера.

Абвер считает необходимым обратить внимание на сложившуюся обстановку и зарезервировать за собой право возбуждать в необходимых случаях ходатайство о включении работников разведки в германские дипломатические миссии в этих странах».

Письмо аналогичного содержания, составленное Канарисом, было послано Риббентропу еще и Кейтелем, после чего двери миссий широко распахнулись перед лжедипломатами

Прошло совсем немного времени, а личный состав германского посольства, например, в Мадриде уже насчитывал 391 чиновника, из которых только 171 были действительно дипломатическими работниками и канцелярскими служащими, а все остальные — разведчиками, в большинстве случаев пользовавшимися неприкосновенностью и другими привилегиями дипломатов.

Канарис имел веские основания для расширения баз абвера за границей. Уже к январю 1940 года, на пятом месяце войны, стало очевидным, что Гамбург, как и любой другой пункт в Германии, вовсе не идеальное место для ведения разведки против такой островной страны, как Великобритания, куда доступ даже легальным путем становился все более трудным. Подразделения абве-

ра в Гамбурге и Бремене продолжали готовить агентов для Великобритании, но это была длительная, кропотливая и рискованная работа, без какой-либо гарантии, что с базы в Германии этих агентов удастся забросить в Англию.

Зная, что после начала войны немецкой разведке придется встретиться с большими трудностями, Канарис заблаговременно создал в странах, которые должны были по его предположениям остаться нейтральными, несколько крупных подразделений абвера, названных им «кригсорганизационен», или сокращенно КО. Таких КО насчитывалось по меньшей мере шесть: в Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции, Турции и Китае, причем все они, даже в Шанхае, занимались шпионажем против Англии. Правда, пункт в Шанхае одновременно работал против Китая, Советского Союза и даже против японцев — союзников Германии. Кроме того, специально для разведки против СССР в Вене и Варшаве были созданы два подразделения под условным названием «Валли».

В Испании абвер обосновался еще со времен гражданской войны, в разжигании которой Канарис сыграл важную роль. В тесном сотрудничестве с испанской разведкой, возглавляемой другом Канариса генералом Кампосом Мартинесом, абвер покрыл всю страну густой агентурной сетью, наладил хорошие линии связи и создал несколько фиктивных фирм, служивших «крышами» для разведчиков и их финансовых операций. Самой крупной была фирма «Трансмер» с филиалами во всех странах Латинской Америки и в испанском Марокко. Управлял ею близкий друг Канариса белоэмигрант барон Роланд Каульбарс, скрывавшийся под именем «барона Ино». Благодаря хорошим отношениям между Канарисом и Франко испанская разведка, так называемая «Сирена», фактически превратилась в филиал абвера.

Представителем Канариса в Испании был кадровый разведчик Вильгельм Лайсснер. Он обосновался в этой стране еще в 1935 году под именем Густава Ленца, главы фиктивной фирмы «Эксцельсиор». Во время гражданской войны «папа Ленц» руководил огромной агентурной сетью абвера в Испании и после победы Франко остался там. К маю 1944 года, накануне высадки союзников в Нормандии, в КО-Испания насчитывалось 717 штатных сотрудников и 600 — работавших «по совместительству». Кроме центра в Мадриде, известного как «контора Ленца», имелось еще восемь бюро (включая несколько ра-

диоперехватывающих станций и дешифровальных групп), а также пункты в Сан-Себастьяне, Барселоне, Севилье, Альхесирасе, Ла-Линей, Танжере, Сеуте, Тетуане и Мельвиле.

Среди работников «конторы Ленца», имевших дипломатические паспорта, были специалисты по шпионажу и диверсиям, главный вербовщик, начальник действующей агентуры, руководитель подразделения, занятого сбором технической информации о военной авиации, и офицер, ответственный за внедрение агентуры в английскую и американскую разведки. В «конторе Ленца» действовала и группа «документалистов», занятая изготовлением всякого рода фальшивых документов, секретных чернил, взрывчатки, а также обработкой микрофотоплёнок и т. д. КО-Испания располагало 360 действующими агентами и 90 диверсантами.

КО-Португалия во главе с бывшим австрийским разведчиком Ауэнроде (он же Картсхофф) орудовало под «крышей» германского посольства в Лиссабоне и одновременно обслуживало португальские колонии.

Оба подразделения имели задание вербовать и готовить агентуру для заброски в Англию и США. Лайсснера не удовлетворяли скудные сведения, которые он получал от испанской разведки по соглашению между Канарисом и Мартинесом, Ауэнроде выражал недовольство тем, что ему поставляли фашиствующие или купленные чиновники МИД Португалии и португальская разведка. Особенно плохо работала испанская разведка.

Вскоре после оккупации Франции немецкий посол в Мадриде Шторер получил указания выяснить возможность передачи абверу испанской агентуры в Англии, однако испанский министр иностранных дел заявил ему, что у испанцев нет шпионов в Англии. Не обескураженный таким ответом, Канарис обратился к Франко, и 6 сентября 1940 года все испанские консулы в Великобритании получили указание работать на немецкую разведку и представлять ей «подробные доклады о политико-моральном состоянии населения и результатах немецких воздушных налетов». Еще через четыре дня испанского посла в Великобритании обязали не ограничиваться пересылкой сообщений испанских консульств, а докладывать по вопросам, список которых Канарис передал Франко. Ответы на эти вопросы позволяли получать информацию о результатах немецких воздушных рейдов и моральном состоянии населения Англии, о профсоюзах

и членах парламента, об английских летчиках и военно-морском флоте, о положении со снабжением населения и о промышленной продукции.

Результаты оказались разочаровывающими. По словам Шторера, испанские материалы содержали лишь «официальные заявления различных британских ведомств».

Осенью 1940 года для создания в Великобритании самостоятельной агентурной сети, состоящей из испанцев, Лайсснер направил туда фалангиста Веласко, журналиста по профессии, получившего псевдоним «Гуиллермо». Прикрываясь дипломатическим паспортом и должностью пресс-атташе испанского посольства в Лондоне, Веласко начал посылать в Мадрид напыщенные доклады на политические темы. Он утверждал, что его основным источником является один из вице-министров в кабинете Черчилля — восходящая звезда в консервативной партии, человек, обуреваемый желанием стать ее лидером и премьер-министром.

Веласко побывал в Мадриде в феврале 1941 года. Характеризуемый в материалах немецкой разведки «как агент абвера, пользующийся полным доверием англичан», он привез с собой несколько докладов военно-разведывательного характера, немедленно пересланных ведомству Канариса. В подробном донесении в Берлин от 28 февраля 1941 года посол Шторер следующим образом обобщает доставленную Веласко политическую информацию:

«Секретный агент подтвердил сообщение министра внутренних дел Серрано Суньера о возможной сдаче Гибралтара в аренду после войны. Согласно донесению этого же агента, его высокопоставленный британский источник не высказался за передачу французского Марокко Испании, а говорил только о пересмотре границ в пользу Испании».

После возвращения Веласко в Лондон Лайсснер назначил его руководителем группы из 12 агентов-испанцев. Вскоре он дважды раздобыл настолько важную информацию, что заслужил в абвере репутацию одного из лучших агентов Англии. В марте 1941 года он прислал получивший высокую оценку разведывательного управления немецких ВВС отчет о разрушениях, причиненных налетами люфтваффе, а через полгода доложил еще об одном своем крупном успехе.

Английская армия была почти полностью разгромле-

на во время своей краткой экспедиции во Францию, и после Дюнкерка ее пришлось по существу создавать заново. В Берлине мало что знали о структуре и дислокации этой новой армии, а все попытки получить нужные сведения оказались безуспешными. Помог Веласко. Он попросту купил у одного из английских офицеров подлинный экземпляр документа о дислокации английской армии и через Мадрид переслал в разведывательное управление германского генерального штаба.

Резидент английской разведки в Испании Бентон (работавший под «крышей» британского посольства в Мадриде) заподозрил Веласко и решил собрать необходимые улики. Под видом воров люди Бентона проникли в мадридскую квартиру Веласко, обнаружили там и скопировали его дневник. Записи в дневнике не оставляли сомнений, что Веласко является руководителем опасной группы испанских шпионов абвера.

Несколько ранее Веласко вернулся в Лондон с заданием получить через завербованного им английского офицера новые документы. Предупрежденный из Мадрида о визите «воров», он сразу сообразил, что по его следу пошли английские контрразведчики, и поспешил убраться из Лондона. Своим преемником он оставил Луиса Калво — корреспондента большой мадридской газеты «АВС», а для передачи информации связал его с чиновником испанского посольства Хосе Вудом.

Вуд под кличкой «Пеперминт» работал на английскую контрразведку и тут же известил обо всем ее сотрудников. Арестованный Калво быстро сознался, его перевербовали и освободили. Еще по крайней мере до 1944 года он работал под контролем англичан групповиком испанской агентуры и снабжал своих немецких друзей дезинформацией.

В КО-Португалия, руководимом майором Ауэнроде, одним из наиболее доверенных и ценных агентов-групповиков был немецкий эмигрант — довольно состоятельный промышленник, приехавший в свое время в Лиссабон для закупки стратегического сырья для Германии и ставший затем близким другом Ауэнроде.

Человек этот, известный в абвере как агент А-1416, а в английском «ХХ комитете» как «Гамлет», трудился на двух хозяев настолько успешно, что обе стороны не могли на него нарадоваться. В 1941 году он связался с англичанами как представитель мифической группы антинацистски настроенных офицеров вермахта, был за-

вербован людьми «ХХ комитета» и использовался для передачи абверу английской дезинформации. В Лиссабоне его группа работала для абвера под прикрытием процветающей экспортно-импортной фирмы. Англичане поддерживали связь с «Гамлетом» через двух его деловых партнеров, один из которых — Маллет — представлял его фирму в Англии, а другой — Паппет — периодически посещал Англию по делам своей португальской фирмы, причем «ХХ комитет» так хорошо маскировал эти визиты, что абвер даже не подозревал о их подлинных причинах.

«ХХ комитет» регулярно снабжал Маллета и Паппета (в абвере они носили клички «Фамулус» и «Бадни») дезинформацией для передачи «Гамлету», а тот переправлял ее абверу. Англичане весьма дорожили этим каналом, так как поступавшая по нему к немцам специально обработанная информация становилась известной командованию вермахта и военному губернатору оккупированной Бельгии генералу Фалькенгаузену. Для поддержания деловой репутации фирмы «Гамлета» английская контрразведка занималась довольно крупными торговыми операциями — покупала и продавала через нее большие партии мыла, бумаги, лимонный порошок и т. д. Материалы «Гамлета» высоко ценились в абвере и не вызывали никаких сомнений. Тем не менее к 1943 году после ряда провалов руководство абвера пришло к выводу, что Испания и Португалия утратили свою ценность как базы для заброски агентуры. Обстоятельства вынуждали немецкую разведку искать другую нейтральную страну, откуда можно было бы более успешно вести шпионаж против Англии. Такой страной могла стать Швеция.

ШВЕДСКАЯ АРЕНА

МАКБЕТ: Кто разом может быть горяч и трезв,
Взбешен и сдержан, предан и бесстрастен?

На этот вопрос Макбета можно было бы ответить: шведы. Последний раз они воевали в 1813—1814 годах против Наполеона, а затем сделали своим фетишем нейтралитет. Во время второй мировой войны большин-

ство населения Швеции было настроено проанглийски, однако после оккупации Дании и Норвегии весной 1940 года и изгнания англичан с континента нейтралитет шведов начал претерпевать изменения, что проявлялось, например, в отношении к шпионам.

Подобно любой другой нейтральной стране, Швеция в годы войны кишела агентами различных разведок. Особенно многочисленными и вездесущими были норвежцы, обладавшие тем преимуществом, что работали почти дома. Деголлевская разведка во главе с Флерье, выступавшим под видом дипломата Виши, действовала вяло и поверхностно. Американцы активно вели разведку через американского гражданина шведского происхождения бизнесмена Эриксона и через вице-консула в Гетеборге Коркорана, весьма наблюдательного человека с авантюристическими замашками.

Еще большей предприимчивостью, чем норвежцы, отличались японцы, что следует приписать стараниям японского военного атташе генерала Онодера, возглавлявшего всю японскую разведку в Европе. Онодера шпионил против Германии с неменьшим усердием, чем против ее врагов, вызвав даже протесты Гимmlера.

Англичане в своей разведывательной работе в Швеции встречались с определенными трудностями, а после двух инцидентов и вообще оказались в явно невыгодном положении. В 1939 году они узнали, что немцы располагают запасом высококачественной руды, необходимой для выплавки стали, только на девять месяцев и почти полностью зависят от шведских поставок, осуществлявшихся через Лулео в Ботническом заливе и Окселесунд в Южной Швеции. Сорвать поставки значило нанести серьезный удар по немецкой военной промышленности. Именно такое решение было принято британским правительством, и для его выполнения в Швецию приехал инициатор задуманной операции Стефенсон в сопровождении специалиста по диверсиям Александра Рикмана.

В соответствии с планом Стефенсона предполагалось взорвать краны и другие портовые механизмы, используемые для погрузки руды на немецкие пароходы, для чего дипломатической почтой в британское посольство в Стокгольме была прислана взрывчатка новейшего типа. Хранилась она в подвалах посольства и в студии одного шведского скульптора. Стефенсон и Рикман вели себя настолько неосторожно, что вскоре их замысел стал сек-

ретом полишинеля. Узнали о нем и немцы. Они не замедлили проинформировать о намерениях англичан соответствующие шведские органы, и Стефенсону пришлось срочно покинуть страну, а Рикман оказался за решеткой.

Еще более неприятные последствия имел для Англии другой инцидент. Он произошел в самом начале войны и не только настроил против англичан командование военно-морского флота Швеции, но и помог немцам приобрести влиятельных покровителей. В свое время шведы заказали в Италии три эсминца. Они были построены, когда уже шла война, и шведы попытались провести их в Швецию через английскую и немецкую блокаду. Немцы не возражали — наоборот, даже предложили шведам свою помощь, англичане же перехватили эсминцы, интернировали экипажи в одном из шотландских портов и относились к морякам не очень вежливо. Это вызвало в Швеции бурю возмущения и привело некоторых высших командиров шведского ВМФ в такое негодование, что они до конца войны прониклись антианглийскими настроениями, проявляя в то же время особую благосклонность к немцам. Под их давлением начальник шведской контрразведки майор Вальтер Линдквист создал еще более трудные условия для английской агентуры, одновременно предоставляя гитлеровским шпионам относительную свободу действий.

Резидентура английской разведки в Стокгольме действовала под «крышей» отдела паспортного контроля посольства Великобритании и возглавлялась кадровым разведчиком Мартином. Одним из работников резидентуры был художник-плакатист Эмери Герое. Его друг — шведский журналист Карл Эллсен — делал вид, что симпатизирует гитлеровцам. Немцы платили ему 500 марок и возмещали «служебные» расходы. За эти деньги Эллсен должен был выполнять обязанности разъездного пропагандиста, рассылать пронацистские материалы радиостанциям нейтральных стран, а главное — сочинять статьи, которые доказывали бы, какое благо для любого народа — оказаться под пятой Германии. В начале 1941 года Герое завербовал Эллсена для работы на англичан, и в течение полутора лет он добывал для них ценную информацию в оккупированной немцами Европе. От него же английская разведка получала сообщения о переброске и концентрации немецкой армии на Востоке накануне нападения гитлеровцев на Советский Союз.

В ноябре 1942 года Герое и Эллсен были арестованы, что явилось крупной неприятностью для англичан, но имело и свою положительную сторону. Эллсен на суде разоблачил стокгольмский филиал радиостанции «Мундиал» как одно из прикрытий нацистской агентуры, оснащенное секретной радиоаппаратурой для передачи разведывательной информации в Германию.

Шведская контрразведка уделяла большое внимание военно-морскому атташе британского посольства в Швеции капитану Дэнхему, который, как и его коллеги, скажем в Испании или Турции, «на сцене» был чинным и важным дипломатом, а «за кулисами» — очень деятельным разведчиком со своими удачами и провалами. Одним из своих лучших агентов он считал капитана шведского торгового парохода. Моряк регулярно снабжал его информацией о гитлеровском ВМФ в Балтийском море и о важных портах — и все это без всякого вознаграждения, якобы исключительно из-за глубокой преданности англичанам. Но этот капитан оказался агентом абвера Фритиофом Бартом по кличке «Бальзак», представленным Дэнхему для снабжения его дезинформацией.

Вместе с тем именно Дэнхем своевременно предупредил британское адмиралтейство о проходе немецких военных кораблей через проливы Каттегат и Скагеррак. 20 мая 1941 года шведский крейсер «Готланд» обнаружил линкоры «Бисмарк» и «Принц Евгений», о чем один из офицеров шведской разведки «проговорился» норвежскому военно-морскому атташе. Норвежец передал информацию Дэнхему, и тот немедленно отправил в Лондон следующую телеграмму:

«Молния. Каттегат. Сегодня 20 мая, в 15.00, 2 больших военных корабля в сопровождении 3 эсминцев, 5 эскортных кораблей и 12 самолетов прошли Марстранд, направляясь курсом на север».

В адмиралтействе сделали правильный вывод, что «Бисмарк» готовится прорваться в Атлантику. После усиленного поиска линкор был обнаружен и потоплен.

Немцы все время ощущали работу Дэнхема и понимали, какую опасность он для них представляет. И все же противник Дэнхема — военно-морской атташе посольства Германии Валерт (в свое время представитель американской фирмы «Дженерал моторс» в Гамбурге) — фактически ничего не предпринимал, чтобы помешать

ему. Да у него и не было в том особой необходимости, так как за англичанином тщательно следила шведская контрразведка — допрашивала всех его посетителей, посылала за ним филеров, в дымовой трубе камина в его канцелярии установила микрофоны, а в окне дома напротив квартиры Дэнхема посадила специалиста для чтения с губ и т. д. Более решительных мер против британского военно-морского атташе шведы не принимали по той простой причине, что их военно-морской атташе в Лондоне, капитан Оксенштерн, добывал там ценную информацию, и высылка Дэнхема из Стокгольма повлекла бы за собой такой же ответ англичан в отношении Оксенштерна, что шведов вовсе не устраивало.

И без того обширная резидентура абвера в Стокгольме стала еще многочисленнее в 1940 году, когда Канарис по предложению полковника Пикенброка, хорошо понимавшего, как важна эта нейтральная страна для тайной подрывной работы против союзников, назначил представителем абвера в столице Швеции бывшего резидента в Бухаресте полковника Ганса Вагнера. Для камуфляжа Швеция стала называться в материалах немецкой разведки «Шверином», а Вагнер под именем Ганса Шнайдера получил как прикрытие в германском посольстве в Стокгольме должность экономиста при военном атташе. Ему выделили секретный фонд в 400 тысяч марок и предоставили право пользоваться дипломатической почтой и шифрами посольства. Все его телеграммы посылались в МИД Германии со специальной пометкой для передачи абверу.

Вагнер считался специалистом по контрразведке, поэтому главное, что от него требовалось и на что обращал его внимание Пикенброк, — это всемерно противодействовать растущей активности вражеских разведок. Он получил указание воздерживаться от шпионажа против Швеции, но пренебрегал им. В его агентурной сети было несколько шведских офицеров. В сентябре 1944 года он посылал двух своих агентов на шведско-норвежскую границу для сбора информации о расположенных там укреплениях и гарнизонах. В другом случае один из его агентов наблюдал за маневрами шведской армии в Южной Швеции.

Вагнер оказался серьезным противником для англичан, но не потому, что ему удавалось добывать у них какие-то важные секретные сведения, а потому, что он перекрыл им доступ к источникам информации. Вагнер

быстро понял, что наиболее опасен для немцев Дэнхем и что причина его завидной осведомленности заключается в дружбе с начальником объединенного разведывательного бюро высшего командования Швеции полковником Бьернштерной.

По существу Бьернштерна был агентом английской разведки. Он снабжал Дэнхема обильной информацией — копиями докладов шведских военных атташе, донесениями секретных агентов, штабными прогнозами и оценками, а также перехваченными немецкими секретными телеграммами, в том числе обработанными на шифровальной машине «Сименс». Она считалась у немцев такой же абсолютно надежной, как у японцев «Машина-Б», но шведы читали зашифрованные с ее помощью сообщения. В период сотрудничества Бьернштерны с Дэнхемом шведская разведка фактически была филиалом английской разведывательной службы.

Среди материалов, которые Бьернштерна регулярно передавал Дэнхему, особую ценность представляли доклады шведских военных атташе в Берлине (полковник Даннфельт) и Виши (подполковник Риец). Даннфельт присылал не только свои наблюдения и наблюдения своих помощников, но и донесения агентуры, которую на вербовал среди чернорубашечников Гиммлера, а также обменивался информацией с хорошо осведомленным швейцарским военным атташе. (Риеца выслали из Виши в июне 1942 года как «вражеского агента», а Даннфельт продержался до 1945 года, когда был отозван, так как ухитрился потерять портфель с копиями своих секретных докладов управлению внешних сношений шведского министерства обороны.)

Решение проблемы Дэнхем — Бьернштерна Вагнер считал своей первостепенной задачей. Он собрал достаточно материалов, раскрывавших подлинный характер их отношений, но решил не пересылать в Берлин для представления шведам официального протеста, а найти высокопоставленного офицера, который разоблачит Бьернштерну и тем самым окажется в долгу перед Вагнером. Свой выбор он остановил на начальнике шведской контрразведки майоре Вальтере Линдквисте. Тот уже давно сотрудничал с руководителем одной из контрразведывательных групп абвера полковником Бентивини.

Линдквист представил собранные Вагнером материалы начальнику Бьернштерны генералу Тоернеллу, кото-

рый не только сместил Бьернштерну с занимаемого поста, но и пригрозил передать дело в военный трибунал. В результате чистки объединенного разведывательного бюро, проведенной по приказанию Тоернелла, несколько работников, сотрудничавших с Дэнхемом, были арестованы и осуждены. Но окончательно восторжествовал Вагнер, когда начальником объединенного разведывательного бюро стал однофамилец майора Вальтера Линдквиста — капитан Линдквист. С ним у Вагнера установились такие же «дружеские» отношения, как у Дэнхема с Бьернштерной. «Новый начальник объединенного разведывательного бюро, — докладывал Вагнер Пикенброку, — готов к самому тесному сотрудничеству со мной». По его рекомендации Канарис пригласил капитана в Берлин и оказал ему пышный прием.

Вместе с тем Вагнер продолжал поддерживать близкие отношения и с начальником шведской контрразведки майором Вальтером Линдквистом, что весьма пригодилось немцам, особенно в наиболее трудный для них период войны. Линдквист не только поставлял Вагнеру информацию об агентах английской разведки в Швеции, но и выступал в роли покровителя германской агентуры. «Несомненно, что наши агенты, — доносил Вагнер в Берлин, — если только они не нарушат запрета работать против Швеции, будут пользоваться полной неприкосновенностью».

Под защитой майора Линдквиста Вагнер стал действовать грубо и неосторожно. Он использовал десятки филеров для слежки за агентами противника, засылал агентов-двойников в конкурирующие разведки, почти открыто, чувствуя себя в полной безопасности, принимал своих агентов в помещении посольства. Но главное внимание Вагнер уделял контрразведывательной работе. Он не хотел или не умел собирать так называемую позитивную информацию об англичанах — это должны были делать за него другие.

К числу этих «других» относился, например, пресс-атташе германского посольства в Стокгольме Пауль Гроссман, в прошлом профессиональный журналист. Он не только тайно субсидировал некоторых журналистов и даже целые газеты, но и сам занимался шпионажем. Главным советчиком Гроссмана в его темных делах был шведский миллионер Торстен Крюгер, владелец нескольких больших газет, которые он использовал для профашистской пропаганды.

Из агентов абвера, приезжавших в Швецию для сбора политической информации о союзниках, следует упомянуть «Барона». Эту кличку носил международный банкир из Кёльна Вальдемар Оппенгейм, член хорошо известной еврейской семьи в Германии. Во время первой мировой войны он был офицером, затем по просьбе отца вышел в отставку и стал работать в банке своей семьи в Кёльне. Как многие немецкие евреи его круга, Оппенгейм считал себя больше немцем, чем евреем, и еще в июле 1932 года, за несколько месяцев до захвата власти нацистами, присоединился к банковской группе НСДФБ, принадлежавшей нацистской партии. Несмотря на это, гитлеровцы называли его «ублюдком второй степени», что свидетельствовало о его неарийском происхождении. Оппенгейм после 1933 года понял, что ему лучше воздержаться от официального сотрудничества с нацистами, и с головой ушел в руководство многочисленными делами банка. В связи с войной банк был вынужден перенести свои международные финансовые операции в Швецию, где Оппенгейм поддерживал близкие отношения с весьма влиятельным «Энскильда банкен» братьев Якоба и Марка Валленбергов.

Именно близость Оппенгейма с Валленбергами, его международные связи, солидная биография и патриотизм привлекли к нему внимание абвера. Один из агентов немецкой разведки, тоже банкир, рекомендовал Оппенгейма как «сильную личность» со значительным опытом работы за границей и обширными связями. Работник абвера, некий капитан Драйссен, встретился с Оппенгеймом в Кёльне и предложил работать на немецкую разведку главным образом по сбору экономической информации об Англии и США. Оппенгейм заколебался и ответил, что вряд ли целесообразно возлагать такую деликатную миссию на еврея. Драйссен заверил его, что у абвера много агентов, занимающих в обществе такое же положение, как и Оппенгейм, и тоже евреев. На следующей встрече, в июне 1941 года, в Бремене Оппенгейм уже без колебаний дал свое согласие и получил кличку «Барон». Драйссен вручил ему несложный код и сообщил условный адрес в Бремене, по которому «Барону» следовало пересылать свои донесения. Тут же Оппенгейм получил и первое задание, напечатанное на уменьшенном до размеров почтовой марки листочке бумаги, и по указанию Драйссена спрятал его под крышкой своих старинных золотых часов.

После первой испытательной поездки в Голландию, откуда Оппенгейм вернулся с полезной информацией, его отправили в Швецию с поручением подготовить почву для сбора разведывательной информации через ничего не подозревавших Валленбергов. Из Швеции Оппенгейм послал пять длинных донесений, оправдавших самые оптимистические надежды Драйссена. Одно из донесений содержало общие данные о росте американской военной промышленности, другие — более конкретные сведения о выпуске американцами танков, самолетов и торговых судов, а также о методах подготовки команд транспортных кораблей, предназначенных для перевозки грузов под охраной военно-морского конвоя.

В 1941 году Оппенгейм побывал в Швеции 4 раза и представил 16 донесений с информацией, получившей в абвере высокую оценку. Уже одни заголовки донесений говорят сами за себя: «Английский тоннаж в Атлантике»; «Норвежские суда на службе противника»; «Выпуск танков и бронемашин в США»; «Календарный план доставки в Великобританию американских самолетов различных типов». Накануне Пирл-Харбора абвер получил от Оппенгейма подробный доклад о японо-американских отношениях.

В 1942 году Оппенгейм обрадовал германскую разведку новыми ценными «подарками». В начале года он сообщил о работе американской военной промышленности, выпуске самолетов и грузовых судов, а позже представил подробную спецификацию нового американского истребителя и детальное донесение об англо-американских морских караванах в Атлантике. 6 февраля от него поступил материал с подробностями последнего совещания между Рузвельтом и Черчиллем в Вашингтоне.

8 апреля по паспорту и визе, полученным от абвера, Оппенгейм снова отправился в Швецию и остановился у Валленбергов. Как раз в это время в лондонской газете «Дэйли мэйл» появилась статья ее стокгольмского корреспондента Ральфа Хьюинса, в которой говорилось, что в столице Швеции находится некий «банкир из Германии, личный эmissар Гитлера», и что он «устанавливает связи с английскими и американскими друзьями для выяснения возможности заключения сепаратного мира». Статья вызвала недовольство в Берлине, так как Гитлер готовил свое «решающее» наступление на Восточном фронте. В результате предпринятого гестапо расследования стало известно (из перехваченной и расшифрованной

телеграммы британского посла в Стокгольме Маллета — одной из многих, которые читали немцы), что «некий банкир» — это Вальдемар Оппенгейм, встречавшийся в Швеции с англо-американскими друзьями в имении Валленбергов и на торгах скаковых лошадей.

После возвращения в Кёльн Оппенгейма вызвали в Берлин, где его в течение нескольких дней допрашивали начальник гестапо Мюллер и инспектор Клеменс, обвиняя в том, что в Швеции он участвовал в «интригах, наносящих ущерб интересам Германии». Оппенгейм все отрицал, и дело кончилось тем, что ему разрешили вернуться в Кёльн, однако отобрали заграничный паспорт и запретили поездки в Швецию.

Но к тому времени Оппенгейм уже зарекомендовал себя в абвере с самой лучшей стороны, и Пикенброк, не согласный с решением гестаповцев, добился его отмены. Оппенгейм не замедлил отблагодарить своего заступника. Немцы как раз намеревались заказать в Швеции сорок пять рыболовных траулеров для последующего переоборудования их в военные катера. За дело взялся Оппенгейм, и ему удалось убедить шведов принять заказ, несмотря на решительные протесты англичан.

Но это было не все. Гитлеровцы усиленно пытались реализовать акции и облигации, награбленные в оккупированных европейских странах. И тут снова большую помощь оказал им Оппенгейм, выступив посредником между немцами и Валленбергами, проявившими интерес к покупке этих ценных бумаг.

В конце июля Оппенгейм побывал в Париже, где договорился с Валленбергами о заключении сделки, а 20 сентября снова выехал в Стокгольм с заданием абвера «побеседовать с высокопоставленным скандинавом, который возвращается из США с ценной секретной информацией». Этим скандинавом был дипломат из шведского посольства в Вашингтоне, тесно связанный с американскими финансовыми и промышленными кругами. Оппенгейм действительно получил от него информацию о ходе строительства кораблей типа «Либерти», некоторые данные о выпуске самолетов и сведения, изложенные в донесении под заголовком «Поставки и производство каучука». Впрочем, по оценке абвера, материалы оказались «устаревшими и необъективными».

Оппенгейм не забыл и не простил гестапо апрельских допросов. Глубоко обиженный, он, в конце концов, настолько остыл в своем шпионском рвении, что в ноябре

1942 года был исключен абвером из списков агентуры и последующие попытки использовать его ни к чему не привели.

ДОРОГА К КАСАБЛАНКЕ

Бывает, что разведывательные службы умудряются проглядеть целые вражеские эскадры, плывущие к объектам своих внезапных атак. Так и абвер осенью 1942 года не сумел обнаружить американскую армаду из 104 судов на ее пути из Норфолка в Виргинии к атлантическим берегам французского Марокко. Просмотрел он и английские караваны, отправленные из Лок-Ю и устья Клайда в Шотландии в Алжир через Бискайский залив, где постоянно рыскали немецкие подводные лодки, и через Гибралтарский пролив. На судах находились экспедиционные войска, участвовавшие в операции «Торч» — первом наступлении союзников на их долгой окольной дороге в оккупированную гитлеровцами Европу.

Немецкая разведка даже не подозревала ни о столь массовом передвижении союзнических судов, ни о том, что это означало. В день высадки англо-американских войск в месте назначения Канарис и Пикенброк спокойно проводили время в Копенгагене — более чем за тысячу миль от места событий.

Возможно, для подобного неведения абвера, его неспособности предвидеть удар и были какие-то оправдания. Всего лишь за три месяца обстановка на фронтах существенно изменилась. Все лето 1942 года союзники испытывали сильное давление немцев, неприятности следовали одна за другой: караваны, отправляемые в Мурманск и на Мальту, несли огромный урон, крупными потерями закончился неудачный рейд канадцев на Дьепп, Роммель быстро продвигался к Каиру.

Однако к ноябрю положение стало иным. Начало месяца ознаменовалось поспешным отступлением Роммеля по всему фронту, а 8 ноября Египет был полностью освобожден. В тот же день войска объединенного англо-американского экспедиционного корпуса начали военные действия в Северной Африке.

Успешная высадка союзников, поражение доселе не-

победимых гитлеровских войск оказались для немцев настолько неожиданными, что они не сразу утратили свое обычное чванство и самоуверенность. Целиком поглощенные войной с Советским Союзом, они полностью игнорировали угрозу со стороны западных союзников, тем более в таких отдаленных местах, как Марокко и Алжир.

Еще в июле 1940 года, вскоре после оккупации Франции, Гитлер, раздраженный упорными отказами англичан пойти «на мировую», решил захватить Гибралтар, закупорить Гибралтарский пролив и тем самым «выгнать англичан из западной части Средиземного моря». Примерно в то же время президент Рузвельт, хотя США еще соблюдали нейтралитет, пришел к выводу, что дорога на континент пролегает через тот же район.

По распоряжению Гитлера был разработан план нападения на Гибралтар, назначенного на ноябрь 1942 года, — операция «Феликс». Учитывая близкие отношения Канариса с испанцами и его влияние на Франко, Гитлер поручил шефу абвера провести всю подготовительную работу, включая рекогносцировку гибралтарских укреплений, а главное попытаться вовлечь Испанию в намеченную авантюру. Канарис развил лихорадочную деятельность и вскоре вышел за рамки полученного задания. Он пытался взять на себя руководство всей операцией, начиная с черновой работы по шпионажу и кончая командованием штурмовыми частями.

22 июля Канарис во главе разведывательной группы побывал в предместье Гибралтара «для изучения местности, выявления трудностей, которые могут возникнуть в ходе операции, и для разработки конкретного плана штурма». В то же время он приступил к формированию штурмового отряда из солдат созданного при абвере диверсионного полка «Бранденбург».

Рекогносцировочная вылазка Канариса превратилась в настоящий фарс. Никогда еще за всю историю шпионажа подобная миссия не возглавлялась столь крупными фигурами — самим шефом разведки, его ближайшим помощником полковником Пикенброком и резидентом абвера в Испании Ленцем. Вслед за первой миссией последовала буквально лавина других, и Испания превратилась в своего рода курорт для абверовцев. Стоило любому сотруднику абвера, захотевшему отдохнуть, придумать какую-нибудь затею, пусть даже она имела самое отдаленное отношение к «Феликсу», и он получал

командировку в Испанию, ничем не отличавшуюся от отпуска. Канарис и сам неоднократно приезжал в Испанию, чтобы лично руководить разведывательной подготовкой «Феликса». Его визиты маскировались настолько примитивно, что английская агентура, которой в этом районе было ничуть не меньше, чем шпионов абвера, всякий раз знала о них. Всю эту комедию шпионажа можно было бы понять, если бы она осуществлялась, как позднее пытались утверждать защитники Канариса, для саботажа операции «Феликс». В действительности все делалось всерьез.

К концу 1940 года немцы тщательно нанесли весь район на карты, но эта большая работа оказалась ненужной, поскольку уже в январе 1941 года испанцы после всякого рода проволочек и маневров отказались участвовать в операции, и ее пришлось отменить.

Однако огромная разведывательная организация, созданная в ходе подготовки к «Феликсу», сохранилась и продолжала действовать, располагаясь на обоих берегах западной части Средиземного моря — от Испании до французского Марокко. Наблюдение за Гибралтарским проливом велось из двух вилл в Альхесирасе, оборудованных лучшими оптическими и электронными приборами, какие только могла создать промышленность Германии. Абверовская группа наблюдателей в Танжере занимала два дома и дежурила круглосуточно.

Казалось, ничто не обманет бдительность этой широко разветвленной агентурной сети — она насчитывала 357 агентов, возглавлялась наиболее способными офицерами разведки и опиралась на постоянную поддержку организаций абвера в Мадриде и Лиссабоне. Но за спиной немцев активно действовала английская разведка, занимаясь не столько сбором разведывательной информации, сколько тайной войной с абвером. Англичане внедряли своих людей в его агентурную сеть, обезвреживали агентов, вели за ними неослабную слежку, снабжали гитлеровскую разведку дезинформацией, и все это с единственной целью — сорвать операцию «Феликс» и помешать наблюдению немцев за проливом.

В ноябре 1942 года организация Канариса в этом районе находилась в состоянии высшей готовности и все же оказалась совершенно неспособной предупредить Берлин о подготовке союзников к вторжению в Северную Африку, и экспедиционные войска достигли мест высадки практически незамеченными.

Абвер всячески пытался замазать свою неудачу. Канарис принялся спешно фабриковать различные материалы, дабы доказать, что он вовремя поставил верховное командование в известность о намерениях союзников. И ему действительно удалось одурачить Геббельса. Тот 9 апреля 1943 года записал в своем дневнике, что, судя по докладу Канариса, абвер своевременно предупреждал о подготовке высадки англо-американских войск в Северной Африке и о конференции в Касабланке, но его предупреждения остались втуне.

Провал абвера нанес серьезный удар его репутации и престижу самого Канариса, тем более что к тому времени у главного немецкого шпиона появился сильный соперник — Вальтер Шелленберг, протеже и любимец Гейдриха. Назначенный начальником управления контрразведки за границей — РСХА (огромного разведывательного аппарата нацистской партии), Шелленберг сразу же начал плести интриги с целью прибрать к рукам абвер. Одновременно он сформировал в своем управлении большой отдел по США, что означало открытую конкуренцию с ведомством Канариса. Начальником отдела стал эсэсовец Карстен. Спустя некоторое время он доложил Шелленбергу, что имеет в Штатах несколько завербованных радистов-коротковолновиков для обеспечения быстрой связи его шести агентов с Берлином. В самом Берлине у него было якобы восемь агентов, причем шесть из них следили за деятельностью американского посольства.

И Шелленберг, и Карстен плохо знали Америку и нуждались в человеке, который смог бы хоть как-то руководить их агентурой и оценивать поступающую от нее информацию. Такой человек нашелся в лице Курта Янке, ставшего профессиональным немецким шпионом еще до первой мировой войны. Когда отец выгнал Курта из дома, немецкая разведка отправила его в США, где он служил в пограничной полиции. Затем судьба шпиона забросила его в Китай. Здесь, в Поднебесной, Янке служил у различных китайских феодалов, готовил разведчиков в Военной академии в Вампу. Обслуживая немецкую разведку, он одновременно снабжал информацией японскую, поскольку был к тому же и японским шпионом. По заданию японцев Янке вернулся в Германию и устроился в личный штаб Гесса, откуда его и взял Шелленберг, рассчитывая, что этот многоопытный специалист по шпионажу поможет ему ориентироваться в сложных

проблемах, возникающих в процессе разведывательной работы в США и Японии. С согласия Шелленберга Янке передавал японцам интересующие их секретные сведения в обмен на добытую ими информацию о США и СССР.

На основе представляемых Янке материалов Шелленберг пришел к выводу, что рано или поздно США вмешаются в европейские события. В одном из своих докладов в декабре 1940 года он заявил, что, по данным из абсолютно надежного источника, Ф. Д. Рузвельт объявит о вступлении Америки в войну весной 1941 года.

Весна 1941 года прошла, а США все еще сохраняли нейтралитет, и Шелленберг несколько подправил составленное им «расписание». 14 июня на основании беседы, которую один из его американских агентов имел с миссис Эммет — вдовой бывшего партнера Рузвельта по адвокатской конторе и частой гостьей в Гайд-парке, имении президента, — Шелленберг писал:

«На прямой вопрос миссис Эммет — когда, по мнению Рузвельта, США вмешаются в войну — президент ответил, что, как он думал раньше, это произойдет весной. Теперь он убежден, что такая возможность представится не раньше лета 1941 года».

Как религиозный фанатик, постоянно предсказывающий скорый конец света, Шелленберг продолжал твердить, что вмешательство США неминуемо, но в конце лета стал утверждать, будто американцы начнут войну не в Европе, а в бассейне Тихого океана.

После заключения тройственного пакта в Берлине (конец сентября 1940 года) в Вашингтоне продолжались японо-американские переговоры, и Гитлер приказал Канарису и Гейдриху любым путем разузнать, о чем шла там речь и особенно о намерениях японцев. Отношения Канариса с японской разведкой носили довольно поверхностный характер, так что он не мог на нее рассчитывать. Тогда за дело взялся Шелленберг. Он поручил Янке тщательно наблюдать за ходом японо-американского диалога и выяснить, что японцы намерены предпринять, если переговоры закончатся безрезультатно. Кое-какую информацию Янке добыл от японцев в Стокгольме, затем служба Шелленберга стала получать копии некоторых донесений японского посла в Швеции министерству иностранных дел Японии, касавшихся волновавшего немцев вопроса. Этими материалами ведомство Шелленберга снабжал старый немецкий агент итальянец доктор

Эмонотти — блестящий лингвист, переводчик японского военного атташе в Швеции генерала Онодеры (и одновременно вербовщик шпионов для японцев и немцев).

В октябре 1941 года, когда премьер-министром Японии вместо принца Коноэ стал генерал Того, Янке узнал из своих японских источников, что, «по мнению нового премьер-министра, Рузвельт и Черчилль не пойдут на уступки в переговорах». По предположениям Янке война между Японией, с одной стороны, и Соединенными Штатами и Великобританией — с другой, стала неизбежной и начнется в течение ближайших месяцев, если не неделя.

Янке продолжал служить и японцам. В середине ноября они попытались выяснить через него, как поведет себя Германия в случае войны между Японией и англосаксами, даст ли Германия обязательство не заключать мира в обход Японии и последует ли Германия примеру Японии, если та объявит войну англосаксам. Через несколько дней Янке по указанию Гейдриха и Шелленберга сообщил японцам, что «Германия весьма заинтересована в участии Японии в войне независимо от ее характера и целей». Конечно, заверения Янке не убедили Токיו и потому попытки добиться «полной ясности» продолжались. Японские послы в Берлине и Риме ставили вопрос ребром. 3 декабря японский посол в Риме спросил у Муссолини: «Если Япония объявит войну США и Великобритании, присоединится ли к ней Италия?» И в Риме, и в Берлине послы получили положительный ответ.

Правда, Шелленберг потом утверждал, что на решение японцев главным образом повлияла переданная им через Янке точка зрения Германии, поскольку «сразу вслед за этим Япония закончила мобилизацию, и в конце ноября ее военно-морской флот получил приказ отплыть в южную часть Тихого океана для проведения десантных операций».

В марте 1942 года, когда Янке уехал в Швейцарию, чтобы обсудить со своими китайскими друзьями возможность перемирия между Китаем и Японией, начальник гестапо Мюллер представил Гейдриху доклад с перечислением фактов, свидетельствующих о том, что Янке, возможно, агент английской разведки. После возвращения Янке Гейдрих и Шелленберг учинили ему допрос, но тот все отрицал. Все же Шелленбергу запретили дальнейшее использование Янке. Он уволил своего помощни-

ка по шпионским делам и отослал в имение под надзор гестапо. Но перед уходом Янке успел оказать Шелленбергу еще одну большую услугу. Он передал службе Шелленберга один из своих основных источников — японского разведчика Киджуро Сузуки, работавшего в Лиссабоне. Сузуки через завербованного в министерстве иностранных дел Португалии человека располагал доступом к секретным донесениям португальских послов в Лондоне и Вашингтоне, которые и передавал Янке. Оба посла были хорошо информированы, поэтому их донесения содержали много важных сведений.

После ухода Янке резидент службы Шелленберга в Португалии Шредер связался с Сузуки. В декабре 1942 года Сузуки раздобыл для Шредера копию доклада португальского посла в Лондоне с подробностями совершенно секретного заседания союзнического военного совета в ночь с 11 на 12 декабря, уже после высадки союзников в Северной Африке.

19 января 1943 года японец передал Шредеру краткую телеграмму того же посла. В ней говорилось, что Черчилль вылетел из Лондона, вероятно, для встречи с Рузвельтом в Касабланке. Поездки государственных деятелей столь высокого ранга в военное время держались в строжайшей тайне, поэтому полученные сведения имели большую ценность, особенно для Шелленберга, ибо из-за неспособности абвера добывать подобную информацию его службе приходилось следить за разъездами Рузвельта и Черчилля.

Получив донесение Шредера, Шелленберг особо срочной и совершенно секретной телеграммой в ставку доложил Гитлеру о новой встрече Рузвельта и Черчилля. Сведения оказались тем более своевременными и важными, что сорвали завесу секретности с совещания, которое вошло в историю как Касабланкская конференция 14—24 января 1943 года.

Службы безопасности союзников приняли исключительные меры для сохранения в тайне поездки обоих государственных деятелей. Рузвельт покинул Вашингтон 9 января, а Черчилль выехал из Лондона 12-го, с соблюдением всех мер предосторожности и при полном молчании прессы, которой цензура запретила публиковать что-либо по этому поводу. Казалось, встречу руководителей двух стран удалось сохранить в тайне по крайней мере до появления официального коммюнике 1 февраля. Однако немцы узнали о конференции в Касабланке на

пятый день ее работы, когда Рузвельту предстояло пробыть в Марокко еще шесть дней.

И все же этот несомненный успех не принес Шелленбергу особых лавров, причем по его же собственной вине. Шелленберг обладал серьезным для разведчика недостатком — неумением или нежеланием строго придерживаться «упрямых фактов», умерять свое воображение. Редактируя донесения агентов, он расширял их и приукрашивал за счет собственных догадок, умозаключений, а то и просто выдумок, с тем чтобы даже самая хорошая информация выглядела еще лучше. У человека действительно образованного, с более глубоким знанием международной обстановки, подобное «творчество», возможно, и не слишком бы вредило делу. Шелленберг же был в этом смысле человеком ограниченным, и потому подправленные им донесения подчас не только не приносили никакой пользы, но даже вводили в заблуждение.

Телеграмма Шредера не удовлетворила Шелленберга, а упомянутое в нем слово «Касабланка» было истолковано неправильно. Он не мог себе представить, что Рузвельт рискнет отправиться в зону военных действий — во французское Марокко, где войска союзников высадились всего два месяца назад. Прочитав слово «Касабланка» как «каса бланка» (по-испански «белый дом»), Шелленберг решил, что Черчилль и на этот раз отправился в Соединенные Штаты на встречу с Рузвельтом в Белом доме. Поэтому отредактированное им сообщение Шредера в докладе Гитлеру выглядело так: «Португальский посол в Лондоне доложил своему правительству, что Черчилль вылетел в Вашингтон на новую встречу с Рузвельтом».

Не довольствуясь этим, Шелленберг придумал еще и информацию о подробностях встречи. 23 января 1943 года он отправил Гитлеру особо срочное донесение следующего содержания:

«Из нескольких источников получены подробности происходящего сейчас визита Черчилля в Соединенные Штаты. Излагаемое ниже основывается на донесениях португальских послов министерству иностранных дел Португалии.

Посланник Португалии в Вашингтоне доложил своему правительству, что Черчилль во время пребывания в США выступит в сенате с настойчивой просьбой увеличить поставки Англии. В связи с отъездом Черчилля в Америку посол Португалии в Лондоне 19-го доложил, что, как ожидается, Соединенные Штаты в обмен на дополнительные поставки потребуют новых территориаль-

ных уступок, например Тринидада и Ямайки. По сообщению посла, напряженность в англо-американских отношениях усиливается из-за трений по вопросам о Северной Африке и о верховном командовании. Говорят, что американцы настаивают на удалении англофила де Голля из Северной Африки. Англия же категорически отказывается принять Жиро».

Донесения Шелленберга вызвали большой интерес в ставке Гитлера и в Берлине — там ожидали, что очередная встреча Рузвельта и Черчилля состоится в ближайшее время, и вот теперь выяснилось, что она уже происходит и даже известны некоторые подробности.

Возбуждение, вызванное этой новостью, продолжалось несколько дней. Шелленберга поздравляли с феноменальным успехом, пока 27 января от посла Германии в Токио не поступила отрезвляющая телеграмма:

«По сведениям, конфиденциально сообщенным мне министерством иностранных дел, Рузвельт и Черчилль совещаются в Касабланке. Сталин и Чан Кай-ши были приглашены, но отказались... Министерство иностранных дел будет признательно за любую информацию о конференции, якобы происходящей в Касабланке».

Шум, вызванный донесениями Шелленберга, сменился замешательством и недоумением. Кто же прав — Шелленберг, доложивший, что Черчилль в Вашингтоне, или японцы, по сведениям которых он находится в Касабланке вместе с Рузвельтом? На фоне столь противоречивых сообщений соответствует ли действительности вообще сам факт их встречи?

Уже на следующий день, 28 января, немцы пришли к выводу, что информация из Токио достоверна и что встреча происходит именно в Касабланке. Шелленберг же попытался вывернуться с помощью нового донесения, якобы только что полученного из Лиссабона. Ссылаясь опять-таки на португальские дипломатические источники и состряпав подходящую случаю информацию, он продолжал настаивать, что Черчилль все же побывал в Вашингтоне, но только для того, чтобы присоединиться к Рузвельту и вместе с ним отплыть в Касабланку.

«Португальский консул в Касабланке, — утверждал Шелленберг, — 26 января доложил своему министерству, что Черчилль и Рузвельт прибыли в Касабланку вместе, в обстановке строжайшей секретности».

Не останавливаясь на этом и желая доказать, как хорошо он осведомлен, Шелленберг сочинил очередное

сообщение, позднее поставившее его в еще более неудобное положение:

«По сведениям из Танжера,— доносил Шелленберг, —английские участники конференции раздражены тем, что американцы усиленно выдвигают Жиро и включили его в переговоры, в то время как де Голлю не разрешили даже приехать в Северную Африку».

Спустя три дня — 1 февраля — в мировой печати появились официальное сообщение о переговорах Рузвельта и Черчилля в Касабланке и фотография, на которой они наблюдают, как Жиро и де Голль обмениваются рукопожатиями на секретной пресс-конференции 24 января.

БИЗНЕСМЕН — АГЕНТ АБВЕРА

26 июня 1940 года, на следующий день после капитуляции Франции, в Нью-Йорке в отдельном кабинете ресторана отеля «Уолдорф-Астория» группа богатых бизнесменов собралась отпраздновать триумф Германии. Встречу организовал немецкий адвокат, специалист по международному праву Герхард Вестрик. Он приехал в США в качестве торгового советника германского посольства, а фактически с заданием «добиваться благожелательного отношения к Германии со стороны американских промышленников и финансистов».

В донесении в Берлин Вестрик назвал своих гостей просто «видными бизнесменами» и добавил, что «для пользы наших операций они не хотят, чтобы их фамилии упоминались в какой-либо связи».

В числе бизнесменов, имена которых Вестрик так старательно скрывал, присутствовали: полковник Бен, руководитель ИТТ — известного телефонно-телеграфного концерна, издатель-миллионер из Пенсильвании Страсбургер, руководитель иностранных операций фирмы «Дженерал моторз» Джеймс Муни, Эдсель Форд, Эберхард Фабер, кое-кто из руководящей верхушки фирм «Кодак», «Ундервуд» и «Интернэшнл милк корпорейшн».

Эти дельцы обиделись бы, если бы их назвали пронацистами или хотя бы пронемецки настроенными людьми. Они считали себя реалистами и утверждали, что в силу своего реализма должны поддерживать прежние деловые

отношения с Германией, но теперь при посредничестве Вестрика. У каждого из них были на то свои причины. Страсбургер, например, владел довольно солидным пакетом акций германских фирм и сейчас был рад услышать от Вестрика, что его особняк и скаковые лошади в оккупированной Франции остались в целости и сохранности. Полковника Бена волновала судьба отделений ИТТ в Германии и в оккупированных гитлеровцами странах, а Джеймс Муни беспокоился о филиалах «Дженерал моторс».

Почетным гостем на обеде был капитан Торкилд Рибер — магнат, представлявший «Тексас компани» и заинтересованный в Вестрике как с деловой, так и с личной точки зрения. Именно Рибер организовал приезд Вестрика в США; именно он взял на себя труд собрать дельцов из некоторых крупнейших американских фирм, а теперь опекал немца, пока тот обрабатывал присутствующих в соответствии с полученным заданием добиться «благожелательного отношения к Германии».

Из всех собравшихся в отеле «Уолдорф-Астория» Рибер больше чем кто либо был заинтересован в том, что Вестрик назвал «нашими операциями». Он не только хотел сохранить свои заграничные капиталовложения, но усиленно занимался новой крупной сделкой по образцу той, которую знакомый нам нефтепромышленник Дэвис заключил с Герингом. Рибер не был фашистом, но как сторонник твердой дисциплины и авторитарной власти симпатизировал нацистам и с таким рвением — открыто и тайно — вел с ними всевозможные дела, что, в конце концов, стал одним из деятельных немецких агентов в США. Он владел огромной нефтяной концессией в Колумбии, построил нефтепровод протяжением 263 мили через Анды, приобрел половину акций нефтепромыслов в Бахрейне. Он ни перед чем не останавливался и не церемонился в выборе средств. Немцы называли его «человеком, шагающим по трупам своих жертв». Как-то в откровенном разговоре о своих деловых операциях с нацистами Рибер заявил, что это просто коммерческие сделки, не имеющие политического значения. Характерно, однако, что он всегда вел дела только с крайне правыми правительствами и с людьми крайне правых взглядов.

Впервые Рибер попал в поле зрения соответствующих американских органов летом 1936 года, когда в начале гражданской войны в Испании вступил в сговор с мятежниками Франко и взялся снабжать их нефтью и

нефтепродуктами. Танкеры компании «Тексаско» грузились нефтью в Галвестоне и выходили в Антверпен, но в открытом море капитаны вскрывали запечатанные контейнеры и находили в них распоряжение доставить нефть в один из захваченных франкистами портов в Южной Испании.

Министр юстиции США получил указание президента Рузвельта покончить с подобными операциями. Рибера предупредили, что, если он не перестанет столь грубо нарушать закон о нейтралитете, капитаны его танкеров будут лишены прав, а фирма «Тексаско» привлечена к уголовной ответственности. Но Рибер как ни в чем не бывало продолжал снабжать франкистов нефтью через порты Северной Италии.

Именно в связи с этой тайной операцией Рибер познакомился с одним из немцев, которому и был обязан тем, что оказался вовлеченным в орбиту нацистов. Немца звали Фридрих Фетцер — тот самый Фетцер, который принимал деятельное участие в осуществлении сделки между Дэвисом и Герингом. В декабре 1938 года, во время встречи в Риме, Фетцер убедил Рибера, что деловой контакт с немцами сулит «Тексаско» большие выгоды. Рибер согласился и стал поставлять Германии горючее, хотя немцы расплачивались только марками, да и те переводили на замороженные счета. За первые девять месяцев 1939 года Рибер поставил гитлеровцам тысячи тонн нефти и нефтепродуктов, и на счету «Тексаско» в гамбургском банке скопились миллионы немецких марок.

Вспыхнувшая в сентябре 1939 года война не прервала поставок нефти, так как Рибер в нарушение британского эмбарго и в обход блокады продолжал посылать свои танкеры в нейтральные порты Европы, откуда нефть переправлялась в Германию. Его надежды на получение заработанных денег казались весьма призрачными, пока он не вспомнил о так называемых бартерных сделках и не предложил нацистам в уплату за нефть передать его компании три танкера, строившихся в Гамбурге.

Для реализации сделки Рибер снова встретился с Фетцером в Италии вскоре после начала войны. Фетцер сказал ему, что сделку должен одобрить Геринг, и в декабре привез Рибера в Берлин. В состоявшейся беседе Геринг прямо заявил, что за танкеры немцы ждут от него, Рибера, несколько большего. Пусть «Тексаско», пред-

ложил Геринг, продолжает поставки нефти, а сам Рибер поможет Германии «в некоторых мероприятиях в Соединенных Штатах».

Нацисты прямо не настаивали на участии Рибера в каких-то тайных маневрах, направленных против Рузвельта, так как знали, что он политический тупица и у него нет никого, вроде Джона Льюиса, кто мог бы ему помочь. Но попытка не пытка, и Риберу поручили продолжить неудачную миссию Дэвиса, то есть использовать свое влияние в Белом доме и попытаться навязать Рузвельту пресловутый «мирный план» Геринга. Кроме того, немцы привлекли Рибера к участию еще в одном проекте, к осуществлению которого только что приступили. Суть проекта сводилась к тому, чтобы убедить американских бизнесменов сотрудничать с Германией вопреки политике Рузвельта, в нарушение закона о нейтралитете и несмотря на усиливающуюся эффективность английской блокады.

24 января 1940 года, вскоре после возвращения в США, Рибер на приеме у президента изложил абсурдный «мирный план» Геринга. Беседа оказалась не из приятных. Рибер чувствовал себя неловко, а Рузвельт был раздражен наглостью нацистов. На прощание президент посоветовал собеседнику вообще не заниматься подобными делами.

На том и прекратил Рибер свои попытки выполнить первое задание. Но ему предстояло заниматься остальными поручениями, чтобы получить танкеры и продолжить свои сомнительные операции с нацистами.

Как в свое время Герцлета прикомандировали к Дэвису по указанию Геринга, так и теперь в помощь Риберу для «создания атмосферы благожелательности к Германии» было решено послать специальным эмиссаром юриста Вестрика, ранее представлявшего в своей стране несколько крупных американских фирм, в том числе международную компанию ИТТ. Мысль о посылке Вестрика в США «с миссией доброй воли» впервые возникла летом 1939 года во время беседы полковника Бена из ИТТ и Вестрика с нацистским статс-секретарем МИД по специальным поручениям Кепплером. Тот сказал Вестрику: «Вы располагаете хорошими связями в Соединенных Штатах и могли бы, используя своих друзей в торговых и промышленных кругах США, стать идеальной фигурой в деле установления хороших отношений».

В декабре 1939 года на секретной встрече с Вестри-

ком в Гааге полковник Бен снова вернулся к этому вопросу. Они договорились, и Рибер взялся организовать поездку Вестрика в Штаты в связи со сделкой, которую он заключил с Герингом.

Для сокрытия подлинных целей его миссии Вестрика назначили торговым советником посольства Германии в США с дипломатическим паспортом и предоставили право неограниченного доступа к секретным денежным фондам для выплаты взяток и оплаты расходов на угощения, хотя необходимыми для этих нужд средствами его в основном снабжала фирма «Тексаско». Рибер обязался возмещать все траты Вестрика и платить ему жалованье, предоставил служебное помещение в здании правления фирмы в Нью-Йорке, снял для него большой особняк в пригороде Нью-Йорка, купил автомобиль — все это за счет «Тексаско».

При таком содействии Рибера, с энергичной помощью Муни из «Дженерал моторс» и подобных им Вестрик, казалось, начал преуспевать. 27 июня он доложил в Берлин, что влиятельная группа во главе с Муни согласилась оказать давление на Рузвельта с целью заставить его пойти на нормализацию отношений с Германией, для чего направить в Берлин американского посла, а главное прекратить поставки оружия Великобритании. В середине июля Вестрик встретился в Детройте с Генри Фордом и его сыном Эдселем и беседовал с ними о заключении мира между Германией и Англией на германских условиях. Одновременно он начал кампанию за последующее предоставление Германии займа в 5 миллиардов долларов.

Помимо помощи Вестрику Рибер играл и другую роль. В декабре 1939 года, обговаривая свою сделку с Герингом и Фетцером, он познакомился еще с одним немцем. Знакомство отнюдь не было случайным, ибо немец имел поручение завершить вербовку Рибера и знал, как это сделать. Так на сцену выступил Николаус Бенсман, один из совладельцев бременской адвокатской фирмы «Герман Бенсман и К^о», представлявшей патентные интересы «Тексаско» в Германии.

Бенсман, или Нико, был экспертом по американской нефтяной промышленности. Он окончил университет в Нью-Йорке, работал на автомобильных заводах Детройта, некоторое время околичивался на нефтепромыслах в Техасе и Луизиане и успешно прикидывался таким грубоватым, добродушным американцем с неистощимым

запасом анекдотов, отличным вкусом во всем, что касалось женщин, хорошей еды и марочных вин. Эти способности делали его незаменимым спутником американских бизнесменов, когда те, приезжая в Германию, искали отдохновения от «трудов праведных».

Рибер с большой симпатией относился к Бенсману. Он использовал его не только как специалиста по патентам, но часто консультировался с ним и по другим вопросам. В конце концов, Бенсман стал чем-то вроде генерального управляющего всеми предприятиями «Тексаско» в Германии.

Но Бенсман был еще и кадровым офицером абвера в звании зондерфюрера и самым крупным экспертом немецкой разведки по нефти. К моменту встречи с Рибером он занимал третье по рангу место в бременском подразделении абвера и выполнял обязанности заместителя начальника сектора зарубежных операций. Все, что бы он ни делал, — занимался ли прилежно делами «Тексаско», помогал ли самому Риберу, — все это входило в его обязанности офицера абвера и служило прикрытием для разведывательной деятельности. Как офицер-абверовец, он допрашивал лиц, возвращавшихся из Соединенных Штатов, извлекал нужную информацию из американских газет и журналов и даже ухитрялся руководить группой завербованных в США агентов. Судя по архивным материалам немецкой разведки, Бенсман представил больше ценной информации, чем любой другой офицер бременского подразделения абвера. Он не проявлял щепетильности в выборе средств и редко останавливался перед трудностями.

В декабре 1939 года, когда Рибер побывал в Германии, Бенсман повсюду его сопровождал, и «приятели» недурно проводили время во всяких увеселительных заведениях. А потом Бенсман, не раскрывая, разумеется, своей принадлежности к абверу, предложил Риберу «расширить» сотрудничество с немцами, проще говоря — работать на абвер. Он намекнул, что у него отличные связи в разведке, и она-де не оставит без внимания интересы «Тексаско».

К этому времени Рибер уже начал испытывать некоторые трудности во взаимоотношениях с немцами, главным образом из-за тупости, высокомерия и закоренелого бюрократизма чиновников, по вине которых он едва не потерял один из обещанных ему танкеров. При передаче первого из них — «Скандинавии» — не соблюдалось ни-

каких мер предосторожности, и англичане тут же, правда на время, захватили судно. Бенсман заверил Рибера, что ничего подобного не произойдет, если передачей танкеров займется абвер. И в самом деле, передачу второго танкера — «Новая Андалузия» — абвер осуществил без сучка и задоринки. Накануне передачи Бенсман разослал всем причастным к делу ведомствам специальный документ с просьбой оказать абверу необходимую помощь «в знак признания больших услуг, оказываемых капитаном Рибером делу Германии».

Для получения телеграфной информации от Рибера (абвер считал его весьма перспективным агентом) Бенсман разработал сложную комбинацию. В Бремене он создал фиктивную фирму, предназначенную служить одновременно «крышей» для него самого и «почтовым ящиком» для Рибера и других агентов. Затем он внедрил некоего Линцена в аппарат правления «Тексаско» в Нью-Йорке с задачей собирать материалы и обеспечивать их отправку в Бремен. Правильно предполагая, что англичане и американцы читают всю переписку с Германией, Бенсман придумал специальный шифр, основанный на том, что деловые письма и телеграммы, которыми он регулярно обменивался с «Тексаско», содержали сотни многозначных патентных номеров. В кодовой книге шифра номера патентов заменялись нужными словами и значениями. С помощью своего шифра Бенсман обошел британскую цензуру и стал получать из Соединенных Штатов сообщения, иногда содержавшие ценную информацию. Так, один из агентов абверовца в США прислал ему внешне сугубо деловое письмо с массой номеров патентов, на использование которых якобы выдвигаются претензии в Штатах. После расшифровки в Бремене «деловое письмо» получило такой вид:

«10 марта в Геную и Марсель вышел американский лайнер «Президент Полк» с 10 тысячами ящиков легко воспламеняющегося груза и тысячью баррелей бензина».

31 марта 1940 года другой агент из Нью-Йорка отправил Бенсману такую же невинную на первый взгляд телеграмму с перечислением нескольких патентных номеров. После расшифровки она читалась так:

«Во время недавнего визита Рибера в Белый дом Рузвельт заявил ему, что решил при любых обстоятельствах удерживать США от вступления в войну. Такие же заверения Рибер получил от председателей демократической и республиканской партий».

Как официальный представитель фирмы «Тексаско» в Германии, Бенсман использовал трансатлантический телефон для связи со своими пособниками в Нью-Йорке и получения срочной информации. Он нередко звонил вице-президентам «Тексаско» Дирборну и Доджу, ее главному закупщику Муру и главному инженеру Олдису.

Убедившись, какую помощь может оказать ему абвер, Рибер согласился платить услугой за услугу. Он, видите ли, полагал, что, собирая для Бенсмана секретные сведения, тем самым выражает благодарность его «друзьям» из немецкой разведки, не нанося никакого вреда Соединенным Штатам. В августе 1940 года, когда в прессе появились материалы, уличавшие Рибера в сотрудничестве с нацистами, он опубликовал заявление, в котором категорически отрицал свою причастность к антиамериканской деятельности, хотя в то же самое время немцы продолжали получать из «Тексаско» и нефть, и шпионскую информацию.

Поступавшие от «организации Рибера» сведения могли только радовать Бенсмана: всегда своевременные, конкретные и достоверные, они давали самое полное представление о такой особенно важной во время войны отрасли промышленности, как нефтяная, о ее мощности, продукции, исследованиях, транспортных возможностях и т. д. По существу «организация Рибера» стала одним из филиалов абвера, причем она не только добывала высококачественную информацию, но анализировала и оценивала ее.

Среди этой информации особую ценность имел доклад с исчерпывающей и точной характеристикой перспектив развития американской авиационной промышленности, представленный летом 1940 года. Доклад был основан на изучении потенциальных потребностей в горючем и смазочных маслах для 50 тысяч самолетов, выпуск которых планировали Соединенные Штаты. Доклад объемом в 58 страниц был составлен экономистами «Тексаско» на основе тщательного анализа секретных и несекретных материалов правительственных органов и докладной записки самого Рибера президенту Рузвельту, причем в нем делался вывод, что выпуск такого количества самолетов вполне в возможностях американской промышленности.

В Германию этот доклад вместе с папкой приложений доставил представитель «Тексаско», приехавший принимать третий танкер. Документ буквально ошеломил абверовцев. Канарис поспешил лично информировать

Гитлера, но тот лишь отмахнулся, назвал доклад «пораженческой чушью» и пригрозил наказать тех, кто принимает всерьез или распространяет его. Американцы могут выпустить 50 тысяч резиновых сосок для своих младенцев, заявил фюрер, но не 50 тысяч самолетов.

Инцидент основательно подорвал репутацию Бенсмана в абвере. Он продолжал поставлять достоверную информацию о росте военно-промышленного потенциала США, но никто уже не брал на себя смелость докладывать ее Гитлеру.

Вскоре после описанных событий Рибер, никогда не знавший поражений, почувствовал, что все вокруг него рушится. Правда, американские и английские органы безопасности так и не сумели его разоблачить, даже не заподозрили, что его телеграммы раскрывают немцам государственные и военные тайны, и не разгадали разработанный Бенсманом шифр. Рибера провалил все тот же советник Вестрик, которому он устроил такую приятную жизнь в джунглях американского делового мира.

Примерно в то же время, что и Вестрик, в Соединенные Штаты приехал представитель английской «Интеллидженс сервис» по западному полушарию Уильям Стефенсон с задачей «положить конец германскому шпионажу и другой нелегальной деятельности, особенно антибританской пропаганде, направленной на срыв планируемой американской помощи и на удержание Соединенных Штатов от вступления в войну».

Одним из первых в «черных списках» Стефенсона фигурировал Рибер, но не из-за его сотрудничества с абвером, а потому, что он подозревался в снабжении нефтью стран «оси» через английскую блокаду. Стефенсон быстро обнаружил Вестрика за широкой спиной Рибера, тем более, что они не слишком маскировали свои подлинные отношения. Вестрик обосновался в служебном помещении «Тексаско», дом, в котором он жил, арендовала «Тексаско», автомобиль ему купила «Тексаско», подавая заявление о выдаче шоферских прав, он дал адрес фирмы как свой собственный. Стефенсон установил наблюдение за домом Вестрика, и вскоре выяснилось, что его навещают не только некоторые весьма видные американские бизнесмены, но и кое-кто из молодых американцев немецкого происхождения, работающих на военных заводах.

Стефенсон решил разоблачить Вестрика и тем самым положить конец его деятельности в Штатах. Он передал

собранные его агентурой материалы в газету «Нью-Йорк геральд трибюн», и та опубликовала серию сенсационных статей о тайнах фирмы «Тексаско». Разразился скандал. Вестрика признал «персоной нон грата» госдепартамент, а Рибера — взбудораженное общественное мнение. 12 августа, когда Вестрик еще находился на пути в Германию, Рибер по требованию правления фирмы подал в отставку и, как выразился впоследствии Стефенсон, «перестал быть проблемой для английской контрразведки».

Ни тогда, ни позже Стефенсон, видимо, не узнал еще об одной стороне сотрудничества Рибера с нацистами — о его связи с офицером абвера Бенсманом. Не смущаясь провалом Вестрика, Бенсман какое-то время продолжал делать свое дело. Его человек в «Тексаско», Линцен, все еще посылал в Бремен добытую информацию, а сам Бенсман по-прежнему разговаривал по телефону со своими знакомыми из «Тексаско». Осенью 1940 года, в дни самых тяжелых воздушных налетов на Британские острова, он позвонил Дирборну и спросил, как в США расценивают шансы Англии выжить и что намеревается делать «Тексаско» в послевоенном мире без Великобритании. Судя по записи Бенсмана, Дирборн ответил: «Мы предполагаем, что война скоро кончится, и с учетом этого принимаем необходимые меры».

В 1941 году Роджерс, сменивший Рибера на посту председателя правления «Тексаско», решил исправить «ошибки» своего предшественника и прекратил все операции с Германией, а заодно и с Японией, хотя госдепартамент еще не запретил поставки в эту страну и другие фирмы продолжали обильно пополнять запасы горючего для ее военно-морского флота.

Не прошло и полугода, как Рибер снова вынырнул на поверхность и публично заявил, что он «еще покажет этим нацистским ублюдкам». Одно время бывший друг Бенсмана строил какие-то суда секретной конструкции для ВМФ США, затем стал президентом крупной фирмы по производству асфальта.

Свой извилистый жизненный путь бизнесмен-шпион окончил в 1968 году.

Курт Фредерик Людвиг приехал в Нью-Йорк в марте 1940 года. Это было, можно сказать, возвращение в родные пенаты, поскольку родился он в Соединенных Штатах. Правда, вернулся он не из-за тоски по родине. Его отец и мать иммигрировали в США 50 лет назад и на короткое время поселились во Фримонте, в Южном Огайо, где Курт и появился на свет. Чета Людвигов не нашла за океаном «лучшей жизни» и вскоре возвратилась в Германию вместе с двухлетним сыном.

Курт Людвиг сохранил американское гражданство, довольно бойко говорил по-английски, в 20—30-х годах посетил Штаты, но все же оставался немцем до мозга костей и не считал себя чем-то обязанным стране своего рождения. В Германии он поселился в Мюнхене, сумел стать преуспевающим дельцом, пустил прочные корни в местном обществе и обзавелся важными друзьями, вроде Роберта Лея и Генриха Гиммлера. Именно Гиммлер вскоре после начала войны порекомендовал ему вернуться в США. Людвиг как-то сказал рейхсфюреру СС, что, несмотря на сорок восемь лет и американское гражданство, он хотел бы внести свой вклад в военные усилия Германии. Лучшее, что Людвиг мог бы сделать для «фатерланда», ответил Гиммлер, это создать шпионскую организацию в Соединенных Штатах.

Центр абвера в Берлине завербовал Людвигу и после соответствующей подготовки (до этого он не работал в разведке) кружным путем, как обычно, отправил в опасное путешествие. Последние напутствия он получил в Испании от одного из руководителей мадридской резидентуры майора Ульриха Остена, назначенного его наставником. Остен стал для него «Конрадом», а он для Остена — «Джо». Направлять работу новоиспеченного агента в США предполагалось из Испании, но одновременно ему дали и прямую связь с Гиммлером через условный адрес в Берлине, куда Джо должен был время от времени посылать свои донесения. Из-за личного участия Гиммлера в организации заокеанской поездки Людвигу и на первый взгляд весьма ценных для разведчика качеств последнего абвер придавал намеченной операции важное значение.

Людвигу поручили из членов американо-германского землячества США создать собственную разведыватель-

ную сеть с целью сбора и отправки в Германию через «почтовые ящики» в Испании и Португалии подробной информации о численности, оснащении, дислокации и политико-моральном состоянии американской армии; о работе американской авиационной промышленности; о маршрутах караванов и движении отдельных судов между Соединенными Штатами и Англией. Свои донесения он должен был посылать авиапочтой в адрес Эмануэля Алонзо в Мадриде и Изабеллы Сантос Мачадо в Лиссабоне. Предполагалось, что он сможет собрать рацию для непосредственной связи с Гамбургом или раздобыть коротковолновый передатчик и установить его в автомашине, с тем чтобы выходить в эфир каждый раз из нового места. Передатчик позволил бы Джо поддерживать связь с Германией через созданную абвером в Южной Америке нелегальную радиосеть «Боливар» или через немецкие подводные лодки, крейсировавшие у побережья США.

Людвигу понадобилось всего два месяца, чтобы создать группу из восьми надежных и верных сообщников, в которую входил и отставной майор германской армии Пауль Теодор Борчардт-Баттута. Выдавая себя за бывшего узника одного из концлагерей и антифашиста, Борчардт-Баттута в действительности был разъездным платным агентом абвера по кличке «Окленд». После того как Людвиг сколотил свою агентурную группу, Борчардту поручили стать ее военным консультантом. Группа имела даже свою секретаршу — некую Люси Бомлер. В ее обязанности входило вести картотеку, куда заносились данные о местонахождении военных лагерей, дислокации частей американской армии, передвижении войск, продукции военной промышленности.

Несмотря на молодость и неопытность большинства агентов Людвига, это была деятельная и удачливая шпионская ячейка — главным образом благодаря своему руководителю, его организаторским способностям и наглости, с которой он действовал. Джо много разъезжал по стране в автомашине. Обычно его маршрут пролегал в непосредственной близости к военным лагерям. Он с готовностью соглашался подвезти по пути солдата или офицера и умело выуживал у своих пассажиров нужные сведения. Определенную информацию давали ему посещения военных заводов и портов на восточном побережье США, газеты и журналы, из которых он делал массу вырезок. Стационарную рацию для дальней связи Людвиг не смог собрать, но через мощную коротковолновую радиоуста-

новку в автомашине систематически получал зашифрованные указания из Берлина и Гамбурга.

Судя по объему переписки, Джо был исключительно работоспособным шпионом. Почти ежедневно он отправлял длинные письма своей жене в Мюнхен, а кроме того, несколько раз в неделю писал «клиентам» в Мадриде и Лиссабоне, разыгрывая из себя бизнесмена, всецело поглощенного руководством своей процветающей фирмой по экспорту кожевенных товаров.

При беглом ознакомлении письма эти выглядели достаточно невинными: обычная семейная болтовня, обычная деловая переписка нью-йоркского экспортера. Однако каждое из них содержало предназначенную для абвера зашифрованную информацию.

В письмах Людвигу жене сквозили забота и грусть. «Как там ты и дети? — писал он, например, в одном из них. — По-твоему, дети, особенно младшие, узнают меня, когда я вернусь?» Он, видимо, рассчитывал растрогать английских цензоров подобными сентиментами тоскующего мужа и отца, отвлечь их от мысли, что между строк этого душещипательного послания может быть записано симпатическими чернилами нечто совсем другое.

А там характерным для Людвигу сжатым, деловым стилем действительно излагалась важная (что тоже было характерно для этого шпиона) информация:

«В Исландии 70 тысяч английских солдат и офицеров. Пароход «Вилль де Льеж» потоплен 14 апреля. Типы самолетов, отправляемых в Англию (продолжение письма № 693): 20 ноября ВМФ США передал Великобритании 20 самолетов «Боинг Б-17 С» (модель 299Т). Тринадцать «Б-17 С», которые видели на аэродроме Макчорд, штат Вашингтон, с английскими опознавательными знаками, а позже в Ванкувере, Канада, несколько недель назад прибыли в Англию».

Из многих донесений Людвигу видно, что в их составлении принимал участие профессиональный разведчик Борчардт, чья помощь позволяла агенту уточнять и дополнять опубликованные в прессе сообщения. Например, в одной из своих информаций он приходит к такому заключению:

«Я очень сомневаюсь в достоверности сообщения в английской печати, будто «Боинг» уже в течение нескольких месяцев выпускает самолеты «Б-17 Б». Скорее всего, речь идет о новых модификациях — «Б-17 Д» или «Б-17 Е», заказанных американской армией в количестве 50 самолетов».

После того как Людвиг прочно обосновался в Нью-Йорке и поток информации от его растущей организации стал постепенно увеличиваться, работа абвера в США достигла своего «пика». В этот период здесь действовали четыре крупные агентурные сети и две секретные рации, обслуживавшие более сорока важных агентов и несколько десятков конфиденциальных информаторов. Добываемые агентурой чертежи и другие объемистые материалы пересылались через курьеров-связников на пароходах нейтральных стран. Используя эту «золотую жилу», верховное командование вермахта располагало более чем достаточной информацией для оценки военно-промышленного потенциала США и американской помощи Великобритании.

Внезапно произошло нечто совершенно неожиданное, поставившее под угрозу дальнейшую работу всех этих разведывательных организаций. И причиной явились вовсе не американские или английские органы безопасности, а интриги и личная вражда, которыми, впрочем, отличалась вся система правления в третьем рейхе. В нацистской бюрократической машине вообще царили хаос и дублирование, но с особенной силой они проявлялись в разведывательных ведомствах. Как СД Гимmlера — Гейдриха, так и различные подразделения нацистской партии имели в Соединенных Штатах свою агентуру. По сути дела, она была предоставлена самой себе, а те, кому полагалось руководить ею, выступали с нападками на абвер, располагавший наиболее крупной разведывательной организацией в Америке, слали на него жалобы Риббентропу и Гимmlеру.

Свой вклад в эту грызню вносил Томсен из немецкого посольства в Вашингтоне, особенно энергично протестовавший против деятельности абвера в США. Не упоминая, разумеется, о том, что через свою агентуру сам ведет в Штатах шпионскую работу, он бомбардировал министерство иностранных дел в Берлине жалобами и предупреждениями с резонными, хотя и лицемерными аргументами,

«В полном согласии с военными атташе, — писал он в Берлин весной 1940 года, — я повторно со всей серьезностью обращаю ваше внимание на то, какую опасность представляет такая деятельность, если она получит огласку, для американо-германских отношений, особенно в теперешний напряженный период. Хочу напомнить, что во время первой мировой войны американское правительство уже использовало подобный предлог для вы-

ступления Соединенных Штатов на стороне союзников и мобилизации общественного мнения в поддержку этого шага. И военные атташе, и я понимаем необходимость разведки. Однако известные посольству агенты вряд ли пригодны для этой цели. Они не обладают ни нужной подготовкой, ни просто здравым смыслом, чтобы компенсировать вред, который могут нанести германо-американским отношениям. Поэтому прошу убедить соответствующие ведомства положить конец всякого рода махинациям своих представителей в США».

Обращение Томсена не имело никаких последствий, пока не произошел новый инцидент. 20 мая 1940 года в посольство пришел некий Фриц фон Гаусбергер, отрекомендовался агентом абвера и заявил, что находится в США для организации диверсий. Он объяснил Томсену, что вынужден связаться с посольством, так как остался без денег, абвер же не отвечает на его просьбы.

Спустя несколько дней к Томсену пожаловал еще один диверсант, по фамилии Брегман, и опять потому, что израсходовал все деньги. Томсен был потрясен и шокирован. Мало того, что в США подвизались абверовские идиоты-шпионы, — теперь объявились еще и диверсанты!

Томсен немедленно обратился в МИД с просьбой проверить обоих посетителей. Ответ пришел быстро и гласил, что они совершенно неизвестны абверу и что вообще в Соединенные Штаты никто не посылался с диверсионными заданиями. Такой ответ не удовлетворил Томсена. Не скрывая раздражения, он попросил министерство сообщить, как в таком случае могло получиться, что эти люди проходили подготовку у начальника диверсионной лаборатории абвера Гогенштейна, а перед выездом в США с ними провели инструктаж подполковники Маргуере и Штольц, лейтенант Мейерхеймб и доктор Вальтер Блаум, известные обоим диверсантам как работники отдела II абвера?

«Если их утверждения лживы, — телеграфировал Томсен 2 июня, — все же нужно выяснить:

а) кто снабдил их взрывчаткой, которую я вынужден теперь хранить;

б) кто выступал под именем майора фон дер Остена, который, как они утверждают, каждого из них в отдельности инструктировал об организации диверсий в США».

Ответ поступил 4 июня. Полковник Лахузен из отдела II абвера внезапно «вспомнил», что названные Томсеном лица действительно были посланы в США его отделом, но только как «наблюдатели», с категорическим

наказом воздерживаться от всего, что могло бы быть расценено как диверсия.

В действительности же абвер осуществил в Соединенных Штатах ряд диверсий, а многие находились в стадии подготовки. Под руководством трех специальных агентов отдела II несколько групп диверсантов, набранных из ирландских, польских и белоэмигрантских гангстеров, нанесли существенный ущерб Соединенным Штатам еще задолго до того, как 11 декабря 1941 года Гитлер официально объявил Америке войну.

Побежденные не любят признаваться в совершенных в годы войны преступлениях, и не только потому, что это означало бы признание нарушения международных соглашений или могло повлечь возмездие. После разгрома гитлеровской Германии диверсионная деятельность немецкой разведки в США и Великобритании стала «спорным вопросом» только потому, что немцы категорически все отрицали. Полковник Лахузен как начальник отдела II абвера руководил тем, что в его же директивах называлось «организацией диверсий, восстаний, подстрекательством к беспорядкам и проведением антиправительственной пропаганды». Естественно, что он громче и упорнее всех утверждал, будто абвер никогда не совершал подобных вопиющих преступлений.

Взятый в плен в 1945 году, Лахузен на первом допросе признал лишь, что руководимый им отдел действительно располагал агентами в Северной и Южной Америке, но презрительно квалифицировал их как «бездарных бездельников». Если верить абверовцу, он и в глаза их не видел и даже фамилий не знал, за исключением одного диверсанта, которому летом 1940 года приказал «все прекратить» и вернуться в Германию. Лахузен пытался убедить тех, кто его допрашивал, что после этого немецкая разведка отказалась от диверсионной работы в Соединенных Штатах, опять-таки за исключением единственной попытки в июне 1942 года, которую он назвал «крупнейшей ошибкой из когда-либо совершенных отделом II абвера». Восемь агентов были посланы в США на двух подводных лодках с заданием парализовать американскую авиационную промышленность путем уничтожения завода по выработке искусственного криолита в Филадельфии, а также алюминиевых заводов в штате Нью-Йорк, Ист-Сент-Луисе, штат Иллинойс, и Алкоа, штат Теннесси.

Лахузен утверждал, что диверсанты были посланы по личному указанию Гитлера, но абвер якобы с самого начала вел дело к тому, чтобы сорвать операцию. Речь шла об операции «Пасториус», получившей сенсационную известность в США после того, как молодой пограничник обнаружил и задержал четырех диверсантов, только что высадившихся с подводной лодки на пустынном побережье около Амагансетта на Лонг-Айленде. Один из диверсантов, Георг Даш, выдал своих сообщников ФБР, надеясь присвоить 160 тысяч долларов, полученных от Лахузена для финансирования этой авантюры. Диверсанты были осуждены военным судом.

А Лахузен продолжал твердить, что США и Великобритания никогда не фигурировали в планах абвера как объекты диверсий. Он утверждал это все громче и наглее, пока в 1953 году не договорился до того, что никаких диверсий в США якобы вообще никогда и нигде не совершалось.

Эти попытки обелить абвер пытался поддержать некий Абхаген. В написанной им биографии Канариса он силится доказать недоказуемое — будто глава абвера занимался «саботажем диверсий», ибо дал указания Лахузену «не делать ничего, что нарушало бы международные законы». Весьма странное заявление в свете всего того, что мы знаем о Канарисе. Ведь именно Канарис вскоре после своего назначения создал отдел II абвера. Именно Канарис сформировал самую крупную в истории шпионажа диверсионную организацию «Бранденбург» — отборное диверсионное подразделение. Из банды головорезов численностью до роты оно выросло затем в дивизию и обычно приступало к своим разбойничьим акциям еще до формального объявления войны, не считаясь ни с какими международными законами, соблюдения которых Канарис будто бы требовал от Лахузена. Как утверждает немецкий историк Вилл Бертольд, сам Канарис называл своих «бранденбургцев» «поджигателями войны». Они «воевали, — пишет Бертольд, — на всех фронтах трех континентов, одетые то как бедуины, то как английские офицеры, не рассчитывая на защиту международных законов, зная, что их могут вздернуть на первом же суку. Это были солдаты Канариса». В 1939 году первый командир «бранденбургцев» заявил своим подчиненным: «Шеф хочет, чтобы вы стали бандой грабителей, готовых, если потребуется, выкрасть дьявола из преисподней».

До начала войны в Европе оставалось еще около года,

а Лахузен уже разрабатывал план диверсий на территории США. Его намечалось осуществлять постепенно.

На первом этапе майор Ричард Астор — экономист, специализировавшийся на сборе информации для отдела II абвера о возможных объектах диверсий, — должен был составить подробный перечень таких объектов.

На втором этапе предполагалось нанять американских граждан немецкого происхождения и после специальной подготовки в Германии внедрить на такие стратегические объекты в Соединенных Штатах, как электростанции, водопроводные системы, заводы, водные резервуары, телефонные станции. Всех этих агентов намечалось свести в отдельные группы, которыми должны были руководить специально присланные из Германии и особенно тщательно подготовленные групповики.

Выполнение всего плана поручалось пяти специалистам абвера по США: подполковнику Штольцу, майору Остену, лейтенанту Мейерхеймбу и штатским Блауму и Каппе. Каппе, в недавнем прошлом заведующий отделом прессы германо-американского бунда в США и главный редактор его официального органа, в то время уже подвизался в абвере в роли наводчика — именно ему и предстояло рекомендовать руководству абвера американцев немецкого происхождения, «годных для диверсионной работы в Штатах».

Лахузен попросил своего коллегу Пикенброка из отдела I абвера поручить агентуре отдела в США представить список, характеристики и карты всех больших американских городов, а также «стратегических объектов, расположенных вдоль железных дорог», вроде моста «Хелл гейт» на Ист-ривер в Нью-Йорке и поворота «Подкова» на Пенсильванской железной дороге в Алтоне. Предполагалось, что вывод из строя таких ключевых объектов «лишит Пенсильванию железнодорожного транспорта и тем самым полностью парализует ее угольную промышленность».

Задание было выполнено. Один из агентов прислал в Берлин схему и чертежи водопровода в Нью-Йорке, другой — водопровода в Лос-Анджелесе вместе с чертежами фильтровальных станций, третий — список всех важных для военной промышленности заводов и фабрик в восточной части США и карту Лонг-Айленда с нанесенными на нее 52 площадками для гольфа, «которые могут быть использованы как идеальные посадочные площадки для немецких самолетов».

Первым групповиком, посланным в Соединенные Штаты для руководства диверсантами, оказался Фриц фон Гаусбергер. О нем и сегодня мало что известно, за исключением того, что он был протеже Лахоузена. Гаусбергер прошел специальную подготовку в диверсионной школе и лаборатории немецкой разведки, а в Лиссабоне, перед выездом в США в начале 1939 года, его еще раз проинструктировал Остен. В абвере ему вручили фамилии и адреса американских граждан немецкого происхождения, согласившихся, по словам Каппе, выполнять задания по диверсиям. Подготовить их к этой работе и предстояло Гаусбергеру. В США он раздобыл и хранил у себя на квартире около 50 фунтов взрывчатки, затем занялся изготовлением взрывателей и оболочек для бомб, которые должны были потребоваться его агентуре.

Между тем почти в то же самое время старый профессиональный разведчик Фредерик «Фриц» Дюквесн, привлеченный к работе Риттером в 1937 году и все еще подвизавшийся в Штатах, решил, что в качестве диверсанта он добьется большего, нежели в роли простого шпиона, и без конца обращался в Гамбург с предложениями совершить ту или иную диверсию либо своими силами, либо с помощью кое-кого из друзей. То он предлагал подготовить взрыв завода фирмы «Дженерал электрик» в Скенектади, то взорвать церковь в Гайд-парке, которую посещал Рузвельт. В одном из донесений Дюквесн рекомендовал свой рецепт портативной зажигательной бомбы для диверсий на причалах и кораблях, но, правда, тут же попросил снабдить его «бомбами в свинцовой оболочке», как более надежными и эффективными, чем его самоделки.

Подразделение абвера в Гамбурге, на руководство которого такой энтузиазм и деловая сметка Дюквесна произвели соответствующее впечатление, тут же передало шпиона в распоряжение отдела II. Его фамилия шла первой в списке агентов, с которыми Гаусбергер должен был связаться после приезда в Соединенные Штаты. Когда знакомство состоялось, Гаусбергер заверил Дюквесна, что обеспечит его всем нужным, — взрывчаткой, детонаторами, свинцовыми трубами, однако изготовлять самоделки запретил.

Постепенно Гаусбергер установил связь со всеми кандидатами, рекомендованными Каппе, и, несмотря на отказ работать некоторых из них, к концу 1939 года уже располагал агентурой на газовом заводе в Нью-Джерси, за-

воде приборов в Нью-Йорке, на четырех авиазаводах фирмы «Брюстер», на автозаводах «Форда», «Крайслера», «Хадсона» и «Паккарда» в Детройте и т. д. Появился у него агент и на оптическом заводе фирмы «Бауш энд Ломб» в Рочестере, штат Нью-Йорк. Немецкая разведка особенно стремилась обзавестись своими людьми на этом предприятии, поэтому в помощь Гаусбергеру из Германии специально прислали человека, ранее работавшего мастером на заводе фирмы «Карл Цейсс» в Йене и прошедшего перед поездкой в Штаты подготовку в диверсионной школе абвера. В США его сначала устроили на работу в магазин «Карл Цейсс» в Нью-Йорке, а оттуда он легко перебрался на завод «Бауш энд Ломб».

Затем Лахузен подобрал второго групповика — музыкального издателя, фанатика-нациста Георга Буша. Абверовец знал его еще по службе в австрийской разведке, задания которой Буш выполнял в Чехословакии и Румынии. Перед поездкой в Соединенные Штаты было инсценировано его исключение из нацистской партии, затем он оказался в абвере, где прошел курс обучения методам диверсий и получил фиктивную фамилию Бергман. По разработанной абвером легенде, он выдавал себя за австрийского промышленника, имеющего в Германии деловые интересы, но вынужденного бежать из-за примеси еврейской крови.

Бергману удалось получить въездную визу в США и, в отличие от Гаусбергера, солидные средства от абвера. В Нью-Йорк он приехал в январе 1939 года и немедленно приступил к выполнению задания: купил в одном из пригородов большой дом, завез для отвода глаз пилораму и другое оборудование, словно собирался открыть лесопилку, приобрел взрывчатку и принялся изготавливать взрыватели и оболочки для бомб, одновременно присматривая кандидатов для участия в будущих операциях.

Если шпионаж — искусство, а диверсии — наука, требующая технических знаний, то Бергман не обладал талантами ни в том, ни в другом. До этого он вращался в венских кафе среди музыкальной богемы и для выполнения своих новых обязанностей нуждался в квалифицированных и надежных помощниках. Все кандидаты, рекомендованные ему Каппе, отказались с ним сотрудничать, удалось найти лишь одного чернорабочего для лесопилки — некоего Майка. Под руководством Бергмана он мастерил самодельные бомбы, но однажды от зажженной Бергманом сигареты взорвалась почти готовая

самоделка. Майк получил серьезные ожоги и потерял несколько пальцев на руке.

Бергман растерялся. Ему бы следовало отправить Майка в больницу или по крайней мере вызвать врача, но он не решился, понимая, что в обоих случаях слух о происшествии дойдет до полиции и она заинтересуется его «лесопилкой», где хранились взрывчатка и оболочки для бомб. Он сам кое-как оказал Майку первую помощь и отправился искать врача, умеющего держать язык за зубами. Он нашел его по соседству. Врач, пожилой немец, был давним фашистом, в приемной у него висел портрет Гитлера, но все это не помешало ему содрать со своего единомышленника 350 долларов.

Майк вначале не догадывался, что занимается чем-то противозаконным, но поведение Бергмана после случившегося открыло ему глаза. Он стал шантажировать своего хозяина, требуя денег. За короткое время Бергман выплатил ему 1,5 тысячи долларов — практически все, чем располагал после покупки дома, оборудования для «лесопилки», сырья для бомб и пр. Однако аппетиты вымогателя росли, и Бергман решился на то, что ему категорически запретили: обратился к Лахузену с телеграфной просьбой немедленно выслать деньги. Вскоре ему действительно прислали переводом из банка в Бухаресте на банк в Нью-Йорке 500 долларов, но на его подлинное имя и фамилию — Георга Буша. Несмотря на критическое положение, он не решился получить перевод, и новой телеграммой попросил Лахузена выслать деньги на ту фамилию, под какой он жил в США.

Ожидая результатов и нянчась с Майком, Бергман в то же время не оставлял попыток завербовать людей, готовых пойти на совершение диверсий в нью-йоркском порту. После длительных поисков ему удалось найти двух стивидоров, вместе с которыми он беспрепятственно побывал на нескольких пароходах, пришвартованных к причалам порта. Примерно по полчаса он торчал на пароходах «Индепенденс холл» и «Эффингем», и никто даже не спросил, зачем он тут.

«Отсутствие всяких мер безопасности в порту, — писал Бергман в донесении Лахузену, — вызывает крайнее удивление. Я еще могу понять беззаботность американцев. Но ведь точно такие же порядки существуют на английских и французских судах. Грузчики — есть у них на судне дело или нет — свободно поднимаются на борт и так же свободно уходят. Я сам несколько раз посетил

английские и французские суда, и никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Мне бы не составило никакого труда заложить там сколько угодно и каких угодно бомб. К работе приступлю немедленно, как только получу деньги».

Но денег Бергман так и не получил. В отчаянии он пришел в германское консульство в Нью-Йорке и попросил ссудить ему некоторую сумму (главным образом для удовлетворения требований Майка), но получил совет обратиться в посольство в Вашингтоне. Так он стал известен Томсену.

В ответ на протесты последнего Лахузен приказал Бергману и Гаусбергеру вернуться в Германию. Гаусбергер подчинился, а Бергман остался в США и явился в ФБР. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Как раз в тот момент, когда, казалось, диверсионная работа в США будет временно прекращена из-за настоячивых возражений Томсена, Лахузену предложили новый план диверсий, основанный на привлечении исполнителей, которые не смогли бы скомпрометировать абвер. Инициатором этого зловещего плана массовых диверсий в Соединенных Штатах и Канаде выступил Оскар Пфаус — один из уцелевших агентов шпионской организации Грайбла.

В 20-х годах, подхваченный потоком других немцев, разочарованных поражением Германии в первой мировой войне, этот оголтелый нацист оказался в Америке. За годы своей жизни в Штатах он сменил много профессий — был лесником, старателем, ковбоем, журналистом, просто бродягой, полицейским в Чикаго, где, в частности, стал осведомителем в банде Капоне-Аркадо.

В 1938 году германский консул в Чикаго Таннхаузер порекомендовал ему вернуться на родину. Пфаус приехал в Германию и поступил на службу в абвер. 1 февраля 1939 года его направили в Ирландию для вербовки террористов из членов Ирландской республиканской армии. Здесь Пфаусу удалось выяснить, что в США активно действует подпольная организация ирландских экстремистов, и по возвращении в Берлин он предложил использовать их для диверсионной работы в Штатах. Канарис и Лахузен немедленно ухватились за поданную Пфаусом мысль. На роль организатора диверсионных акций в США был подобран уважаемый австрийский бизнесмен Карл Франц Рековски, в течение многих лет занимавшийся в этой стране торговлей бумагой. Ему при-

своими псевдоним «Рекс» (позднее измененный на «Ричард II») и отпустили на расходы 200 тысяч долларов.

В июне 1940 года Рековски приехал в Соединенные Штаты и связался с рекомендованными Пфаусом ирландцами. В одном из своих первых донесений он назвал их вымышленными фамилиями: Джон Маккарти, Джим Кони, Тони Грайбен.

«Ирландцы согласились,— писал Рековски,— осуществлять диверсии на британских кораблях в американских портах и на военных складах, нарушать линии коммуникаций противника и нападать на все военные и экономические объекты, имеющие военное значение. Ирландская организация пока достаточно обеспечена взрывчаткой».

Рековски с упоением перечислял акции, уже осуществленные его ирландскими друзьями: взрыв на пороховом заводе в Кенвиле, штат Нью-Джерси, 12 сентября, в результате которого погибло 52 человека, ранено — 50 и причинены многомиллионные убытки; крупные взрывы 12 ноября на трех военных заводах в Вудбридже, штат Нью-Джерси; Эдинбурге и Аллентауне, штат Пенсильвания. В подтверждение он приложил соответствующие вырезки из газет, причем одну из них с заявлением военного министра Стимсона о том, что «безошибочность в выборе объектов диверсий наводит на мысль о немецкой скрупулезности».

Рековски использовал эти успехи для подкрепления своих просьб о дополнительной высылке денег. В докладной от 7 марта 1941 года на имя Канариса Лахузен писал:

«Рековски сообщает, что он не в состоянии достать деньги на месте. Необходимость в дополнительных средствах объясняется тем, что диверсанты не могут сами финансировать эти акции. Пересылку денег и указаний обеспечивают курьеры-связники, не являющиеся немцами. Связь между отделом II абвера и Рековски в настоящее время поддерживается надежными агентами-испанцами».

Через цепочку банков в различных странах Южной Америки Лахузену удалось перевести Рековски 50 тысяч долларов.

Как было условлено еще в Берлине, постоянным местом жительства Рековски стала Мексика. Отсюда он руководил подрывной работой своих пособников в США. В одном из писем в абвер он просил выслать рецепт для

изготовления бомб с удушливым газом «для срыва политических митингов в Соединенных Штатах». Опасаясь провалить свои связи в этой стране, Рековски действовал с большой осторожностью. В отчетах Лахузену он объяснял, что не рискует приезжать в Штаты для непосредственного руководства диверсиями и поэтому поддерживает связь с Маккарти через «отца Чарльза», католического священника из Техаса. Встречи с этим «слугой божьим», как и с диверсантами Маккарти или Грайбе-ном, приезжавшими из Нью-Йорка, Рековски проводил в Мексике, неподалеку от границы с США.

«Друзья с Севера сообщают об успешных диверсиях на 17 пароходах,— докладывал Рековски 9 марта 1941 года.— Взрывчатка частично доставлялась отсюда, что вызывало необходимость поездок на границу. Сеть расширяется и теперь действует уже и в Канаде. Трудности ощущаются только со снабжением взрывчаткой и в связи с невозможностью лично руководить проведением акций».

Нелегальная доставка большого количества взрывчатки и других материалов для диверсий представляла известную сложность, и Рековски неоднократно требовал снабдить его «северных друзей» рецептурой для изготовления всего необходимого на месте.

Но это было не единственное затруднение, с которым пришлось встретиться Рексу. Полученные им 50 тысяч долларов лишь на время облегчили положение. По следу Рековски уже шли агенты американской и английской контрразведок. В донесении от 19 марта 1941 года, например, он жаловался, что его положение осложнилось:

«Из-за укрепившегося в последнее время сотрудничества между мексиканскими и американскими властями я предвижу, что в случае войны с Соединенными Штатами дальнейшее пребывание в Мексике окажется невозможным».

Прошло всего лишь шесть месяцев со дня приезда Рекса в Мексику, но он уже обратился в абвер за разрешением перебраться в Гватемалу или Уругвай, а вместо себя оставить своего помощника. Однако из Берлина последовал приказ оставаться на месте до тех пор, пока это возможно. К следующему донесению, более уверенному по тону, Рековски приложил несколько газетных вырезок в доказательство того, что его ирландская сеть продолжает действовать, причем с удивительной безнаказанностью.

Казалось, операция «Рекс», как называли в абвере миссию Рековски, охватила всю территорию США, претворяясь в изуродованные суда, разрушенные заводы, сожженные леса, сошедшие с рельсов поезда. Этот фантастический успех кружил головы Канарису и Лахузену, но... в значительной степени был плодом воображения Рековски.

Лахузен вообще плохо разбирался в людях, но особенно он оскандалился с выбором групповиков-диверсантов: Гаусбергер оказался мотом, Бергман — неудачником, Рековски — обманщиком. Соглашаясь поехать в Соединенные Штаты, Рекс рассчитывал выманить у своих доверчивых хозяев в Берлине как можно больше денег и с этой целью посылал им газетные вырезки с описанием обычных производственных или транспортных происшествий, выдавая их в донесениях за диверсии. Но и сам Рековски нередко становился жертвой надувательства со стороны «северных друзей», осуществлявших «диверсионные акты» главным образом в своем воображении. Зато вознаграждения они требовали вполне реального. Рековски передал им почти все полученные от абвера деньги и должен был распротиться со своими надеждами разбогатеть на предпринятой аванюре и открыть в Мексике какое-нибудь свое дело.

В то время немецкая разведка располагала в США, кроме группы Рековски, еще одной диверсионной организацией. В конце 1940 года секретное совещание в чикагском мотеле, созванное видным нацистом из Филадельфии Герхардом Кунце (одновременно разъездным агентом отдела II абвера), открыло перед Лахузеном новые возможности для подрывной работы в США. С 1938 года Кунце поддерживал связь с подпольной группой белоэмигрантов некоего А. А. Вонсяцкого, маскировавшей свою профашистскую ориентацию антисоветской деятельностью.

Вонсяцкий был одним из тех красивых, но нищих бездельников-белоэмигрантов, что присваивали аристократические титулы и приобретали богатство женитьбой на американских миллионерах. Во время гражданской войны в России он служил в армиях Деникина и Врангеля, потом бежал в Париж, где некоторое время был шофером, стал выдавать себя за графа и, в конце концов, женился на Марион Риим — наследнице чикагского банкира, вместе с которой и приехал в Соединенные Штаты. После непродолжительной работы на заводе фир-

мы «Болдуин» в Филадельфии он уединился с женой в ее огромном поместье в штате Коннектикут и на ее деньги создал «Русскую фашистскую партию». В 1934 году на съезде этой «партии» в Харбине, организованном японской разведкой, он был избран ее лидером.

В этой роли Вонсяцкий занялся сколачиванием тайной военной организации, «крышей» для которой служила созданная им «партия». Обучение членов организации проходило все в том же поместье, охраняемом детективами и овчарками. Здесь Вонсяцкий собрал целый арсенал винтовок, револьверов, боеприпасов, бомб со слезоточивым газом, обмундированием и таким количеством взрывчатки, что ее хватило бы, чтобы взорвать все заводы в штате Коннектикут.

Своей главной целью «партия» провозгласила «насильственное свержение теперешнего русского правительства». К Вонсяцкому зачастили с визитами германские агенты, и он на все лады расхваливал свою банду белоэмигрантских гангстеров, обученных диверсиям и терроризму.

Вонсяцкий охотно согласился с предложением Кунце сосредоточить усилия организации на шпионаже и диверсиях. Соглашение оказалось для немцев весьма выгодным. Вонсяцкий не только финансировал из средств жены собственную организацию, но и неоднократно ссужал Кунце крупными суммами «для оплаты германских агентов в США».

По мере того как связь Вонсяцкого с японской разведкой ослабевала, его отношения с немцами становились все более прочными. Одновременно с Кунце к работе с Вонсяцким подключились и другие агенты абвера, особенно после приказа Берлина о проведении диверсий в американской авиационной промышленности на западном побережье США. Заместителем Кунце по связи с Вонсяцким был лютеранский проповедник Курт Молзан, получавший деньги и указания непосредственно из Германии через немецкого консула в Филадельфии.

До 1940 года организация Вонсяцкого руководствовалась указанием Кунце временно не предпринимать никаких диверсионных акций, но активно занималась шпионажем, снабжая абвер информацией «о численности, личном составе, дислокации, оснащении и политико-моральном состоянии американской армии; о дислокации, численности и боеспособности военно-морского флота США; о расположении, оснащении и т. д. военных и воен-

но-морских баз, имеющих важное значение для национальной обороны Соединенных Штатов».

Секретное совещание в чикагском мотеле, созванное Кунце в декабре 1940 года, положило начало активной диверсионной работе банды Вонсяцкого. На нем присутствовали Вонсяцкий, Молзан и руководитель филиала германо-американского землячества в Чикаго Отто Виллумеит, связанный с германским консульством в Чикаго. Участники совещания выработали план проведения диверсий на предприятиях военной промышленности. Жаждавший «активной работы», Вонсяцкий вызвался реализовать этот план с помощью подонков, которых он специально подготовил для подобной деятельности в поместье своей богатой жены.

Соединенные Штаты все еще находились на мирном положении, меры внутренней безопасности соблюдались не очень тщательно, поэтому наемники, вроде белогвардейского отребья из шайки Вонсяцкого, могли действовать безнаказанно. Именно с этой точки зрения следует рассматривать довольно значительное количество происшествий в промышленности, имевших место уже после того, как Вонсяцкий получил распоряжение приступить к проведению диверсий.

По данным, опубликованным страховой фирмой в Хартфорде, за время с 9 января по 24 декабря 1941 года произошло сорок «загадочных инцидентов и несчастных случаев» — пожары на английских и французских судах, верфях, складах, элеваторах, государственных военных заводах в Филадельфии, Актоне, Индиан-хэд, в штатах Массачусетс и Мэриленд, а также на частных заводах и фабриках в штатах Виргиния, Нью-Йорк, Пенсильвания, Висконсин. Особенно пострадала промышленность в штате Нью-Джерси: есть все основания полагать, что диверсии были совершены здесь на пяти заводах. В Вашингтоне при странных обстоятельствах вспыхнул пожар в военноморском министерстве; в Сан-Франциско по невыясненной причине сгорели строившиеся военные казармы; на новой базе военно-морской авиации на Аляске произошел взрыв.

Ни ФБР, ни страховые компании так и не установили, сколько и какие из этих происшествий были делом рук агентов абвера из организаций Рековски и Кунце — Вонсяцкого. Федеральное бюро расследований, например, категорически утверждало, что ни в одном из перечисленных случаев не может быть и речи о диверсиях. Од-

нако 20 апреля 1942 года министерство военно-морского флота США было вынуждено взять в свои руки управление четырьмя заводами авиационной компании «Брюстер», поскольку предприятия не поставили американским вооруженным силам ни одного самолета. На этих заводах абвер располагал тридцатью двумя агентами. В процессе проверки персонала несколько бундовцев и два белоэмигранта были уличены в связях с нацистами и уволены. Работа на предприятиях «Брюстер» вошла в нормальную колею. Аналогичная история произошла на заводе «Ликвидомитер» в Нью-Йорке, выпускавшем оборудование для двигателей военных кораблей и самолетов: завод возобновил регулярную поставку продукции лишь после того, как были изгнаны активные нацисты — механик, мастер и контролер.

Что бы ни утверждали Рековски и Вонсяцкий о причастности или непричастности своих организаций к подобным инцидентам, захваченные немецкие документы неоспоримо, вопреки всем протестам и опровержениям, свидетельствуют, что в годы войны абвер ни на один день не прекращал в США активную диверсионную работу.

Канарис и Лахузен прибегали к различным отговоркам и словесным уверткам, когда надо было скрыть эту сторону деятельности немецкой разведки. 3 июня 1941 года Лахузен в письме министерству иностранных дел признал, что примерно на протяжении года «отдел II абвера сотрудничал с ирландской организацией для осуществления диверсионных операций только в Канаде». Министерство в своем ответе перечислило ряд диверсий, проведенных абвером за тот же период только в США, что подтверждалось его же собственными донесениями в другие немецкие ведомства. МИД располагал, в частности, «неопровержимыми доказательствами», что грузовое судно в бостонском порту было взорвано в феврале 1941 года по указанию абвера. Лахузен ответил, что в данном случае произошла «вызывающая сожаление ошибка — либо Рековски не знал о готовящейся диверсии, либо не успел ее предотвратить».

В 1942 году, когда перетрусивший Кунце принялся бомбардировать Берлин посланиями о своем неизбежном аресте, абвер приказал ему перейти на нелегальное положение, а затем помог скрыться в Мексику, в подчинение тогдашнему резиденту немецкой разведки в этой стране «Натусу» (его личность установить не удалось). Когда по представлению Федерального бюро расследова-

ний мексиканцы арестовали Кунце, «Натус» поспешил информировать своих берлинских шефов, что тот «ничего не показал на допросах о своей тесной связи с абвером».

Вынужденный наконец покинуть Мексику, Рековски был переведен в Хорватию, где в награду за свои «успехи» в Америке получил дипломатический пост. Но начатые им операции, как того и требовал Берлин, не прекратились. Его преемник, гражданин Мексики немецкого происхождения Вогт, получивший прозвище «Ричард II» — весь 1942 год продолжал докладывать об успешно осуществленных диверсиях: «в порту Балтимор взорван пароход»; «в штатах Нью-Гемпшир, Вермонт и Нью-Джерси подожжены леса». В одном из своих указаний Лахузен поставил перед Ричардом II задачу всячески «мешать поставкам нефти из Мексики в США».

О том, что абвер даже в 1944 году планировал проведение диверсионных акций в США, можно судить по следующему эпизоду из практики своеобразных японо-германских отношений в годы второй мировой войны. 25 января Канарис пригласил на совещание представителя разведывательного управления японского генерального штаба в Берлине подполковника Хигати для «выяснения возможности совместных диверсионных операций на территории Соединенных Штатов». 3 февраля, после консультации с Токио, Хигати информировал преемника Лахузена в отделе II абвера полковника Фрейтаг-Ларинговена, что японцы согласны на такое сотрудничество. Хигати заявил, что подобная деятельность, невозможная два года назад, когда о ней впервые зашла речь, теперь необходима при условии, если «абвер будет засылать свою агентуру в США в соответствии с германо-японским соглашением о шпионаже».

Переговоры затянулись и продолжались еще долгое время после отстранения Канариса от руководства абвером. Японцы, готовые использовать любую возможность, чтобы нанести ущерб США, настойчиво добивались от абвера выполнения ранее заключенного соглашения. В конце концов, абвер согласился осуществить операцию, ставшую финальным актом диверсионной деятельности немцев в Соединенных Штатах.

В 11 часов вечера 29 ноября 1944 года, во время сильнейшего снежного шторма в Гребтри-Пойнт, штат Мэн, с подводной лодки высадились двое диверсантов. Это были хорошо подготовленный для выполнения шпионских

и диверсионных заданий Эрик Гимпел и бывший американский моряк Уильям Кольпоу. В абвере их снабдили крупной суммой в 60 тысяч долларов. Кольпоу добрался до дома своего приятеля в Ричмонде, штат Нью-Йорк, сообщил, что он немецкий агент, и 26 декабря был передан ФБР. По его показаниям вскоре удалось выследить и Гимпела, или Эдуарда Грина, как он значился по фальшивым документам. Его арестовали в Нью-Йорке.

Руководители диверсионных групп все еще продолжали проникать в Соединенные Штаты, хотя те, кто их посылал, уже понимали, что игра проиграна. Если абверу не удалось реализовать свои замыслы и планы в намеченном объеме, то произошло это вовсе не из-за недостатка у него средств и желания, а по причинам, от Канариса и Лахузена не зависящим.

В КАПКАНЕ У «БРОДЯГИ»

Молодой немец Вильгельм Георг Дебовски провел первую мировую войну пулеметчиком в армии кайзера, потом, гонимый «ветром странствий», скитался по свету, пока не устроился матросом на какое-то судно. В 1922 году, оказавшись в Галвестоне, он решил, что Техас — это именно то, что ему надо, и дезертировал с судна.

Превратившись в «американца», Дебовски стал называть себя Уильямом Д. Сиболдом. Некоторое время он колесил по Техасу, затем перекочевал на западное побережье Штатов, брался то за одну работу, то за другую и сумел «подняться» от мойщика посуды в дешевых забегаловках до бармена в приличных ресторанах. Жил он и хорошо, и плохо, но никогда не голодал.

Во время своих блужданий по стране Сиболд как-то ухитрился получить американское гражданство, успел жениться и развестись. Новая родина никогда не проявляла к нему особой благосклонности, но он полюбил ее. К 1938 году он кое-чего добился, работал механиком на авиационном заводе «Консолидейтед эйркрафт компани» в Сан-Диего, но не то обострившаяся болезнь желудка, не то все та же страсть к бродяжничеству заставили его уйти с завода и отправиться на восточное побережье. В Нью-Йорке ему пришлось лечь на операцию.

Из больницы Сиболд выписался с приступами новой болезни — ностальгии. Он чувствовал себя одиноким в огромном городе, вся страна вдруг показалась чужой и негостеприимной, его потянуло на свою настоящую родину, в Германию, где жили мать, два брата и сестра и где он надеялся отдохнуть от своих странствий.

В феврале 1939 года Сиболд сошел в Гамбурге с лайнера «Дойтчланд» и вскоре оказался среди родных в грязном и задымленном Мюльгейме. Заполняя после высадки в Гамбурге анкету для приезжающих, он написал, что по профессии механик, работал в США на заводе «Консолидейтед эйркрафт компани». Два чиновника подробно расспросили его, чем именно он занимался на этом предприятии, и разрешили следовать дальше.

В сентябре 1939 года началась война в Европе, но Соединенные Штаты соблюдали нейтралитет, и Сиболд не спешил с отъездом из Германии. Он уже окончательно поправился и поступил на местный завод по производству турбин. Примерно в это же время почта доставила ему письмо от доктора Отто Гасснера с приглашением приехать в Дюссельдорф для беседы о деле, занимаясь которым Сиболд будет работать на благо Германии и извлекать некоторую личную пользу. Имя доктора Гасснера носил офицер гестапо, проведавший о Сиболде из донесения тех самых чиновников, что вели с ним в Гамбурге такой долгий разговор. В донесении сообщалось, что «авиамеханик Сиболд, американский гражданин немецкого происхождения, вероятно, может представить интерес для нелегальной работы в США».

Гасснер и не пытался маскироваться. Его письмо было написано на официальном бланке гестапо, а приглашение больше напоминало вызов. Сиболд забеспокоился, но, чувствуя себя в безопасности под защитой своего американского паспорта, решил не ездить в Дюссельдорф. Вскоре от Гасснера пришло второе письмо. В нем гестаповец довольно прозрачно намекал, какие неприятности ожидают Сиболда, если он откажется сотрудничать. Сиболд ответил, что это его не интересует.

В третьем письме Гасснер не только предупреждал Сиболда, что к нему могут быть применены меры принуждения, но и приводил некоторые компрометирующие его факты, добытые в полицейских архивах Мюльгейма. Гасснер писал, что Сиболду, человеку с уголовным прошлым, осужденным в 1920—1921 годах за контрабанду и другие преступления, не следовало бы уклоняться от бе-

седы с ним. По всей вероятности, добавлял Гасснер, «герр Дебовски» не нашел нужным осведомить о своем прошлом американские власти, когда ходатайствовал о получении американского гражданства. В том же письме Гасснер ставил Сиболда перед выбором: или он согласится вернуться в Соединенные Штаты в качестве немецкого агента, или его отправят в концентрационный лагерь, а германские власти изыщут возможность ознакомить американцев с некоторыми деталями его биографии, и тогда полученное им обманным путем американское гражданство будет аннулировано. «После этого,— рассказывал впоследствии Сиболд,— мне не оставалось ничего другого как согласиться».

Убедившись из ответа Сиболда, что тот наконец «прозрел», гестапо переслало составленное на него досье в ближайшее подразделение абвера в Мюнстере. Однако местные абверовцы занимались только Францией, США их не интересовали. Все же они вызвали из Гамбурга доктора Ранкина и предложили поближе познакомиться с кандидатом в шпионы. Ранкин заявил, что он принципиальный противник вербовки агентуры с помощью угроз и шантажа, но коллеги заверили его, будто Сиболд сам изъявил желание сотрудничать с абвером. Тогда Ранкин сослался на свое непреложное правило вербовать людей только после тщательной проверки их гестапо. Гасснер сумел убедить его, что Сиболда уже проверили.

Встреча Ранкина и Сиболда проходила довольно дружески, хотя Ранкин предпочитал больше слушать, чем говорить. Подразделение абвера в Гамбурге в это время подбирало радистов для работы на подпольных рациях в США. Ранкин, которому для этой цели нужны были только американцы, нашел, что Сиболд «подходит», и предложил ему переехать в Гамбург для соответствующей подготовки.

— Сколько на это потребуется времени?— поинтересовался Сиболд.

— Месяца три-четыре. Все зависит от ваших способностей.

— Как жаль!— воскликнул Сиболд.— А я-то соби-
рался вернуться в Штаты, чтобы позаботиться о жене.
Надо подумать, как пересылать ей деньги.

Ранкин заверил его, что все устроит, но Сиболд запротестовал:

— Лучше, если я сделаю это сам через американского

консула в Кёльне. Так мы будем гарантированы от всяких подозрений.

Ранкин не возражал. Сиболд съездил в Кёльн, переговорил с консулом и вернулся в Гамбург, где его поселили в пансионе «Клопшток». Обучением будущего шпиона занялся некий Хейнрих Сорау. Под руководством своего наставника Сиболд освоил микрофотографирование документов, составление симпатических чернил, шифровку и расшифровку, но главным образом работу на коротковолновом передатчике азбукой Морзе. Учеником он оказался способным и через семь недель был готов к отправке за океан.

Накануне отъезда Сиболда Сорау показал ему список, в котором значились фамилии: Фредерик Джуберт Дюквеси, Лили Штейн, Эверетт Минстер Родер, Герман Ланг. Тут же были указаны адреса.

— Все четверо — сборщики информации, — пояснил Сорау. — Вам предстоит их обслуживать, поэтому хорошенько запомните и фамилии, и адреса.

Сиболд получил от абвера американский паспорт на имя Уильяма Д. Сойера и соответствующую легенду. Одновременно ему вручили пять уменьшенных до размера почтовых марок документов с инструкциями для «сборщиков информации» и приказали спрятать под крышку часов. На дорогу новому агенту выдали тысячу долларов, а еще 5 тысяч — так ему обещали — он получит, когда доберется до места назначения, в одном из мексиканских банков. В день отъезда Сорау навестил своего питомца для последних указаний.

— В Манхэттене вы откроете контору, — говорил он, — куда к вам будут приходить сборщики информации. Установите передатчик и по радио передавайте нам все добытые ими сведения.

За время, проведенное в «Клопштоке», Сиболд узнал кое-какие секреты абвера. Ему стало известно, например, что под именем «доктора Ранкина» скрывается майор Риттер — организатор и руководитель лучшей абверовской резидентуры в США, что «Хейнрих Сорау» — это заместитель Риттера капитан Герман Сандель, в прошлом военный летчик, проживший в Соединенных Штатах десять лет и вернувшийся в Германию в 1938 году для работы в немецкой разведке. Разумеется, Сиболд хорошо запомнил фамилии и адреса четырех наиболее важных агентов Риттера в Штатах и с нетерпением ожидал встречи с ними.

6 февраля 1940 года на пароходе «Вашингтон» Сиболд с фальшивым американским паспортом в кармане приехал в Нью-Йорк. Путешествие через бурную зимнюю Атлантику не ослабило его энтузиазма. Наоборот, он вступил в новую полосу своей жизни, полный радужных надежд.

В Нью-Йорке Сиболд сразу же с головой ушел в работу, создал фирму «Дизель рисерч компани», снял под контору помещение в центре Нью-Йорка. В доме на Лонг-Айленде он вскоре собрал коротковолновую рацию, связался с агентами Риттера, фамилии которых получил в Гамбурге, и убедился, что они не сидят сложа руки. Дюквесн собирал политическую информацию; Родер, как и раньше, работал инженером в фирме «Сперри»; Ланг занимался усовершенствованием бомбоприцела «Норден»; очаровательная Лили Штейн искала новых кандидатов для вербовки и выполняла обязанности связника.

В начале апреля 1940 года Сиболд доложил Санделю, что готов приступить к работе, как только получит соответствующий сигнал. Спустя несколько недель курьер вручил ему ответ с указаниями.

Сиболду поручалось в течение 15 дней, начиная с 15 мая, ежедневно в шесть часов вечера выходить в эфир и вызывать Гамбург с помощью позывных CQDXVW-2. «Много зависит от атмосферных условий,— писал Сандель.— Не теряйте терпения, если не сможете связаться с нами даже несколько дней».

Первое донесение Сиболд — ему присвоили в абвере кличку «Бродяга» — передал 31 мая. Оно исходило, как и следовало ожидать, от Дюквесна — старейшего и самого опытного агента этой шпионской группы. Затем последовали донесения Родера и Ланга и даже Штейн — та тоже добывала кое-что от своих информаторов.

Связь с агентурой в Америке Риттер поддерживал не только с помощью этого канала — пространные сообщения и объемистые материалы пересылались через курьеров. Рация «Бродяги» использовалась лишь для передачи срочных и коротких материалов. Правда, донесение Дюквесна от 24 июня оказалось довольно подробным, но его все же пришлось передать по радио, так как на нем стояла пометка «Крайне срочно».

Еще в начале войны англичане упрасивали Рузвельта передать им бомбоприцел «Норден», но тогда президент отклонил просьбу из-за категорических возражений военного и военно-морского министерств. Однако после

капитуляции Франции, когда нацисты стали хозяевами Европы и Великобритании оказалась в критическом положении, Рузвельт приказал обеспечить англичан этим прибором, столь важным для повышения боеспособности ВВС.

Дюквесн сразу же узнал о решении Рузвельта. Конечно, такую информацию нельзя было отправлять с курьером на пароходе, ее следовало передать немедленно.

Донесение Дюквесна ушло в эфир в 6 часов вечера 24 июня 1940 года. В нем говорилось:

«От А-3518 в Нью-Йорке через А-3549. 24.6.40. 18.00. Пароход «Пастер» везет десять комплектов чертежей бомбоприцелов «Норден» и «Сперри», переданных английской фирме «Виккерс» для производства этих приборов союзниками. Бомбоприцелы начнет производить также «Виккерс» в Детройте. Фирмы «Сперри» и «Норден» изготовят их по 1200 штук. Перед запуском в производство обеим фирмам потребуется по меньшей мере три месяца на переоснастку предприятий».

Радиограмма произвела в абвере большое впечатление, одна такая информация, по мнению его сотрудников, оправдывала все усилия, затраченные на заброску «Бродяги». Сообщение не только было важным само по себе—оно лишний раз подтверждало ценность подпольных раций для передачи экстренной информации, например о движении судов с военными грузами, позволявшей командованию подводным флотом Германии следить за их курсом и перехватывать в пути. Большое значение имели и ежедневные донесения о погоде, на основе которых метеорологи люфтваффе составляли свои прогнозы.

«Бродяга» весьма аккуратно передавал данные о метеорологической обстановке, поскольку собирал их сам и не зависел от агентов—поставщиков информации. Ежедневно в 7 часов утра заканчивалось составление сводки, а в 8.25 она уходила в эфир. Сведения о движении судов передавались каждый вечер во время второго радиосеанса. Они всегда выглядели очень точными. Типичным в этом смысле являлось донесение «Бродяги» от 9 сентября 1940 года:

«По данным Фесе, бельгийский пароход «Виль д'Аблон» вышел груженный медью, деталями машин, моторами, лошадьми. «Виль д'Хасселт» загружен главным образом самолетами. Оба парохода следуют в Ливерпуль. Английский пароход «Британик» с авиационными моторами и 12 тяжелыми бомбардировщиками на

борту отплывает во вторник. На верхние палубы «Иль де Франс» и голландского торгового парохода «Делф Тдик» грузят 15 истребителей в ящиках».

Фесе был ценным агентом другой резидентуры абвера, руководимой бременским подразделением. Донесение Фесе от 9 сентября «Бродяга» передал по специальному разрешению Риттера. В отличие от рации «Джонни» в Великобритании, работавшей с переборами, рация «Бродяги» действовала настолько безукоризненно, что руководители других абверовских подразделений стали осаждать Риттера просьбами разрешить их агентуре в США передавать срочные донесения в Германию, как и запросы этой агентуре из абвера, через «Бродягу».

Принятые им запросы и задания носили разнообразный характер, например: сколько авиамоторов выпускает завод фирмы «Дженерал моторс» в Индианополисе; правда ли, что авианосец «Саратога» доставляет самолеты в Галифакс, откуда они перебрасываются в Англию; каковы технические данные самолетов «Локхид П-38» и «Белл П-39», сколько их выпускается и сколько отправляется в Англию; каковы производственные возможности авиационных заводов «Фэйрчайльд», «Груман» и «Републик» на Лонг-Айленде и т. п.

Большая часть передач «Бродяги» касалась движения судов. Такую же информацию поставляли и новые агенты абвера, действовавшие в прибрежных районах,— механик Альфред Брокгоф, работавший в различных портах, металлист Пауль Банте, занятый ремонтом судов в нью-йоркском порту, конторский клерк транспортной фирмы Рудольф Эберлинг. Вряд ли оставался незамеченным хоть один корабль, направлявшийся через пролив Те-Нарроус в Нью-Йорк или из Нью-Йорка. Время от времени передавались данные о ходе работ по переоснащению лайнера «Нормандия» в военно-транспортное судно.

Однако наиболее ценной и своевременной по-прежнему оставалась информация Дюквесна. Касалось ли это поставки очередной партии вооружения Великобритании или каких-то новых акций высшего английского военного командования, или решения строить новые эсминцы для военно-морского флота — он всегда был первым и часто единственным агентом, сумевшим раздобыть такие сведения. 1 февраля 1941 года он доложил через «Бродягу»:

«На линкоре «Король Георг V» сюда прибыл Черчилль. На борту линкора его посетили Рузвельт и Нокс».

Эта информация была характерной для Дюквесна: отчасти — правда, отчасти — ложь. Линкор «Король Георг V», только что вошедший в строй, действительно прибыл 24 января в Соединенные Штаты, но не с Черчиллем, а с новым британским послом Галифаксом, которого на борту корабля действительно посетили Рузвельт и военно-морской министр Нокс. Дюквесн нафантазировал относительно приезда Черчилля, но ухитрился точно установить и прибытие в США нового английского линкора, и посещение корабля Рузвельтом и Ноксом, хотя этот факт держался в секрете и всякое упоминание о нем было строжайше запрещено.

В центральном аппарате абвера не знали, да и не интересовались, был или не был Черчилль на борту «Геогра V». Но абверовцев потрясла столь широкая осведомленность Дюквесна обо всем, что происходило в Соединенных Штатах, и оперативность, с какой его информация поступала в Германию благодаря превосходной работе «Бродяги».

В Соединенных Штатах к этому времени действовало много агентов абвера. Различные шпионские организации и агентурные группы снабжали Берлин секретными сведениями практически о всех военных базах, военно-морских верфях, наиболее важных промышленных объектах и о деятельности правительственного аппарата на высшем уровне. Канарис теперь нуждался в главном резиденте — опытном профессионале, который координировал бы работу действующих агентов и приобретал новых. Выбор пал на майора Ульриха фон дер Остена, руководившего из Европы работой Курта Людвига и его агентурной группы в США.

Профессиональный разведчик, Остен подвизался в абвере около двадцати лет. В 1935 году его направили в Испанию для помощи генералу Санхурхо, а потом генералу Франко в подготовке свержения республиканского правительства. Именно Остен руководил организацией мятежа в Бургосе, вспыхнувшего в июле 1936 года и ознаменовавшего начало гражданской войны в Испании. Бургос стал первым важным испанским городом, оказавшимся в руках мятежников.

В Бургосе Остен жил в одном из древних монастырей и действовал под именем коммерсанта Хулио Лопеса Лидо. После окончания гражданской войны Остен остался в этом городе и руководил работой местного подразделения абвера, занимаясь главным образом разведкой

против США. В Северной Америке проживали его родственники: родной брат — в Денвере, штат Колорадо; двоюродный — в Нью-Йорке. И того и другого он иногда использовал для выполнения отдельных разведывательных заданий.

Многоопытный шпион, Остен развернул активную подрывную работу против Соединенных Штатов: вербовал среди испанцев и португальцев агентов как для сбора секретных сведений, так и для выполнения обязанностей курьеров; инструктировал агентов и групповиков, вроде Гаусбергера и Людвига, когда они делали краткие остановки в Испании на пути в Нью-Йорк; встречался с курьерами и разъездными агентами только на испанской территории, чтобы не скомпрометировать их поездками в Германию. Действовал он совершенно независимо от «кригсорганизационен», функционировавшего в нейтральной Испании.

Остен отправился в Соединенные Штаты через Шанхай. Он ехал со своим фальшивым паспортом на имя Хулио Лопеса Лидо, и хотя в Испании не было секретом, что под этой фамилией скрывается не кто иной, как Остен, государственный департамент и министерство юстиции США пребывали, видимо, в блаженном неведении, поскольку он совершенно беспрепятственно получил въездную американскую визу. 16 марта 1941 года Остен приехал в Нью-Йорк и под фамилией Лидо остановился в отеле «Тафт». В Америке его ожидала широко разветвленная агентурная сеть абвера, срочно нуждавшаяся в руководителе.

Впрочем, осмотревшись на месте, главный резидент пришел к выводу, что почва здесь хорошо подготовлена для дальнейшего расширения активно работавшей группы Людвига и превращения ее в базу для всех операций немецкой разведки в США. Однако хотя у абверовца не зародилось никаких подозрений, а Людвиг гарантировал, что ФБР абсолютно ничего не знает о нем, миссия Остена в Штатах началась (если вообще начиналась) самым неудачным образом.

На корреспонденцию Людвига уже обратили внимание английские цензоры на Бермудских островах. Еще за два месяца до появления Остена в Соединенных Штатах сотрудниц цензуры заинтересовало напечатанное на машинке длинное послание из Нью-Йорка за подписью какого-то «Джо К.», адресованное «Лотару Фредерику» в Берлине и содержавшее перечень союзнических судов

в нью-йоркском порту с датами их прихода и отплытия и упоминанием о «кое-каком» вооружении на них. Оно было написано по-английски, но употребление некоторых слов и другие особенности изложения давали основание предположить, что отправитель письма не американец и не англичанин, а немец и к тому же шпион.

Представитель английской контрразведки в цензуре переслал подозрительное письмо руководителю английской службы безопасности в западном полушарии Стефенсону, и тот дал указание проследить за прохождением всей другой корреспонденции неведомого «Джо К.». Уже вскоре работники почты обнаружили несколько новых писем за той же подписью, направленных на различные адреса в Испании, Португалии и Швейцарии. Лаборатория, проверявшая письма, не нашла в них никаких записей, сделанных симпатическими чернилами. Во всяком случае, отправитель не пользовался рецептами тех невидимых чернил, которые англичане могли бы проявить. Тогда решили проверить, не применяет ли этот «Джо К.» какой-нибудь старый рецепт, сохранившийся еще со времен первой мировой войны, например раствор пирамидона, для проявления которого употребляли обычный йод. Предположение оказалось правильным: после обработки йодом очередного письма «Джо К.» оказалось, что оно содержит самые свежие данные о работе авиационной промышленности США и о движении судов.

В январе 1941 года Стефенсон передал перехваченную корреспонденцию в ФБР. Пока шел розыск отправителя, положение стало еще более серьезным. Последующая корреспонденция «Джо К.» показывала, что он значительно расширил свою деятельность. Одно из отправленных им писем — на этот раз за подписью «Конрад» — представляло собой донесение опытного военного наблюдателя. Теперь уже переписка с неизвестными адресатами велась двумя агентами, причем один из них был, несомненно, хорошо подготовленным шпионом-профессионалом, по всей вероятности офицером.

Довольно длительное время поиски отправителей ни к чему не приводили, пока в марте не произошло событие, приблизившее конец этой истории. В очередной корреспонденции «Джо», написанной, как обычно, скверным английским языком, содержалась следующая новость:

«На этой неделе случилось нечто ужасное. Известный вам Фил стал жертвой уличного происшествия. Однажды после проведенного вместе вечера мы вышли из

отеля, и Фил, переходя Бродвей, остановился, чтобы пропустить транспорт. Мгновение спустя на него налетело такси, а когда он уже лежал на мостовой, его переехала другая машина. Полиция задержала обоих водителей, а Фил на следующий день умер в больнице. Поскольку самому мне нельзя было что-либо предпринимать, я через одного приятеля поставил в известность о случившемся консульство Фила.

Вы, конечно, понимаете, почему я не стал связываться с полицией и не сообщил ей свою фамилию... Сегодня заходил в консульство, где мне обещали поддержку, особенно в связи с предстоящими похоронами и оплатой его счетов».

На обратной стороне письма симпатическими чернилами была сделана приписка:

«Инцидент произошел 18 марта около 20.45. Фил умер во вторник, 19 марта 1941 года, в 16.30 в больнице Сент-Винсента. Упомянувшееся консульство — испанское».

Для абвера это действительно был удар, ибо под именем Фила выступал не кто иной, как Ульрих фон дер Остен. Спустя всего два дня после вступления на новый пост он оказался в морге одной из нью-йоркских больниц, и это означало начало конца не только операции «Людвиг», но и всей монополии абвера на шпионаж в США.

...Остен провел все утро в отеле «Тафт» за составлением длинного письма на имя «мистера Смита» в Китае, намереваясь переслать его через Мануэля Алонзо в Мадриде. К письму с подробным описанием гавайского острова Оаху он собирался приложить несколько составленных им карт Пирл-Харбора. Всю эту информацию Остен собрал во время остановки в Гонолулу на пути в Соединенные Штаты и изложил ее в письменном виде, поскольку, по его мнению, она представляла «определенный интерес для наших желтых союзников». Псевдоним «мистер Смит» носил резидент абвера в Шанхае Л. Сайфкен.

Людвиг зашел к Остену во второй половине дня. После длительной беседы о работе Людвиг и обсуждения планов на будущее они в половине девятого вечера вышли из отеля, чтобы поужинать в одном из китайских ресторанов на Таймс-сквер, а через 15 минут Остен уже лежал на мостовой, сбитый одной из проносившихся по Бродвею машин.

Через некоторое время Людвиг позвонил в отель, со-

обшил, что с мистером Хулио Лидо случилось большое несчастье, и сказал, что зайдет за его вещами. Когда администратор попросил Людвига назвать себя, немец испугался и повесил трубку.

Странный звонок и столь неожиданное окончание разговора вызвали у администратора подозрение. Он обратился в полицию, а та связалась с Федеральным бюро расследований, куда вскоре были доставлены для досмотра вещи мистера Лидо. Внимание сотрудников ФБР привлекли несколько писем из Германии, предназначенных для пересылки в Денвер Вильгельму фон дер Остену. Теперь уже не составило особого труда установить подлинное лицо Хулио Лопеса Лидо: Вильгельм Остен не стал скрывать, что погибший — его брат Ульрих Остен, офицер германской военной разведки.

Но ключом ко всей тайне по-прежнему оставался загадочный «Джо», поэтому поиски его начались с удвоенной энергией. Среди бумаг Остена работники ФБР обнаружили номер телефона небольшого магазинчика, принадлежавшего Дэвиду и Лони Гаррис. Допрос этой пожилой четы многое прояснил, и через два дня после происшествия на Бродвее директор ФБР Гувер информировал Стефенсона, что под кличкой «Джо» скрывается некий Фред Людвиг. Однако даже заполучив такие сведения, ФБР не сразу напало на его след.

Гибель Остена поначалу не повлекла за собой никаких неприятных последствий для шпиона. Он даже сообщил Центру, что Федеральное бюро расследований, очевидно, не вышло на него, несмотря на улики, которые сотрудники ФБР могли найти в вещах Остена. Берлин, озабоченный безопасностью бесценного «Бродяги», 29 марта предложил Людвигу «соблюдать величайшую осторожность при своих контактах с «Бродягой», избегать всего, что могло бы поставить под угрозу безопасность обоих».

Скандал разразился внезапно. Утром 30 июня 1941 года фон Грот, советник министерства иностранных дел Германии и чиновник связи между министерством и ведомством Канариса, позвонил подполковнику Шольцу из центрального аппарата абвера. Перед фон Гротом лежала пачка перехваченных сообщений американских телеграфных агентств и донесений корреспондентов немецкого телеграфного агентства, в которых говорилось, что в Нью-Йорке по обвинению в шпионаже в пользу «иностранного государства» арестовано 29 немцев. Советник

спросил у Шольца, известно ли тому и что именно об одновременном провале такого количества абверовских агентов. Подполковник уклонился от ответа и посоветовал Гроту обратиться к майору Бреде или капитану Бушу. Начальник отделения авиаразведки абвера Бреде, в ведении которого находилось большинство немецких шпионов в Америке, тоже не мог ничего сказать о судьбе, постигшей некоторых его лучших агентов, и попросил Грота попытаться получить какую-нибудь информацию у германского посольства в Вашингтоне.

Грот в течение 30 июня, 1 и 2 июля неоднократно звонил Бреде и сообщал ему отдельные подробности из поступавших в МИД сообщений телеграфных агентств. Вначале все было очень неясно. Лишь в одной из радиопередач на немецком языке из Бостона упоминалось, что разоблачена «крупнейшая в истории США шпионская сеть».

Постепенно обстановка начала проясняться. 30 июня агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило об аресте Германа Ланга и Эверетта Родера, а час спустя — о задержании Дюквесна. В информации другого агентства говорилось уже об аресте 32 агентов, в том числе стюардов американских лайнеров Долда, Валишевски и Клаузинга.

Отвечая на вопрос Бреде, Грот вынужден был признать, что посольство в Вашингтоне, возглавлявшееся Томсеном, почему-то отмалчивается, как, собственно, и все другие германские представительства в Соединенных Штатах. Между тем не так уж трудно было догадаться о причине странного молчания немецких дипломатов: они находились в состоянии шока.

4 июля Томсену направили срочную телеграмму с предложением немедленно доложить обстановку. Только тогда наконец временный поверенный в делах прислал следующее сообщение:

«1. Аресты подтверждаются.

2. Семеро из арестованных уже сознались в шпионаже в пользу Германии.

3. Среди других арестован Аксель Уиллер-Хилл, работавший на подпольной радиостанции для военного «хозяина», о чем ФБР знало с самого начала.

4. Арестованным инкриминируется нарушение законов о шпионаже, выразившееся в передаче информации о работе американской военной промышленности, движении судов, поставках в Англию; они обвиняются также в подготовке диверсий.

5. До нынешних арестов ФБР примерно два года вело наблюдение за всеми, кто сейчас арестован.

6. Посольство, консульства, военные атташе не скомпрометированы...

Более подробно — по мере возможности».

Тон телеграммы выдавал раздражение Томсена, а между строк читалась укоризна в адрес министерства иностранных дел, которое не вняло его неоднократным предупреждениям, что бесчинства «этих неудачников» к добру не приведут.

К тому моменту, когда в Берлине получили донесение Томсена, на страницах газет всего мира уже рассказывалась невероятная история провала немецких шпионов в Америке, а в абвере царил паника. В течение десятилетий немцы действовали в Соединенных Штатах, полностью игнорируя американские органы безопасности. Все новые и новые агенты приезжали в США и, начиная свою шпионскую работу, не считались ни с какими правилами конспирации. Агенты одной группы знали агентов всех остальных групп. Крупнейшая из когда-либо существовавших в той или иной стране шпионская организация больше напоминала какое-то общество или землячество, члены которого время от времени встречались на дружеских пикниках, пьянствовали, обменивались информацией и бахвалились друг перед другом своими успехами.

Один из шпионов систематически наблюдал за движением судов через пролив Те-Нарроус с парома, перевозившего пассажиров на остров Статен, и, в конце концов, так сдружился с работавшим здесь чистильщиком обуви, что откровенно рассказал ему, зачем он так часто тут бывает, и с ходу пытался его завербовать. Другой шпион, обнаглев от безнаказанности, написал оскорбительное письмо американскому генералу, обронившему какое-то критическое замечание по адресу нацистов, причем подписался настоящей фамилией и даже сообщил свой настоящий адрес.

После произведенных арестов организация развалилась. Оказавшиеся за решеткой шпионы и диверсанты принадлежали к пяти различным резидентурам, использовавшим для связи с Германией две подпольные радиостанции. Одну из них — Уиллера-Хилла — ликвидировало ФБР, судьба второй оставалась неизвестной.

Канарис, просмотрев список арестованных, составленный Пикенброком, спросил:

— Что произошло с «Бродягой»?

— Это одна из загадок, которую мы пытаемся разгадать, — ответил Пикенброк. — Его фамилия нигде не фи-

гурирует, так что, возможно, он еще на свободе. Единственное отрадное обстоятельство во всей этой проклятой истории.

До 7 июля в абвере, затаив дыхание, ждали хоть какой-нибудь весточки о Сиболде или — уж куда бы лучше! — от него самого: бывали в разведке такие случаи. Так ничего и не получив, начальник радиоцентра абвера в Волдорфе Траутман попытался связаться с радистом «Гленном» в Мехико, из-за отдаленности передававшим свои сообщения в Германию через «Бродягу». Но и «Гленн» молчал. Тогда Траутман запросил его связника в Мехико — агента Р-3757.

Р-3757 (мексиканский гражданин немецкого происхождения Фернандес) ответил быстро, однако его ответ не содержал ничего утешительного. Он телеграфировал:

«„Гленн“ еще не арестован, но находится под наблюдением. Он рекомендует вам предупредить «Бродягу», что в эфире за ним ведут наблюдение 20 радиопеленгаторов в США и 3 — в Мексике. «Гленн» уничтожает свои бумаги и готов к демонтажу рации. Выход в эфир временно невозможен. Как только обстановка улучшится, он надеется возобновить работу через мобильный радиопередатчик».

Получив это сообщение, Траутман немедленно телеграфировал непосредственно «Бродяге»:

«В интересах вашей безопасности впредь до получения новых указаний прекратите связь с Гамбургом».

Ответа не последовало. Рация «Бродяги» молчала.

В течение двух последующих месяцев об Уильяме Сиболде не было ни слуху ни духу, и все попытки найти его через связников и через посольство оставались безуспешными.

К сентябрю американское правительство располагало всеми материалами, необходимыми для организации судебного процесса. Многие арестованные признали свою вину и так разоткровенничались на допросах, что власти получили достаточно доказательств для осуждения и тех подсудимых, кто, вроде Дюквесна и Ланга, упорно отрицал предъявленные обвинения.

3 сентября 1941 года в федеральном суде в Бруклине начался суд над 19 арестованными агентами. Уже на следующий день Томсен телеграфировал в Берлин, что «американская пресса подает судебные отчеты под сенсационными и крайне нелестными для Германии заголовками».

Начало процесса случайно совпало еще с одним событием: ФБР наконец-то вышло на след Людвига, когда он пытался добраться до Тихоокеанского побережья, чтобы сесть на один из японских пароходов. Его задержали около Сиэтла. Одновременно были арестованы еще пять агентов из его группы.

Сам процесс начался с сенсации. Государственный обвинитель во вступительной речи заявил, что «наиболее тщательно охраняемый секрет противовоздушной обороны Соединенных Штатов — секрет бомбоприцела «Норден» — с 1938 года известен германскому правительству», и указал пальцем на Ланга, давая понять, что именно он тот человек, который похитил его.

О Сиболде ничего не было слышно до 8 сентября. Лишь в этот день Томсен доложил о нем следующей весьма срочной телеграммой:

«По агентурным данным, аресты произведены в результате сотрудничества инженера по фамилии Сиболд, якобы агента американской разведки, с Федеральным бюро расследований».

На следующий день в суде появился и сам Сиболд. Прокурор торжественно представил его членам жюри как главного свидетеля обвинения и посвятил ему маленькую речь.

«В течение 16 месяцев, — говорил он, — ФБР поддерживало постоянную связь с нацистской разведкой в Гамбурге и по коротковолновой радиации на Лонг-Айленде передавало в Германию несущественную информацию об американской оборонительной программе, получая взамен точные сведения о немецких агентах в США. Эта радиация была установлена по указанию германской разведки для передачи секретных данных, относящихся к оборонным мероприятиям Соединенных Штатов, и для руководства шпионами на территории нашей страны. Этот замысел обернулся против самих немцев благодаря тому, что Сиболд, приехав из Германии в начале 1940 года, немедленно посвятил в него Федеральное бюро расследований».

9 и 10 сентября Сиболд выступил с подробными показаниями о деятельности германской агентуры в США и ее руководителей в Гамбурге — доктора Ранкина и Хейнриха Сорау.

Канарис, осаждаемый запросами из министерства иностранных дел, СД и даже из ставки Гитлера, после долгого увиливания, убедившись, что отмалчиваться

дальше невозможно, 11 октября 1941 года прислал в МИД длинный меморандум, в котором признавал, что из 45 арестованных 12 были агентами абвера, а остальные, хотя они, возможно, и собирали для них информацию, в регистратуре абвера не значатся.

История же Сиболда превратилась под пером Канариса в ловко сфальсифицированную версию. Он, в частности, писал:

«Вскоре после начала работы Сиболда в США возникло подозрение, что присылаемая им информация не заслуживает полного доверия, хотя некоторые его донесения получили высокую оценку штаба ВВС и не оспаривались командованием ВМФ. Вместе с тем его информация, например, о намеченных мерах повышения боеспособности военно-воздушных сил США была признана никчемной, а другие сообщения — не заслуживающими внимания ни одного из наших ведомств.

Возникшее в абвере недоверие как к самому Сиболду, так и к его материалам усилилось, когда он попытался получить у нас код, используемый подпольной рацией «Макс», передачи которой он должен был только ретранслировать. Несмотря на настойчивые требования, код он так и не получил. Вскоре Сиболд искажил шифровку с указаниями, которые должен был передать «Гленну», и это лишь усилило наши подозрения.

...Другие резидентуры неоднократно обращались к нам с просьбой связать с Сиболдом своих агентов, действующих в Соединенных Штатах, но абвер категорически отказался, чтобы не подвергать их опасности провала.

Начиная с этого времени мы стали посылать Сиболду дезинформацию с расчетом, что она попадет к противнику и введет его в заблуждение относительно истинных масштабов и направления нашей работы в США».

Канарис категорически утверждал, будто Сиболд знал связанных с ним абверовцев только под их псевдонимами и, следовательно, ему не было известно, что доктор Ранкин — это в действительности майор Риттер.

Свой пространный меморандум Канарис закончил жалобой на то, что агенты абвера никогда не получали поддержки и защиты от посольства и консульств Германии в США, в то время как американская агентура всегда может опереться на американских представителей за границей.

Сочинение Канариса, содержавшее, казалось, правдивое освещение и откровенную оценку событий, нашло благоприятный отклик в министерстве иностранных дел и других ведомствах, а его объяснения и оправдания со-

шли за чистую монету. Вопрос был исчерпан, Канарис снова выпутался.

Меморандум главного нацистского шпиона интересен не тем, что он в нем признает, а тем, что обходит молчанием. Не говоря уж о таких «пустяковых» неточностях, как утверждение, что Сиболд не знал настоящих фамилий Ранкина и Сорау и что абвер с самого начала подозревал в нем агента-двойника, вообще все в этом документе сплошная ложь.

Какова же подлинная история «Бродяги», если отбросить басни Канариса? Осенью 1939 года, завербовав Сиболда и разрешив ему посетить американское консульство в Кёльне, Риттер поверил, что этот визит действительно необходим новому агенту, чтобы обеспечить жену денежными средствами на то время, пока его будут готовить в Гамбурге для работы на рации. Видимо, никому и в голову не пришло проверить, хотя бы не слишком тщательно, кандидата в шпионы — тогда бы, возможно, выяснилось, что никакой жены в Америке у него нет.

В Кёльне Сиболд пожаловался вице-консулу Д. Мэхеру, что работники абвера принуждают его стать радистом немецкой разведки в США, и спросил, как ему поступить. Мэхер быстро разобрался в Сиболде, не сомневался в его искренности и, не запрашивая Вашингтон из опасения, что немцы читают шифровки консульства, посоветовал ему принять для вида предложение абвера. Они договорились, что Сиболд, закончив подготовку в Гамбурге, поедет в США, где специальные чиновники государственного департамента передадут его на связь в ФБР.

«Бродяга» вернулся в Гамбург, а Мэхер отправился в Лиссабон и оттуда информировал госдепартамент о предстоящем приезде Сиболда. 6 февраля 1940 года Сиболд прибыл в США по фальшивому паспорту на имя Уильяма Д. Сойера. В государственном департаменте и ФБР его в целях конспирации стали называть С. Т. Дженкинсом.

Я не знаю и не могу объяснить, как Сиболд, простой и малограмотный человек, ухитрялся помнить все свои фамилии и выполнять сложные задания настолько успешно, что обе разведки оставались довольны. Он пользовался неограниченным доверием немцев, которых предавал, и заслужил благодарность американцев, которым служил верой и правдой.

С помощью скрытых кинокамер и микрофонов, уста-

новленных в конторе Сиболда на Сорок второй улице в Нью-Йорке, агенты ФБР снимали всех его посетителей и записывали все разговоры. За свою рацию на Лонг-Айленде он ни разу не сядил, на ней работали сотрудники Федерального бюро расследований, научившиеся в совершенстве имитировать радиопочерк Сиболда.

Довольные четкой работой «Бродяги», немецкие разведчики совершили вторую непоправимую ошибку. Вопреки утверждениям Канариса, они прикрепили к его рации целую группу агентов различных резидентур. Получилось так, что к июню 1941 года, через 17 месяцев после возвращения Сиболда в США, его рация обслуживала не только всю резидентуру гамбургского подразделения абвера, но и таких агентов и групповиков, как Людвиг и Рюпер. Именно это позволило ФБР арестовать сразу большую группу нацистских шпионов.

Сиболд был не единственной козырной картой Федерального бюро расследований. Еще одному американцу немецкого происхождения удалось проникнуть по заданию ФБР в исключительно опасную агентурную группу абвера, действовавшую в Нью-Джерси под руководством Карла Рюпера. Вот что писал 21 сентября 1941 года до смерти перепуганный Томсен:

«С американской разведкой сотрудничал не только Сиболд, но и другой агент абвера, некий Вальтер Нипкен. Уроженец Мюльгейма в Германии, американский гражданин с 1936 года, Нипкен работает токарем на авиазаводе в Нью-Джерси, выпускающем детали самолетов. 21 декабря 1940 года он познакомился с Карлом Рюпером, который 4 января 1941 года попросил у него наброски и чертежи авиационных приборов для отправки в Германию.

Рюпер рассказал Нипкену, что после шести лет службы в германской армии он прошел специальную подготовку для шпионажа в США и приехал в Штаты через четыре месяца после начала войны в Европе с заданием добывать секретную информацию, провоцировать недовольство и беспорядки на военных заводах. Рюпер вручил Нипкену несколько чертежей и объяснил, что это образцы материалов, которые тот должен добывать. 5 января Нипкен передал их в ФБР и был завербован, как и Сиболд, в качестве агента контрразведки. 11 января Нипкен принес Рюперу чертежи нескольких устаревших помп. Рюпер сообщил ему, что эти чертежи будут немедленно сфотографированы и на следующем пароходе с курьером пересланы в Германию».

По информации, полученной от Нипкена, ФБР не только арестовало Рюпера и всю его группу, но и обнару-

жило еще одну подпольную рацию, на которой только что начал работать немецкий шпион-радист Аксель Уиллер-Хилл.

В июне 1941 года, почти одновременно с провалом операции «Бродяга», в США по распоряжению Рузвельта были закрыты все германские консульства, а всему их персоналу предложено выехать в Германию. В соответствующей ноте решение американского правительства дипломатично мотивировалось тем, что они «занимались деятельностью, совершенно не входящей в их официальные функции». Но это не означало конца немецкого шпионажа в Соединенных Штатах. Нетронутой осталась шпионская организация, руководимая Томсом, значение которой тем более возрастало, а также агентура бременского подразделения абвера.

БУМАГИ ПЭЛЛА

Во время второй мировой войны существовало мнение, что из всех дипломатических учреждений воюющих стран наиболее недоступны для шпионов противника посольства и миссии. В действительности вряд ли где-нибудь на всем земном шаре нашлись бы такое американское и английское посольство или миссия, в которые не проник хотя бы один немецкий агент. Это верно и для экзотического Афганистана, и для далекого Лоренсу-Маркиша. К тому же так называемая «черная палата» Геринга систематически подслушивала телефонные разговоры дипломатов, устанавливала микрофоны в посольствах, с помощью завербованных дипкурьеров перлюстрировала дипломатическую почту во время ее доставки и т. д. Телеграммы, которыми обменивались союзники, записывались и расшифровывались преимущественно кодошифровальным бюро «Б-Динст» главного командования военно-морского флота Германии. Оно почти на протяжении всей войны раскрывало любые американские дипломатические и некоторые военно-морские коды и шифры.

В Лиссабоне на связи у сотрудника резидентуры абвера Доблера (он же Дуарте) находился один из анг-

лийских дипкурьеров. Совершая свою обычную служебную поездку, он во время остановки в Лиссабоне передавал дипломатическую почту Доблеру, тот вскрывал ее и фотографировал материалы на микроплёнку.

Весьма деятельным немецким агентом была техническая секретарша американского консульства в Антверпене бельгийка Дженни Лэмер. Интересная и трудолюбивая молодая женщина, она с одинаковым старанием выполняла и служебные обязанности, и шпионские задания. Из-за нехватки технических служащих-американцев Лэмер имела доступ к секретным документам и регулярно передавала их немцам в дополнение к тому, что ей удавалось подслушать. Но особое расположение абвера Лэмер завоевала тем, что воровала в консульстве чистые бланки американских паспортов. Завербовавший ее и руководивший ею Риттер однажды даже разослал различным подразделениям абвера письмо с предложением поделить добытыми шпионкой паспортами. Так продолжалось до весны 1940 года, когда нацисты оккупировали Бельгию, а американское консульство закрылось.

Во время войны, после того как британское посольство в Италии прекратило свою работу, исключительное значение приобрела для англичан их дипломатическая миссия в Ватикане во главе с посланником Осборном, взявшая на себя роль наблюдательного поста. Камердинер Осборна был агентом итальянской разведки под кличкой «Ливио». По договору, заключенному еще в 1936 году между Канарисом и начальником итальянской разведки генералом Роаттой, абвер получал добытую «Ливио» информацию, пока его не провалил английский агент, внедренный в итальянскую разведывательную службу.

История шпионажа знает много примеров, когда наиболее удачливыми оказывались не шпионы-профессионалы, а шпионы-дилетанты. Дилетанткой была и молодая женщина (назовем ее Илонкой Сабо) — смазливая венгерка, горничная отеля «Ритц» в Будапеште.

Все началось в феврале 1941 года, когда в Будапешт приехал новый посланник США в Венгрии Герберт Пэлл. Он принадлежал к небольшой группе непрофессиональных дипломатов, выходцев из состоятельных или «хороших» американских семей. Эти представители «элиты» легко и быстро получали высшие дипломатические посты, до которых профессионалы поднимались трудно и медленно и потому относились к любителям от диплома-

тии с изрядной дозой неприязни. Рузвельт же при назначениях на важные дипломатические посты за границей отдавал предпочтение именно «любителям», считая, что они будут присылать ему более объективные и правдивые донесения, чем осторожные и зачастую консервативные профессиональные дипломаты.

В 1936 году Пэлл был вице-председателем национального комитета демократической партии по проведению избирательной кампании президента. В 1937 году, через год после переизбрания, Рузвельт назначил Пэлла посланником в Португалии, но не в качестве обычной в подобных случаях награды за содействие его переизбранию, а потому, что Лиссабон позволял, так сказать, с близкого расстояния наблюдать за событиями в Европе. Рузвельт надеялся получать от Пэлла нужную информацию о немцах и итальянцах, помогающих мятежникам Франко в Испании. Так Герберт Пэлл стал «посланцем президента», одной из таких «звезд» персональной дипломатии Рузвельта, как Буллит в Париже, Биддл в Варшаве и Дэвис в Брюсселе.

Выражая признательность за свое назначение, Пэлл слал президенту одно донесение за другим, рисуя картину ускоряющегося марша нацизма. В письмах Рузвельту он откровенно и подробно излагал свои соображения, сомнения и предчувствия, чего не мог бы сделать в донесениях государственному секретарю Хэллу. Рузвельт понимал и ценил Пэлла и в своем письме от 30 октября 1940 года, адресованном «дорогому Берти», писал:

«Вы, вероятно, и не представляете, как это важно для меня, что вы сейчас в Лиссабоне... Я уверен, что вы считаете своим долгом и дальше оставаться на этом посту, так как в сложившейся обстановке он представляет для нас лучшую наблюдательную вышку в Европе».

В 1941 году Рузвельт перевел Пэлла в Будапешт, откуда тот мог наблюдать за интригами Гитлера на Балканах. Пэлл понимал, что его пребывание в Будапеште будет кратковременным, и поэтому не стал арендовать помещение для своей резиденции, а снял апартаменты в знаменитом отеле «Ритц». Его обслуживал технический персонал гостиницы, а жена наняла личную горничную, Илонку Сабо, в обязанности которой входило также убирать комнаты и обслуживать гостей посланника.

Уже после недолгого пребывания в Будапеште у Пэлла оказалось больше друзей, чем у некоторых диплома-

тов, проживших там несколько лет. В своих воспоминаниях об этом периоде Пэлл писал:

«Наши комнаты в «Ритце» всегда были полны цветов от венгров, ненавидевших нацистов. У нас постоянно бывали самые разные гости — эрцгерцоги, мелкие бизнесмены, члены парламента, министры...»

Симпатичная, живая, веселая Илонка Сабо оказалась прекрасной горничной, услужливой, но не раболепствующей. Она быстро завоевала расположение не только четы Пэллов, но и всех сотрудников миссии. Однако молодая женщина вовсе не была простушкой. Очень скоро она обнаружила, что Пэлл держит в своем кабинете различные дела, и, оставаясь одна во время уборки, не могла удержаться от соблазна заглянуть в них. В делах хранились копии многочисленных писем Пэлла Рузвельту и подлинники ответов президента. Даже не слишком разбираясь в международных событиях, она сообразила, что наткнулась на «золотую жилу». Теперь ей оставалось только найти человека, который заинтересовался бы документами.

Пока Сабо раздумывала, как поступить дальше, выход из положения ей неожиданно подсказал сам Пэлл. В начале октября, предугадывая неизбежный разрыв венгеро-американских отношений, он приступил к просмотру своей обширной переписки и уничтожению документов, которые не считал нужным сохранить. В подобных условиях дипломаты обычно сжигают свои бумаги, но в комнатах у Пэлла не было камина. Он просто рвал документы, а обрывки бросал в корзину.

На следующее утро, во время очередной уборки, Сабо обнаружила корзину, наполненную клочьями разорванных бумаг, но не вынесла их вместе с другим мусором, а спрятала в своей комнате. И нужно же было случиться такому, что именно в это самое время Сабо подвернулся подходящий «клиент»!

Многолюдные рауты популярного в городе американского посланника привлекли внимание Вильгельма Гэттла — особоуполномоченного Шелленберга в будапештской резидентуре СД. Он послал в Берлин соответствующее донесение, и Шелленберг убедил Гейдриха потребовать от министерства иностранных дел Германии предпринять необходимые шаги, чтобы охладить восторженное отношение венгров «к этим американцам».

Риббентроп поручил германскому посланнику в Буда-

пеште Ягову «довести вопрос до сведения МИД Венгрии». С точки зрения дипломатического протокола подобная жалоба была необычной, но эсэсовец Ягов все же не постеснялся направить в МИД с этим бестактным протестом одного из младших дипломатов своей миссии. Принимавший немца чиновник вежливо отмахнулся от жалобы немцев. Министерство сожалеет, не без ехидства заявил он, что венгры охотнее посещают американскую миссию, нежели германскую, но Венгрия поддерживает нормальные дипломатические отношения с США, и американский посланник аккредитован здесь на законных основаниях. Он добавил, что может лишь посоветовать своим коллегам по министерству не слишком часто пользоваться гостеприимством Пэллов.

Недовольный таким исходом дела, Гейдрих приказал Гэттлу вплотную заняться Пэллом. С этого времени американского посланника постоянно сопровождали филеры СД, а Гэттл, кроме того, завербовал Сабо и официантов из ресторана отеля, поручив им следить за гостями посланника и подслушивать их разговоры. На первой же беседе хитрая Илонка преподнесла немцу приятный сюрприз: показала кучу обрывков из кабинета посланника и пообещала поставлять их в любом количестве, если, конечно, ее старания будут должным образом вознаграждаться.

Вряд ли нужно говорить, что Гэттл сразу понял, какие возможности открываются перед немецкой разведкой по милости личной горничной миссис Пэлл. Так Сабо стала нацистским агентом. Теперь уже никто не ждал, пока американский посланник снова порвет какие-то документы. Как только чета Пэллов куда-нибудь уходила, специалист из СД помогал Сабо вскрывать шкафы посланника, затем они папку за папкой переносили документы в комнату горничной и фотографировали. Так продолжалось несколько недель и еще некоторое время после того, как Германия объявила войну Соединенным Штатам и вынудила Венгрию присоединиться к ней.

В одной из папок оказалась переписка посланника с Рузвельтом — копии 15 подробных писем Пэлла, включая доклад из Испании, датированный 8 января 1940 года. Пэлл побывал там для проверки профранкистски настроенного американского посла и для «корректировки впечатлений», которыми этот дипломат делился с Вашингтоном. В докладе, предназначенном только для президента, Пэлл подробно анализировал отношения Франко с на-

цистами и итальянскими фашистами. Вопреки господствовавшему тогда мнению, Пэлл утверждал, что Франко не будет участвовать в войне.

Среди других документов в папках хранилась копия письма на пяти страницах с откровенной характеристикой противоречивой роли, которую играл тогда в американской политической жизни полковник Линдберг; секретные предписания Рузвельта Пэллу сделать все от него зависящее, чтобы удержать венгров от активного участия в войне против Советского Союза; хорошо аргументированные политические и экономические доклады о людях и событиях в Португалии, Испании, Венгрии, Германии, Италии, Франции, а также много донесений политического, экономического и военно-разведывательного характера.

Незадолго до разрыва отношений с Соединенными Штатами венграм стало известно, что СД получила доступ к корреспонденции Пэлла. Не рискуя прямо сказать ему об этом, они придумали оригинальный выход из положения. Дело в том, что даже после вынужденного объявления войны США венгры не интернировали американских дипломатов, и жители Будапешта могли видеть их на улицах, в магазинах, ресторанах, в ночных клубах. Исключение составили посланник и его жена — им министерство иностранных дел предложило не выходить из отеля и запретило принимать посетителей. Так венгры не только как бы удовлетворили протесты Ягова, продолжавшего твердить, что паломничество к американскому дипломату создает впечатление, будто Венгрия в союзе с США воюет против Германии, а не наоборот, но и покончили с махинациями Сабо, поскольку Пэлл с женой все время оставались у себя и тем самым лишили пронырливую горничную возможности заниматься столь прибыльным для нее делом.

Последний документ, похищенный шпионкой из кабинета Пэлла, относится к январю 1942 года. Незадолго до отъезда из Будапешта Пэлл сделал для себя подробные заметки, в которых суммировал свои наблюдения и впечатления от пребывания в Венгрии. Утром, когда он еще спал, Сабо, убирая кабинет, обнаружила записи посланника на столе, немедленно вызвала своего немецкого связника, и тот страницу за страницей (Гэттл платил горничной поштучно) сфотографировал заметки Пэлла.

Операция с документами посланника длилась всего несколько месяцев, но ее результатом были буквально

сотни фотокопий. Судя по докладу Шелленберга Гейдриху, немцы получили:

1. Переписку между Пэллом и Рузвельтом.

2. Обширную переписку Пэлла с родственниками и друзьями, где он подробно и откровенно излагал свои соображения по различным политическим и экономическим вопросам, касающимся Америки и Европы.

3. Многочисленные официальные донесения Пэлла, занимавшего в 1938—1941 годах пост посланника США в Лиссабоне и Будапеште, правительству Соединенных Штатов.

4. Копии личных писем Пэлла государственному секретарю Хэллу, сенатору Рейнольдсу и т. д.

Несомненно, это был крупный успех немецкой разведки, которая никогда еще не получала в свои руки по существу всей конфиденциальной переписки высокопоставленного дипломата, к тому же еще и доверенного друга лидера страны, и хотя большая часть украденных документов относилась к прошлому времени, однако устаревших среди них было немного. В своем рапорте Гейдриху Шелленберг подчеркивал: «Материалы содержат богатую информацию по политическим и экономическим вопросам, а также мнение Пэлла о сложившейся в Европе обстановке, изложенное посланником лично президенту Рузвельту, государственному секретарю Хэллу и в официальных донесениях — государственному департаменту».

Как ни странно, но немцы так и не использовали в полной мере эти важные материалы. Причиной тому явилась ожесточенная склока в верхушке нацистской бюрократии, прежде всего между Шелленбергом и его главным клиентом — министерством иностранных дел во главе с Риббентропом.

Не желая делиться с кем-либо грядущей славой, Шелленберг решил представлять материалы Пэлла постепенно, подавать как серию сенсационных успехов руководимой им службы. На подготовку и планирование этого спектакля — для перевода, обобщения и анализа документов — потребовалось некоторое время. Первый документ Шелленберг представил в феврале 1942 года. Это было письмо Рузвельта, в котором он подтверждал, что получил донесение Пэлла, составленное на следующий день после нападения нацистов на СССР и содержавшее подробный и хорошо аргументированный анализ последствий этой авантюры Гитлера. Рузвельт вновь выражал своему другу полное доверие и высказывал удовле-

ние тем, что он достойно представляет демократию во враждебном окружении.

Этот документ (чтобы подчеркнуть его особое значение, сопроводительное письмо подписал сам Гейдрих) был отправлен лично Риббентропу через полковника СС Пикота, офицера для связи между службой Шелленберга и министерством иностранных дел. На Пикота документ не произвел особого впечатления, и он заколебался, не решаясь доложить о нем Риббентропу, тем более что уже имел крупные неприятности по аналогичному поводу.

А произошло следующее. Всего за несколько недель до описываемой истории Шелленберг представил в МИД Германии «Резюме конфиденциальной информации из вполне надежных и исключительно хорошо осведомленных источников США» о военно-промышленном потенциале Америки, особенно ее авиационной промышленности, с приложением многих статистических таблиц и схем. Однако после тщательного изучения этих материалов эксперты министерства иностранных дел квалифицировали их как макулатуру. И вот теперь еще бумаги Пэлла!

В документах посланника речь шла о португальских, венгерских и американских делах, и Пикот созвал совещание экспертов министерства по этим странам для решения вопроса о ценности полученных материалов. Заключение специалистов оказалось обескураживающим, они заявили Пикоту: «Письма почти ничего не содержат, за исключением категорического опровержения и отрицания идеологии национал-социализма и фашизма, поэтому не рекомендуется доводить их до сведения министра иностранных дел».

Между тем документы содержали массу конкретных фактов, из которых квалифицированный политический аналитик мог бы извлечь бесценную информацию. Но подчиненные Риббентропа с самого начала отказались от всяких попыток в этом направлении, не осмеливаясь нервировать своего министра бумагами со столь резкой критикой нацизма. Они предпочли вообще не использовать добытые материалы, как в свое время поступили и с материалами, которые «Цицерон» крал у посла Великобритании в Турции.

И все же документы Пэлла способствовали дальнейшей карьере Шелленберга: в декабре 1941 года, после того как в Берлине получили первые из них, он был утвержден начальником VI управления СД.

В 1940 году в американском посольстве в Берлине действовал агент абвера номер Ф-2631 — машинистка, которую я условно назову фрау Гертер. Она работала в отделе, созданном для связи с английскими военнопленными. (После возникновения войны интересы Великобритании представляло в Германии американское посольство.) Через комнату, где работала фрау Гертер, проходили в свои кабинеты сотрудники посольства и военные атташе. Иногда они останавливались поболтать между собой или с посетителями, звонили по телефону. Гертер подслушивала и запоминала разговоры, а то и сама втягивала людей в беседы на определенные темы. Ее начальница миссис Очнер — жена берлинского представителя агентства Юнайтед Пресс, была хорошо информированной особой, чем тоже частенько пользовалась машинистка, выуживая у нее немало интересных сведений.

4 февраля 1941 года Гертер подслушала разговор двух офицеров из аппарата военного атташе о немецких экспериментах с постановкой дымовых завес нового типа, способных закрывать крупные наземные объекты и даже отдельные районы Берлина. В своем донесении немцам шпионка сообщала, что некоторые сотрудники атташе даже посетили те места, где проводились испытания этих дымовых завес. Она узнала также, что некоторые служащие посольства выполняли более важную работу, чем следовало бы по их скромным официальным должностям. Доктор Спенсер, например, числился сотрудником отдела по делам военнопленных, но представлял донесения о таких важных объектах, как верфь в Штеттине, выпускавшая подводные лодки, — он «случайно это заметил» во время поездок по лагерям для военнопленных. Простой радист Говард в действительности был, по данным Гертер, ученым из Калифорнийской государственной обсерватории, и его настоящая работа состояла в сборе метеорологической информации, которую он передавал в США, а оттуда она попадала англичанам.

Подобные сведения не могли в полной мере удовлетворить американский отдел СД. Его начальнику Карстену требовалась особо секретная политическая информация, которая позволяла бы делать выводы о дальнейшей политике США в отношении Германии. Карстен подыскивал среди американцев подходящего человека, с тем чтобы завербовать его и внедрить в посольство. Так он наткнулся на молодого американца, ничем особенным не занятого, с хорошей биографией, к тому же настроенного

не только прогермански, но даже пронацистски, хотя эти свои взгляды молодой человек старался не афишировать. По предложению Карстена он устроился на работу в посольство, получил какую-то должность в политическом отделе и начал свои шпионские занятия с того, что передал немцу радиобюллетень с резюме последних известий, рассылавшийся государственным департаментом всем посольствам и миссиям США за границей. С началом войны в Европе в него включались некоторые материалы, не подлежащие широкому распространению.

Не так, казалось бы, много, но Карстен умел использовать то, что попадало к нему в руки. Он поручил одному из своих работников ежедневно составлять разведывательную сводку, в которой содержание радиобюллетеня обрабатывалось настолько квалифицированно, что в конечном итоге сводка начинала производить впечатление глубокого аналитического обзора американских дел, каким не могли бы похвалиться ни МИД Германии, ни абвер. С сентября 1940 года по декабрь 1941 года Карстен отправил министерству иностранных дел 355 таких сводок и перестал их посылать только с началом войны между Германией и США.

Но кража радиобюллетеня была лишь первым шагом в шпионской карьере молодого американца. Потом он добывал уже и некоторые секретные донесения временно поверенного в делах в Вашингтоне и материалы, поступавшие в посольство из госдепартамента.

Кроме этого агента на Карстена трудились по меньшей мере еще двое. Один из них дружил с самим военным атташе, другой с его помощником. Из технических сотрудников посольства немца обслуживали «бизнесмен» и «дама-аристократка», урожденная американка, в свое время якобы водившая знакомство с Рузвельтом. Выдавая себя за антифашистов, они постоянно общались с американскими дипломатами, принимали их у себя, бывали у них и пользовались каждым удобным случаем, чтобы вовлечь в обсуждение конфиденциальных вопросов.

За американскими послами в Мадриде, вначале Веделом, а затем Хэйсом, наблюдение вели и немцы, и испанцы. Резидентура Шелленберга систематически перлюстрировала американскую дипломатическую переписку через агента-испанца, работавшего на мадридском почтамте, в отделе, который занимался обработкой дипломатической почты. Один из высокопоставленных чинов-

ников МИД Испании (он фигурирует в архивных материалах абвера и СД лишь под кличкой «Гуиллермо») докладывал немцам практически все, что ему удавалось узнать о Веделе и Хэйсе. Нацистская разведка получала от него не только данные тщательного наружного наблюдения, установленного испанцами за американским и британским посольствами в Мадриде, но и записи бесед послов с Франко и с министрами иностранных дел Испании.

РАЗГАДАННЫЕ СЕКРЕТЫ «ГОРЯЧЕЙ ЛИНИИ»

25 июля 1943 года король Италии Виктор-Эммануил принял Муссолини и объявил, что смещает его с поста главы правительства. Страна находится на грани экономического, политического и военного краха, говорил король, итальянские солдаты не хотят воевать — в таких условиях дуче лучше сойти со сцены. Вместо Муссолини правительство возглавил престарелый маршал Пьетро Бадольо. Выступая по радио, он сообщил об «отставке дуче» и «конце фашистского режима». Падение всесильного диктатора стало фактом.

По подсчетам итальянцев, немцы в то время имели в Италии около 10 тысяч агентов, разбросанных по всей стране — от правительственной резиденции до самого захудалого полицейского участка. И все же эта огромная агентурная сеть не смогла своевременно представить Гитлеру ни одного достоверного свидетельства о характере надвигающихся событий. Первый сигнал поступил около полудня 25 июля в телеграмме немецкого посла в Риме Маккензена. «Согласно многочисленным слухам, — говорилось в ней, — большой фашистский совет собрался накануне вечером и попросил короля взять на себя ответственность за управление страной».

На срочном совещании у Гитлера, созванном для обсуждения создавшейся обстановки, статс-секретарь Хевель, представитель министерства иностранных дел в ставке Гитлера, доложил, что, «хотя никаких определенных сведений пока не поступало, ясно: в Италии разразился подлинный кризис. Маккензен, однако, считает, что

мы должны соблюдать осторожность и ничего не предпринимать».

В половине десятого вечера, через четыре часа после выступления Бадольо по радио, на втором срочном совещании Гитлер, заметно нервничая, лишь повторил, что дуче вышел в отставку, хотя это известие еще не подтверждено, и что главой правительства назначен Бадольо. Отвечая на вопросы присутствующих, Йодль сказал, что необходимо выждать, прежде чем что-нибудь предпринять. В конце совещания Гитлер объявил, что на следующий день он прикажет командиру третьей гренадерской дивизии вступить в Рим вместе со специальным подразделением и арестовать всю «банду», а в первую очередь короля, наследника и Бадольо.

Представители разведывательных служб на совещаниях не присутствовали. В «Военном дневнике» немецкого командования в записях о совещаниях как бы между прочим отмечается:

«Быстрое завершение кризиса не оставляет сомнений, что заговор был тщательно подготовлен, причем подготовка к нему осуществлялась настолько скрыто, что наши военные и разведывательные ведомства оказались поставленными перед свершившимся фактом».

Гитлер был ошеломлен. До сих пор, начиная с 1933 года, именно ему принадлежала инициатива во всех подобных событиях, а теперь события захватили его врасплох. 27 июля он приказал Канарису и начальнику разведывательного управления генерального штаба вермахта принять самые энергичные меры для получения конкретной информации о планах и намерениях итальянцев. Но все, что они смогли доложить ему, представляло собой лишь пересказ нескольких ранее полученных донесений, которые не содержали никаких упоминаний о возможном изменении позиции Италии. Германский военный атташе в Риме генерал Ринтелен доложил, что нет никаких оснований говорить о намерении Бадольо перейти на сторону союзников, как нет и никаких признаков переговоров о заключении мира.

Во время подготовки военно-монархического переворота в Италии Канарис находился у Роммеля в Винер-Нейштадте, близ Вены, а когда Роммеля послали в Грецию, поехал с ним. События в Италии застали его в Салониках.

Прошло четыре дня, прежде чем Канарис начал действовать. Он связался с начальником итальянской военной

разведки генералом Аме, который сам был одним из участников переворота, и договорился с ним о встрече для «выяснения обстановки». Руководители двух разведок встретились 30 июля в Венеции, когда уже не оставалось сомнений, что итальянцы будут добиваться заключения мира. Канарис же в своем докладе Гитлеру писал:

«Решимость итальянцев, если иметь в виду народ и вооруженные силы, остается непреклонной. Правительство намерено осуществить твердые внутренние мероприятия для продолжения войны. Вопрос о мирных переговорах исключается, и никаких шагов в этом направлении не предпринимается даже Ватиканом. 27 июля циркулировали слухи, что Германия намерена ввести в Рим свои войска и вернуть Муссолини к власти. Главнокомандующий генерал Амброзио не придает значения этим слухам. Вместе с тем в Риме выражают опасение, что некоторые недисциплинированные немецкие части могут предпринять нежелательные действия по собственной инициативе».

Это была именно та линия, которой придерживались итальянцы, чтобы замаскировать свое намерение денонсировать пакт с Германией и заключить сепаратный мир.

В течение четырех решающих дней июля Гитлер, получая подобную информацию, оставался в неведении об истинном положении дел в Италии, не знал, чего следует ожидать дальше и что нужно предпринять. На Апеннинском полуострове в ловушке могли оказаться 8 немецких дивизий, а в Сицилии — 70 тысяч солдат и офицеров экспедиционных войск.

Между тем тревожные сигналы стали поступать все чаще. Из Мерано сообщили, что предполагается перехватить немецкие части при переходе через Бреннерский перевал в Восточных Альпах. Командующий Четвертой итальянской армией, расположенной на франко-итальянской границе, отказался пропустить две германские дивизии, которые перебрасывались на новые позиции в Северной Италии. Затем резидент СД в Загребе, ссылаясь на беседу с Павеличем, сообщил, что, по донесению хорватского представителя при Второй итальянской армии, начальник итальянского генерального штаба Роатта заявил: «Заверения Бадольо имеют единственную цель: выиграть время для завершения переговоров с противником».

Утром 29 июля генерал Йодль получил от министра связи Германии пакет со специальной пометкой, свидетельствовавшей, что в нем содержится расшифрованный

перехват радиотелефонного разговора между США и Великобританией. По этому поводу в «Военном дневнике» была сделана такая запись:

«В 01.00 29 июля перехвачен следующий разговор по радиотелефону между премьер-министром Черчиллем и президентом Рузвельтом в связи с обращением генерала Эйзенхауэра к итальянскому народу и предстоящим заключением перемирия с Италией:

ЧЕРЧИЛЛЬ. Мы не хотим выступать с какими-либо конкретными условиями перемирия до тех пор, пока нас не попросят об этом.

РУЗВЕЛЬТ. Правильно.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Мы можем подождать день-два.

РУЗВЕЛЬТ. Правильно.

Тем временем будет рассмотрен вопрос о британских военнопленных в Италии, с тем чтобы не допустить их переброски в страну гуннов. Черчилль намерен обратиться по этому поводу непосредственно к итальянскому королю, а Рузвельт обещал сделать то же самое со своей стороны, хотя пока не знает, как осуществит свое намерение.

Таким образом,— говорилось в заключение в «Дневнике»,— получено неоспоримое доказательство того, что между англо-американцами и итальянцами уже ведутся секретные переговоры».

Рузвельт и Черчилль часто вели разговоры по трансатлантическому радиотелефону, или, как его называли, «горячей линии». Они считали этот способ связи не только безопасным, но и быстрым, позволяющим избегать дипломатической волокиты, зашифровки, пересылки и расшифровки телеграмм, и вместе с тем укрепляющим их личные отношения. Уверенность президента и премьер-министра в безопасности такой формы связи основывалась на заверениях специалистов, будто «горячая линия» исключает всякую возможность подслушивания благодаря тому, что разговор пропускается через специальное засекречивающее устройство, а также из-за автоматического изменения частот, на которых работает радиопередатчик, обслуживающий эту линию связи.

Как же тогда немцы сумели перехватить засекреченный разговор Черчилля с Рузвельтом, расшифровать его и доложить Гитлеру? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к октябрю 1939 года, когда Симон Кодль, агент абвера в Нью-Йорке, отправил Бенсману в Бремен несколько статей из газеты «Нью-Йорк таймс». Пакет с вырезками благополучно миновал британскую цензуру на Багамских островах и оказался у адресата. Бенсмана

особенно заинтересовала статья с интригующим заголовком: «Разговоры Рузвельта по радио с его послами защищены засекречивающим устройством, исключающим подслушивание шпионами». В статье сообщалось, что в звуконепроницаемой комнате в подвале Белого дома установлен специальный прибор, засекречивающий транслатантические телефонные разговоры президента.

Бенсман переслал статью в специальный междудеомственный комитет, занимавшийся вопросами перехватов, а оттуда ее направили в германскую почтовую службу. Последняя хотя и не занималась разведкой в полном смысле этого слова, но располагала научной базой для исследований в области связи. После долгой и упорной работы немцы сконструировали сначала модель зашифровывающего устройства, затем сам прибор, а в конце концов, и рассекречивающее устройство. В уединенной местности, близ Эйндховена, на побережье оккупированной Голландии, появилась специальная радиостанция с гигантскими направленными антеннами. Немцы оснастили ее настолько совершенным оборудованием, что перехваченные разговоры расшифровывались немедленно, а вся операция, от перехвата до поступления переведенного текста в Берлин, занимала лишь около двух часов. Вероятно, это был самый быстрый способ добывания секретной информации за всю историю разведывательных служб.

Единственный экземпляр расшифрованного и переведенного текста посылался только Гиммлеру. Ни абвер, ни разведывательные управления армии, ВВС и ВМФ таких перехватов не получали. К Гиммлеру они стали регулярно поступать с марта 1942 года. Наиболее важные из них он докладывал Гитлеру, а копии изредка направлял Риббентропу, — тот, правда, обычно не придавал им особого значения.

Немецкие операторы быстро научились извлекать ценную информацию даже из самых кратких или внешне совершенно безобидных разговоров. Список английских и американских государственных деятелей и высокопоставленных чиновников, из разговоров которых немцы черпали важные сведения, читается как своего рода справочник «Кто есть кто» в руководстве союзных стран: Гарри Гопкинс, Иден, Гарриман, Андерсон (одно время фактический заместитель Черчилля), старший личный секретарь Черчилля Мартин, английский посланник в Вашингтоне Кэмпбелл, генеральный директор английского министер-

ства экономической войны Лейт-Росс, а также многие ответственные работники военного министерства, министерства военного транспорта, министерства снабжения и т. д.

Черчилль, абсолютно уверенный в надежности радиотелефонной связи, звонил Рузвельту и другим лицам в Вашингтоне и Нью-Йорке в любое время дня и ночи. Именно он 29 июля первым позвонил Рузвельту, чтобы обсудить важные события, происходящие в Италии. Английская разведка располагала хорошей агентурой в Риме, однако подготовка к перевороту проводилась, очевидно, в такой тайне, что англичане, судя по утверждениям Черчилля, до последнего момента ничего не знали. «Мы не имели определенной информации о борьбе в правящих кругах Италии», — отметил Черчилль в своих мемуарах.

Первое сообщение о падении Муссолини английский премьер-министр получил около полуночи 26 июля и немедленно послал Рузвельту телеграмму, в которой, в частности, говорилось:

«Теперешний этап может быть только переходным, но, как бы там ни было, Гитлер будет чувствовать себя одиноким без Муссолини».

Телеграмма Рузвельта, отправленная Черчиллю несколько ранее, была более решительной по тону.

«Мне кажется, — писал он, — что наши условия должны сводиться к требованию безоговорочной капитуляции, подкрепленному гарантией о хорошем обращении с итальянским народом... Наши полевые командиры ни в коем случае не должны договариваться о каких-то принципиальных условиях без вашего или моего согласия».

Во время телефонного разговора 29 июля оба государственных деятеля были в отличном настроении, шутили, болтали о последствиях событий на Апеннинах и об условиях перемирия, хотя Италия еще не предприняла каких-либо официальных шагов, чтобы договориться хотя бы о прекращении огня. Правда, в Танжере, Лиссабоне, Барселоне и Берне итальянцы уже заводили речь о заключении мира, но эти попытки носили общий и неофициальный характер. Президент же и Черчилль, обрадованные обнадеживающим развитием событий, разговаривали о перемирии с Италией как о деле уже решенном.

Вот об этом подслушанном разговоре Йодль и доло-

жил Гитлеру. И сразу же царившая в ставке нерешительность сменилась лихорадочной деятельностью. Гитлер наконец получил то, что не могла раздобыть для него целая армия шпионов. День еще не кончился, а германские дивизии, выполняя приказ фюрера, уже преодолевали альпийские перевалы и вскоре растеклись по Италии — от Альп до Калабрии.

В своих мемуарах Черчилль утверждает, что решение Гитлера оккупировать Италию было одной из его серьезных ошибок. Возможно, это так, но тем не менее война в Италии продолжалась еще почти два года.

Немцы подслушивали радиотелефонные разговоры между США и Великобританией по существу до конца войны. 5 мая 1944 года они перехватили и расшифровали пятиминутный разговор Рузвельта и Черчилля о концентрации союзных войск в Великобритании. Тем самым высшее руководство союзников подтвердило многочисленные сообщения о предстоящем и теперь уже неминуемом вторжении в Европу.

Перефразируя известную формулу американского телеграфного агентства, можно сказать так: если хотите сохранить государственную тайну, не доверяйте ее телефону.

ЗАГАДКИ «ОВЕРЛОРДА»

Рано утром 15 января 1944 года радиоцентр абвера в Гамбурге получил следующую неподписанную телеграмму:

«Утверждают, что Эйзенхауэр прибывает в Англию 26 января».

Телеграмма поступила из Англии от агента абвера А-3725 — молодого чертежника Ганса Гансена. Это было 935-е донесение датчанина с того летнего дня 1940 года, когда его сбросили на парашюте около города Солсбери.

Гансен стал нацистом еще до войны, у себя на родине привлекался к уголовной ответственности за какие-то преступления и бежал в Германию. После оккупации Дании гитлеровцами он не вернулся в родной Скаербраек в Ютландии. Рассудив, что главные сражения еще впереди, он решил не складывать оружия и проникнуть в Англию

раньше вермахта, хотя бы в качестве шпиона немецкой разведки.

Вполне возможно, что Ганс Гансен не настоящее имя агента. В его личном деле, обнаруженном в архивах абвера, он упоминается и как Шмидт, однако обе фамилии могут быть лишь псевдонимами. В разведке не имеют значения такие мелочи, как настоящие или фиктивные паспорта, подлинные или вымышленные фамилии. В абвере он был лучше всего известен как А-3725, англичанам же — как Тэйт.

Его разыскал в Шлезвиг-Гольштейне, в лагерях для бежавших из Дании фашистов, один из наиболее опытных вербовщиков немецкой разведки майор Преториус. Он привез Гансена в Гамбург вместе с еще одним завербованным, не то шведом, не то финном, иногда называвшим себя Йоргеном Бьернсоном, а иногда Акселем Хильбергом. В абвере он имел номер А-3727, а англичане присвоили ему кличку «Саммер». Как выяснилось впоследствии, это был швед Госта Кароли. Их биографические данные почти неизвестны. Мы знаем лишь, что 26-летний Гансен по специальности был чертежником-конструктором, а 27-летний Кароли — механиком.

Первое упоминание о них в архивных документах абвера относится к тому времени, когда датчанин и швед проживали в пансионе фрау Клопшток в Гамбурге и проходили специальную разведывательную подготовку для работы в Англии. Предполагалось, что они будут сброшены на парашютах в большом треугольнике Бирмингем — Лондон — Бристоль, в точке, намеченной уже известным нам Риттером (в его ведении находились все агенты, заброшенные на территорию противника по воздуху). Хотя агентов, как правило, забрасывали поодиночке, на этот раз Риттер решил отправить сразу обоих, с тем чтобы они вместе работали в одной уже действующей агентурной группе. В процессе подготовки датчанин и швед сдружились и вообще идеально дополняли друг друга: Гансен — голова, Кароли — мускулы.

Шел к концу июль 1940 года. Операцию «Морской лев» — вторжение на Британские острова — предполагалось начать 5 сентября. Канарис уже назначил Риттера будущим начальником будущего отдела абвера в Англии. Он должен был высадиться вместе с войсками второй штурмовой волны 6 сентября, чтобы руководить всеми операциями абвера в оккупированной Англии и направлять работу агентов вроде Гансена и Кароли.

3 сентября 1940 года два друга-шпиона сели в немецкий военный самолет в Ренне и были сброшены над небольшой рощицей около старинного английского города Солсбери. Так началась одна из наиболее успешных операций абвера, продолжавшаяся около пяти лет.

Приземлились они не совсем удачно — Гансен повредил ногу, однако предприимчивый Кароли ухитрился разыскать доктора, тот наложил гипсовую повязку, и вскоре агенты приступили к выполнению задания. Уже через три дня Гансен по пути в Лондон послал первую телеграмму. «Дороги забиты беженцами, — гласила она, — на первый взгляд, преимущественно евреями».

За все то время, что он провел в Англии, Гансен отправил в абвер более тысячи сообщений. Помимо донесений с разведывательной информацией, он слал, не стесняясь в выборе выражений, ругательские, сентиментальные, поздравительные и другие телеграммы. Например, 21 сентября 1944 года, напоминая, что посылает тысячное сообщение, Гансен попросил передать привет Гитлеру и пожелание скорейшей победы. Во всех хрониках, посвященных шпионажу в годы второй мировой войны, Гансен характеризуется как исключительно удачливый, «непревзойденный» секретный агент.

Гансен был гордостью абвера, шпионом, творившим чудеса. Риттер в своих воспоминаниях писал:

«Вскоре после прибытия в Англию Гансен приступил к работе и выполнял ее очень хорошо. Он не только регулярно посылал нам метеорологическую информацию, но и сообщал по радио свои наблюдения об аэродромах и других стратегических объектах, причем компетентные органы в Берлине признавали все добытые им данные «исключительно полезными».

Спустя всего пять недель после того как Гансен приземлился в рощице близ Солсбери, его по представлению Риттера наградили железным крестом первого класса. После тысячной телеграммы Гансена, той самой, где он передавал привет Гитлеру, в абвере создали комиссию под председательством некоего полковника Маурера, состоявшую из самых опытных разведчиков, скептиков-кадровиков, специалистов-связистов и даже психиатра. Комиссия вынесла решение, что все эти донесения посылал действительно Ганс Гансен и что работает он превосходно. Вслед за этим начальник гамбургского подразделения абвера возбудил ходатайство перед Канарисом о представлении Гансена к награждению золотым крестом.

Успехи датчанина доставляли радость и удовлетворение не только абверу. С того дня как он приземлился в Англии, Гансен был также гордостью английской контрразведки и «звездой» «ХХ комитета».

...Первым прыгнул с самолета Кароли, за ним последовал Гансен. Кароли приземлился на лужайке около рожицы, а Гансен повис на ветвях дерева, но тут же обрезал стропы и упал на землю.

— Все в порядке? — спросил Кароли.

— Не думаю. Похоже, что сломал ногу.

Кароли был потрясен: к таким осложнениям их не готовили.

— Что же теперь делать?

— Ты уходи, а я останусь здесь, — ответил Гансен. — Кто-нибудь набредет на меня, а я уж постараюсь выкрутиться. Вряд ли они способны повесить шпиона со сломанными ногами.

— Никуда я не пойду. Или выберемся, или погибнем вместе. Послушай, — продолжал Кароли, — у меня появилась хорошая мысль. Не так уж мы отрезаны от всех, как ты думаешь. У нас есть радиостанции. — Он показал на радиоаппаратуру, сброшенную на другом парашюте вместе с остальным снаряжением. — В Волдорфе нас слушают круглые сутки. Так вот, нас услышат раньше, чем предполагали, только и всего. Я сейчас же свяжусь с майором Риттером, у него тут работает какой-то валлиец. Может, он поручит ему оказать нам помощь.

Кароли переговорил по радио с Риттером, тот сразу же связался с «Джонни» (Оуэнсом) и приказал ему немедленно отправиться в Солсбери, найти там обоих агентов и помочь им. «Джонни» пытался отказаться, но Риттер настоял. «Свяжитесь с ними! — телеграфировал он. — Это наши лучшие люди. Они нуждаются в помощи, и только вы можете их спасти».

Сам того не ведая, Риттер обменивался телеграммами не с «Джонни», а непосредственно с МИ-5. Так по собственной неосторожности он выдал англичанам двух своих агентов, и с этой минуты все, что они делали, контролировалось и направлялось английской контрразведкой.

В ходе обмена телеграммами Риттер и Кароли разработали сложный план установления связи с «Джонни» и последующих действий. Кароли должен был как можно лучше и удобнее укрыть Гансена в роще, затем отправиться на железнодорожный вокзал в Солсбери и ждать «Джонни». Риттер описал Кароли приметы Оуэнса, а Оу-

энсу приметы Кароли и сообщил пароль для опознания. После встречи «Джонни» и Кароли должны были вместе вернуться к Гансену и доставить его к надежному врачу. Далее Кароли предстояло заняться выполнением своего задания, а Гансену, после того как он подлечится, — своего, поскольку каждый имел портативную рацию и они не зависели друг от друга.

Спустя несколько месяцев, на последней встрече с Риттером в Лиссабоне, «Джонни» в следующих выражениях изложил ему события того дня:

— Поверьте, поручение оказалось невероятно трудным. Я приехал на вокзал в условленное время. Ваш человек был уже там, но я решил сначала понаблюдать, как он ведет себя, и убедиться, нет ли с ним еще кого-нибудь. Народу на вокзале было немного. Ваш человек просматривал расписание и делал для себя какие-то пометки. Посторонний не обнаружил бы в его поведении ничего необычного. Я подошел якобы для того, чтобы тоже свериться с расписанием. Он произнес пароль и коротко спросил: «Куда я должен доставить своего друга?» Я сообщил адрес врача — валлийца, такого же надежно, как и все мы, и время, когда он будет ожидать их.

У врача мы появились точно в назначенное время, и датчанин мне сразу понравился. Пока доктор накладывал ему повязку, я сказал датчанину, что он может связаться со мной в любое время, и, возможно, нам когда-нибудь доведется поработать вместе. Он ничего не ответил, даже не кивнул. Видимо, это человек сдержанный и предпочитающий работать в одиночку. Врач заявил, что датчанину придется некоторое время пробыть у него в доме, и больше я его не видел и ничего о нем не слыхал.

В действительности дело обстояло совсем не так. «Джонни» приехал на место встречи в карете «скорой помощи» в сопровождении врача, группы работников МИ-5 и нескольких сотрудников специального отдела Скотленд-ярда. В группу входили также два контрразведчика из «ХХ комитета».

Оба агента были арестованы. После длительных допросов первым сдался Гансен. Он согласился стать агентом-двойником и честно сотрудничать с англичанами. К нему прикомандировали контрразведчика и радиооператора, хотя Гансену предстояло самому работать на своей рации, и поселили в одной из конспиративных квартир МИ-5 в Уотфорде, в восемнадцати милях от Лондона.

Совсем иначе обстояло дело с Кароли. Он тоже сог-

ласился стать двойником, получил кличку «Саммер», и «ХХ комитет» несколько раз передал через него немцам довольно общую информацию из района Бирмингема, где шпион должен был осесть по заданию Риттера. Работал он плохо, неоднократно пытался бежать. В конце концов, английская контрразведка отказалась от его услуг и в течение всей войны держала в тюрьме. По указанию англичан Гансен послал в абвер такую телеграмму: «3727 вынужден прекратить работу по соображениям безопасности. Его рация хранится у 3504».

504 был «Джонни», а за спиной «Джонни» стояла МИ-5. Кароли просидел в тюрьме до 1946 года, затем его выслали в Швецию, где он живет и поныне, страдая потерей памяти.

Ганс Гансен вел себя совершенно по-другому и не доставил своим английским хозяевам столько неприятностей, как Кароли, хотя пользовался в Англии бóльшей свободой. Помимо всяких других недостатков, он отличался чрезмерной жадностью и непрерывно слал в абвер телеграммы с требованием денег, не стеснясь прибегать к ругательствам, жалобам, угрозам и даже ультиматумам. В сентябре 1941 года он в грубой форме потребовал переслать ему 4 тысячи фунтов, угрожая в противном случае послать абвер к... Как ни странно, резкость и несдержанность Гансена даже радовали Риттера, он видел в них подтверждение искренности и честности своего агента.

Деньги были вручены представителю японской разведки в Берлине с просьбой передать Гансену. Японцы подключили к делу своего военно-морского атташе в Лондоне капитана Кано. Риттер же дал Гансену указание в определенный вечер быть на определенной автобусной остановке, после 10 часов вечера войти в первый же автобус девятого маршрута, сесть рядом с японцем, который будет читать газету «Таймс» за этот день, и спросить у него: «Что сегодня интересного в газете?». Японец ответит: «Можете взглянуть сами, я выхожу на следующей остановке» и передаст газету Гансену.

Все так и произошло 26 октября. Японец передал Гансену газету с наклеенными на внутренние страницы 80 банкнотами достоинством в 50 фунтов каждый. За все время работы Гансена на англичан они получили от абвера 85 тысяч фунтов, что без малого хватило для оплаты всех расходов английского комитета по дезинформации во время войны.

Добытые Гансеном сведения о предстоящем приезде Эйзенхауэра в Англию хотя и свидетельствовали об очередном успехе шпиона, но не произвели в абвере особой сенсации. Для немцев не являлось секретом, что союзники концентрируют в Англии войска и военную технику для прыжка в оккупированную Европу, но они могли только предполагать, где и когда произойдет вторжение. Телеграмма агента А-3725 лишь подтверждала, что огромные подготовительные мероприятия вступили в завершающую фазу. О назначении Эйзенхауэра верховным главнокомандующим союзными войсками было официально объявлено еще 25 декабря 1943 года.

Фельдмаршал Рунштедт, главнокомандующий немецкими войсками в Западной Европе, 19 ноября 1943 года издал директиву под названием «Подготовка к борьбе», в которой говорилось: «Противник заканчивает подготовку к наступлению на наш западный сектор. Мы не знаем, где и когда оно начнется».

23 декабря в ставке Гитлера состоялось специальное совещание по этому вопросу, но и оно не внесло никакой ясности. В директиве Йодля, изданной вскоре после совещания, называются шесть различных мест, где может произойти высадка союзников: два — в Западной Европе, два — в Италии и два — в восточной части Средиземного моря.

Подобное «блуждание в потемках» менее чем за шесть месяцев до высадки союзников в Нормандии, несомненно, не может не удивлять. Оно вызывает серьезные сомнения в проницательности Канариса и эффективности работы выпестованного им абвера. Реакционные немецкие круги в своих попытках найти причины поражения гитлеровской Германии утверждали, что аввер не только не представлял своевременно нужную информацию, но и вводил в заблуждение верховное командование, снабжая его неверными сведениями. Это, конечно, не так.

Разумеется, ведомство Канариса вовсе не было таким всевидящим и всеслышащим, как утверждают сейчас его защитники, но огромная машина абвера далеко не всегда работала на холостых оборотах. В сложных условиях немецкая разведка добывала для верховного командования надежную информацию, позволявшую следить за развитием англо-американского стратегического плана вторжения с его зарождения в начале 1942 года до высадки союзников в Нормандии в 1944 году. Всегда очень трудно проникнуть в намерения противника, разрабатываемые

на самом высшем уровне и в строжайшем секрете. И все же абверу удалось с самого начала определить основной замысел союзников, на котором основывалась вся их дальнейшая стратегия.

Спустя всего две недели после Пирл-Харбора Рузвельт и Черчилль встретились в Вашингтоне на конференции, закодированной в документах как «Аркадия», для разработки плана военных действий в Атлантическом и Тихом океанах. После 23-дневных переговоров было выработано исключительно важное решение, в котором, по определению официального английского военного историка Л. Эллиса, запечатлены наиболее существенные черты стратегии союзников, окутанные, как считалось, полнейшей тайной.

И все же спустя несколько недель Канарис вручил Гитлеру доклад на 20 страницах о принятых на конференции решениях и вытекающих из них практических мероприятиях. Этот документ достал для немцев человек, деликатно названный «хорошо известным и надежным источником из числа наших друзей». Им был испанский военный атташе полковник Карлос Гарсия, один из главных агентов абвера в американской столице.

Испанцы вывезли документ из Вашингтона в своей дипломатической почте, затем начальник военной разведки Франко генерал Мартинес передал его резиденту немецкой разведки в Мадриде Ленцу, а тот со специальным курьером переслал Канарису.

Одновременно абвер получил подтверждающие данные из других источников. Итальянцы переслали Канарису текст расшифрованной телеграммы турецкого посла в Лондоне с изложением его беседы с американским военным атташе полковником Лиисом о том, какое значение придается Турции в разработанных союзниками планах. «Черная палата» перехватила и расшифровала несколько донесений португальского посла в Лондоне, которого англичане проинформировали о конференции сразу же после возвращения Черчилля в Лондон. Из другого источника, названного лишь «нашим проверенным агентом в швейцарском генеральном штабе», к резиденту немецкой разведки в Берне поступило подробное донесение о конференции «Аркадия», полученное по телеграфу от военного атташе Швейцарии в Вашингтоне.

Не менее важную стратегическую информацию получило бременское подразделение абвера от агента «Барон» (уже упоминавшийся Оппенгейм, банкир из Кёльна),

располагавшего несколькими высокопоставленными информаторами во влиятельных финансовых кругах Нью-Йорка и Вашингтона. В трех своих донесениях «Барон» утверждал, что, судя по протоколам «Аркадии», «несмотря на вступление Японии в войну, Атлантика и Европа рассматриваются как решающий театр, Германия — как «главный враг», а ее поражение — как „ключ к победе“».

Немецкая разведка внимательно следила за осуществлением стратегических планов союзников. В мае 1943 года испанский военный атташе в Вашингтоне представил абверу дополнительные материалы. Он раздобыл изложение протокола «Трайидент» — очередного совещания между Рузвельтом и Черчиллем, на котором впервые подробно обсуждался вопрос о вторжении в Европу. Обильная оперативная и тактическая информация извлекалась из перехватов и расшифровки радиообмена англичан и американцев, из тщательного изучения захваченных документов и допросов военнопленных, взятых в плен во время рейдов союзников на Дьепп и Сен-Назер, и из донесений агентурной сети, специализировавшейся на добытии так называемой «информации о вторжении». И тем не менее все эти сведения, полученные ценой больших усилий, не достигали вершины главного командования вермахта или, если достигали, не производили должного впечатления.

Именно так обстояло дело в январе 1944 года, когда донесение агента А-3725 о приезде Эйзенхауэра в Англию начало свой медленный путь в германский генеральный штаб. Донесение с пометкой «сверхсрочно» прошло через многочисленные инстанции, прежде чем попало к человеку, которого оно должно было больше всего интересовать, — к полковнику Роевне, начальнику управления военной разведки генштаба.

Тем временем А-3725 прислал новое сообщение. 16 января он телеграфировал:

«В Лондоне сосредоточено сейчас более 7 тысяч американских солдат и офицеров, не считая тех, что находятся здесь в отпуске. Большинство военнопленных работают в различных штабах, занятых подготовкой к вторжению. Один из них расположен на Бэркли-сквере в Мэйфейре».

Используя эти донесения и другие материалы, Роевне в оперативной сводке от 17 января 1944 года писал:

«Приезд Эйзенхауэра в Англию широко освещается в прессе и по радио. Полученное нами одновременно с

этим агентурное донесение о формировании второго штаба верховного командования союзников в Гибралтаре позволяет предполагать, что речь идет о штабе для руководства операциями в Средиземном море, особенно против юга Франции».

В одной из записей в «Военном дневнике» главного командования вермахта за 1942 год говорится:

«После лета и осени 1942 года (Дьепп, Эль-Аламейн и высадка во французской Северной Африке) стало очевидным, что англо-американцы решили открыть второй фронт где-то на защищаемой немцами береговой линии Европы».

Судя по записям в «Военном дневнике», оперативные сводки Роенне не содержали никаких точных сведений о том, в каком именно месте союзники намеревались открыть второй фронт.

3 января 1944 года Йодль разослал всем разведывательным ведомствам перечень конкретных вопросов, на которые потребовал таких же конкретных ответов. 6 января он вызвал к себе Канариса и Роенне.

«Я обязываю вас,— заявил он,— обратить более серьезное, чем до сих пор, внимание на район Средиземного моря. Все, что там происходит, не только указывает на намерения противника в этом районе, но и может дать представление о стратегических замыслах и планах англо-американцев в других местах».

Йодль упомянул о повышенной активности союзников в бассейне Средиземного моря. Они перестали отзывать отсюда десантные суда, сняли с фронта несколько крупных соединений, причем пока не установлено, где находятся эти войска. Перечисленные Йодлем факты действительно имели место, но он делал из них совершенно неправильный вывод. «По моему мнению,— заявил Йодль,— все это свидетельствует о том, что главные военные операции союзников развернутся в Средиземноморье».

«Кстати,— добавил он,— на днях я несколько раз обсуждал с фюрером этот вопрос. Он сильно сомневается в серьезности намерений союзников. По его мнению, они могут предпринять отвлекающие маневры, перед тем как решиться на вторжение. Фюрер ожидает, что они высадятся в Португалии или где-нибудь на испанском побережье, а если во Франции, то где-то севернее Жиронды».

Роенне ушел от Йодля расстроенным. Он больше не сомневался, что англичане и американцы готовятся к

чему-то серьезному и не станут тратить силы на рейды и высадки в таких местах, как Португалия и Испания. Два крупных успеха его агентуры помогли полковнику кое-что разглядеть сквозь поставленную союзниками дымовую завесу.

16 декабря 1943 года он получил украденное письмо, в котором американский офицер, влиятельный сотрудник штаба Эйзенхауэра, откровенно рассказывал о предстоящей операции «Оверлорд». Судя по ряду признаков, речь шла о решении союзников нанести главный удар через Ла-Манш. И действительно, почти одновременно к Роевне поступила более надежная информация, подтверждающая, что под кодовым названием «Оверлорд» следует подразумевать генеральное наступление союзнических войск. Эти сведения он почерпнул из весьма авторитетного источника — совершенно секретных документов высшего руководства союзников.

Начиная с октября 1943 года резидентура СД в Анкаре получала информацию прямо из сейфа английского посла в Турции. Ее поставлял агент по кличке «Цицерон». Резидент СД Мойзиш считал этого агента подлинной находкой, а добытые им документы не вызывающими никакого сомнения. Однако руководство СД в Берлине склонялось к мнению, что операция «Цицерон» всего лишь один из трюков английской контрразведки, с помощью которого она рассчитывает снабжать немцев дезинформацией. Вместо того чтобы действовать исходя из получаемых от «Цицерона» документов, бесчисленные инстанции без конца обсуждали, можно ли им вообще доверять, а документы тем временем теряли свою актуальность.

Пока шла дискуссия, «Цицерон» 14 декабря 1943 года передал Мойзишу казалось бы наиболее важную из всех выкраденных им бумаг. Это протокол Тегеранской конференции, где Рузвельт, Черчилль и Сталин договорились о будущем направлении военных усилий союзников и о мерах, которые ускорят их путь к победе. В разговорах трех лидеров часто упоминалась и операция «Оверлорд» — то самое кодовое название, которое Роевне встретил в столь неосторожном письме американского офицера.

Теперь, когда намерения союзников перестали быть для него тайной за семью печатями, Роевне вздохнул свободнее. Предстояло любыми путями собрать оперативные и тактические подробности. На ежедневных совещаниях

с Канарисом и его главными помощниками, с руководителями радиоразведки и дешифровальной службы Роенне настаивал на самом тщательном наблюдении за радиообменом союзников, чтобы получить информацию, которую пока не мог добыть ни один из многочисленных немецких шпионов, совершал рекогносцировочные поездки в наиболее уязвимые пункты французского побережья и беседовал там с офицерами разведки полевых армий.

Наконец в ответ на его настойчивые требования от агентуры абвера стали все чаще поступать донесения о концентрации войск союзников. Так ему стало известно о Первой американской армии в Южной Англии и о трех английских воздушно-десантных дивизиях: одна из них дислоцировалась в районе Солсбери—Йовил—Таунтон, другая — в районе между Олдершотом и Гилфордом, третья формировалась около Гуллы. В одном сообщении указывалось, что в Рединге расположен штаб VII корпуса, в другом — что 49-я английская пехотная дивизия была замечена на марше из Шотландии на юг, в направлении Гарвича и Ловстофта, в третьем агент докладывал о значительной активности вокруг Пула и Борнмута. Было замечено сосредоточение воинских частей, прибывающих из различных концов Великобритании, из Исландии, района Средиземного моря, США. Формировались штабы, причем чаще всего упоминались Истборн, Брайтон, Уортинг, Уайт и Уэймут. Судя по донесениям, основная масса войск союзников концентрировалась в южной части Англии, ниже Па-де-Кале. Очевидно, отсюда союзники и собирались нанести главный удар.

И все же Роенне пока еще не мог ответить на два жгучих вопроса — где именно на побережье Франции союзники намерены высадиться и когда именно это произойдет. В оперативной сводке от 19 января Роенне писал:

«Следует предполагать, что наступление на западе может начаться в любое время с середины февраля, когда установится благоприятная для десантных операций погода».

К концу января Роенне окончательно пришел к выводу, что союзники могут начать высадку примерно через две недели. Наряду с отвлекающими операциями (через Дарданеллы в Черное море по направлению к Одессе, через Адриатическое море в Хорватию и Венгрию, в секторе между Марселем и Итальянской Ривьерой) главный удар будет, несомненно, направлен в район Па-де-Кале,

Северная Франция. Роенне полагал, что союзникам нет смысла совершать длинный и рискованный путь, например, из района Портсмута, если они могут совершить бросок на Кале из района Дувра, где ширина пролива всего лишь 20 миль. Конечно, Па-де-Кале! Роенне так убедил себя в этом, что продолжал считать район в северной части Франции, напротив Па-де-Кале, основным объектом союзников даже после начала высадки их сил 6 июня 1944 года на полуострове Котантен в Нормандии.

Ошибочное предположение, будто англичане и американцы нанесут главный удар в районе Па-де-Кале, явилось следствием грандиозной кампании дезинформации, тщательно, во всех мелочах разработанной и так же тщательно проведенной союзниками.

«Основная цель нашей дезинформационной кампании состояла в том,— писал Черчилль позже,— чтобы создать впечатление, будто мы намереваемся нанести удар через Па-де-Кале. Даже сейчас (1955 год) еще нельзя раскрыть все методы, с помощью которых нам удалось ввести противника в заблуждение. Мы прибегали, в частности, к таким мерам, как мнимая концентрация войск в Кенте и Суссексе, строительство целых флотилий бутафорских судов в Дувре, Сендвиче, Ромнее, Гастингсе, учения с высадкой десантов на пляжах, увеличение радиообмена. Все это принесло отличные результаты».

Начальный этап операции — форсирование пролива — был замаскирован кодовым названием «Нептун». Строго говоря, под названием «Оверлорд» подразумевалась операция с момента высадки на французском побережье до захвата двух плацдармов — «Омаха» и «Юта». Для маскировки было разработано два отдельных плана дезинформации — «Бодигард» и «Фортитюд». «Бодигард» ставил целью закамуфлировать стратегию союзников в Европе и вынудить верховное командование германской армии к неправильным решениям. По плану «Фортитюд» предполагалось убедить немцев, что союзники, учитывая узость Па-де-Кале, нанесут главный удар именно на этом участке, по ближайшей части французского побережья.

Столь сложной кампанией дезинформации руководили начальник личного штаба Черчилля генерал Исмей и один из ближайших помощников премьер-министра Джон Бивенс. Вместе с группой сотрудников они составляли тот нервный центр, где рождались самые невероятные замыслы, связанные с осуществлением планов «Бодигард» и «Фортитюд». Здесь творился фантастический мир с ни-

когда не происходившими событиями, отсюда пускались в странствия никогда не существовавшие люди, тут придумывались ситуации, в реальность которых должны были поверить немцы.

И все это во имя одной цели: внушить противнику, будто военные действия начнутся с высадки в Южной Норвегии, предпринятой из шотландских портов, а главный удар будет нанесен (как и полагал Роеanne) через Па-де-Кале. Высадка же союзнических войск в Нормандии, откуда намечалось развернуть решающее наступление, выдавалась средствами дезинформации за отвлекающий маневр. «День Д» (т. е. день начала операции) по плану организаторов мистификации приходился на третью неделю июля — на 45 суток позже подлинной даты. В Шотландии «появилась» Четвертая армия — на деле существовал лишь ее штаб, заполнявший эфир оживленным радиообменом для имитации связи с входившими в ее состав тремя корпусами, тоже, разумеется, мнимыми. Одновременно другая призрачная армия из 12 дивизий «формировалась» на юге Англии для операций через Па-де-Кале. И эта «армия» поддерживала энергичный радиообмен с такими же призрачными частями.

Для придания дезинформации большего правдоподобия активно использовались военно-воздушные силы союзников. На территории всей Западной Европы авиация союзников бомбила вражеские аэродромы, радиолокационные установки, батареи, железнодорожные центры и мосты, но делалось это с таким расчетом, чтобы не навести противника на мысль о намерении союзников высадить свои основные силы на побережье Нормандии. Если, скажем, в районе предполагаемой высадки бомбежке подвергался один какой-нибудь объект, то вне этого района бомбились два.

Самые строгие меры принимались для предотвращения утечки информации о численности сил вторжения, о подлинных мероприятиях и вообще обо всем, что было связано с подлинной подготовкой. Гражданским лицам запрещалось совершать поездки между Великобританией и Ирландией. По обеим сторонам залива Ферт-оф-Форт, от Уолша до Лендс-Энда, была установлена закрытая для посещений десятимильная зона.

Казалось, только немецкие шпионы могут приезжать и уезжать куда и когда им угодно...

2 февраля 1944 года Роеanne встретился с Канарисом в генеральном штабе. Запись их беседы сохранилась в

захваченных архивах абвера. Роемне не слишком высоко ценил абвер и потому был приятно удивлен, когда Канарис рассказал ему о своей агентурной сети, оперирующей на всей территории Англии — от Бристоля на юге до Глазго и Абердина на севере — и способной поставлять любую нужную информацию.

«Нам удалось настолько надежно законспирировать своих людей, что даже сейчас мы ежедневно получаем из Англии 30—40 донесений, многие из которых передаются с помощью подпольных раций, действующих несмотря на очень сложные электронные контрмероприятия».

Видимо, Канарис и в самом деле верил в неограниченные возможности абвера на Британских островах, когда говорил, что там у него работают 130 агентов, либо объединенных в группы, либо действующих в одиночку. Глава немецкой разведки рисовал впечатляющую картину. Каждое подразделение абвера в Гамбурге, Бремене, Висбадене, Париже и Брюсселе располагает в Великобритании своей агентурой, включая руководимого из Гамбурга «феноменального» агента А-3725, то есть Гансена. Резидентуры в Мадриде, Лиссабоне и Берне имеют шпионов среди высокопоставленных лиц. Мадридская резидентура руководит двумя агентурными группами в Англии, шпионская добыча которых пересылается по назначению в испанской дипломатической почте. Шпионка по кличке «Айви», английский агент лиссабонской резидентуры, достает «первоклассную военную информацию», а агентурная группа, возглавляемая португальским бизнесменом «Остро», использует для получения секретных сведений филиалы его крупной международной фирмы в Великобритании и США. Агент «Жозефина» имеет доступ к донесениям шведского посольства в Лондоне, а агент «Бант» — к отчетам хорошо осведомленного швейцарского военного атташе в британской столице.

Канарис заверил Роемне, что один из личных секретарей Черчилля вот-вот будет завербован абвером, что дерзкий и общительный Гансен привлечен для работы на немцев сотрудницу штаба Эйзенхауэра, а некий польский офицер информирует немецкую разведку о деятельности штаба Первой американской армии.

Беседуя с Роемне, Канарис дал понять, что он понимает, какая сложная задача поставлена перед ним и его ведомством — добыть важнейшую стратегическую информацию, — и что в эти критические для третьего рейха дни

от способности абвера проникнуть за завесу строжайшей секретности, созданной союзниками, зависит победа или поражение гитлеровской Германии.

Беседа Канариса с Роенне оказалась их последней встречей: 19 февраля 1944 года адмирал был снят с поста начальника абвера. Удар несколько смягчили, назначив его руководителем департамента экономической войны в штабе верховного командования. К тому времени и сам абвер оказался в трудном положении. Гестапо выявило в его центральном аппарате группу антинацистов, и вело тщательное расследование. Флиртуя с недовольными фашистским режимом, Канарис вместе с тем продолжал верой и правдой служить нацистам. Однако поставляемая абвером информация своей двусмысленностью и неопределенностью вызвала все усиливающуюся критику со стороны командования вооруженных сил и нацистского аппарата. Шелленберг уже располагал материалами, компрометирующими абвер и Канариса, но выжидал, пока решающий удар не нанесет Канарису Риббентроп — другой его противник.

Конечно, не все то, о чем рассказывал Канарис Роенне, было просто бахвальством, и все же он обманывал самого себя: большинство его агентов были лишь пешками в затейной союзниками большой игре под названием «Фортитюд».

Под руководством сотрудников кабинета премьер-министра в осуществлении плана участвовали различные ведомства, организации, штабы. Например, в штабе 21-й армейской группы фельдмаршала Монтгомери существовала специальная дезинформационная группа, возглавляемая ученым Хескитом. Помимо трех подставленных абверу «шпионов» — голландца «Пауля», испанца «Като» и француза «Талейрана», которые исправно снабжали немцев дезинформацией, Хескит использовал и другие каналы и способы для обмана противника, причем эта работа не закончилась и с высадкой союзников 6 июня 1944 года.

Главную роль в кампании дезинформации играли разведывательные службы Великобритании. По заданию «Интеллидженс сервис» дипломаты, военные атташе и просто «осведомленные лица» выбалтывали за границей различные сведения — разумеется, только похожие на правду. Много подобных материалов подсунули немцам агенты-двойники в Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции и Турции.

Кое-что из этой «информации» соответствовало действительности, но бо́льшая ее часть лишь производила впечатление достоверности. Немцы не сумели отличить правду от вымысла, как не сумели установить разницу между сведениями, поставляемыми агентами-двойниками по плану «Фортитюд», и подлинной разведывательной информацией от не перевербованных англичанами шпионов. Агент «Жозефина» в Стокгольме добыл доклады военного и военно-воздушного атташе Швеции в Лондоне, в которых прямо говорилось, что союзники предпримут высадку в Нормандии в период между 15 мая и 15 июня. В Берлине этой информации попросту не придали значения, поскольку она не соответствовала уже сложившемуся мнению Гитлера и его помощников, в том числе полковника Роенне.

В самой Англии над осуществлением плана «Фортитюд» работала довольно пестрая группа перевербованных агентов абвера: испанцы, скандинавы, австрийка — жена англичанина, француженка и француз, четверо югославов, чех, трое поляков, бельгиец, двое британских подданных и немец, специализировавшийся на добывании военно-морской информации. Позже группа пополнилась агентами, заброшенными на Британские острова между ноябрем 1943 года и маем 1944 года из Испании и Португалии специально для сбора сведений о подготовке вторжения. Дезинформационные материалы в Германию поставляли в общей сложности свыше ста перевербованных немецких агентов, причем сорок из них пользовались для этой цели рациями.

В соответствии с тщательно разработанным сценарием каждый двойник получил определенную роль, а четверо особо ценимых абвером — главные. В числе этих четверых был все тот же Ганс Гансен (в абвере — номер А-3725, в МИ-5 — Тэйт), а подыгрывал ему «Брутус» в МИ-5, в абвере — «Губерт».

Брутус, польский штабной офицер, дважды за десять месяцев испытал горечь поражения — в 1939 году в Польше и в 1940 году во Франции. После капитуляции Франции он организовал там одну из первых групп Сопротивления, вскоре уже насчитывавшую 64 активных участника.

В 1942 году Брутуса выдала немцам провокатор «Кошка» (Матильда Карре). В тюремную камеру к нему явился подполковник Рейле из парижского подразделения абвера и предложил сделку: Брутус соглашается работать в Англии на немецкую разведку, а Рейле орга-

низует ему побег из тюрьмы и обещает не передавать в гестапо материалы о его деятельности в подполье.

Поляк принял предложение и они тут же в камере торжественно подписали соответствующий договор. Рейле организовал побег, и «Губерт» — такой псевдоним ему присвоили в абвере — вернулся в Сопротивление, а затем был переброшен в Великобританию. В Лондоне он немедленно связался с МИ-5, рассказал свою историю и стал Брутусом — одним из наиболее ценимых агентов-двойников в системе «ХХ комитета».

В Англии Брутус служил в польской эскадрилье ВВС в звании подполковника, продолжая как Губерт поддерживать связь с абвером. Фактически же это делал вместо него один из сотрудников комитета по дезинформации. Для повышения авторитета Губерта в абвере поляку обеспечили соответствующее (конечно, фиктивное) положение, позволявшее ему поставлять немецкой разведке «важную» информацию. Он все выше поднимался по ступеням служебной лестницы, и наконец доложил Рейле, что назначен офицером связи польского генштаба со штабом американского генерала Омара Брэдли в Лондоне.

Теперь, по замыслу авторов плана «Фортитюд», Брутусу предстояло убедить немцев, будто после того, как английская группировка Монтгомери высадится в Нормандии для отвлекающего маневра, первая американская группа армий под командованием Брэдли нанесет решающий удар в районе Па-де-Кале. Таким образом, конкретная задача агента-двойника состояла в том, чтобы внушить противнику мысль о намерении союзников осуществить вторжение в несколько этапов и выдать главный удар за отвлекающий.

Перед заброской Брутуса в Англию немцы снабдили его портативной рацией, на которой потом стал работать радист МИ-5. Информация, посылаемая мнимым агентом абвера (вернее, от его имени), судя по записям в личном деле Брутуса, как правило, высоко оценивалась разведывательным управлением немецкого генштаба.

Незадолго до вторжения Брутус сообщил в абвер, что из штаба генерала Брэдли его перевели в штаб верховного главнокомандующего генерала Эйзенхауэра. В мае 1944 года он направил Рейле семь донесений, признанных немецкой разведкой отличными. «Сведения, добытые этим агентом, — говорилось в специальной пометке, — существенно помогли выяснению боевого расписания противника».

Однако это «выяснение» не принесло немцам ничего хорошего. Информация Брутуса лишь укрепила их уверенность, что Нормандия будет второстепенным объектом, а главный удар нанесет севернее сильная американская армия Брэдли.

То, что произошло в те дни, — теперь уже далекое прошлое. Седьмая немецкая армия, защищавшая Нормандию, 6 июня была захвачена врасплох и разгромлена главным образом потому, что более сильная Пятнадцатая армия готовилась к отражению высадки союзнических войск в районе Па-де-Кале.

Ганс Гансен, сообщив 15 января 1944 года, что на следующий день в Лондон прибывает генерал Эйзенхауэр, чтобы занять пост верховного главнокомандующего, послал в Гамбург серию донесений о нарастании темпов подготовки к «Оверлорду». В мае он ежедневно докладывал о концентрации войск в местах, где ничего подобного не происходило; сообщал о боевом расписании, которое выглядело точным и правдоподобным, но было в основном фиктивным; называл фамилии командующих, существовавших только в его воображении; информировал о посещении Уэя в районе Дувра, где якобы видел 20 тысяч канадцев; Ашфорда, где он «установил присутствие» 83-й американской пехотной дивизии; Фолкстона, где будто расположена штаб-квартира американцев и где он «заметил» много эшелонов, переполненных солдатами, прибывшими из США; Ньюмаркета, Тетфорда, Кромера и Норвича, где он «опознавал» одну дивизию за другой, — в общем, если верить ему, свободно разъезжал по зонам, куда никто не мог получить доступа.

В качестве своих источников он ссыался на главного маршала авиации, капитана военно-морского флота и высокопоставленного офицера военно-воздушных сил. В абвере, видимо, никто не задумывался над вопросом, почему столь солидные люди так откровенны с молодым датчанином и так бездумно выбалтывают ему секреты «Оверлорда».

Под кличкой «Гарбо» на англичан работал перевербованный ими агент абвера В-319 — испанский журналист Луис Кальво. Под руководством работников комитета по дезинформации он создал для немцев «крупную» агентурную сеть из двух десятков выдуманных им агентов. Немцы полностью доверяли «Гарбо». Его сеть носила

название «Группа Арабал» и была разделена на три подгруппы: «Аларик», «Бенедикт» и «Дагоберт», единственная задача которых, по замыслу «ХХ комитета», состояла в том, чтобы дезинформировать немцев о месте и времени вторжения союзников. Вот неполный список этих «агентов», составленный по их личным делам в архивах абвера, а также оценка их работы немецкой разведкой в канун высадки англо-американцев в Нормандии:

В-217 — работает в Бедфорде в США; удовлетворительно.

В-303 — клерк в Лондоне; надежен, но может выполнять только несложные поручения.

В-305 — коммивояжер из юго-восточной Англии; проверен и надежен.

В-308 — бизнесмен из Лондона; очевидно, надежен.

В-314 — клерк в Лондоне; проверен и надежен.

Операция «Гарбо», начавшаяся в апреле 1942 года, полностью развернулась к весне 1944 года, как и планировали руководившие ею работники комитета по дезинформации, то есть к тому времени, когда «вполне сформировавшаяся» сеть «Гарбо» из несуществующих агентов должна была усиленно и систематически снабжать немцев неверными данными о подготовке вторжения. Кроме самого «Гарбо» члены его группы передавали в Германию информацию из тех районов Англии, где якобы происходила концентрация войск союзников.

Разумеется, немцы не полагались целиком на агентурные сведения. «Боевое расписание противника» составлялось на основе данных авиаразведки, радиоперехватов, изучения захваченных документов, допросов военнопленных, информации, полученной дипломатическими представительствами нейтральных стран в Великобритании. И все же агентурная информация — вероятно, благодаря своему обилию — пользовалась наибольшим доверием, причем зачастую вопреки таким бесспорным доказательствам, как фотоснимки, сделанные с разведывательных самолетов люфтваффе.

К маю 1944 года в оценке немцами сложившейся обстановки преобладало предположение, что главный удар союзники нанесут в районе Па-де-Кале и что ему могут предшествовать или следовать за ним отвлекающие операции в Норвегии, на французском побережье Средиземного моря, даже в Португалии и «возможно, в Нормандии и Бретани». Рундштедт, который еще в октябре 1943 года считал Нормандию одним из наиболее угрожае-

мых участков, поскольку «союзникам будут необходимы такие крупные и вместительные порты, как Гавр и Шербур», теперь соглашался с выводом, что вторжение произойдет именно в районе Па-де-Кале.

Дата высадки союзников по-прежнему оставалась для немцев тайной. Командующий немецкими военно-морскими силами во Франции вице-адмирал Кранке 4 июня в очередной оценке обстановки высказал такое соображение: «Сомнительно, чтобы противник уже успел сосредоточить достаточное количество судов для переброски войск вторжения». 5 июня его утверждение поддержал Рунштедт в своей еженедельной сводке, закончив ее выводом: «Опасности немедленного вторжения пока не существует».

Вот почему на Западном фронте царило спокойствие. Кранке отменил патрулирование Ла-Манша военно-морскими патрулями в ночь на 5 июня. Офицерскому составу были разрешены краткие отпуска. В Ренне командующий Седьмой армией назначил на 6 июня военную игру для офицеров. Роммель 5 июня уехал из своего штаба в Тюрингию.

Заместитель Йодля генерал Варлимонт в своих воспоминаниях, опубликованных в 1962 году, писал:

«5 июня 1944 года, то есть за день до высадки союзников, германское верховное командование не имело ни малейшего представления о том, что оно находится накануне одного из важнейших событий войны. В течение суток свыше 5 тысяч судов двигалось к побережью Нормандии, но не было принято никаких мер, которые позволили бы своевременно их обнаружить».

И все же, несмотря на строжайшие меры маскировки и колоссальную кампанию дезинформации, немцы заполучили сообщение, совершенно бесспорно свидетельствовавшее, что вторжение состоится в ближайшие дни, если не в часы. Варлимонт пишет:

«Мы не знали, что еще в январе 1944 года адмиралу Канарису стал известен текст двух частей радиосообщения, которое должно было передаваться из Англии накануне вторжения как сигнал французскому движению Сопротивления привести свои силы в состояние готовности... 5 июня разведка информировала Йодля, что накануне ночью служба безопасности Пятнадцатой армии перехватила вторую часть сообщения. Никаких выводов из этого не последовало».

Как утверждает Варлимонт, никто из тех, кому стал известен текст сообщения, включая Йодля, не обратил

на него ни малейшего внимания. «Возможно, — заключает Варлимонт, — что, в отличие от адмирала Канариса, который к тому времени был уже в немилости и снят со своего поста, они не разобрались в важности полученного предупреждения».

Варлимонт не совсем прав, все обстояло несколько иначе. Поскольку этот эпизод имеет определенный исторический интерес, я предпринял специальные розыски в захваченных архивах генерального штаба немецких сухопутных войск и обнаружил подлинные документы, проливающие свет на обстоятельства дела. Абвер передал верховному командованию конкретные данные, позволявшие определить дату начала вторжения. Документов оказалось три. Первый из них датирован не январем 1944 года, как утверждал Варлимонт, а 14 октября 1943 года, другой — 2 июня 1944 года, третий — 4 июня 1944 года.

Все три документа прислал из парижского подразделения абвера подполковник Рейле, руководивший операциями против французского движения Сопротивления. В первом документе сообщалось об аресте 3 октября «одного из лидеров руководимой из Англии диверсионной организации». Арестованный показал на допросе, что для оповещения о предстоящей высадке англо-американцев во Франции установлен следующий пароль:

*“Les sanglots longs des violons de l'automne
blessent mon coeur d'une langueur monotone”*

Рейле узнал в нем строки одного из сонетов Поля Верлена.

Спустя несколько дней гитлеровцы арестовали руководителя другой группы Сопротивления, и тот подтвердил, что такой пароль действительно установлен и что для этой цели использованы стихи Верлена.

В донесении от 14 октября Рейле писал:

«Первая часть пароля по слово «L'automne» включительно прозвучит в эфире по английскому радио 1 и 15 числа месяца, название которого будет передано в нужное время. Передача второй части — это сигнал, что высадка произойдет в течение 48 часов, считая с полуночи тех суток, когда состоится первая передача этой части пароля».

В донесении от 2 июня 1944 года Рейле информировал, что 1 июня между половиной второго и половиной третьего часа дня радиостанция Девентри несколько раз передавала первую часть пароля пяти группам Сопротивле-

ния во Франции, предупреждая о необходимости быть в готовности.

Наконец в последнем донесении Рейле говорилось, что 3 июня, между двенадцатью часами и половиной третьего дня, радиостанция Девентри 15 раз передавала вторую часть пароля.

Донесения Рейле были направлены 23 адресатам, включая штаб Рундштедта, командующих немецкими войсками во Франции, Бельгии, Нидерландах, Дании и Норвегии, начальника разведывательного управления генерального штаба сухопутных войск полковника Роенне и др. Первый экземпляр каждого донесения адресовался в ставку Гитлера генералу Йодлю. Во всех этих инстанциях сообщения Рейле были получены, но никто не придавал им значения, их просто «подшили к делу».

Начальник разведывательного отдела штаба Рундштедта полковник Мейер-Дитринг разослал копии донесений в разведывательные отделы штабов армий, подчиненных Рундштедту, а в препроводительной записке к донесению от 4 июня приходил к следующему выводу:

«Сейчас, как и раньше, побережье от Шельды до Нормандии и Бретани должно рассматриваться как наиболее вероятный фронт вторжения. Однако данных о неизбежности вторжения пока нет».

После рассылки последнего предупреждения Рейле Мейер-Дитринг, убежденный, что в течение нескольких ближайших дней ничего необычного не произойдет, уехал в краткосрочный отпуск. Его не оказалось на месте, когда через несколько часов союзники предприняли высадку в Нормандии.

Вторжение началось 6 июня между 1.30 и 2.00 ночи с выброски парашютистов и высадки воздушно-десантных частей, после чего тысячи самолетов начали бомбардировку немецких батарей и береговых укреплений.

Гитлер в то утро долго не просыпался, и никто не осмелился явиться к нему с такими новостями. Только к пяти часам вечера, когда под прикрытием огня сотен военных кораблей уже высадилось около 130 тысяч солдат и офицеров союзников с 20 тысячами танков, Гитлер начал принимать первые контрмеры.

Высадка союзников в Нормандии не заставила полковника Роенне изменить сложившееся у него мнение. Даже 9 июня, когда союзники уже около трех суток находились в Нормандии, он пытался убедить Йодля, что

операции в Нормандии надо рассматривать как отвлекающий маневр, а «главный удар следует в любой момент ожидать в районе Па-де-Кале».

ШПИОН, КОТОРЫЙ ОБМАНУЛ ГУВЕРА

26 апреля 1945 года, пятница... Тогда еще никто не знал, что до конца войны в Европе оставалось всего две недели.

Третий рейх разваливался. Американские города не лежали в руинах, ни один вражеский солдат не ступил на американскую землю, ни один неприятельский самолет даже не приблизился к американским берегам. Казалось, война бушует где-то далеко — в Тихом океане, в Берлине, в Будапеште... И все же ее дыхание ощущалось здесь, в уединенном поместье на Лонг-Айленде.

Все происходившее за плотно закрытыми и охраняемыми воротами поместья свидетельствовало, что Соединенные Штаты не так уж неуязвимы для противника, как кажется. В большом доме, укрытом от посторонних взоров деревьями и кустами парка, работала рация немецкого шпиона. Им был голландец по имени Вальтер Кохлер — во всяком случае, так он значился в центральной регистратуре абвера. Лысеющий, близорукий человек пятидесяти одного года, он не был ни романтиком, ни искателем приключений. В США прибыл летом 1942 года с заданием добывать любую информацию о развитии ядерной техники. Ему поручили собрать коротковолновую рацию и передавать свои сообщения в Германию еженедельно по пятницам, в восемь часов утра.

Кохлер, видимо, действовал умело, потому что уже длительное время безнаказанно выполнял свои шпионские обязанности, не пропустив ни одного радиосеанса.

В это унылое апрельское утро Кохлер готовился передать в Германию очередное еженедельное донесение номер 231, как делал уже на протяжении более двух лет, начиная с зимнего дня 1943 года, когда его рация установила контакт с радиоцентром абвера для связи с зарубежной агентурой.

Донесение Кохлера под номером 231 никакого отношения к его основному заданию не имело и никакой сек-

ретной информации не содержало. Речь в нем шла всего лишь о нарукавной эмблеме американской пехотной дивизии, которая якобы перебрасывалась в Европу. Кохлер уже не первый раз посылал абверу подобную мелочь, словно это могло придать новые силы основательно потрепанному вермахту...

История эта началась задолго до того, как Кохлер стал одним из ее основных персонажей. 12 ноября 1940 года подразделение абвера в Бремене получило донесение своего агента в США номер Р-2232. Оно казалось самым обычным, но послужило толчком в цепной реакции, продолжавшейся четыре с половиной года. По сообщению агента, несколько американских заводов, вырабатывающих гелий, увеличивают свои производственные мощности, что приведет и к увеличению выпуска продукции. Он обращал внимание на тот факт, что того количества гелия, какое до сих пор вырабатывалось, более чем достаточно для удовлетворения нормальных потребностей Соединенных Штатов. Военно-морской флот США использовал гелий для наполнения дирижаблей и как компонент воздушной смеси для водолазов при работе на больших глубинах и в кессонах. Поэтому, высказывал предположение Р-2232, увеличение производства гелия преследует еще какую-то цель и, возможно, связано с развитием ядерной физики или с ведущимися экспериментами по использованию атомной энергии в военных целях.

Под номером Р-2232 скрывался давнишний житель Штатов немецкий химик Альфред Холхауз, работавший на абвер. В его задачу входило собирать секретные сведения во время сугубо деловых на первый взгляд поездок. Положение ученого позволяло Холхаузу посещать важные американские предприятия на всей территории США. Свое донесение от 12 ноября 1940 года он послал после поездки в город Амарилло, штат Техас, на один из самых крупных заводов по выработке гелия, принадлежавший министерству внутренних дел.

Таким образом, Р-2232 послал в абвер то, что теперь можно квалифицировать как первое шпионское донесение, возвещавшее наступление атомной эры.

Во второй половине ноября и в декабре Холхауз отправил в Бремен еще несколько сообщений на ту же тему. Разумеется, он высказывал только свои догадки, но они были близки к истине.

Донесения агента не показались руководству бремен-

ского филиала абвера достаточно убедительными, но, отдавая должное его настойчивости, оно переслало их в разведывательные управления генерального штаба, военно-морских и военно-воздушных сил. Особого интереса к сообщениям Холхауза эти ведомства не проявили. Типичным для общего скептицизма был, например, ответ штаба военно-морского флота от 17 декабря 1940 года:

«Утверждения агента об увеличении выработки гелия не содержат ничего нового. Все, что нам известно, не дает оснований делать вывод, будто между увеличением выработки этого газа и возможным промышленным производством тяжелого урана существует какая-то связь. Представляет интерес лишь информация, в каком количестве и куда экспортируется гелий».

Весной 1941 года Холхауз, вернувшись в Бремен, суммировал все, что знал и о чем догадывался, в длинном сообщении под названием «Производство тяжелого урана из гелия для ВВС Соединенных Штатов (предположительно)» и убедил тогдашнего начальника подразделения абвера в Бремене Карлса разослать документ тем же адресатам, которым были направлены его предыдущие донесения.

Разведывательное управление штаба ВМФ не только отмахнулось от докладной Холхауза, но и недвусмысленно дало понять, что абверу не следует отвлекать сотрудников управления от работы на чтение досужих вымыслов агента. В ответе этого ведомства говорилось:

«Увеличение выработки гелия никакого отношения к развитию ядерной техники не имеет и объясняется расширением флота дирижаблей, принадлежащих военно-морским силам США, а также необходимостью обеспечить потребности в этом газе для заправки многочисленных аэростатов заграждения».

Начальник разведывательного управления военно-воздушных сил Шмидт ответил Карлсу только 19 января 1942 года, то есть почти через полгода после получения резюме Холхауза.

«По некоторым данным,— писал он,— работы в области ядерной физики, особенно в США, настолько продвинулись вперед, что, в случае если война затянется, они могут приобрести существенное значение. Желательно поэтому получить через абвер дополнительную информацию об американских планах и о прогрессе в США в области ядерных исследований».

Начальник военно-технического управления вермахта

Родер заинтересовался донесениями Холхауза и обратился к Карлсу с такой просьбой:

«Через другую агентуру, находящуюся пока в США, желательно выяснить:

1) какие процессы используются для выработки тяжелого урана;

2) где, включая частные промышленные лаборатории, ведутся такие эксперименты с большими количествами урана;

3) какое другое сырье используется в различных процессах».

Родер рекомендовал послать в США нового агента, предпочтительнее физика, для сбора информации на месте. Канарис и Пикенброк согласились, и выбор пал на Кохлера.

Вообще-то он не был идеальным кандидатом для выполнения такого ответственного задания, но других не оказалось, а Кохлер все же обладал некоторыми качествами, которые делали его приемлемым для роли абверовского агента в США. Во-первых, он был не новичок в шпионском деле, работал на разведку во время первой мировой войны и эпизодически между двумя войнами. Во-вторых, он был голландец по национальности и католик по вероисповеданию, что могло служить веской причиной для бегства от нацистов и давало основание выдавать себя за беженца. Наконец в свое время он учился на инженера и, хотя стал ювелиром, все же сохранил кое-какие технические знания. Как законсервированный агент немецкой разведки Кохлер некоторое время жил в Нью-Йорке, но был отозван, когда в его финансовых отчетах вскрылись некоторые «неточности». Кохлер сумел оправдаться, и руководство абвера с удовлетворением восприняло его согласие вернуться в США теперь уже в качестве «атомного» шпиона.

Кохлер получил краткий инструктаж по основам ядерной физики. Его прежнюю «легенду прикрытия» слегка подновили, но лучшей маскировкой, как и раньше, служила ему внешность безвредного мещанина. Невысокого роста, полнеющий, в очках с толстыми стеклами, он не бросался в глаза, ничто не заставляло заподозрить в нем шпиона. Предполагалось, что вместе с женой он отправится в Штаты через Аргентину по визе, которую раздобудет резидентура абвера в Мадриде, а дальнейший путь обеспечит резидентура в Буэнос-Айресе.

Кохлер согласился с таким маршрутом, хотя вообще испытывал некоторые сомнения в целесообразности сво-

ей новой поездки в США со шпионскими целями. В тот раз его пребывание в Соединенных Штатах окончилось благополучно, но он вовсе не был уверен, что ФБР им не заинтересовалось. Помимо всего прочего, он еще имел и привод по уголовному делу. Однажды в Голландии он украл у приятеля портфель с несколькими тысячами гульденов и получил полтора года тюрьмы, хотя отсидел только шесть месяцев. Он опасался, что «Интерпол» послал отпечатки его пальцев всем полициям мира, в том числе и американской, и это может послужить началом его разоблачения.

В конце концов, Кохлер поборол свои сомнения, чему немало способствовало обещание крупного вознаграждения — он никогда не мог устоять перед денежным соблазном, — но главным образом потому, что его осенила блестящая мысль: получить деньги, уехать в Аргентину и «потеряться».

Уже в Мадриде первоначальный план поездки оказался под угрозой — резидентура абвера не смогла получить для Кохлера визу в Аргентину. Маршрут пришлось менять. Кохлеру предложили отправиться в США из Лиссабона по американской въездной визе, которую он сам, маленький, несчастный голландец-католик и антифашист, должен был выпросить у американского консула.

Кохлер согласился и на это. У него возникла новая, еще более перспективная идея, нежели та, что влекла его в Аргентину. Вот с этой идеей и липовыми документами он и пришел на прием к американскому вице-консулу в Мадриде просить въездные визы для себя и жены.

— Вы знаете, сэр, — заявил он вице-консулу, — на самом деле я сотрудник абвера и направлен в вашу страну со специальным заданием. В первую очередь я должен собрать рацию для передачи немецкой разведке особо важных и срочных сведений.

Американец поинтересовался характером его задания.

— Мне предложено сообщать о передвижении воинских частей, — ответил Кохлер.

У него было достаточно доказательств того, что он немецкий агент, направляющийся в США. В небольшом фанерном чемодане, который он принес с собой, лежало все его шпионское оснащение, выданное абвером. Кохлер предъявил вице-консулу микро пленки с заснятыми на них справочником по монтажу радиации и шифром, ноты голландского национального гимна с записанными между строк симпатическими чернилами расписанием работы

рации и ее позывными. Затем он показал молитвенник, на котором основывался шифр, химикалии для изготовления симпатических чернил и проявителей, сильное увеличительное стекло, входившее в снаряжение всех агентов немецкой разведки. В качестве последнего доказательства Кохлер выложил выданные ему 6230 долларов наличными, туристские чеки, золотые монеты, кое-какие драгоценности и небольшую коллекцию редких почтовых марок. Лишь после этого он начал рассказывать придуманную им версию. Он согласился поехать в США с заданием абвера только для того, объяснил Кохлер, чтобы спастись от нацистов, которые преследовали его как голландца — патриота и набожного католика.

— Я хочу помогать союзникам, — заявил он. — Если мне разрешат поехать в Штаты, я готов работать на вас, делая вид, что выполняю задания абвера.

Предложение передали в Вашингтон, и ФБР решило рискнуть. По поручению Гувера государственный департамент послал в Мадрид указание выдать Кохлеру визы.

Голландец был озадачен результатами своего визита в американское консульство. Ни в Мадриде, ни в Лиссабоне, где он ожидал отплытия парохода, никто не пытался заговорить с ним, сказать что-нибудь определенное, и он начал склоняться к мысли, что наивный вице-консул поверил его басням и выдал визы без всяких условий. Такой исход дела вполне отвечал бы его желанию окантаться в США с ведома и одобрения ФБР.

В августе 1942 года он сел в Лиссабоне на португальское судно, но сотрудникам ФБР, поджидавшим Кохлера в Нью-Йорке, не удалось его встретить, так как он заболел воспалением легких, был снят пограничниками с судна у побережья Флориды и помещен в больницу, где его и нашли люди Федерального бюро расследований.

После выздоровления Кохлер начал действовать — по заданию американцев передавать немецкой разведке дезинформационные сведения. Недалеко от Нью-Йорка, в изолированной усадьбе на Лонг-Айленде, была установлена рация, у которой круглосуточно дежурили сотрудники ФБР. Кохлер, собственно, даже не прикасался к ней, передачи вел радист Федерального бюро расследований, специально обученный имитировать радиопочерк голландца. Впервые он вышел в эфир в 8 часов утра, в субботу 7 февраля 1943 года. В этом донесении, отправленном, как и все последующие, от имени Кохлера, говорилось:

«Готов приступить к работе. Чувствую себя в безопасности, но соблюдаю осторожность. Буду слушать вас в 19.00. Если связаться не удастся, повторю попытку на другой день в то же время».

Ответ из Гамбурга пришел в следующую пятницу:

«Дядя очень рад. Он шлет вам свою благодарность и наилучшие пожелания. В дальнейшем при выполнении заданий действуйте осторожно и осмотрительно».

Начиная с этого времени в течение более чем двух лет рация Кохлера работала в соответствии с расписанием и регулярно передавала в Германию военную и экономическую информацию, большей частью достоверную, но не представлявшую особого секрета. Это были сведения о погоде (засекреченные во время войны), о движении судов через американские порты, названия военных кораблей, поставленных на ремонт, кое-что о строительстве новых. С весны 1944 года и почти до начала вторжения союзников передавалась информация об отправке воинских частей в Европу одновременно с описанием присвоенных им нарукавных эмблем. В свое время Кохлер сообщил американскому вице-консулу в Мадриде, что для сбора именно таких данных он и посылался в Штаты.

Среди всех этих сведений совершенно отсутствовали те, ради которых голландца и отправили за океан, — сведения о развитии ядерной техники. По мнению ФБР, немцы были вполне удовлетворены тем, что он им присылал. Ответы абверовцев на донесения Кохлера и в самом деле изобиловали похвалами и поздравлениями. Его поздравляли с днем рождения и даже с именинами в день святого, имя которого он носил, с рождеством, Новым годом, пасхой. ФБР не оставалось в долгу, и многие донесения Кохлера оканчивались благодарностями за поздравления, приветствиями и т. д. В общем переписка носила весьма дружеский характер.

Конечно, американцы занимались подобной радиоигрой вовсе не для развлечения. «Мы хотели, — пояснял позже директор Федерального бюро расследований Гувер, — выяснить, действуют ли в Америке другие немецкие агенты. Ведь Гамбург мог поручить Кохлеру связаться с кем-нибудь из них. Далее, мы пытались узнать, как немцы оплачивают услуги своих агентов в Соединенных Штатах. Но главная наша цель состояла в том, чтобы вводить в заблуждение германское верховное командование, снабжая его дезинформацией», прежде всего —

о времени и месте высадки союзников в Европе. «Мы преуспели во всех отношениях», — добавляет Гувер.

Между тем Кохлер проживал в Нью-Йорке, в небольшой, но вполне приличной гостинице, получал неплохое жалованье (из конфискованных у него же денег), пользовался — во всяком случае внешне — полной свободой, мог приходить и уходить когда и куда ему вздумается. Он быстро привык пользоваться предоставленными возможностями, стал требовательным, держался довольно вызывающе и уже не проявлял той откровенности, с какой впервые рассказывал о себе. В его поведении появилась какая-то скрытность, он несколько раз ухитрился обмануть наблюдавших за ним работников ФБР. Жена Кохлера, как только они приехали в США, пыталась спрятать набор шпионских принадлежностей мужа — увеличительное стекло, специальную фотокамеру «Лейка», химикалии для изготовления симпатических чернил и проявления написанного ими текста — все то, что он показывал американскому вице-консулу. У Кохлера изъяли деньги, которыми его снабдил абвер, драгоценности и марки, но голландец, видимо, имел и другие средства, о чем предусмотрительно умолчал, и хранил их у какого-нибудь сообщника. Называя себя ювелиром по профессии, он потребовал, чтобы ему разрешили открыть для прикрытия мастерскую по ремонту радиоаппаратуры, — он якобы договорился об этом с вице-консулом в Мадриде.

Кохлер сотрудничал с американцами, как выразился Гувер, «под дулом пистолета».

С 7 февраля 1943 года по 26 апреля 1945 года ФБР от имени Кохлера было послано 115 различных сообщений, составивших в общей сложности 231 телеграмму, о чем свидетельствует номер его последнего донесения. Все эти телеграммы я обнаружил в архивах абвера, в личном деле шпиона. Но вот неожиданность: донесений Кохлера оказалось не 115, а гораздо больше! Например, 4 марта 1944 года ФБР отправило радиogramмы за номерами 63, 64, 65, а к тому времени в деле Кохлера в абвере хранилось уже 137 телеграмм.

Меня ждал и другой сюрприз. Для телеграмм, которые Федеральное бюро расследований отправляло от имени голландца, применялся шифр абвера, основанный на использовании голландского молитвенника, — его Кохлер показывал американскому вице-консулу в Мадриде, а в Нью-Йорке отдал сотрудникам ФБР. Между

тем, когда я ознакомился с телеграммами Кохлера за номерами 137, 140, 178, 229 и 240, оказалось, что они обработаны совсем другим шифром.

Удалось установить еще одно обстоятельство, позволяющее сделать вывод, что Кохлер, как видно, использовал в своей работе на немцев не единственный канал. Дело в том, что после отстранения Канариса и передачи большинства функций абвера СД, Вальтер Шелленберг предпринял реорганизацию унаследованного от опального адмирала ведомства. Он был убежден, что большая часть агентуры абвера уже не может приносить пользы, а некоторые агенты даже причиняют вред. Озлобленный дилетант, никому не доверявший, и особенно людям Канариса, он приказал тщательно пересмотреть весь состав агентов, а для их оценки придумал собственную систему. По указанию Шелленберга на каждого агента была заведена особая карточка, на одной стороне которой отмечались его «хорошие» донесения, а на другой — «плохие», или дезинформационные. По мнению Шелленберга, просматривая время от времени эти карточки, можно было определить, кто из агентов полезен и надежен, а кто бесполезен или даже двойник. Итоги работы каждого агента планировалось подводить раз в четыре месяца, поскольку предполагалось, что за это время станет ясно, подтверждаются его донесения или нет.

К моменту всех этих нововведений большинство агентов, работавших на абвер в начале войны, уже отсеялось, и задуманная Шелленбергом реформа касалась новой агентуры, поспешно наберенной взамен выбывшей. Весьма заметно изменился и состав агентов, действовавших в Соединенных Штатах — их стало меньше, а предоставляемая ими информация хуже. Еще в 1942 году, когда Кохлер приехал в США, в списке агентуры насчитывалось девять очень ценных агентов и несколько десятков средних. После устроенной Шелленбергом чистки в списке осталось 12 посредственных агентов, главным образом из испанцев и португальцев. Из ценных шпионов сумели уцелеть только двое.

Одним из них был А-3778 — немецкий бизнесмен, завербованный абвером еще в 1941 году. Первоначально предполагалось, что он поедет в Уругвай и соберет там рацию для передачи сведений об американской военной промышленности и военных базах, которую ему будут добывать трое агентов в США. Но А-3778 поступил иначе. Приехав в Монтевидео, он сразу же связался с американ-

ским дипломатом и предложил свои услуги в качестве агента-двойника. По указанию ФБР он перебрался в Нью-Йорк, а в Гамбург сообщил, будто его попытки установить из Уругвая радиосвязь с Германией оказались неудачными.

В Нью-Йорке он встретился по распоряжению абвера с другим немецким агентом, располагавшим рацией, и с февраля 1942 года регулярно поставлял немцам дезинформацию, подготовленную либо ФБР, либо комитетом начальников штабов. Немецкая разведка была так довольна его работой, что в общей сложности выплатила ему 55 тысяч долларов. А-3778 использовался для передачи абверу дезинформационных сообщений накануне высадки союзников в Нормандии в 1944 году. Например, в одном из них он доносил:

«Несколько пехотных и бронетанковых дивизий, предназначавшихся для отправки в Великобританию, теперь перебрасываются в район Средиземного моря для проведения специальной операции».

А-3778 продолжал работать до тех пор, пока в радиоцентре абвера в Волдорфе уже никого не осталось, чтобы принимать его радиogramмы и отвечать на них.

Другим своим важным агентом в Соединенных Штатах абвер считал Кохлера. Правда, он уже не присылал такую обильную информацию, как прежде, но все еще котировался высоко. По записям в его учетной карточке можно судить, что действительно серьезных по своему значению сведений он представил в три раза больше, чем несущественных.

Меня заинтересовало, как могло случиться, что, несмотря на придирчивость Шелленберга, многие донесения Кохлера получили высокую оценку, в то время как сам он бездельничал в Нью-Йорке, а ФБР от его имени снабжало абвер дезинформацией. Я заподозрил, что человек, которого директор ФБР Гувер публично охарактеризовал как «агента, обманувшего Гитлера» в действительности обманул Гувера и все Федеральное бюро расследований. Невольно напрашивалось предположение, что Кохлер с помощью какого-то трюка ухитрялся посылать своим немецким хозяевам правдивые донесения одновременно с тем, как его американские хозяева — от его же имени — слали в Гамбург фальшивые.

После соответствующих розысков мне удалось найти в Германии трех высокопоставленных в прошлом работников абвера, в свое время имевших отношение к истории

Кохлера, и они помогли мне выяснить, в чем тут дело. Оказывается, Кохлер действительно впервые побывал в США только для ознакомления с обстановкой. В 1942 году, перед новой поездкой в Штаты, его специально подготовили на роль агента-двойника. Для облегчения второго вояжа голландца в США было решено, что он уже в Мадриде явится «с повинной» и согласится на участие в любой радиоигре, которую затеят американцы, используя его «измену» абверу. Но одновременно с этим Кохлер должен был развернуть сбор подлинной информации, причем не для Гамбурга, а для крупного подразделения абвера в Париже, откуда им одно время руководил некий полковник Вааг. Дезинформация, которую Федеральное бюро расследований от имени Кохлера посылало в Гамбург, конечно, и расценивалась там именно как дезинформация.

Как же все-таки Кохлер ухитрялся обманывать американцев, несмотря на тщательное круглосуточное наблюдение, которое, казалось, велось за ним? В том-то и дело, что наблюдение не было ни тщательным, ни круглосуточным, ФБР не выделило для этого достаточного количества агентов. А Кохлер был весьма опытен и знал, как в случае необходимости избавиться от филеров. Ему не раз удавалось обмануть американцев. Так, перед поездкой ему выдали в абвере почти 16 тысяч долларов, а сдал он Федеральному бюро расследований лишь около 6 тысяч. Остальные деньги жена Кохлера привезла в США зашитыми в корсет.

Ничего, конечно, не сообщил он сотрудникам ФБР и о своем контакте с агентом абвера в Рочестере, штат Нью-Йорк. Вдвоем они собрали рацию, но из предосторожности использовали ее лишь в тех случаях, когда возникала необходимость срочно передать важные сведения, за которыми агент из Рочестера обычно приезжал к Кохлеру в Нью-Йорк. Всю другую информацию голландец пересылал через небольшую курьерскую сеть, созданную абвером специально для него на испанских торговых пароходах и на судах других нейтральных стран. Дезинформация шла из Лонг-Айленда в Гамбург, а подлинная информация — из Рочестера в Париж. После освобождения столицы Франции и ликвидации находившегося там радиоцентра абвера Рочестер продолжал радировать донесения Кохлера в Зигмаринген в юго-западной Германии, где располагался центр дальней радиосвязи с заграничной агентурой.

Несмотря на все свои ухищрения, Кохлер не выполнил основного задания — он так и не смог добыть никакой информации о создании атомного оружия. Но это была скорее не его вина, сколько заслуга американских органов безопасности, специально созданных для охраны проекта «Манхэттен».

НЕМЕЦКИЙ АГЕНТ ОКОЛО ЧЕРЧИЛЛЯ

25 августа 1944 года в Париж вступили французские танкисты генерала Жака Леклерка и американские пехотинцы под командованием генерала Бартон. Среди тех, для кого пробили час освобождения, была и одна из наиболее известных представительниц международного «высшего света» герцогиня Жаклин де Брогли. Она и ее муж, австриец Альфред Краус, преподнесли освободителям подарок: двух офицеров британских военно-воздушных сил, сбитых над городом несколькими днями ранее, но с помощью маки нашедших убежище в гостеприимном доме Брогли на улице Галили.

Мать герцогини — внучка американского миллионера Зингера и жена крупного английского банкира Реджинальда Феллоуса — была не только двоюродной сестрой Уинстона Черчилля, но и его близким другом.

Начиная с 1936 года Жаклин де Брогли, богатая и красивая молодая женщина, вела независимый образ жизни, ее дом в столице и загородное имение постоянно наполняли интересные люди. Ничто, казалось, не изменилось и после разгрома Франции летом 1940 года. Эммилин, сестра герцогини, вместе со своим мужем принимали активное участие в движении Сопротивления. Однако Жаклин де Брогли, среди друзей которой еще до войны было немало немцев, видимо, не разделяла патриотических убеждений сестры. Почти сразу же после подписания капитуляции в Компьене она вновь начала устраивать большие приемы, охотно посещаемые великосветскими хлыщами, стремившимися заслужить благоволение новых владык, и длинноволосыми оппортунистами с Монмартра. Здесь же стали появляться и новые гости — вылощенные гитлеровские офицеры, знакомство с которыми Брогли завязала через Альфреда (Фредди) Крауса, одного из своих многочисленных поклонников. В 1941 году

Жаклин де Брогли удивила свое окружение, выйдя за него замуж. Это был мезальянс, и не только потому, что мужем герцогини стал подданный третьего рейха. Крауса принимали в парижском обществе, он считался богатым человеком, однако за душой у него не было ничего, кроме интересной внешности, хороших манер и ловкости, с какой всегда вовремя целовал дамам руки.

Веселость Жаклин, ее приверженность к приемам и вечеринкам казались кощунственными на фоне того, что творил враг в оккупированном городе, но в действительности женщиной руководили благородные мотивы, а ее образ жизни, неразборчивые знакомства были лишь тщательно соблюдаемой маскировкой.

После капитуляции Франции Жаклин де Брогли могла бежать в Англию с помощью своего влиятельного дяди Черчилля, но решила остаться во Франции и принять участие в движении Сопротивления. Она связалась с «Интеллидженс сервис» — первой английской разведывательной службой, начавшей действовать во Франции после ее поражения, а позже, когда руководство Сопротивлением частично перешло к другой британской разведке — Управлению специальных операций, — предоставила себя в ее распоряжение. С помощью мужа, считавшегося убежденным антифашистом, Брогли стала обслуживать секретную почту французского подполья. Ей передавали секретные материалы, предназначенные для Управления специальных операций в Англии, а Краус доставлял их в Марсель, в контору Савона Гибса, владельца концерна по производству мыла, служившую главным перевалочным пунктом на французской территории для подобных опасных посылок. Однако особенно большую пользу делу союзников де Брогли приносила тем, что укрывала у себя летчиков, сбитых над территорией противника и ожидавших нелегальной переброски в Англию. За время с 1940 года до освобождения Парижа она помогла спасти от гестапо 16 французских и английских пилотов.

После освобождения французской столицы мужественная супружеская чета стала весьма популярной среди сотрудников различных британских миссий в Париже, осведомленных о ее активном участии в движении Сопротивления. Фредди Краус, словоохотливый и общительный, как всегда, установил близкие отношения с офицерами союзников, сменивших на приемах в доме супругов бежавших гитлеровцев. Усилиями этих новых друзей его

зачислили в британскую армию «для специального использования» в звании капитана.

Энергичная миссис Феллоус, мать Жаклин де Брогли, просидевшая всю войну в фешенебельном лондонском отеле, связалась с дочерью сразу же после освобождения Парижа. Хотя ее и удивил брак Жаклин с австрийцем, да еще в самый разгар войны, она все же пригласила супругов приехать в Англию. По ее просьбе Черчилль распорядился немедленно выдать Краусу въездную визу. Благодаря вмешательству премьер-министра это было сделано без обычных формальностей, и в конце августа 1944 года Краус появился в Лондоне, но один, так как Жаклин к тому времени заболела.

Миссис Феллоус радушно встретила зятя, познакомила с Черчиллем и его женой, и те пригласили нового родственника проводить у них в загородном имении уикэнды. Черчиллю сразу понравился симпатичный австриец. Краус по секрету сообщил премьер-министру, что его высокопоставленные друзья-антинацисты в вермахте и в правительстве намерены устранить Гитлера, добиться скорейшего окончания войны и с этой целью поручили ему, Краусу, установить контакт с англичанами. Он предложил свои услуги в качестве посредника между германскими диссидентами и английскими властями, и Черчилль связал его с людьми, которые занимались подобными делкатными делами.

Краус быстро завоевал популярность в аристократическом обществе Лондона, стал постоянным посетителем фешенебельных английских клубов. В октябре 1944 года он внезапно исчез. Те, кто знал о роли Крауса, решили, что он отправился в какую-то секретную поездку, связанную с осуществлением предложенного Черчиллю плана. В течение нескольких месяцев о нем ничего не было слышно.

8 апреля 1945 года член парламента Грэнвиль попросил министра внутренних дел Моррисона и военного министра Григга сообщить, верно ли, что «немецкий офицер, некий капитан Краузе, около месяца назад перелетел с континента, скорее всего из Швеции, в Англию, выбросился на парашюте где-то в провинции, приехал в Лондон, где надеется жить на положении беженца и в обмен на собранную в свое время в оккупированном Париже информацию получить право сражаться на стороне союзников и что он не рассматривается сейчас как обычный военнопленный».

Парламентский заместитель Моррисона Эллен Вилкинсон ответила, что речь идет не о «капитане Краузе», а об Альфреде Краусе, бывшем служащем немецких фирм во Франции, и что он не совсем тот, кого с таким энтузиазмом принимали в Англии, а виза на въезд была выдана Краусу без достаточной его проверки и без разрешения соответствующих органов. После расследования было решено, что Краус не может оставаться на свободе, и его интернировали.

Через несколько дней этот вопрос снова обсуждался в парламенте, и Моррисон подтвердил, что Краус около месяца находился на свободе, но в октябре на него были распространены такие же ограничения, как и на других граждан неприятельских стран, хотя не было никаких оснований подозревать, что «он занимался какой-то деятельностью, наносящей ущерб Великобритании. Мы знаем о нем все», — заключил министр.

Сегодня нам известно, что Моррисон проявил излишнюю самоуверенность, утверждая, будто английские власти «знали о Краусе все». Прошло почти тридцать лет, прежде чем удалось сорвать покров тайны, окружавшей похождения пронырливого австрийца. Впервые я заинтересовался этой историей после того, как прочел мемуары абверовца Гискеса. Перед войной Гискес участвовал в ликвидации английской разведывательной сети в Европе, а в годы войны не без успеха боролся с агентурой союзников в оккупированных немцами странах. Именно Гискесу удалось нейтрализовать работу голландской резидентуры Управления специальных операций, установить полный контроль почти над всеми агентами, которых во время войны англичане забрасывали в Голландию. С мая 1941 по ноябрь 1943 года 18 подпольных раций в Голландии под наблюдением Гискеса поддерживали связь с голландской секцией Управления специальных операций в Англии, что явилось самым крупным поражением союзников в секретной войне с немцами.

До переезда в Голландию Гискес занимался по линии абвера контрразведкой в Париже, настойчиво внедряя своих людей в английскую разведывательную службу. Здесь, во Франции, ему и удалось приобрести агента, который, в конце концов, проник в семейное окружение Черчилля. Этим агентом был Фредди Краус.

Операция началась в Париже вскоре после капитуляции Франции, на одном из приемов в американском посольстве. Среди гостей присутствовали Жаклин де Брок-

ли и молодой немец, о принадлежности которого к гитлеровской разведке устроители приема не знали.

Танцуя с де Брогли и мило улыбаясь, он предупредил партнершу, что ее дальнейшее проживание в Париже полностью зависит от доброй воли германских властей. Он не скрывал своей осведомленности о том, что Жаклин де Брогли — родственница британского премьер-министра и что в Англии живет ее мать.

— Почему бы вам не помогать Германии в обмен на наше покровительство? — прямо спросил немец. — Мы не ждем от вас многого. Просто продолжайте устраивать ваши приемы и вечеринки, а уж как мы этим воспользуемся — не ваша забота. Во всяком случае, никто ничего знать не будет.

— Чего вы хотите от меня? — заволновалась де Брогли.

— Не стану скрывать: мы хотим использовать ваш дом и загородное имение для подслушивания интересующих нас разговоров.

— И вы смеете...

— Я только хотел помочь вам, — прервал немец и начал рассуждать о чем-то совершенно другом.

Перепуганная де Брогли рассказала о странном инциденте Фредди Краусу, которому, как ей казалось, она может вполне довериться, и попросила помешать грязной затее немцев.

Австриец тут же обратился к некоему Крейцу, связанному, как он слышал, с немецкой разведкой, и тот свел его с Гискесом, предварительно охарактеризовав последнего как самого человеческого из всех офицеров абвера в Париже, наделенного достаточным мужеством, чтобы действовать решительно и самостоятельно.

Крейц расставлял капкан — он был одним из агентов Гискеса для особых поручений и тщательно законспирированным осведомителем абвера. Да и самого Гискеса никто бы не назвал, разумеется, тем добрым самаритянином, каким его рисовал Крейц.

Гискес поручил Краусу всячески развивать отношения с Жаклин де Брогли, прикинуться влюбленным, добиться полного ее доверия. Австрийцу действительно удалось влюбить в себя Жаклин. Каковы были его подлинные чувства к ней — другой вопрос; во всяком случае, «любовь» нисколько не мешала ему шпионить за молодой женщиной.

Де Брогли полностью попала под влияние Крауса, во всем подчинялась его (а в действительности абвера) требованиям и указаниям. Он узнал о ее связи с МИ-6, Управлением специальных операций и французским Сопротивлением, немедленно донес Гискесу и выдал своему шефу участников парижского подполья из кружка де Брогли — тех самых людей, которым якобы помогал как партнер Жаклин по антинацистской работе.

В дальнейшем все вечеринки в доме и загородном имении де Брогли организовывал и частично финансировал Гискес. На многих из них он бывал сам, чтобы подсказывать своим людям, какие именно болтуны из окружения герцогини представляют интерес для абвера. Гискес стал почетным гостем в доме четы Краус. Жаклин он нравился, а Краус к тому же постарался внушить ей, что это Гискес спас ее от абвера.

Особенно ценные услуги Краус оказал немецкой разведке как секретный курьер и как раз в этой роли нанес серьезный вред движению Сопротивления. Вся доверявшая ему почта попадала к Гискесу, и абверовец получал возможность знакомиться с наиболее секретной перепиской еще до того, как она поступала адресатам.

Гискес проделывал над корреспонденцией ряд операций: удалял из нее все, о чем, по его мнению, не должно было узнать Управление специальных операций, переписывал некоторые донесения, чтобы запутать и ввести в заблуждение тех, кому они адресовались, подменял подлинную информацию ложной, использовал почту для внесения раскола в ряды Сопротивления.

И все это совершалось по вине человека, утверждавшего, что он антифашист, и за спиной женщины, которую он якобы любил.

Несколько ранее, стремясь укрепить положение австрийца в семьях де Брогли и Черчиллей, Гискес устроил его женитьбу на Жаклин, сам оформил все бумаги, необходимые для брака немецкого подданного с француженкой в оккупированной Франции, и был шафером на свадьбе.

После высадки союзнических войск в Нормандии и в связи с их приближением к Парижу Гискесу пришла в голову смелая мысль внедрить Фредди Крауса в семью самого Черчилля. Австриец не возражал и вскоре отправился в Англию на положении мужа Жаклин де Брогли и отца ее ребенка. Так Гискес добился, казалось бы, невозможного: его агент оказался в Лондоне, и не просто в

Лондоне, а среди самых близких к британскому премьер-министру людей.

О чем конкретно договорились Гискес и Краус, не выяснено, хотя известно, что австриец во время кратковременного пребывания на свободе в Англии послал Гиске-су на условленный адрес несколько донесений.

Во время войны некоторые абверовские агенты утверждали, будто они располагали связями в ближайшем окружении Черчилля. Так, по словам агента «Жозефина» в Швеции, «у одного из его информаторов был роман с секретаршей премьер-министра, что позволяло получать исключительно интересные сведения». Фалангист Веласко, работавший на абвер под маской пресс-атташе испанского посольства в Лондоне, заявлял, что у него был «кто-то в канцелярии главы британского кабинета министров на Даунинг-стрит, 10».

Однако все эти утверждения весьма сомнительны. Единственным агентом абвера, проникшим в дом Черчилля, был Краус. Английские органы безопасности проводили соответствующее расследование, но так и не докопались до истины, не сумели добыть доказательств того, что в семье Черчилля подвизался немецкий шпион.

Крауса некоторое время держали в лагере для интернированных, затем перевели в тюрьму. На допросах он категорически отрицал свою вину. Англичане неоднократно, иногда «с пристрастием», допрашивали арестованного после войны Гискеса, но и он не подтвердил сотрудничества Крауса с абвером.

Заклученный в английскую тюрьму строгого режима, Краус тем не менее несколько раз уезжал куда-то на приехавшей за ним закрытой машине. Обычно разговорчивый и общительный, он возвращался мрачным и сдержанным. Однажды в июне 1945 года австриец вот так же отправился в очередную поездку, и в тюрьме его больше не видели.

Что же произошло? Многих персонажей рассказанной истории, которые могли бы пролить свет на события тех дней, — Черчилля, Жаклин де Брогли, миссис Феллоус и др. — уже нет в живых. Сам Фредди Краус жив, ведет затворническое существование где-то в Австрии и молчит.

26 апреля 1945 года ФБР от имени Кохлера отправило его последнее донесение в радиоцентр абвера для связи с заграничной агентурой, находившийся за три тысячи миль, в тенистом пригороде Гамбурга Волдорфе. Это было огромное, тщательно закамуфлированное здание над подземным железобетонным бункером, в течение почти десятилетия являвшееся центром германской тайной службы.

Еще несколько недель назад здесь можно было видеть офицеров разведки, радистов, шифровальщиков, секретарш, курьеров... Здесь сходились нити связи с сотнями агентов в Великобритании, Северной и Южной Америке и в таких далеких странах, как Патагония и Афганистан.

Теперь тут вряд ли насчитывалось более десятка ко всему безучастных людей. Над ними в руинах лежал огромный Гамбург, и до его падения оставалось несколько часов. Радиостанция все еще действовала с помощью запасных генераторов, но если раньше каждая смена принимала сотни донесений, сейчас каждая телеграмма вызывала удивление. Кому еще нужно в такое время поддерживать связь с Волдорфом?!

Радист, принявший телеграмму Кохлера, тоже был поражен, но все же записал пятизначные группы цифр и, не расшифровывая, передал молодому лейтенанту Роеру, старшему смены. Роер равнодушно взглянул на ряды цифр, тут же порвал и выбросил телеграмму.

— Он ждет ответа, — напомнил радист.

— Передай ему, чтобы кончал работу.

В мае 1945 года Кохлеру была отправлена телеграмма такого содержания:

«Обстоятельства вынуждают нас прекратить связь, но продолжайте дежурить раз в неделю в соответствии с расписанием. Не отчаивайтесь. Мы будем заботиться о вас и, как обычно, защищать ваши интересы.

Дядя».

Позже в тот же день из штаба преемника Гитлера адмирала Деница поступил приказ уничтожить радиоцентр.

Специалисты заложили заряды, поспешно выбрались наружу и удалились на безопасное расстояние. Они почувствовали, как вздрогнула земля, и увидели, как взлетела и рассыпалась миллионами осколков тяжелая крыша бункера. Так, в пламени и грохоте, Волдорф ушел из эфира.

Двумя неделями раньше, в один из бурных дней того времени, в концентрационном лагере в Флоссенбурге, на фортепьянной струне, прикрепленной к мясному крюку из скотобойни, нацисты повесили адмирала Вильгельма Франца Канариса.

Ладислас Фараго

ИГРА ЛИСИЦ

**Эпизоды
агентурной
борьбы**

Редакторы

Т. Д. ЛОСЕВА, Б. К. МИХАЙЛОВ

Оформление художника

И. В. БОРИСОВА

Художественный редактор

В. В. СУРКОВ

Технический редактор

И. Г. МАКАРОВА

Корректор

Н. А. БОРИСОВА

ИБ № 403

Сдано в набор 24.11.78. Подписано в печать 18.01.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,65. Тираж 50 000 экз. Заказ № 856. Цена 1 р. 70 к. Изд. № 132Ю.

Издательство «Международные отношения»
103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Фараго Л.

Ф24 Игра лисиг р с а и — М.: Междунар. отношения, 1979.

Свыше десяти лет книги — американский журналист собирал материал о деятельности немецкой военной разведки — абвера. Работа осложнялась тем, что гитлеровцы в конце второй мировой войны постарались уничтожить свои архивы. Но Л. Фараго повезло. Ему удалось обнаружить ящик с тысячами микроплёнок, на которых были сфотографированы секретные документы абвера. Используя эти материалы, а также другие сведения, автор создал объёмистый труд, в котором рассказывается о деятельности гитлеровских разведывательных служб, прежде всего абвера, накануне и в период второй мировой войны. Описывается работа фашистской агентуры, главным образом в Великобритании и Соединённых Штатах Америки.

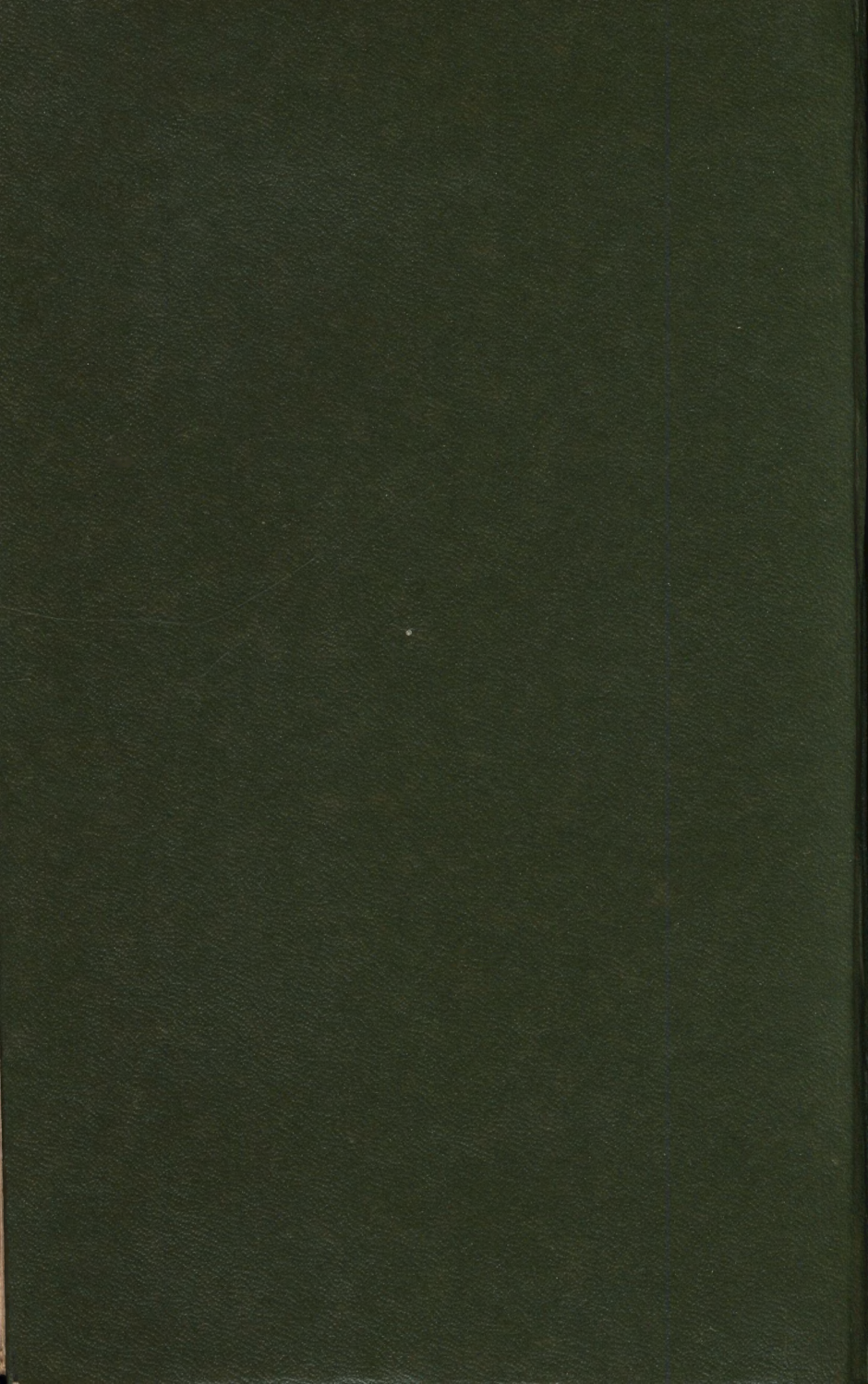
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Ф 70304 — 026
003(01)—79 БЗ — 86 — 13 — 78 4703000000

ББК 83.37 США
И Амер.

Сдано
18.01.74
турная
л. 15,54. Ув
Заказ № 856. Цена

лам
ли.

Надписи на оградно

ИЗДАВАНО